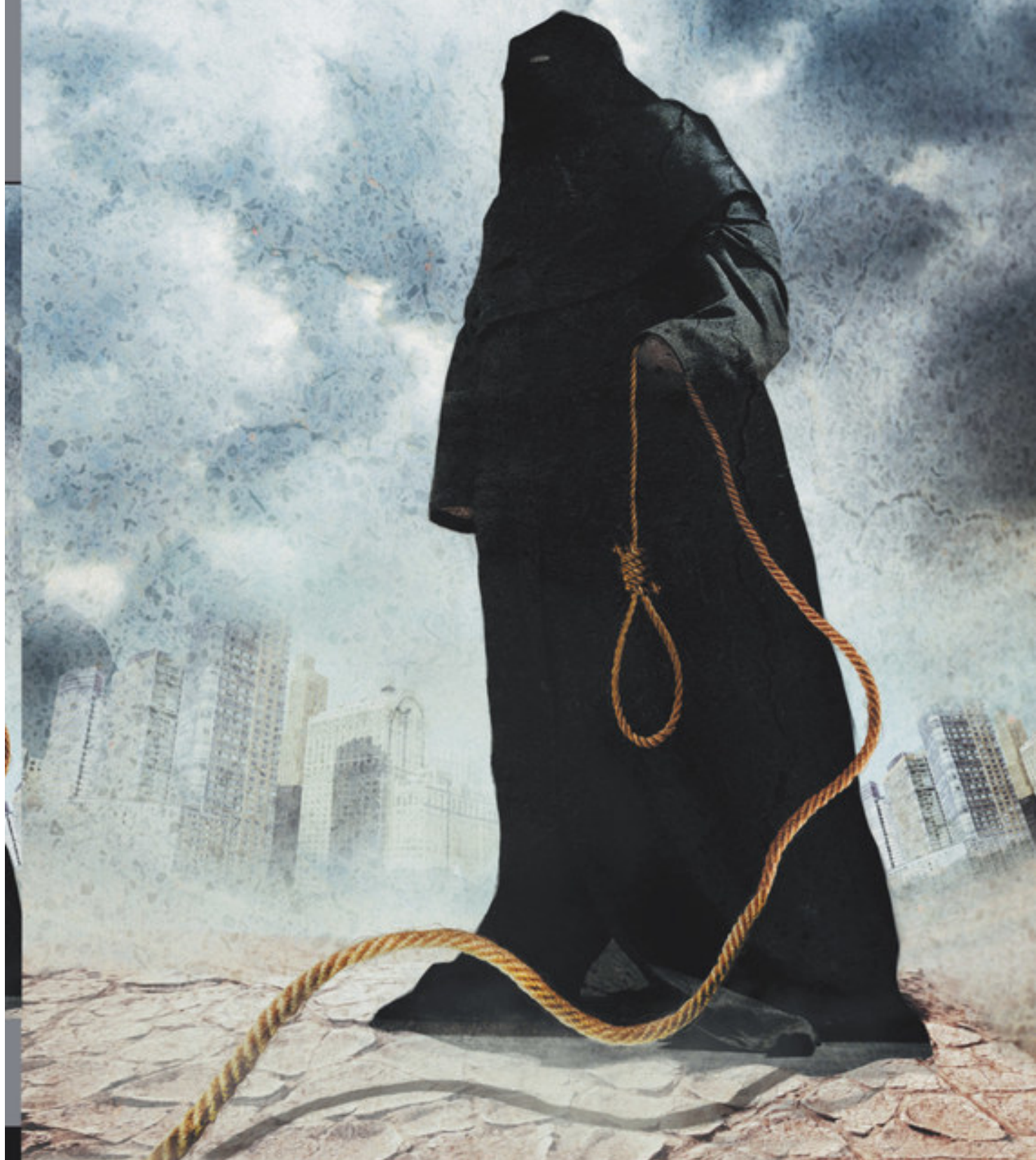

СТИВЕН

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

КИНГ

Стивен Кинг

Противостояние

«АСТ»

1978

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Сое)-44

Кинг С.

Противостояние / С. Кинг — «АСТ», 1978

ISBN 978-5-17-076503-4

Америка превратилась в ад. Из секретной лаборатории вырвался на свободу опаснейший вирус. Умерли сотни тысяч, миллионы ни в чем не повинных людей... Однако и это еще не все. Вступили в игру беспощадные и могучие силы. Рвется к власти таинственный темный человек, способный подчинять себе слабые, сомневающиеся души. Кто он? Откуда явился? Что сулит человечеству его победа? Немногие люди, не утратившие еще представления о Добре и Зле, должны понять это, – ведь, не зная врага, его невозможно победить... Роман «Противостояние» – одно из лучших произведений «короля ужасов» Стивена Кинга – в новом переводе и без сокращений!

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-076503-4

© Кинг С., 1978

© АСТ, 1978

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. Прочитать перед покупкой	6
Часть 2. Прочитать после покупки	7
Понеслось...	11
Книга I	15
Глава 1	15
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	34
Глава 5	38
Глава 6	52
Глава 7	58
Глава 8	64
Глава 9	67
Глава 10	73
Глава 11	77
Глава 12	81
Глава 13	89
Глава 14	93
Глава 15	95
Глава 16	96
Глава 17	104
Глава 18	109
Глава 19	123
Глава 20	129
Глава 21	135
Глава 22	137
Глава 23	141
Глава 24	145
Глава 25	153
Глава 26	163
Глава 27	179
Глава 28	187
Глава 29	197
Глава 30	203
Глава 31	204
Конец ознакомительного фрагмента.	209

Стивен Кинг

Противостояние

Для Тэбби: это темный сундук чудес

«Противостояние» – плод воображения, на что однозначно указывает его тема. Многие события происходят в реальных городах, таких как Оганквит, штат Мэн, Лас-Вегас, штат Невада, и Боулдер, штат Колорадо. Я позволил себе изменить их в той степени, насколько того требовал сюжет моего произведения. Надеюсь, что читатели, живущие в этих и других реальных местах, упомянутых в романе, не слишком огорчатся из-за моей «чудовищной наглости» – цитирую Дороти Сейерс, которая и сама свободно пользовалась этим приемом.

Другие города, скажем, Арнетт, штат Техас, или Шойо, штат Арканзас, вымышлены, как и весь сюжет.

Выражаю особую благодарность фельдшеру Расселу Дорру и доктору Ричарду Херману из Семейного медицинского центра в Бриджтоне, которые ответили на все мои вопросы о природе гриппа и мутациях вируса этой болезни, случающихся каждые два года или около того, и Сюзан Артц Мэннинг из Кастина, которая откорректировала исходную рукопись. И огромное спасибо Биллу Томпсону и Бетти Прэшкер, благодаря которым эта книга получилась в наилучшем виде.

С.К.

Предисловие

Часть 1. Прочитать перед покупкой

Я считаю, что об этой версии романа «Противостояние» Вы должны узнать кое-что сразу, еще до ухода из книжного магазина. Надеюсь, поймал Вас вовремя, когда вы стоите у стеллажа с новыми книгами, зажав под мышкой несколько уже отобранных и раскрыв мою. Другими словами, я надеюсь поймать Вас, прежде чем вы достанете бумажник. Готовы? Отлично, спасибо. Обещаю быть кратким.

Первое: это – *не* новый роман. Если у Вас есть сомнения, давайте рассеем их здесь и сейчас, пока Вы еще достаточно далеко от кассового аппарата, который извлечет деньги из Вашего кармана и переложит в мой. Роман «Противостояние» уже десять лет как опубликован.

Второе: это *не* новенькая, совершенно другая версия «Противостояния». Прежние персонажи не будут вести себя по-другому, и, разумеется, сюжет не уйдет в сторону от исходного и не поведет Вас, Постоянный Читатель, совершенно в ином направлении.

Это – расширенная версия «Противостояния», впервые опубликованного в 1978 году. Как я уже отметил, в ней нет прежних персонажей, ведущих себя по-новому, однако едва ли не все персонажи, с которыми Вы сталкивались в исходной книге, теперь делают гораздо больше, чем прежде, и если бы я не думал, что все это интересно – более того, многое разъясняет, – то никогда бы не согласился на этот проект.

Если вам нужно совсем другое, не покупайте эту книгу. Если уже купили, надеюсь, Вы сохранили чек. Он потребуется в магазине, чтобы Вам вернули деньги или позволили приобрести на эту сумму другие книги.

Если же данный расширенный вариант Вас устраивает, я приглашаю пройти со мной чуть дальше. Мне нужно многое Вам рассказать, но, думаю, нам лучше поговорить за углом.

В темноте.

Часть 2. Прочитать после покупки

Это не столько предисловие, сколько объяснение, почему новый вариант «Противостояния» вообще существует. Роман и так длиннющий, и его расширение будет воспринято некоторыми – а может, и многими – как потворство автору, чьи книги достаточно хорошо продаются, чтобы он мог такое себе позволить. Я надеюсь, что это не так, но я не совсем глуп и понимаю, что могу услышать подобные обвинения. Тем более что многие критики изначально считали роман слишком длинным.

Был ли он раздут с самого начала или стал таковым в этом издании – вопрос, который я оставляю на усмотрение читателя. Я только хотел занять несколько страничек заявлением: я переиздаю «Противостояние» в том виде, в каком изначально его написал, не ради себя или отдельного читателя, а ради многих читателей, которые просили меня об этом. Я бы этого не сделал, если бы не считал, что те куски, которые пришлось выбросить из исходной рукописи, обогащают роман, и я был бы лжецом, если бы не признался, что мне любопытно, как будет принята полная версия.

Я не буду рассказывать Вам историю создания «Противостояния» – цепочка мыслей, результатом которой становится роман, интересует разве что начинающих писателей. Они склонны верить в существование «секретной формулы» для написания коммерчески успешного произведения, но ее нет. У вас возникает идея; в какой-то момент к ней присоединяется еще одна; вы находите связь, а то и много связей между этими идеями; несколько персонажей (поначалу призрачных, как тени) заявляют о себе; в голове автора возникает возможная концовка (хотя, когда дело доходит до концовки написанного романа, она редко совпадает с придуманной ранее); наконец, писатель садится за стол с бумагой и ручкой, или за пишущую машинку, или за компьютер. Когда меня спрашивают: «Как вы пишете?» – я неизменно отвечаю: «Слово за словом», – и этот ответ неизменно отвергается. Однако именно так все и происходит. Да, звучит слишком просто, чтобы быть правдой, но вспомните Великую китайскую стену, и Вы поймете: камень за камнем. И все. Один камень за другим. Я читал, что из космоса эту хреновину видно без телескопа.

Для тех, кому интересно: история создания «Противостояния» изложена в последней главе книги «Пляска смерти» – путаном, но удобном для прочтения обзоре литературного направления «ужастики», опубликованном в 1982 году. Это не реклама «Пляски смерти»; я просто сообщаю, что такая история есть, хотя рассказана она не потому, что интересна сама по себе, а для иллюстрации совсем другого тезиса.

Если же говорить о «Противостоянии», очень важно отметить, что в окончательном – опубликованном – варианте рукопись уменьшилась примерно на четыреста страниц. И речь идет не о редакторской правке – будь дело в этом, я бы не возражал, чтобы книга прожила свою жизнь и умерла естественной смертью в том самом виде, в каком ее первоначально выложили на прилавок.

Сокращения делались по требованию бухгалтерии. Они подсчитали производственные затраты, сопоставили с результатами продаж четырех моих предыдущих книг в переплете и решили, что 12 долларов 95 центов – предельная цена книги в переплете, которую переварит рынок (сравните эту цену с ценой книги, которую вы держите в руках, друзья и соседи). Меня спросили, хочу ли я сам сократить рукопись или предпочту, чтобы это сделал кто-то из сотрудников редакции. С неохотой я согласился взяться за хирургию. Думаю, получилось неплохо – для писателя, которого постоянно упрекают в словесном недержании. Есть только одно место – путешествие Мусорного Бака через всю страну из Индианы в Лас-Вегас, – где в первоначальном издании остался заметный шрам.

Но если в книге уже есть все, что нужно, может возникнуть вопрос: а зачем ее расширять? Значит, это все-таки потворство? Я очень надеюсь, что нет; а если да, выходит, я потратил весомую часть моей жизни впустую. Так уж получается – во всяком случае, я так думаю, – что в действительно хороших историях целое всегда больше суммы составляющих. В противном случае следующая версия сказки «Ганс и Гретель» смотрелась бы вполне приемлемо:

Двое детей, Ганс и Гретель, жили с хорошим отцом и с хорошей матерью. Хорошая мать умерла, и отец женился на стерве. Стерва хотела избавиться от детей, чтобы тратить на себя больше денег. И заставила-таки бесхребетного недоумка-муженька отвести Ганса и Гретель в лес и там убить. В последний момент отец деточек смягчился и оставил их в живых, чтобы они долго и медленно умирали от голода, а не быстро и без страданий от удара ножа. Кружа по лесу, дети набрали на пряничный домик. Принадлежал он ведьме, которая еще и ела людей. Она заперла брата с сестрой и сказала, что съест их после того, как откормит. Но детки обхитрили ведьму. Ганс затолкал старуху в ее же печь. Они нашли богатства ведьмы и, должно быть, карту, потому что в конце концов вновь добрались до дома. Когда дети появились на пороге, папуля дал стерве пинка под зад, и потом они жили долго и счастливо. Конец.

Не знаю, что Вы думаете, но для меня эта версия – заведомо проигрышная. История есть, однако ей недостает утонченности. Это «кадиллак», с которого содрали хром и краску, оставив тусклый металл. Ездить на нем можно, но он уже, Вы понимаете, не *король дорог*.

Я восстановил не все четыреста вырезанных страниц: есть разница между *сделать правильно* и *все опошлить*. Некоторые куски, оставшиеся на полу после того, как я, поработав ножницами, вернул усеченную рукопись, заслуживали возвращения. Другие моменты, вроде стычки Фрэнни с ее матерью в начале книги, добавляли повествованию яркости и глубины, чем я, как читатель, всегда наслаждаюсь. На секундочку вернусь к «Гансу и Гретель». Вы, возможно, помните, как злобная мачеха требует от мужа принести ей сердца детей в доказательство того, что несчастный дровосек в точности выполнил ее указание. Дровосек демонстрирует зачатки ума и приносит сердца двух кроликов. Или возьмите знаменитый след из хлебных крошек, который оставляет Ганс, чтобы они с сестрой сумели отыскать дорогу домой. Предусмотрительный парень! Но когда он пытается идти по этому следу, выясняется, что крошки склевали птички. Строго говоря, эти подробности для сюжета значения не имеют – однако, с другой стороны, как много он теряет без этих точечных и расцвечивающих его вкраплений! Они превращают скучное повествование в историю, которая завораживает и ужасает читателей более сотни лет.

Подозреваю, я не добавил в этот роман ничего такого, что может сравниться с хлебными крошками Ганса. Но я всегда сожалел о том, что никто, кроме меня и нескольких сотрудников издательства «Даблдей», не познакомился с маньяком по кличке Малыш... и не стал свидетелем событий, произошедших с ним возле тоннеля, который напоминал другой тоннель (тоннель Линкольна в Нью-Йорке), хотя их и разделяла половина континента.

Теперь Вам, Постоянный Читатель, предлагается «Противостояние» в том виде, в каком автор первоначально собирался выкатить его из демонстрационного зала. Весь хром на месте, к добру или к худу. И последняя причина для презентации этой версии – самая простая. Хотя эта книга никогда не относилась к моим любимым, ее очень любят те, кому нравятся мои книги. Когда я где-то выступаю (что стараюсь делать как можно реже), в разговоре со мной люди всегда упоминают «Противостояние». Они обсуждают персонажей, словно это живые люди, и часто спрашивают: «Что случилось с таким-то?..» – как будто я постоянно получаю от них письма.

Меня то и дело спрашивают, будет ли снят фильм по этой книге. Ответ, между прочим, скорее всего – да¹. Будет ли он хорошим? Не знаю. Плохие или хорошие, фильмы практически всегда оказывают странный эффект, принижают художественное произведение (разумеется, бывают исключения, и первым на ум приходит «Волшебник страны Оз»). В дискуссиях люди готовы бесконечно обсуждать актерский состав. Я всегда думал, что Роберт Дюваль блестяще сыграет Рэндалла Флэгга, но слышал, как некоторые предлагали Клинта Иствуда, Брюса Дерна, Кристофера Уокена²... Они все вроде бы подходят, а из Брюса Спрингстина, если бы он попытался сыграть в кино, вышел бы любопытный Ларри Андервуд (судя по клипам, у него получилось бы очень хорошо... хотя мой личный выбор – Маршалл Креншоу³). Но в итоге, я думаю, Стью, Ларри, Глен, Фрэнни, Ральф, Том Каллен, Ллойд и тот темный человек должны принадлежать читателю, который видит их через объектив воображения, живыми и постоянно меняющимися, на что не способна ни одна камера. Любой фильм, в конце концов, – всего лишь иллюзия движения, скомпонованная из тысяч неподвижных фотографий. Воображение же движется по своим законам. Фильмы, даже лучшие из них, есть застывшая выдумка: любой, кто посмотрел «Пролетая над гнездом кукушки», а потом прочитал роман Кена Кизи, обнаружит, насколько сложно, практически невозможно представить себе Рэндла Патрика Макмерфи не с лицом Джека Николсона. Я не утверждаю, что это плохо... но это ограничивает воображение. Прелесть хорошей истории в том, что она лишена ограничений и подвижна; хорошая история воспринимается каждым читателем по-своему.

Все-таки я пишу только по двум причинам: порадовать себя и порадовать других. Возвращаясь к этой долгой истории темного христианства, я надеюсь, что мне удалось и первое, и второе.

*Стивен Кинг,
24 октября 1989 г.*

*Как в вальсе, смерть
Кружится огнем,
Все перепутав – и явь, и сны,
И поэты не в силах
Сказать о своем,
Лишь наблюдают со стороны.
Им решиться бы, встать,
Не склонить головы,
Выстоять – хоть на миг,
Но разбиты опять,
Полумертвы,
В Земле джунглей.*

Брюс Спрингстин

*Она была на все согласна,
И дверь уже открыта ветром настежь,
И свечи вспыхнули, и вмиг погасли,
Поднялся занавес – и он ворвался.
Сказал он: «Здравствуй,
Не бойся, Мэри...»
И уже нет страха,
Бежит, легка,*

¹ Мини-сериал «Противостояние» вышел в эфир в 1994 г. и получил две премии «Эмми». Стивен Кинг снялся в небольшой роли Тедди Уайзака. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² В роли Флэгга снялся американский актер Джейми Шеридан (р. 1951).

³ Маршалл Креншоу (р. 1953) – американский певец, гитарист, автор песен.

*Полетела птахой
В руке рука...
«Не бойся, Мэри,
Посланца смерти!»
«Блю ойстер калт»*

*ЧТО ЭТО ЗА МАГИЯ?
ЧТО ЭТО ЗА МАГИЯ?
ЧТО ЭТО ЗА МАГИЯ?⁴
«Кантри Джо энд фиш»*

⁴ Здесь и далее перевод поэтических эпиграфов Дмитрия Витера.

Понеслось...

*Нам пригодится помощь, предположил Поэт.
Эдуард Дорн*

– Салли.

В ответ бормотание.

– Просыпайся же, Салли.

Бормотание громче, что-то вроде: «...менявпокое».

Он потряс ее посильнее.

– Просыпайся. Немедленно просыпайся!

Чарли.

Голос Чарли. Зовет ее. Давно?

Салли выплыла из пучины сна.

Первым делом глянула на часы на прикроватном столике: четверть третьего утра. Чарли здесь быть не могло – ведь это его смена. Тут она наконец-то перевела взгляд на мужа, и что-то в ней трепыхнулось, какая-то ужасная догадка.

Она увидела, что Чарли смертельно бледен и его глаза неестественно выпучены. В одной руке он держал ключи от машины, а другой продолжал трясти Салли. Словно до него не доходило, что она уже проснулась.

– Чарли, в чем дело? Что случилось?

Он вроде бы не знал, что ответить. Кадык тщетно ходил вверх-вниз, и, кроме тиканья часов, ничто не нарушало тишину в небольшом бунгало, выделенном им для проживания.

– Пожар? – сразу спросила она. Только это могло привести его в подобное состояние. Она знала, что родители Чарли погибли в своем доме при пожаре.

– В некотором роде, – сказал он. – В некотором роде и еще хуже. Одевайся, милая, и буди малышку Лавон. Надо выметаться отсюда.

– Почему? – спросила она, вставая с постели. Темный страх охватил ее. Все не так. Словно во сне. – Куда? Во двор? – Но она знала, что не во двор. Никогда еще Чарли не казался таким испуганным. Она втянула ноздрями воздух, но не почувствовала запаха дыма или гари.

– Салли, милая, не задавай вопросов. Нам надо уезжать. Чем дальше, тем лучше. Буди малышку Лавон и одевай ее.

– Но мне же... у нас есть время собрать вещи?

Вопрос, похоже, ошарашил его. Поставил в тупик. Салли думала, что он боится в той же степени, что и она, но, вероятно, дело обстояло иначе. Она-то решила, что он просто боится, а по всему выходило, что он на грани неудержимой паники. Он рассеянно прошелся рукой по волосам.

– Не знаю. Мне нужно проверить, откуда дует ветер.

И после этого странного заявления, которое для нее ровным счетом ничего не значило, оставил ее, замерзшую, и испуганную, и сбитую с толку, босиком и в ночнушке. Создавалось ощущение, что он рехнулся. Какое отношение направление ветра имело ко времени, необходимому на сбор вещей? И как далеко им предстояло ехать? В Рино? Вегас? Солт-Лейк-Сити? И...

Ее рука метнулась к горлу, едва в голове сверкнула новая мысль.

САМОВОЛКА. Отъезд под покровом ночи означал, что он собрался в САМОВОЛКУ.

Салли прошла в небольшую комнатку, которая служила детской малышке Лавон, и несколько мгновений стояла в нерешительности, глядя на свою крошку, спящую под розовым одеялом. Она все еще цеплялась за слабую надежду, что это лишь удивительно яркий сон. Он закончится, и она проснется, как обычно, в семь часов утра, покормит малышку Лавон, поест

сама, наблюдая за первым часом программы «Сегодня», сварит яйца для Чарли, который придет в начале девятого, по окончании ночной смены на северной вышке Резервации. А через две недели у него начнутся дневные смены, и он не будет таким раздраженным, а когда он спит рядом, ей не снятся такие безумные сны, как этот, и...

– Поторопись! – прошипел он, руша эту слабую надежду. – У нас есть время взять с собой какие-то мелочи... но, ради всего святого, если ты любишь ее, – Чарли указал на девочку в кровати, – одевай скорее!

Нервно кашлянув, он начал вытаскивать вещи из ящиков комода и в беспорядке записывать в пару старых чемоданов.

Она осторожно, стараясь не напугать, разбудила малышку Лавон. Трехлетняя кроха выглядела раздраженной и удивленной тем, что ее поднимают с кровати посреди ночи, и заплакала, когда Салли принялась надевать на нее трусики, блузку, комбинезон. Звук ее плача испугал Салли еще сильнее. Она ассоциировала плач с другими случаями, когда малышка Лавон, обычно ангельский ребенок, плакала по ночам: раздражение кожи от подгузников, режущиеся зубки, затрудненное дыхание, колики... Но испуг медленно перешел в гнев, когда Салли увидела, как Чарли чуть не пронесся мимо двери, сжимая в руках ее белье. Застежки лифчика болтались, словно узкие ленты на новогодних хлопушках. Он бросил белье в один чемодан, захлопнул крышку. Подол ее лучшей комбинации торчал наружу, и Салли могла поклясться, что кружева порваны.

– В чем все-таки дело? – закричала она, и тревога в ее голосе заставила малышку Лавон разрыдаться, хотя первые слезы уже начали переходить в хныканье. – Ты спятил? За нами отправят солдат, Чарли! Понимаешь, *солдат*!

– Этой ночью не отправят! – В его голосе звучала такая уверенность, что Салли сама едва не запаниковала. – Пойми, дорогуша, если мы сейчас не сделаем ноги, нам уже никогда не выбраться с базы. Я вообще не понимаю, как мне удалось покинуть вышку. Надо полагать, что-то не сработало. Почему бы и нет? Все на свете может сломаться. – И он издал высокий, птичий смешок, испугавший ее даже сильнее, чем все остальное. – Малышка одета? Хорошо. Положи часть ее одежды во второй чемодан. Остальное запихни в синюю сумку из чулана. И мотаем отсюда к чертовой матери. Думаю, у нас все получится. Ветер дует с востока на запад. Поблагодарим за это Господа.

Он снова кашлянул в кулак.

– Папочка! – заверещала Лавон, протягивая вверх руки. – Хочу папочку! Да! Хочу показаться на лошадке, папочка! На лошадке! Да!

– Не сейчас, – ответил Чарли и исчез на кухне. Салли услышала звон посуды: он доставал ее заначку из голубой супницы, что стояла на верхней полке. Тридцать или сорок долларов, которые она откладывала по одному доллару, иногда по пятьдесят центов. На мелкие расходы. Значит, действительно что-то случилось. Что бы это ни было.

Малышка Лавон, которой редко в чем-то отказывали, а тут не позволили прокатиться верхом на папочке, вновь расплакалась. Салли удалось надеть на нее легкую курточку, а остальную одежду девочки она торопливо побросала в парусиновую сумку. Сама идея засунуть что-нибудь во второй и без того набитый чемодан казалась нелепой. Он бы лопнул. Ей пришлось придавить крышку коленями, чтобы застегнуть защелки. Мысленно она поблагодарила Бога за то, что малышка Лавон уже ходила на горшок, так что подгузники больше не требовались.

Чарли вернулся в спальню бегом. Он все еще комкал и запихивал в карман форменных брюк одно- и пятидолларовые купюры, взятые из супницы. Салли подхватила малышку Лавон на руки. Девочка уже совсем проснулась и могла бы идти сама, но Салли хотела прижать ее к себе. Она наклонилась, подняла с пола сумку.

– Куда мы едем, папочка? – спросила малышка Лавон. – Я фпала.

– Ты можешь пофпать и в машине. – Чарли взялся за чемоданы. Из одного по-прежнему торчал край комбинации. Глаза Чарли оставались бешеными. Страшная догадка, переходящая в уверенность, зародилась в сознании Салли.

– Там что-то случилось? – прошептала она. – Ох, Иисус, Мария и Иосиф, ведь так? Что-то случилось. *Там.*

– Я раскладывал пасьянс, – ответил Чарли. – Поднял голову и увидел, что цифры из зеленых стали красными. Я включил монитор. Салли, они все...

Он помолчал, посмотрел в глаза малышки Лавон, широко открытые и любопытные, хоть и по-прежнему полные слез.

– Они все там У-М-Е-Р-Л-И, – продолжил он. – Все, за исключением одного или двух, да и тех, наверное, уже нет в живых.

– Что значит У-М-Е-Л-И, папочка? – спросила малышка Лавон.

– Не важно, милая... – Собственный голос, казалось, доносился до Салли из очень длинного каньона.

Чарли сглотнул. У него в горле что-то щелкнуло.

– Когда цифры становятся красными, все выходы должны блокироваться. У них стоит компьютер «Чабб»⁵, который управляет всей автоматикой, и считалось, что он никогда не дает сбоев. Я посмотрел на монитор и выскочил за дверь. Думал, эта чертова штука перережет меня пополам. Ей следовало закрыться в тот же миг, когда покраснели цифры. Не знаю, как долго они были красными до того, как я посмотрел на часы. Но я почти добежал до стоянки, когда услышал, как дверь захлопнулась у меня за спиной. И все-таки если б я поднял голову тридцатью секундами позже, то остался бы на посту наблюдения, закупоренный, как муха в бутылке.

– Но что случилось? Что...

– Я не знаю. Не *хочу этого знать*. Знаю только, что это уб... это У-Б-И-Л-О их быстро. Если я им потребуюсь, сперва придется меня поймать. Мне платят за риск, но не столько, чтобы я здесь оставался. Ветер дует на запад. Мы едем на восток. Пошли, быстро!

Все еще окончательно не проснувшись, словно в кошмарном сне, она пошла за ним к подъездной дорожке, где стоял их пятнадцатилетний «шеви», тихо ржавея в благоуханной тьме пустыни, укрытой калифорнийской ночью.

Чарли положил чемоданы в багажник, а сумку – на заднее сиденье. Салли с девочкой на руках на мгновение задержалась у пассажирской двери, глядя на бунгало, где они прожили последние четыре года. Когда они въехали, вспомнила она, малышка Лавон сидела у нее в животе, и все катания на лошадке были еще впереди.

– Давай! – позвал муж. – Садись, быстро!

Она подчинилась. Чарли подал машину назад, полоснув лучами фар по дому. Блики в окнах казались глазами какого-то загнанного зверя.

Он напряженно навис над рулем, и тусклые огни приборного щитка подсветили его лицо.

– Если ворота базы закрыты, я попробую их протаранить.

Он так и собирался поступить, она это чувствовала. Внезапно ее ноги стали ватными.

Но прибегать к таким отчаянным мерам не пришлось. Ворота были открыты. Один из охранников дремал над журналом, другого Салли не разглядела. Возможно, он находился в гараже. Эта – наружная – часть базы использовалась для хранения военной техники. То, что происходило в «сердце», этих парней никак не касалось.

Я поднял голову и увидел, что цифры из зеленых стали красными.

⁵ «Чабб» – транснациональная страховая корпорация, занимающаяся, среди прочего, обеспечением безопасности сложных технологических объектов.

Она поежилась и положила ладонь ему на бедро. Малышка Лавон снова спала. Чарли коротко похлопал жену по руке:

– Все будет в порядке, милая.

Когда взошло солнце, они все еще ехали на восток, пересекая Неваду, и Чарли непрерывно кашлял.

Книга I
«Капитан Торч»⁶
16 июня – 4 июля 1990 года

*В ночи я обрываю телефон,
Прошу врача ответить, не тая.
Меня корезжит, рвет, трясет, ломает —
Что это за напасть?
Неужто болен я?*

Силверс

*Поймешь ли ты своего парня, детка?
Он суперпарень, ты же знаешь, детка.
Поймешь ли ты своего парня, детка?*

Ларри Андервуд

Глава 1

Заправочная станция «Тексако» Хэпскомба располагалась на шоссе 93 чуть севернее Арнетта, захудалого городишки из четырех улиц, в ста десяти милях от Хьюстона. В тот вечер на заправке собрались завсегдатаи и, усевшись рядом с кассовым аппаратом, пили пиво, лениво болтали и наблюдали, как мотыльки кружат у большой освещенной вывески.

Заправка принадлежала Биллу Хэпскомбу, так что все прислушивались к его мнению, пусть он и был круглым идиотом. Каждый рассчитывал на такое же отношение и к себе, если б все собирались в принадлежащем ему заведении. Да только ничего им не принадлежало. Арнетт переживал трудные времена. В 1980 году в городе работали два промышленных предприятия: фабрика бумажных изделий (главным образом одноразовой посуды для пикников и барбекю) и завод электронных калькуляторов. Теперь бумажную фабрику закрыли, а калькуляторный завод дышал на ладан – выяснилось, что делать калькуляторы на Тайване было гораздо дешевле, равно как и портативные телевизоры, и транзисторные радиоприемники.

Норман Бруэтт и Томми Уэннамейкер, раньше работавшие на бумажной фабрике, жили на социальное пособие. Хэнк Кармайл и Стью Редман работали на заводе калькуляторов, но им редко удавалось простоять у конвейера больше тридцати часов в неделю. Виктор Полфри вышел на пенсию и курил самокрутки из вонючего табака – ничего другого он позволить себе не мог.

– И вот что я вам скажу. – Хэп положил руки на колени и наклонился вперед. – Они просто должны заявить: в жопу всю эту инфляционную хрень. В жопу весь этот государственный долг. У нас есть печатный станок и есть бумага. Нам надо напечатать пятьдесят миллионов тысячедолларовых банкнот и запустить их, мать вашу, в оборот.

Только Полфри, который до 1984 года работал у станка, демонстрировал достаточно самоуважения, указывая на особенно глупые утверждения Хэпа. И теперь, скручивая очередную вонючую сигарету, он ответил:

⁶ Капитан Торч – прозвище Джерри Гарсия (1942–1995), вокалиста, гитариста, лидера рок-группы «Грейтфул дэд». Намек на многочисленные «путешествия», которые совершал Гарсия и многие верные поклонники группы под действием галлюциногенов.

– Нас это никуда не приведет. Попробуй – и получишь Ричмонд в последние два года Гражданской войны. В те дни если ты хотел коврижку, то давал пекарю конфедеративный доллар. Он клал его на коврижку и отрезал кусок шириной с этот самый доллар. Деньги – всего лишь бумага, знаешь ли.

– Я знаю, что некоторые с тобой не согласны, – кисло сказал Хэп, взяв со стола красный пластмассовый держатель для бумаги, заляпанный маслом. – Я задолжал этим людям. И они все сильнее из-за этого нервничают.

Стюарт Редман, возможно, самый тихий человек во всем Арнетте, сидел на треснувшем пластмассовом стуле «Вулко» с банкой пива «Пабст» в руке и через большую витрину смотрел на шоссе 93. Стю знал, что такое нищета. Он вырос в этом городе, сын дантиста, скончавшегося, когда мальчику едва исполнилось семь, и оставившего жену и еще двоих детей.

Мать нашла работу на стоянке грузовиков «Красный шар», расположенной неподалеку, – Стю мог бы видеть стоянку с того места, где сидел, если б она не сгорела в 1979 году. Денег хватало на еду для четверых, но не более того. С девяти лет Стю пришлось работать, сначала – на Роджа Такера, которому принадлежала стоянка «Красный шар»: после занятий в школе мальчик помогал разгружать грузовики за тридцать пять центов в час. Потом он перешел на скотобойню в соседнем городке Брейнтри, солгав насчет своего возраста, чтобы трудиться двадцать изнурительных часов в неделю по минимальной ставке.

Теперь, слушая, как Хэп и Вик Полффри спорят о деньгах и об их загадочной способности исчезать, лишь только появившись, Стю вспоминал о том, как кровоточили поначалу ладони от бесконечных тачек с внутренностями и шкурами. Он пытался прятать руки от матери, но не прошло и недели, как она все увидела. Немного поплакала, хотя была не из плаксивых. Однако упрямивать его оставить работу не стала. Понимала, в каком они положении. Реалистично смотрела на жизнь.

Отчасти молчаливость Стю объяснялась тем, что у него никогда не было ни друзей, ни времени для них. Сначала школа, потом работа. Его младший брат Дев умер от пневмонии в тот самый год, когда он начал работать на скотобойне. Стю так и не смог его забыть. Может быть, из чувства вины. Он любил Дева больше всех на свете... но с его смертью одним ртом стало меньше.

В старшей школе Стю увлекся футболом, и мать поддержала это увлечение, пусть даже оно отнимало время у работы.

– Играй, – заявила она. – Если ты и сумеешь выбраться отсюда, Стюарт, то лишь благодаря футболу. Играй. Помни об Эдди Уорфилде.

Речь шла о местном герое. Он вырос в еще более бедной семье, чем Стю, прославился как квотербек региональной школьной команды, по спортивной стипендии поступил в Техасский сельскохозяйственный и машиностроительный университет и десять лет играл за «Грин Бэй Пэкерс», главным образом запасным квотербеком, но в нескольких памятных матчах выходил на поле в основном составе. В настоящий момент Эдди принадлежала сеть ресторанов быстрого обслуживания на западе и юго-западе, и в Арнетте он стал легендой. Произнося слово «успех», местные подразумевали Эдди Уорфилда.

Стю не стал ни квотербеком, ни вторым Эдди Уорфилдом. Однако ему казалось, что у него есть хоть какой-то шанс получить маленькую спортивную стипендию... ведь существовали программы совмещения работы и учебы, а школьный психолог рассказала ему о ссудной программе закона об образовании для нужд национальной обороны...

Но тут заболела мать – у нее обнаружили рак. За два месяца до того, как Стю окончил старшую школу, она умерла, оставив его с братом Брайсом на руках. Стю отказался от спортивной стипендии и пошел работать на калькуляторный завод. А ведь в конце концов именно Брайс, на три года младше брата, сумел выбраться из этого дерьма. Теперь он работал в Миннесоте системным аналитиком в компании «Ай-би-эм». Писал редко, и в последний раз Стю

видел Брайса на похоронах своей жены, умершей от той же самой разновидности рака, что убила их мать. Стью размышлял о том, что Брайс, наверное, тоже испытывает чувство вины... и, возможно, немного стыдится того, что его брат превратился в очередного добродушного старожилу умирающего техасского городка и проводит свои дни, работая на заводе калькуляторов, а вечера – у Хэпа или в баре «Голова индейца» за пивом «Одинокая звезда».

Семейная жизнь – самый счастливый период жизни Стью – продлилась только восемнадцать месяцев. Утроба его жены породила лишь одного безнадежно больного ребенка. С тех пор прошло четыре года. Стью думал о том, чтобы уехать из Арнетта, поискать что-нибудь получше, но его удерживала инерция маленького городка – тихая песнь сирен, привлекающая знакомыми местами и лицами. В Арнетте Стью любили, а Вик Полффри однажды одарил его самым большим комплиментом, назвав «наш главный старожил».

Вик и Хэп продолжали разговор о деньгах и инфляции, небо еще не совсем потемнело, но земля уже спряталась в сумерках. Автомобили по шоссе 93 нынче проезжали редко – именно по этой причине у Хэпа накапливались неоплаченные счета, – однако сейчас к автозаправочной станции приближалась машина, Стью ее видел.

До нее было еще четверть мили, и остатки дневного света отражались от хромированных деталей. Стью отличался острым зрением, а потому определил, что это очень старый «шевроле», возможно, семьдесят пятого года выпуска. Ехал автомобиль с выключенными фарами, не быстрее пятнадцати миль в час, и его мотало из стороны в сторону. Кроме Стью, никто «шеви» пока не заметил.

– Допустим, тебе надо платить по закладной на эту автозаправочную станцию, – говорил Вик, – и пусть выплата составляет пятьдесят долларов в месяц.

– Она гораздо больше, черт побери.

– Понимаю, но пусть это будет пятьдесят долларов, для примера. И, допустим, федеральные власти последовали твоему совету и напечатали вагон долларов. Так банкиры тут же все переиграют и запросят с тебя уже сто пятьдесят. Ты от этого ничего не выиграешь.

– Это точно, – вставил Кармайкл. Хэп раздраженно глянул на него. Он знал, что у Хэнка есть привычка брать колу, не оставляя денег; более того, Хэнк знал, что хозяину автозаправки об этом известно, и если уж хотел взять чью-то сторону, ему следовало бы примкнуть к Хэпу.

– Все может быть совсем не так, – веско заявил Хэп, опираясь на глубокие познания девятиклассника. И принялся объяснять почему.

Стью, который понимал только одно: что они в полной жопе, – приглушил голос Хэпа до бессмысленного гудения и продолжил наблюдать, как «шеви» мотает по дороге. Судя по траектории автомобиля, ехать ему осталось недолго. Он пересек белую разделительную линию и левыми колесами поднял пыль на обочине. Потом вильнул обратно и какое-то время оставался на своей полосе движения, после чего чуть не свалился в кювет. Затем, словно водитель принял большое освещенное здание заправочной станции «Тексако» за маяк, «шеви» устремился прямо к нему, напоминая пулю на излете. Стью мог слышать громохание изношенного двигателя, устойчивые хрипы издыхающего карбюратора и постукивание клапанов. Проскочив съезд к автозаправочной станции, автомобиль взобрался на бордюр. Флуоресцентные лампы над колонками отражались в запыленном ветровом стекле, и рассмотреть, что за ним, не удавалось, но Стью вроде бы различил мешком подпрыгнувшие очертания водителя. Машина двигалась все с той же скоростью, пятнадцать миль в час, по-видимому, не собираясь останавливаться.

– Я и говорю, чем больше денег в обороте...

– Лучше отключи колонки, Хэп, – мягко вставил Стью.

– Колонки? Зачем?

Норм Бруэтт повернулся и посмотрел в окно.

– Христос на пони! – вырвалось у него.

Стью поднялся со стула, перегнулся через Томми Уэннамейкера и Хэнка Кармайкла и одновременно щелкнул всеми восемью переключателями, захватив по четыре каждой рукой. Так что он оказался единственным, кто не видел, как «шеви» врезался в ряд заправочных колонок на верхнем бетонном острове и начал сшибать их одну за другой.

Продельывал он это медленно, но неумолимо и даже величественно. На следующий день Томми Уэннамейкер божился в «Голове индейца», что тормозные огни ни разу не вспыхнули. «Шеви» продолжал ехать все с той же скоростью пятнадцать миль в час, словно направляющая машина на Параде роз. Днище заскребло о бетонный островок, а когда в него врезались колеса, все, кроме Стью, увидели, что голова водителя болтается и бьется о ветровое стекло.

«Шеви» подпрыгнул, как старый пес, которому дали пинка, и сшиб колонку с высокооктановым бензином. Она свалилась с островка и откатилась в фонтане брызг. Заправочный пистолет вывалился из гнезда и лежал на асфальте, поблескивая под светом флуоресцентных ламп.

Все заметили искры, которые вырывались из-под скребущей по бетону выхлопной трубы, и Хэп, видевший взрыв заправочной станции в Мексике, инстинктивно закрыл глаза в ожидании огненного шара. Вместо этого задняя часть «шеви» переползла через бетонный островок, свалившись с него со стороны здания заправочной станции. Передняя часть врезалась в колонку с бензином с низким содержанием свинца и сшибла ее. Раздался гулкий «бэнг».

Не без изящества «шевроле» закончил разворот на триста шестьдесят градусов и вновь ударился о бетонный островок, на этот раз задней частью, теперь сбив колонку с обычным бензином, после чего остановился, задрав вверх ржавую выхлопную трубу. Автомобиль уничтожил все три колонки на ближнем к шоссе бетонном острове. Двигатель еще несколько секунд продолжал гроыхать, потом заглох. Но повисшая над заправочной станцией тишина была ничуть не лучше грохота.

– Матерь Божья! – выдохнул Томми Уэннамейкер. – Она взлетит на воздух, Хэп?

– Если б собиралась, давно бы взлетела! – Хэп поднялся с места, задел плечом ящик с картами, разбросав Техас, Нью-Мехико и Аризону во все стороны. Его охватывало осторожное ликование. Колонки он застраховал, взнос выплатил. Мэри настаивала на том, чтобы страховка оплачивалась в первую очередь.

– Парень, должно быть, крепко выпил, – заметил Норм.

– Я следил за тормозными огнями! – возбужденно воскликнул Томми. – Они ни разу не мигнули! Матерь Божья! Если бы он гнал со скоростью шестьдесят миль, мы бы уже отправились на тот свет!

Они быстро вышли из здания, Хэп – впереди, Стью – замыкающим. Хэп, Томми и Норм добрались до автомобиля одновременно. В воздухе пахло бензином, слышалось пощелкивание остывающего двигателя «шеви». Хэп открыл водительскую дверь, и сидевший за рулем человек выпал из нее, как куль с грязным бельем.

– Черт! – крикнул Норм Бруэтт, едва не сорвавшись на визг. Он отвернулся, схватился за свой объемистый живот, и его вырвало.

Рвотный рефлекс вызвал не выпавший человек (Хэп подхватил его как раз вовремя, чтобы не дать удариться об асфальт), а тошнотворное зловоние, идущее из салона, в котором смешались запахи крови, фекалий, блевоты и разлагающегося человеческого тела. Из «шеви» густо дохнуло тяжелой болезнью и смертью.

Мгновением позже Хэп повернулся и потащил водителя от автомобиля, держа его под руки. Томми торопливо схватил волочащиеся ноги, и вместе они понесли мужчину в конторку. В свете флуоресцентных потолочных ламп на побледневших лицах читалось отвращение. Хэп забыл о страховых выплатах.

Другие заглянули в салон, а потом Хэнк отвернулся, прикрывая рот рукой, оттопырив мизинец, словно поднял бокал вина, чтобы произнести тост. Бегом добрался до северной границы автозаправочной станции и расстался с ужином.

Вик и Стю посмотрели в машину, переглянулись, снова посмотрели. Справа от водителя сидела молодая женщина, ее цельнокроеное платье высоко задралось на бедрах. К ней привалился ребенок, мальчик или, скорее, девочка лет трех. Обе были мертвы. Их шеи раздулись и стали лилово-черными, как один большой синяк. Кожа под глазами припухла. Выглядели они, как потом скажет Вик, словно бейсболисты, которые мазали лица ламповой сажей, чтобы яркий свет не так слепил. Выпученные глаза смотрели в никуда. Женщина сжимала руку девочки. Густая слизь, вытекшая из ноздрей, успела подсохнуть и застыть. Вокруг них жужжали мухи, время от времени опускаясь на слизистую корку и вползая в открытые рты. Стю побывал на войне, но никогда ему не доводилось видеть столь печального зрелища. Его взгляд постоянно возвращался к этим сцепленным рукам.

Они с Виком одновременно подались назад и тупо посмотрели друг на друга. Затем повернулись к станции. Увидели Хэпа, что-то яростно кричавшего в трубку телефона-автомата. Норм шел к зданию автозаправочной станции следом за ними, время от времени оглядываясь на разбитый автомобиль. Водительская дверь «шеви» так и осталась открытой. Пара детских туфелек свисала с зеркала заднего обзора.

Хэнк стоял у двери, вытирая рот грязным носовым платком.

– Господи, Стю, – тоскливо выдохнул он, и Стю кивнул.

Хэп повесил трубку. Водитель «шеви» лежал на полу.

– «Скорая» подъедет через десять минут. Вы думаете, они?.. – Он указал пальцем на «шеви».

– Да, мертвы, – кивнул Вик. Его морщинистое лицо стало изжелта-бледным, и он просыпал табак на пол, пытаясь скрутить одну из своих дерьмовых сигареток. – Двое самых мертвых людей, которых мне только доводилось видеть. – Он взглянул на Стю, и тот снова кивнул, сунув руки в карманы. Его трясло.

Мужчина на полу хрипло застонал, и все посмотрели на него. Спустя мгновение, когда стало ясно, что он говорит или по крайней мере пытается что-то сказать, Хэп наклонился к незнакомцу. Заправка, в конце концов, принадлежала ему.

Что бы ни случилось с женщиной и ребенком в машине, то же самое происходило сейчас и с этим человеком. Из его носа текло, дыхание сопровождалось странным, клокочущим грудным звуком. Плоть под глазами набухла, но еще не почернела, а стала воспаленно-лиловой. Шея казалась слишком толстой, ее мышцы раздувались в стороны и вверх, отчего у мужчины появились еще два подбородка. И от него исходил жар, как от мангала с раскаленными углями.

– Пес, – пробормотал он. – Вы выпустили его?

– Мистер. – Хэп мягко тряхнул его за плечо. – Я вызвал «скорую». С вами все будет в порядке.

– Циферблат покраснел, – просипел лежащий на полу мужчина и закашлялся, извергая изо рта густую слизь, вылетающую длинными волокнистыми сгустками. Хэп, морщась, отодвинулся.

– Лучше переместить его, – предложил Вик. – А не то задохнется.

Но тут кашель незнакомца вновь перешел в хриплое, неровное дыхание. Водитель медленно моргнул и посмотрел на склонившихся над ним мужчин.

– Где... я?

– Арнетт, – ответил Хэп. – Заправочная станция «Тексако» Билла Хэпскомба. Вы снесли несколько моих колонок. – А затем торопливо добавил: – Но это не страшно. Они застрахованы.

Человек на полу попытался сесть, но не смог этого сделать. Ограничился тем, что положил ладонь на руку Хэпа.

– Моя жена... моя малышка...

– С ними все в порядке, – ответил Хэп, глупо улыбаясь.

– Я вроде как сильно болен. – Воздух входил в легкие мужчины и выходил обратно с тихим рокотом. – Они тоже заболели. Когда мы проснулись два дня назад... В Солт-Лейк-Сити... – Его глаза медленно закрылись. – Заболели... похоже, мы не успели уехать достаточно быстро...

Где-то вдалеке, приближаясь, завывала сирена арнеттской «скорой».

– Господи, – сказал Томми Уэннамейкер. – Ох, Господи...

Глаза больного вновь раскрылись, и теперь их наполняла тревога. Он снова попытался сесть. Капли пота катились по его лицу. Он схватил Хэпа за руку.

– Салли и малышка Лавон в порядке? – спросил он. С его губ слетала слюна, и Хэп чувствовал жар, идущий от этого человека. Больного, наполовину обезумевшего, вонючего. Такой запах порой исходит от старой собачьей подстилки.

– Они в порядке, – ответил он, в его голосе слышались истеричные нотки. – Вы просто... ложитесь и расслабьтесь, идет?

Мужчина лег. Он задышался. Хэп и Хэнк помогли больному перевернуться на бок, и, похоже, ему стало чуть-чуть легче дышать.

– До прошлой ночи я чувствовал себя нормально. Кашлял, но не более. Просыпался от кашля ночью. Не успели убраться вовремя. С малышкой Лавон все в порядке?

Последние слова перешли в невнятное бормотание. Сирена завывала все ближе и ближе. Стью отошел к окну, чтобы увидеть, когда подъедет «скорая». Остальные стояли вокруг человека на полу.

– Что с ним, Вик, как думаешь? – спросил Хэп.

Вик покачал головой:

– Не знаю.

– Наверное, они съели что-нибудь, – предположил Норм Бруэтт. – На машине калифорнийские номера. Наверное, они частенько ели в придорожных забегаловках. Может, им дали протухший гамбургер. Такое случается.

Подъехавшая «скорая» обогнула разбитый «шеви» и остановилась между ним и входом в здание автозаправочной станции. Мигалка на крыше пульсировала красным светом. На улице уже совсем стемнело.

– Дай мне руку, и я вытащу тебя отсюда! – внезапно вскрикнул человек на полу и замолчал.

– Пищевое отравление, – сказал Вик. – Да, возможно. Надеюсь, что это так, иначе...

– Иначе что? – спросил Хэнк.

– Иначе это может быть что-нибудь заразное. – Вик обеспокоенно посмотрел на них. – Я видел холеру в пятьдесят восьмом году, около Ногалеса, и это выглядело очень похоже.

Вошли три человека с носилками.

– Хэп, – сказал один из них, – тебе повезло, что твоя тощая задница не взлетела на воздух. Этот парень, да?

Они расступились, чтобы пропустить хорошо знакомых им Билли Верекера, Монти Салливана и Карлоса Ортегу, приехавших на «скорой». Хэп отвел Монти в сторону.

– Двое в машине. Женщина и маленькая девочка. Обе мертвы.

– Ни хрена себе! Ты уверен?

– Да. Этот парень, он еще не знает. Вы отвезете его в Брейн-три?

– Ну да. – Монти посмотрел на Хэпа в недоумении. – Что мне делать с этими двумя в машине? Я не знаю, как надо поступать в таких случаях, Хэп.

– Стью может вызвать дорожный патруль. Ты не против, если я поеду с вами?

– Нет, черт побери!

Они уложили больного на носилки и понесли к «скорой». Хэп повернулся к Стью:

– Я поеду в Брейнтри с этим парнем. Ты вызовешь дорожный патруль?

– Разумеется.

– И позвони Мэри. Расскажи ей, что произошло.

– Хорошо.

Хэп заторопился к «скорой», залез внутрь. Билли Верекер закрыл за ним двери и позвал своих напарников. Те смотрели на разбитый «шеви» как зачарованные.

Через несколько секунд «скорая» уехала под вой сирены. Мигалка отбрасывала кровавые отблески на асфальт. Стью подошел к телефону-автомату и бросил в щель четвертак.

Водитель «шеви» умер в двадцати милях от больницы. Сделал последний шумный вдох, затем выдохнул, попытался вдохнуть снова и сдался.

Хэп достал из его кармана бумажник и заглянул внутрь. Семнадцать долларов наличными. Водительское удостоверение, выданное в Калифорнии на имя Чарльза Д. Кэмпiona. Военный билет и фотографии жены и дочери, закатанные в пластик. Хэпу не хотелось их рассматривать.

Он запихнул бумажник обратно в карман мертвеца и попросил Карлоса выключить сирену. Часы показывали десять минут десятого.

Глава 2

Длинный каменный пирс уходил в Атлантический океан с городского пляжа Оганквита, штат Мэн. Сегодня пирс напоминал ей серый укоризненный палец, и, припарковав машину на стоянке, Фрэнни Голдсмит увидела Джесси, сидевшего на краю пирса: его силуэт вырисовывался в лучах послеполуденного солнца. Над ним с криками кружили чайки – чем не портрет Новой Англии наяву? – но Фрэнни сомневалась, что хоть одна птица осмелится осквернить белым пометом безупречную рубашку из синего шамбре. В конце концов, они имели дело с поэтом.

Она знала, что это Джесси, поскольку его десятискоростной велосипед стоял у задней стены будки сторожа автостоянки, пристегнутый цепью к металлическому поручню. Гас, лысоватый и толстоватый городской старожил, как раз появился в дверях, чтобы встретить ее. Плата для приезжих составляла один доллар с машины, но Гас знал, что Фрэнни местная, и она часто приезжала сюда без наклейки «ПОСТОЯННЫЙ ЖИТЕЛЬ» в углу ветрового стекла.

«Ну разумеется, я часто сюда приезжаю, – подумала Фрэн. – Собственно говоря, я и забеременела-то прямо здесь, на этом пляже, футах в двенадцати от верхней границы прилива. Дорогой Комочек, тебя зачали на живописном побережье Мэна, в двенадцати футах от верхней границы прилива и в двадцати ярдах к востоку от волнолома. Теперь это место отмечено крестиком».

Гас вскинул руку, изобразив знак мира.

– Ваш парень на самом краю пирса, мисс Голдсмит.

– Спасибо, Гас. Как дела?

Улыбаясь, сторож обвел рукой автостоянку. Десятка два автомобилей, и большинство с белой наклейкой «ПОСТОЯННЫЙ ЖИТЕЛЬ» на ветровом стекле.

– Для наплыва туристов еще рановато, – ответил он. Дело было семнадцатого июня. – Подождите недельки две, и мы принесем городу деньжат.

– Не сомневаюсь. Если только вы их все не прикарманите.

Гас расхохотался и вернулся в будку.

Фрэнни оперлась рукой о теплый металл своей машины, сняла теннисные туфли и надела резиновые вьетнамки. Высокая девушка с каштановыми волосами до середины спины, в светло-коричневой блузке. С хорошей фигурой. С длинными ногами, которые часто удоставались одобрительных взглядов мужчин. Высший класс, так вроде бы это называли в студенческих братствах. Просто загляденье. Мисс Колледж 1990 года.

Тут ей пришлось посмеяться над собой, однако смех был с горьким привкусом. «Ты беременна, – сказала она себе, как будто речь шла о мировой сенсации. – Глава шестая: Эстер Прин⁷ сообщает преподобному Димсдейлу новость о неминуемом прибытии Перл». Но она понесла не от Димсдейла, а от Джесси Райдера, двадцати лет от роду, на год моложе Нашей Героини, Маленькой Фрэн. От студента-выпускника колледжа и поэта, что, впрочем, легко угадывалось по безупречной рубашке из синего шамбре.

Она остановилась у границы песка, даже сквозь резину чувствуя, как жар обжигает подошвы ног. Силуэт на дальнем краю пирса все еще швырял в воду небольшие камушки. Мысль, пришедшая ей в голову, отчасти забавляла, но в целом приводила в смятение. «Он знает, как выглядит со стороны, – подумала она. – Лорд Байрон, ушедший в себя, но не сломленный. Пребывающий в одиночестве и взирающий на море, туда, где лежит родная Англия. Но я, изгнанник, может, никогда...»

Ох, черт!

⁷ Эстер Прин – главная героиня романа «Алая буква» американского писателя Натаниэля Готорна (1804–1864).

Фрэн расстроила не столько сама мысль, сколько собственное душевное состояние, о котором эта мысль свидетельствовала. Ее молодой человек – и ведь она думала, что любит его, – сидел там, вдалеке, а она стояла здесь и посмеивалась над ним у него за спиной.

Она пошла по пирсу, осторожно выбирая путь среди торчащих камней и трещин. Этот старый пирс когда-то был частью волнолома. Теперь же большинство яхт и катеров швартовалось у южной оконечности города, где построили три пристани и семь дешевых мотелей и жизнь бурлила все лето.

Фрэнни шагала медленно, изо всех сил стараясь сжиться с мыслью, что могла разлюбить Джесси за одиннадцать дней, прошедших с того момента, как она узнала, что, по выражению Эми Лаудер, «немножко беременна». Ну что ж, в конце концов, это он довел ее до жизни такой, верно?

Но не он один, это уж точно. Она же принимала таблетки. С этим, как выяснилось, все проще пареной репы. Идешь в поликлинику кампуса, говоришь врачу, что у тебя болезненно протекают менструации и на коже появляется сыпь. Доктор выписывает рецепт. В действительности же он выписывает месяц сексуальной свободы.

Она вновь остановилась, на этот раз уже в отдалении от берега – справа и слева от нее бежали волны. Ей пришло в голову, что доктора из поликлиники, возможно, столько же раз слышали о болезненной менструации и прыщах на коже, сколько аптекари о том, как «мой брат попросил меня купить эти презервативы», – а в последние годы, наверное, еще чаще. Ей ничего не стоило просто пойти к врачу и сказать: «Дайте мне таблетки. Я собираюсь трахаться». Возраст-то позволял. К чему эта стеснительность? Она посмотрела на спину Джесси и вздохнула. К тому, что стеснительность становится образом жизни. И Фрэнни двинулась дальше.

В любом случае таблетка не сработала. Кто-то в отделе технического контроля на старой доброй фабрике по производству оврила заснул не вовремя. Или она забыла принять таблетку, а потом забыла о том, что забыла это сделать.

Она неслышно подошла к Джесси и положила руки ему на плечи.

Джесси, сжимавший камушки в левой руке, а правой отправлявший их в глубины Атлантики, вскрикнул и вскочил. Камушки рассыпались, и он едва не сшиб Фрэнни в воду. И сам чуть не упал головой вниз.

Рассмеявшись, Фрэнни подалась назад, прикрывая руками рот. Джесси, хорошо сложенный молодой человек в очках с тонкой золотой оправой, с черными волосами и правильными чертами лица, которые, к вечному сожалению означенного молодого человека, не могли выразить всей чуткости его натуры, в ярости обернулся.

– Ты меня *дьявольски испугала!* – проревел он.

– Ох, Джесс! – Она все смеялась. – Ох, Джесс, извини меня, но это было так забавно, действительно забавно.

– Мы чуть не упали в воду! – В негодовании он шагнул к ней.

Она отступила назад, чтобы сохранить дистанцию, споткнулась о камень, плюхнулась на пятую точку. Ее челюсти сомкнулись, прикусив язык. Боже, какая боль! И Фрэнни разом перестала смеяться, словно ее смех отхватили ножом. Сам факт такого внезапного умолкания – выключи меня, я радио! – показался ей еще более забавным, и она вновь засмеялась, несмотря на то что язык кровоточил, а из глаз хлынули слезы боли.

– Ты в порядке, Фрэнни? – Джесси опустил на колени рядом с ней, на его лице читалась тревога.

«Я все-таки люблю его, – подумала она с некоторым облегчением. – Ну что ж, тем лучше для меня».

– Ты ушиблась, Фрэн?

– Ушиблась только моя гордость. – Она позволила Джесси помочь ей встать. – И еще я прикусила язык. Видишь? – Она показала ему язык, рассчитывая получить в ответ улыбку, но он нахмурился.

– Господи, Фрэн, да у тебя кровь. – Он достал из заднего кармана носовой платок, с сомнением посмотрел на него и положил обратно. Она представила себе, как они рука об руку возвращаются к стоянке, молодые влюбленные под ярким солнцем, и у нее изо рта торчит скомканный платок. Она приветствует улыбающегося, благожелательного Гаса и говорит: «До-ы-де».

Фрэнни опять засмеялась, несмотря на то что язык сильно болел, а от привкуса крови во рту немного мутило.

– Отвернись, – строго попросила она. – Я собираюсь нарушить правила хорошего тона для молодых леди.

Улыбаясь, он театрально прикрыл глаза. Фрэн присела, опираясь на одну руку, наклонилась над водой и сплюнула – ярко-красной слюной. Еще. И еще раз. Наконец рот вроде бы очистился, она оглянулась и увидела, что он подсматривает сквозь пальцы.

– Извини. Я такая дура.

– Нет, – заверил ее Джесси, явно имея в виду «да».

– Давай найдем где-нибудь мороженое? – предложила она. – Ты ведешь машину, а я покупаю.

– Решено. – Он встал сам, вновь помог ей подняться. Фрэн опять сплюнула. Ярко-красным.

– Я ведь не откусила кусок? – опасливо спросила она.

– Не знаю, – весело ответил Джесси. – Или ты его проглотила?

Ее рука метнулась ко рту.

– Это не смешно!

– Да. Извини меня. Ты просто прикусила его, Фрэнни.

– В языке проходят какие-нибудь артерии?

Теперь, взявшись за руки, они шагали по пирсу в обратном направлении. Время от времени она сплевывала в воду слюну. Ярко-красную. Глотать кровь она не собиралась.

– Нет.

– Хорошо. – Она сжала его руку и ободряюще улыбнулась. – Я беременна.

– Правда? Это хорошо. Знаешь, кого я видел в Порт...

Он остановился и посмотрел на нее, его лицо внезапно стало жестким и очень, очень настороженным. От такой перемены у нее защемило сердце.

– Что ты сказала?

– Я беременна. – Она широко улыбнулась ему и сплюнула с пирса в воду. Ярко-красным.

– Удачная шутка, Фрэнни... – В его голосе слышалась неуверенность.

– Это не шутка.

Он продолжал пристально всматриваться в нее. Через некоторое время они двинулись дальше. Когда они пересекали автостоянку, Гас вышел и помахал им. Фрэнни помахала в ответ. Джесси тоже.

Они заехали в «Дейри куин» на федеральном шоссе 1. Джесси взял кока-колу и глубоко-мысленно попивал ее за рулем «вольво». Фрэн он принес заказанное ею мороженое, «Банана боут суприм». Она сидела, прислонившись к двери, в двух футах от Джесси и ложечкой ела орешки, ананасовый соус и эрзац-мороженое «Дейри куин».

– Ты знаешь, что мороженое в «Ди-кью» – это по большей части пузырьки воздуха? Знаешь? А многие даже не подозревают.

Джесси смотрел на нее и молчал.

– Это правда, – продолжила Фрэн. – Эти машины, выдающие мороженое, на самом деле продают пузырьки воздуха. Поэтому мороженое в «Дейри куин» такое дешевое. Нам рассказывали об этом на теории бизнеса. Есть много способов снять сливки.

Джесси смотрел на нее и молчал.

– Поэтому, если хочешь настоящего мороженого, надо идти в какое-нибудь место вроде «Кафе-мороженого Диринга» и там...

Она разрыдалась.

Он придвинулся и обхватил ладонями ее шею.

– Фрэнни, не надо. Пожалуйста.

– «Банана боут» капает на меня. – Она продолжала плакать.

Носовой платок вновь появился на свет, и Джесси вытер капли растаявшего мороженого. К тому времени рыдания перешли во всхлипывания.

– «Банана боут суприм» с кровавым соусом. – Фрэнни взглянула на него покрасневшими глазами. – Больше есть не могу. Извини, Джесс, ты не выбросишь?

– Разумеется, – сухо ответил он.

Взял мороженое, вылез из машины и выбросил его в урну.

«У него забавная походка, – подумала Фрэн, – словно его сильно двинули в то место, которое у парней самое чувствительное». В какой-то степени, полагала она, его действительно ударили именно туда. Но если взглянуть на все это с другой стороны, то и у нее была именно такая походка после того, как он лишил ее девственности на пляже. Между ног зудело, как при опрелости. Только от опрелости не беременеют.

Он вернулся и сел в машину.

– Ты действительно беременна, Фрэн? – резко спросил он.

– Действительно.

– Как... как это случилось? Я думал, ты предохраняешься.

– Я предполагаю следующее: первое, кто-то из отдела технического контроля старой доброй фабрики по производству оврила заснул и не отбраковал мою пачку таблеток, когда она проходила по конвейеру, или второе, в университетской столовой парней кормят каким-то активатором спермы, или третье, я забыла принять таблетку, а потом забыла о том, что забыла.

Она так строго, скупно, ослепительно улыбнулась ему, что он чуть отпрянул.

– Чего ты так злишься, Фрэн? Я ведь только спросил.

– Ну что ж, попробую ответить на твой вопрос иначе: теплой апрельской ночью, должно быть, двенадцатого, тринадцатого или четырнадцатого числа, ты ввел пенис в мое влагалище, испытал оргазм и изверг семя с миллионами...

– Прекрати! – резко оборвал он ее. – Ты не должна...

– Не должна – что? – Внешне ей удавалось сохранять каменное спокойствие, но внутри зашевелился страх. Представляя себе эту сцену, она не думала, что все произойдет именно так.

– Не должна так злиться, – мягко закончил он. – Я не собираюсь бросать тебя.

– Хорошо. – И Фрэнни сдержала эмоции. А ведь в тот момент она могла оторвать его руку от руля, сжать ее и полностью устранить возникшую между ними трещину. Но не сумела заставить себя это сделать. Он не имел никакого права рассчитывать на то, что она будет утешать его, каким бы бессознательным и тайным ни было это желание. Фрэнни внезапно поняла, что, так или иначе, на какое-то время о забавах и приятном времяпрепровождении придется забыть. От этой мысли ей вновь захотелось плакать, но уж тут она не дала воли слезам. Фрэнни Голдсмит, дочь Питера Голдсмита, не собиралась сидеть на автомобильной стоянке «Дейри куин» в Оганквите и реветь.

– И что ты собираешься делать? – спросил Джесси, доставая сигареты.

– Что *ты* собираешься делать?

Он щелкнул зажигалкой, и на мгновение, пока сигаретный дым наполнял его легкие, она ясно увидела, как мужчина и мальчик борются за контроль над одним лицом.

– Ох, черт! – вырвалось у него.

– Как я понимаю, возможны варианты. – Дождаться ответа на свой вопрос она не стала. – Мы можем пожениться и сохранить ребенка. Мы можем пожениться и отказаться от ребенка. Или мы не поженемся, но я сохраню ребенка. Или...

– *Фрэнни...*

– *Или мы не поженемся*, и я откажусь от ребенка. Или я сделаю аборт. Это исчерпывает все возможности? Я ничего не упустила?

– Фрэнни, разве мы не можем просто поговорить...

– Мы и *разговариваем!* – Она сверкнула глазами. – У тебя был шанс, и ты сказал: «Ох, черт!» В точности твои слова. А я просто расписала тебе возможные варианты. Разумеется, я располагала временем, чтобы их обдумать.

– Хочешь сигарету?

– Нет. Это вредно для ребенка.

– Фрэнни, черт поberi!

– Почему ты орешь? – мягко спросила она.

– Потому что ты изо всех сил пытаешься довести меня до белого каления! – гневно бросил Джесси. Потом взял себя в руки. – Извини. Я просто не могу согласиться с тем, что это моя вина.

– Не можешь? – Она посмотрела на него, изогнув бровь. – Се, Дева во чреве примет⁸...

– Почему ты все время издеваешься? Ты сказала, что принимаешь таблетки. Я поверил тебе на слово. Напрасно?

– Нет. Не напрасно. Но это дела не меняет.

– Это точно, – мрачно согласился он и выбросил за окно недокуренную сигарету. – И что мы будем делать?

– Ты все спрашиваешь меня, Джесс. Я уже обрисовала вкратце возможные варианты, какими я их вижу. Думала, может, у тебя тоже появились какие-нибудь соображения. Еще, правда, есть самоубийство, но в настоящий момент я исключаю его из рассмотрения. Так что выбирай, что тебе больше понравилось, и давай обсудим.

– Давай поженемся, – неожиданно решительно сказал Джесси. Он выглядел как человек, который окончательно понял, что распутать гордиев узел можно, лишь разрубив его пополам. Полный вперед, а нытиков загоним в трюм.

– Нет, – ответила она. – Я не хочу выходить за тебя.

Как будто его лицо держалось на невидимых болтах, а тут внезапно их отвернули на полтора оборота. Все немедленно провисло. И выглядел он в этот момент настолько смешным, что ей пришлось потереться израненным языком о шершавое нёбо, чтобы не захихикать вновь. Ей не хотелось смеяться над Джесси.

– Почему нет? – спросил он. – Фрэн...

– Мне надо подумать почему. Я не дам втянуть меня в обсуждение причин, по которым я говорю тебе «нет», потому что сейчас они мне неизвестны.

– Ты не любишь меня! – В его голосе звучала обида.

– В большинстве случаев любовь и брак исключают друг друга. Выбери другой вариант.

Он долго молчал, вертя в пальцах новую сигарету, но не закуривая. Наконец заговорил:

– Я не могу выбрать другой вариант, Фрэнни, так как ты не хочешь обсуждать этот. Ты хочешь застыдить меня.

Это ее чуть тронуло. Она кивнула:

⁸ Евангелие от Матфея, 1:23. Речь о непорочном зачатии Девы Марии.

– Может быть, ты и прав. Последнюю пару недель я стыдила только себя. А теперь, Джесс, ты ведешь себя как типичный студент. Если на тебя нападет грабитель с ножом, ты и ему устроишь семинар.

– Ради Бога!

– Выбери другой вариант.

– Нет. Ты уже все обдумала. Может быть, и мне нужно время на размышления.

– Ладно. Тебя не затруднит отвезти нас обратно к стоянке? Я тебя высажу и займусь кое-какими делами.

Он удивленно уставился на нее:

– Фрэнни, я на велосипеде приехал сюда из Портленда. Снял номер в загородном мотеле. Мы же собирались провести уик-энд вместе.

– В твоем номере мотеля. Нет, Джесс. Ситуация изменилась. Ты просто садишься на свой велосипед и отправляешься обратно в Портленд. Дашь мне знать, когда какие-нибудь мысли придут тебе в голову. Можешь не торопиться.

– Прекрати издеваться надо мной, Фрэнни!

– Нет, Джесс, это ты надо мной издевался! – фыркнула она во внезапном, яростном приступе злости, и вот тут он легонько ударил ее по щеке.

А затем, ошеломленный, вытаращился на нее:

– Прости меня, Фрэн.

– Прощаю, – бесстрастно ответила она. – Поехали.

По пути к автомобильной стоянке у городского пляжа они молчали. Фрэнни сидела, сложив руки на коленях, наблюдая, как синие клочки океана мелькают между коттеджами, построенными чуть западнее волнолома. «Они похожи на многоквартирные дома в трущобных районах, – думала она. – Кому они принадлежат, эти строения, отгородившиеся ставнями от лета, которое официально начинается менее чем через неделю? Профессорам Массачусетского технологического института? Бостонским врачам? Нью-йоркским адвокатам? А ведь их размеры ничем не примечательны – настоящие поместья на побережье принадлежат людям, состояния которых измеряются семи- и восьмизначными числами. Но когда владельцы приедут сюда, самый низкий айкью на Прибрежной улице будет у Гаса, сторожа автостоянки. Дети будут кататься на десятискоростных велосипедах, как у Джесси, есть с родителями лобстеров, посещать театр Оганкуита, прогуливаться в теплых летних сумерках по Главной улице, пытаясь сойти за местных». Фрэнни выискивала всплески синего между налезавшими друг на друга домами, отдавая себе отчет, что ее глаза вновь затуманены пленкой слез. Маленьким белым плачущим облачком.

Они приехали на стоянку, и Гас помахал им. Они помахали ему в ответ.

– Извини, что ударил тебя, – сказал Джесси глухо. – Я не хотел.

– Знаю. Ты возвращаешься в Портленд?

– На ночь я останусь здесь и позвоню тебе утром. Принимать решение должна ты, Фрэн. Если ты решишь делать аборт, я наскребу денег.

– Это сознательный каламбур?

– Нет, совсем нет. – Он подался к ней и целомудренно поцеловал. – Я люблю тебя, Фрэн.

«Я не верю тебе, – подумала она. – Я нисколько не верю тебе сейчас... но принимаю твои слова благосклонно. Это вполне в моих силах».

– Хорошо, – ровным голосом ответила она.

– Мотель «Маяк». Позвони, если захочешь.

– Ладно. – Она пересела за руль и внезапно почувствовала, как сильно устала. Прикусенный язык ужасно болел.

Он подошел к велосипеду, зацепленному за металлический поручень, повернулся к ней:

– Мне бы очень хотелось, чтобы ты позвонила.

Она деланно улыбнулась:

– Посмотрим. Пока, Джесс.

Фрэнни завела двигатель, развернулась и поехала по стоянке в сторону шоссе, которое тянулось вдоль побережья. Она видела Джесси, все еще стоявшего рядом с велосипедом на фоне океана, и второй раз за этот день мысленно обвинила его в том, что он точно знает, как выглядит со стороны. Но на этот раз ощутила не раздражение, а легкую грусть. Она ехала, гадая, сможет ли когда-нибудь воспринимать океан так же, как раньше, прежде чем все это произошло. Язык по-прежнему болел. Фрэн опустила боковое стекло пониже и сплюнула. На этот раз прозрачной слюной. Воздух пропитывал соленый запах океана, запах горьких слез.

Глава 3

Норм Бруэтт проснулся в четверть одиннадцатого утра. Его разбудила ссора детей за окном и музыка кантри, доносившаяся из радиоприемника на кухне.

Он подошел к двери во двор, как был, в мешковатых трусах и майке, и заорал:

– Мелюзга, а ну заткнулись немедленно!

На мгновение воцарилась тишина. Люк и Бобби обернулись, оторвавшись от старого ржавого грузовичка, из-за которого ссорились. Всякий раз, когда Норм смотрел на детей, его словно раздирало надвое. Сердце ныло от того, что его дети ходят в обносках, полученных в подарок от Армии спасения, наподобие тех, какие носили дети нигтеров в восточной части Арнетта. Но в то же время Норма захлестывал ужасный, исступленный гнев, требовавший, чтобы он большими шагами вышел из дома и избил сыновей до полусмерти.

– Да, папочка, – тихо ответил девятилетний Люк.

– Да, папочка, – эхом отозвался Бобби, которому пошел восьмой годик.

Норм задержался на мгновение, не отрывая от них глаз. Потом захлопнул дверь и нерешительно оглядел грудку снятой вчера одежды. Она лежала у изножья продавленной двуспальной кровати, где он ее и бросил.

«Грязная сука! – пронеслось у него в голове. – Не могла даже повесить мою одежду!»

– Лайла! – завопил он.

Ответа не последовало. Норм подумал о том, чтобы вновь распахнуть дверь и спросить Люка, куда, на хрен, она ушла. Продукты и товары первой необходимости сегодня не раздавали, а если Лайла опять поехала на биржу труда в Брейнтри, значит, она еще большая дура, чем он думал.

Но спрашивать детей Норм не стал. Он чувствовал себя разбитым, и его не отпускала тошнотворная, пульсирующая головная боль. Состояние напоминало похмелье, однако вчера он выпил только три банки пива у Хэпа. И эта чертовски неприятная история. Мертвые женщина и ребенок в машине, мужчина, Кэмпбелл, который умер по пути в больницу. К тому времени, когда Хэп вернулся, на заправке успели побывать и дорожный патруль, и аварийный тягач, и труповозка из Брейнтри. Вик Полфри дал показания от имени всех пятерых. Владелец похоронного бюро, он же окружной коронер, отказался делать предположения о том, что могло убить этих людей.

– Но это не холера. И не пугайте людей подобными рассказами. Будет вскрытие, и вы обо всем прочтете в газете.

«Паршивый слизняк», – подумал Норм, медленно одеваясь во вчерашнее. Головная боль все нарастала, грозя свалить с ног. Да уж, деткам лучше бы помолчать, а не то не обойдется без сломанных рук и выбитых зубов. Ну почему, на хрен, они не могут ходить в школу круглый год?

Он поразмыслил над тем, стоит ли заправлять рубашку в штаны, решил, что вряд ли президент заглянет сегодня к ним на огонек, и шаркающей походкой, в носках, поплелся на кухню. Яркие лучи солнца, бьющие в восточные окна, заставили его сощуриться.

Стоявший над плитой радиоприемник «Филко» с треснутым корпусом запел:

Кто ж мне ответит, как не ты, детка?
Поймешь ли ты своего парня, детка?
Он суперпарень, ты же знаешь, детка.
Поймешь ли ты своего парня, детка?

Дела, похоже, чертовски плохи, если местная радиостанция, обычно транслирующая кантри, пускает в эфир такой паршивый ниггерский рок-н-ролл. Норм выключил радио, опасаясь,

что иначе его голова расколется на части. Рядом с радиоприемником лежала записка, он взял ее, и ему пришлось напрячь глаза, чтобы прочитать текст:

Дорогой Норм!

Салли Ходжес говорит что ей нужно чтобы кто-нибудь посидел с ее детьми сегодня утром и говорит что даст за это доллар. Вернись к лентчу.

Возьми сасиски если хочешь. Я люблю тебя дорогой.

Лайла.

Норм отложил записку и постоял, пытаясь вникнуть в ее смысл. Чертовски трудно думать, когда трещит голова. Посидеть с ребенком... доллар. Жена Ральфа Ходжеса.

Три этих обстоятельства медленно сложились у него в голове в более-менее связную картину. Лайла ушла присмотреть за тремя детьми Салли Ходжес, чтобы заработать какой-то вшивый доллар, и оставила его с Люком и Бобби на руках. Ей-богу, трудные времена настали, раз мужчина должен сидеть дома и утирать носы мальчишкам, пока его жена добывает этот чертов доллар, за который не купишь даже галлон бензина. Гребаные трудные времена.

Накатила тупая злость, отчего голова заболела еще сильнее. Волоча ноги, он добрался до «Фриджидайра» – холодильник удалось купить, когда на заводе была сверхурочная работа, – и открыл дверцу. Большинство полок пустовали, если не считать остатков вчерашней еды, которые Лайла складывала в пластиковые контейнеры. Он ненавидел эти «тапперуэры». Старые тушеные бобы. Старая кукурузная каша. Капелька соуса «чили». Пустота, одни «тапперуэры» и три старые колбаски, завернутые в тонкую полиэтиленовую пленку. Он наклонился, глядя на них, и к знакомой беспомощной злости присоединились гулкие удары головной боли. Выглядели колбаски так, будто в пленку завернули отрезанные члены трех пигмеев, которые живут в Африке, или в Южной Америке, или черт знает где. В любом случае есть Норму не хотелось. Если на то пошло, он чувствовал себя тяжелобольным.

Норм подошел к плите, чиркнул спичкой о прибитую к стене полоску наждачной бумаги, зажег ближнюю конфорку и поставил кофе. Потом присел и стал тупо ждать, пока закипит вода. Прежде чем это произошло, ему пришлось срочно выхватить из заднего кармана носовой платок и ловить сопли – так смачно он чихнул.

«Похоже, простудился, – подумал Норм. – Только этого не хватало». Но ему и в голову не пришло вспомнить о слизи, которая вчера вечером потоком текла из носа этого парня, Кэмпиона.

* * *

Хэп работал в гараже, ставил новую выхлопную трубу на «скаут»⁹ Тони Леоминстера, а Вик Полфри раскачивался на раскладном стульчике, наблюдал за Хэпом и потягивал газировку «Доктор Пеппер», когда зазвенел звонок входной двери в конторку.

Вик скосил глаза.

– Дорожный патруль. Похоже, там твой двоюродный брат, Джо Боб.

– Ясно.

Хэп вылез из-под «скаута», вытирая руки о тряпку, и громко чихнул, пересекая конторку. Он терпеть не мог летние простуды. Самые противные.

Джо Боб Брентвуд, ростом почти шесть с половиной футов, стоял у багажника патрульной машины и заправлял бак. За ним, словно мертвые солдаты, аккуратно лежали три сбитые Кэмпионом колонки.

– Привет, Джо Боб. – Хэп вышел из конторки.

⁹ «Скаут» – пикап производства компании «Интернэшнл харвестер».

– Хэп, сукин ты сын. – Джо Боб переключил колонку в автоматический режим и перешагнул через шланг. – Повезло же тебе, что этим утром твоя заправка на прежнем месте.

– Черт, Стью Редман заметил, как этот парень подъезжает, и вырубил колонки. Искры так и летели.

– Все равно повезло. Слушай, Хэп, я ведь приехал не только для того, чтобы заправиться.

– Да?

Джо Боб перевел взгляд на Вика, который стоял у двери конторки.

– Этот старикан был здесь вчера?

– Кто? Вик? Да, он приходит почти каждый вечер.

– Может он держать язык за зубами?

– Ну да. Ему можно доверять.

Автоматическая подача отключилась. Хэп выдавил из шланга остатки бензина центов на двадцать, затем вставил пистолет в гнездо и выключил колонку. Вернулся к Джо Бобу.

– Ну? Так в чем же дело?

– Пошли-ка лучше внутрь. Старика тоже зови. И если есть возможность, позвони всем остальным, кто был здесь вчера.

Они пересекли полосу асфальта и вошли в конторку.

– С добрым утром, патрульный, – поздоровался Вик.

Джо Боб кивнул.

– Кофе? – спросил Хэп.

– Пожалуй, нет. – Полицейский окинул их тяжелым взглядом. – Не знаю, понравится ли моему начальству, что я тут с вами разговариваю. Не думаю, что они очень обрадуются. В общем, когда эти парни заявятся сюда, не говорите им, что я вас предупредил, ладно?

– Какие парни, патрульный?

– Парни из департамента здравоохранения, – пояснил Джо Боб.

– О Господи, *все-таки* холера! Я *так* и знал! – воскликнул Вик.

Хэп переводил взгляд с Вика на своего двоюродного брата.

– Джо Боб?

– Я ничего не знаю, – сказал Джо Боб, усаживаясь на один из пластиковых стульев. Его костлявые колени доставали чуть ли не до подбородка. Он вытащил из кармана форменной рубашки пачку «Честерфилда» и закурил. – Финнеган, коронер...

– Этот хитрожопый! – яростно фыркнул Хэп. – Видел бы ты его здесь вчера, Джо Боб! Раздувался, как индюк, у которого впервые встал. Затыкал людям рот и все такое.

– Большая жаба в маленькой луже, это точно, – согласился Джо Боб. – Так вот, он позвал доктора Джеймса, чтобы тот взглянул на Кэмпionsа, а затем оба позвали другого доктора, которого я не знаю. Потом все трое позвонили в Хьюстон. И около трех часов ночи они приземлились в маленьком аэропорту рядом с Брейнтри.

– Они – это кто?

– Патологоанатомы. Трое. Провозились с трупами до восьми часов. Вскрывали, наверное. Затем связались по телефону с Противозидемическим центром Атланты, и тамошние ребята приедут сюда сегодня. А пока они сказали, что департамент здравоохранения должен прислать сюда людей, чтобы осмотреть тех, кто был на станции прошлым вечером, и тех, кто отвозил Кэмпionsа в Брейнтри. Точно не знаю, но мне кажется, что вас хотят посадить на карантин.

– Моисей в кусте! – испуганно вырвалось у Хэпа.

– У Противозидемического центра Атланты федеральный статус, – заметил Вик. – Стали бы они присылать сюда целый самолет федералов из-за обычной холеры?

– Понятия не имею, – ответил Джо Боб. – Но я подумал, что вы имеете право знать. Судя по тому, что я слышал, вы просто пытались помочь.

– Спасибо, Джо Боб, – медленно кивнул Хэп. – А что сказали Джеймс и другой доктор?

– Не слишком много. Но оба выглядели испуганными. Я никогда не видел врачей такими испуганными. Мне это не нравится.

Повисла тяжелая тишина. Джо Боб подошел к торговому автомату и купил бутылку «Фрески». Открыл, и послышался слабый шипящий звук пенящейся цитрусовой газировки. Когда Джо Боб вернулся на место, Хэп вытащил бумажную салфетку из ящичка рядом с кассовым аппаратом и высморкался.

– А что вы выяснили про Кэмпиона? – поинтересовался Вик. – Что-нибудь узнали?

– Проверка продолжается, – важно ответил Джо Боб. – В удостоверении личности указано, что он из Сан-Диего, но многие бумаги, найденные в бумажнике, просрочены на два-три года. Срок действия водительского удостоверения истек. Кредитку «Банк Америки» выдал ему в восемьдесят шестом году, и она тоже просрочена. В бумажнике лежал военный билет, так что мы связались с их ведомством. Капитан предполагает, что Кэмпион не жил в Сан-Диего года четыре.

– Дезертир? – предположил Вик. Достал из кармана большой красный платок и, откашлявшись, сплюнул в него.

– Еще не знаем. Но в военном билете указано, что он находится на действительной службе до девяносто седьмого года. А ведь он был в гражданской одежде, с семьей, да и к тому же далековато от Калифорнии. Ох, что-то я разболтался.

– Хорошо, я свяжусь с остальными и передам им все, что ты рассказал, – кивнул Хэп. – Спасибо тебе.

Джо Боб поднялся.

– Не за что. Только не упоминай мое имя. Мне что-то не хочется потерять работу. Твоим друзьям ведь не обязательно знать, откуда тебе все это известно?

– Не обязательно, – ответил Хэп, а Вик согласно кивнул.

Когда Джо Боб направился к двери, его остановил голос Хэпа, в котором слышались извиняющиеся нотки:

– С тебя пятерка за бензин, Джо Боб. Я бы не стал брать с тебя деньги, но дела такие хреновые...

– Все нормально. – Джо Боб протянул ему кредитную карту. – Платит штат. Да и кассовый чек объяснит, чего я к вам заезжал.

Заполняя чек, Хэп чихнул дважды.

– Будь осторожнее, – предупредил его Джо Боб. – Нет ничего хуже, чем летние простуды.

– Мне ли этого не знать?

– Может, это и не простуда, – внезапно раздался за их спинами голос Вика.

Они повернулись к нему. Вик выглядел испуганным.

– Я проснулся сегодня утром, чихая и кашляя так, словно мне уже шестьдесят, – продолжил Вик. – Да и голова сильно болела. Я принял аспирин, и стало немного полегче, но нос все равно забит соплями. Может быть, мы все заразились. Той самой болезнью, что была у Кэмпиона. От которой он умер.

Хэп посмотрел на него долгим взглядом и в тот самый момент, когда собрался изложить причины, по которым этого быть не могло, снова чихнул.

Джо Боб окинул взглядом их обоих.

– Знаешь, неплохо бы закрыть заправку, Хэп. Хотя бы на один день.

Хэп испуганно посмотрел на него и попытался вспомнить все свои возражения. Но они как сквозь землю провалились. Помнил он лишь о том, что сегодня утром тоже проснулся с головной болью и насморком. Что ж, все время от времени простужаются. Только ведь до появления этого Кэмпиона он чувствовал себя нормально. Абсолютно нормально.

Троим маленьким Ходжесам было соответственно шесть лет, четыре года и восемнадцать месяцев. Двое младших спали, а старший копал яму во дворе. Лайла Бруэтт сидела в гостиной и смотрела по телевизору очередную серию «Молодых и дерзких». Она надеялась, что Салли не вернется до окончания фильма. Ральф Ходжес купил большой цветной телевизор, когда в Арнетте еще не наступили такие тяжелые времена, и Лайле нравилось смотреть дневные сериалы в цвете. Все выглядело куда красивее.

Она затаилась сигаретой и закашлялась. Пошла на кухню, сплюнула в раковину, смыла слизь водой. Лайла проснулась с кашлем, и весь день ей казалось, будто кто-то щекочет гортань перышком.

Она вернулась в гостиную и через окно выглянула во двор, чтобы убедиться, что с Бертом Ходжесом все в порядке. Показывали рекламный ролик, и на экране танцевали две бутылки чистящего средства для унитаза. Лайла оторвалась от телевизора и оглядела комнату. Ей хотелось, чтобы ее собственный дом выглядел так же мило. Салли нашла себе хобби – картины-раскраски с изображением Христа, и теперь они висели по всей гостиной в красивых рамках. Больше всего Лайле нравилась внушительных размеров «Тайная вечеря» над телевизором. Салли говорила, что для этой картины пришлось использовать шестьдесят масляных красок разных цветов, а работа заняла почти три месяца. Так что получилось настоящее произведение искусства.

Едва реклама кончилась, малютка Черил подняла крик – визгливые вопли перемежались взрывами кашля.

Лайла отложила сигарету и поспешила в спальню. Четырехлетняя Ева продолжала спать, но Черил лежала на спине в своей кроватке, и лицо ее приобрело тревожный пунцовый оттенок. Крики стали придушенными.

Лайла не боялась крупы с тех пор, как им переболели оба ее ребенка. Она перевернула малютку Черил вниз головой и сильно похлопала по спине. Лайла не знала, рекомендовал ли доктор Спок такой метод лечения или нет, потому что не читала его книг, но с Черил все получилось как нельзя лучше. Малышка квакнула, как лягушка, и неожиданно выплюнула на пол сгусток желтой слизи.

– Полегчало? – спросила Лайла.

– Да-а-а, – протянула малютка Черил. Она уже снова почти спала.

Лайла вытерла пол бумажной салфеткой. Ей никогда не приходилось видеть такой обильной мокроты у ребенка.

Она вновь села перед телевизором, чтобы досмотреть «Молодых и дерзких», закурила новую сигарету, чихнула на первой же затяжке и сама зашла в приступе кашля.

Глава 4

Солнце зашло час назад.

Старки в одиночестве сидел за длинным столом, перебирая листы тонкой желтой бумаги. Они, точнее, написанное на них приводило его в смятение. Он служил своей стране уже тридцать шесть лет, начав затюканным курсантом в Вест-Пойнте. Его награждали орденами. Он разговаривал с президентами, давал им советы, и иногда эти советы принимались. Ему и раньше приходилось попадать в трудные ситуации, причем достаточно часто, но теперь...

Он боялся, так сильно боялся, что едва решался признаться в этом самому себе. Такой страх мог свести с ума.

Он вскочил и направился к стене, с которой на него смотрели пять темных телевизионных экранов. Поднимаясь, ударился коленом об стол, и один листок упал. Он медленно планировал в пропущенном через очистители воздухе, пока не приземлился на плитки пола, наполовину в тени стола, наполовину на свету. На листке было написано следующее:

НЕ ПОДТВЕРЖДЕН
ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ЛОГИЧНЫМ
ШТАММ С ИНДЕКСОМ 848-AB
КЭМПИОН (Ж.) САЛЛИ
СДВИГ И МУТАЦИЯ АНТИГЕНА.
РИСК/ПРЕВЫШАЮЩАЯ НОРМУ СМЕРТНОСТЬ
И РАСЧЕТНАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ ЗАРАЖЕНИЯ
ПОВТОРЯЮ 99,4 %. ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ПОНИМАЕТ. ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ ПРОЕКТ СИНЕВА.
КОНЕЦ
P-T-222312A

Старки нажал кнопку под центральным монитором. Изображение появилось с обескураживающей быстротой, свойственной надежному оборудованию государственного учреждения. На экране возникла пустыня в западной Калифорнии. В поле зрения камеры не попало ни единого человека, и безлюдность эта выглядела жутковато из-за пурпурно-красного оттенка, который придавала изображению инфракрасная съемка.

«Он прямо там, впереди, – подумал Старки. – Проект “Синева”».

Страх вновь попытался захлестнуть его. Он полез в карман и вытащил синюю таблетку. Дочь называла их «расслаблялками». Название значения не имело в отличие от результата. Он проглотил таблетку, не запивая, суровое лицо скривилось, когда она проскакивала в желудок.

Проект «Синева».

Он осмотрел остальные – выключенные – мониторы, а затем нажал кнопку под каждым из них. Четвертый и пятый показывали лаборатории. Четвертый – физическую, пятый – вирусной биологии. В лаборатории ВБ стояло множество клеток с животными, преимущественно с морскими свинками и макаками-резусами, несколько – с собаками. И никто из них, похоже, не спал. В физической лаборатории до сих пор крутилась небольшая центрифуга. Старки это не нравилось. *Совершенно* не нравилось. Мурашки бежали по коже потому, что центрифуга радостно крутилась, и крутилась, и крутилась, в то время как доктор Эзвик лежал рядом на полу, неуклюже раскинувшись, напоминая пугало, не устоявшее под напором сильного ветра.

Ему объяснили, что центрифуга работает от того же источника электропитания, что и освещение, поэтому выключить ее можно только вместе со светом. А камеры в лабораториях не приспособлены для съемки в инфракрасном диапазоне. Старки все понимал. Ведь еще какие-нибудь ублюдки могли заявиться из Вашингтона, чтобы посмотреть на труп лауреата Нобе-

левской премии, лежащий в четырехстах футах под землей, меньше чем в миле отсюда. Если выключим центрифугу, выключим и профессора. Элементарно. Дочь назвала бы такую ситуацию «Уловка-22».

Он принял еще одну таблетку и посмотрел на монитор номер два. Картинка на нем нравилась ему меньше всего. Да и кому мог понравиться человек, упавший лицом в миску супа? Представьте себе, к вам подходят и говорят: *Ты проведешь вечность, уткнувшись мордой в миску супа*. Это как старый киношный комический трюк, когда тортом запускают кому-то в физиономию: ничуть не смешно, если этот кто-то – ты сам.

Монитор номер два показывал столовую проекта «Синева». Все произошло аккуратно между сменами, поэтому народу в ней было немного. Старки полагал, что для сотрудников проекта не имело особого значения, где они умерли – в столовой, или в своих комнатах, или в лабораториях. И все-таки этот человек с лицом в супе...

Мужчина и женщина в синих комбинезонах лежали у автомата со сладостями. Мужчина в белом комбинезоне – у музыкального автомата «Сиберг». Девять мужчин и четырнадцать женщин умерли за столиками. У одних голова соседствовала с пирожным «Твинкис», у других – с лужей колы или спрайта, выплеснувшихся из бумажных стаканчиков, которые смяли руки покойников. Но человеку – в нем потом опознают доктора Фрэнка Д. Брюса – за вторым столиком, ближе к двери, совсем уж не повезло. Его лицо уткнулось в миску супа «Кэмпбелл» с кусочками говяжьей вырезки.

Монитор номер один показывал только электронные часы. До тринадцатого июня все цифры на них были зеленого цвета. Теперь они стали ярко-красными. На часах застыло: 13.06.90 02.37.16.

Тринадцатое июня тысяча девятьсот девяностого года. Два часа тридцать семь минут. И еще шестнадцать секунд.

За спиной коротко звякнуло.

Старки один за другим выключил мониторы и обернулся. Увидел, что один из желтых листов лежит на полу, и поднял его.

– Войдите.

В дверях появился Крайтон. Очень серьезный и бледный как мел.

«Опять плохие новости, – невозмутимо подумал Старки. – Кто-нибудь еще совершил затажной прыжок в миску холодного супа с кусочками вырезки».

– Привет, Лен, – спокойно поздоровался он.

Лен Крайтон кивнул в ответ:

– Билли. Эти... Боже, я не знаю, как тебе об этом сказать.

– Я думаю, по одному слову за раз – наилучший вариант, солдат.

– Эти люди, которые переносили тело Кэмпбелла, проходят предварительное обследование в Атланте, и новости неутешительные.

– Все заражены?

– По крайней мере пятеро. Есть там один парень – его зовут Стюарт Редман, – так вот, у него пока отрицательная реакция. Но, насколько нам известно, и у Кэмпбелла первые пятьдесят часов реакция оставалась отрицательной.

– Если бы Кэмпбелл не сбежал, – вздохнул Старки. – Там оказалась хреновая система безопасности, Лен. На редкость хреновая.

Крайтон кивнул.

– Продолжай.

– В Арнетте введен карантин. Мы уже изолировали как минимум шестнадцать человек, зараженных постоянно мутирующим вирусом гриппа А-прайм. И это только те, у кого проявились явные симптомы.

– Средства массовой информации?

– Пока все тихо. Они верят в то, что это сибирская язва.

– Что еще?

– Одна очень серьезная проблема. Джозеф Роберт Брентвуд, патрульный дорожной полиции Техаса. Его двоюродному брату принадлежит та самая заправка, где Кэмпиион закончил свое путешествие. Он заехал вчера утром к Хэпскомбу, чтобы предупредить, что приезжают люди из департамента здравоохранения. Мы задержали его три часа назад, и сейчас он на пути в Атланту. Но до этого Брентвуд объехал на патрульной машине половину восточного Техаса. Одному Богу известно, со сколькими людьми он вступил в контакт за это время.

– Черт! – выдохнул Старки – и сам испугался водянистой слабости своего голоса и холода, который зародился где-то в яйцах и теперь подбирался к животу. «Расчетная вероятность заражения девяносто девять целых четыре десятых процента», – подумал он. Эта фраза вертелась и вертелась у него в голове. И означала, в свою очередь, девяносто девять целых четыре десятых процента летальных исходов, поскольку человеческий организм не мог производить антитела, способные уничтожить постоянно мутирующий вирус. Как только нужные антитела появлялись, вирус просто мутировал и переходил в новую, слегка отличную от предыдущей форму. По этой же причине практически не представлялось возможным и создание вакцины.

Девяносто девять целых и четыре десятых процента.

– Господи. Это все?

– Ну...

– Давай же. Заканчивай.

Крайтон тянуть не стал.

– Хаммер мертв, Билли. Самоубийство. Он выстрелил себе в глаз из табельного пистолета. Материалы по проекту «Синева» лежали у него на столе. Мне кажется, он подумал, что они представляют собой вполне исчерпывающую предсмертную записку.

Старки закрыл глаза. Вик Хаммер, его... был его зятем. И как он скажет об этом Синтии? «Мне очень жаль, Синти. Вик сегодня нырнул с вышки в миску холодного супа. Вот, прими «расслаблялку». Видишь ли, это цепь досадных случайностей. Анализатор оказался с дефектом. А еще кто-то забыл повернуть рубильник, отсекающий базу от внешнего мира. Запаздывание составило сорок пять секунд, но этого хватило. Анализаторы эти на нашем жаргоне называют «нюхачами». Их изготовили в Портленде, штат Орегон, по контракту министерства обороны 164480966. «Нюхачей» собирают на отдельных конвейерах женщины-техники, и сборка организована таким образом, что никто из них знать не знает, чем они занимаются. Одна, вероятно, думала о том, что приготовить на ужин, а другая, которой полагалось проверять работу первой, размышляла об обмене семейного автомобиля. И наконец, последняя случайность: охранник, находившийся на посту наблюдения номер четыре, кстати, его фамилия Кэмпиион, увидел, как цифры поменяли цвет на красный, и успел уйти, прежде чем двери захлопнулись и сработали магнитные замки. Потом он забрал свою семью и уехал. Проскочил главные ворота за четыре минуты до того, как завывли сирены и мы блокировали всю базу. И никто не искал его еще целый час, потому что на постах наблюдения не стоят камеры слежения – на каком-то этапе приходится прекращать охранять охранников, иначе мы все тут превратимся в надзирателей, – и все полагали, что он на месте, ждет, пока «нюхачи» отделият чистые зоны от зараженных. Таким образом, он получил немалую фору, и ему хватило ума воспользоваться проселочными дорогами; более того, его автомобиль не застрял ни на одной из них. Потом кому-то пришлось принимать волевое решение, ставить ли в известность дорожную полицию, или ФБР, или оба этих ведомства, и все метались из стороны в сторону, и к тому времени, когда кто-то решил, что разгребать дерьмо должна Контора, этот говнюк-везунчик – этот удачливый больной говнюк – добрался до Техаса, а когда его наконец-то настигли, он уже никуда не бежал, потому что лежал в море, вместе с женой и дочерью. В море Богом

забытого маленького городка, именуемого Брейнтри. Брейнтри, штат Техас. Короче, Синти, я пытаюсь объяснить, что все это – цепь случайностей, и вероятность такого развития событий была ниже, чем вероятность выигрыша в Ирландской лотерее. К счастью, эту вероятность, конечно, чуть повысила некомпетентность... я хотел сказать, к несчастью, пожалуйста, извини меня, но главным образом причина в том, что все эти случайности наложились друг на друга. Вины твоего мужа в этом нет. Однако он возглавлял проект и понял, что ситуация выходит из-под контроля, и тогда...»

– Спасибо, Лен, – поблагодарил он Крайтона.

– Билли, не хочешь ли ты...

– Я поднимусь через десять минут. Пожалуйста, оповести всех, что совещание генштаба начнется через четверть часа. Если они в постелях, дай им пинка, чтобы шевелились.

– Да, сэр.

– И, Лен...

– Да?

– Я рад, что именно ты сообщил мне об этом.

– Да, сэр.

Крайтон вышел. Старки посмотрел на часы. Потом подошел к мониторам, вмонтированным в стену. Включил номер два и, заложив руки за спину, задумчиво уставился на безмолвную столовую проекта «Синева».

Глава 5

Ларри Андервуд повернул за угол и нашел место для парковки, достаточно широкое, чтобы втиснуть свой «датсун-зет» между пожарным гидрантом и чьим-то заполненным доверху и лежащим на боку мусорным контейнером. В нем лежало что-то мерзкое, и Ларри попытался убедить себя в том, что в действительности не видел окоченевший труп кошки, в белый живот которой вгрызалась крыса. Она рванула в темноту от света фар его автомобиля, и ему не составило бы труда поверить, что ее и вовсе не было. Кошка, однако, никуда не делась, и, глуша двигатель «зет», Ларри пришел к выводу, что если веришь в одно, придется поверить и в другое. Ведь говорили же, что в Париже самая большая популяция крыс во всем мире? Благодаря старым дренажным и канализационным системам. А Нью-Йорк не сильно уступал Парижу, и если Ларри не изменяли воспоминания о растраченном впустую детстве, отнюдь не все нью-йоркские крысы были четвероногими. И зачем он вообще паркуется у этого разваливающегося городского особняка, размышляя о крысах?

Пятью днями ранее, четырнадцатого июня, Ларри пребывал в солнечной южной Калифорнии – этом пристанище наркоманов, сектантов, единственных в мире круглосуточных ночных клубов с танцовщицами гоу-гоу и «Диснейленда». Нынешним же утром, без четверти четыре, он прибыл на побережье другого океана и заплатил за проезд по мосту Трайборо. Сыпал унылый мелкий дождь. Только в Нью-Йорке мелкий летний дождь может казаться таким невыносимо унылым. Ларри видел, как дождевые капельки сливались на ветровом стекле «датсуна», а восточный небосклон уже начала подсвечивать заря.

Дорогой Нью-Йорк, я снова дома.

Может быть, «Янкиз» в городе. Хоть какое-то оправдание для путешествия. Доехать на подземке до Стадиона, пить пиво, есть хот-доги и наблюдать за тем, как «Янкиз» громят Кливленд или Бостон...

Мысли унесли его куда-то прочь, а вернувшись в Нью-Йорк, он увидел, что стало заметно светлее. Часы на приборной панели показывали 6.05. Похоже, он задремал. И теперь убедился, что крыса настоящая. Потому что она вернулась. И уже выгрызла немалую дыру во внутренних частях кошки. Пустой желудок Ларри трепыхнулся. Он было собрался посигналить и прогнать крысу, но взглянул на спящие дома, охраняемые пустыми мусорными контейнерами, и передумал.

Он просто сполз пониже в ковшеобразном водительском кресле, чтобы не видеть, как крыса завтракает. «Только заморю червячка, мой дорогой человек, и тут же обратно, в тоннели подземки. Возможно, мне еще доведется увидеть тебя, старина. Хотя я очень сомневаюсь, что ты при этом тоже увидишь меня».

Фасад здания украшали написанные краской из баллончиков слоганы загадочного и зловещего содержания: «ЧИКО 116», «ЗОРРО 93», «МАЛЫШ ЭБИ № 1». Когда Ларри был маленьким, до того как умер отец, этот район выглядел респектабельно. Два каменных пса охраняли ступени, ведущие к двустворчатой двери. За год до того, как он уехал на западное побережье, хулиганы разбили туловище правого пса, до самых лап. Теперь от обеих скульптур осталась одна задняя лапа левой собаки. Туловище, для поддержания которого предназначались лапы, исчезло бесследно. Возможно, ныне оно украшало логово какого-нибудь пуэрто-риканского торчка. А может, пса взял ЗОРРО 93 или МАЛЫШ ЭБИ № 1. Или крысы темной ночью утащили скульптуру в заброшенный подземный тоннель. И возможно – наверняка он не знал, – заодно прихватили его мамашу. Он полагал, что должен хотя бы подняться по лестнице и войти в подъезд, чтобы убедиться, что ее фамилия никуда не делась с почтового ящика квартиры номер пятнадцать, но усталость не давала ему сдвинуться с места.

Нет, он посидит здесь и подремлет до семи утра, в надежде, что «красненькие»¹⁰, которыми он закинулся, разбудят его около семи. Тогда он выйдет из машины и посмотрит, живет ли еще здесь его мать. Может быть, даже лучше, если она переехала. Может быть, тогда он даже забудет про «Янкиз». Может быть, просто снимет номер в «Билтморе», проспит три дня подряд, а потом отправится обратно на Золотой Запад. В этом свете, под этим моросющим дождем, когда голова и ноги гудели от усталости, Нью-Йорк очаровывал, как мертвая шлюха.

Мысли вновь поплыли в прошлое, и в который раз он принялся размышлять о прошедших девяти неделях (или около того), пытаюсь найти разгадку, способную расставить все по местам, позволить объяснить самому себе, как он мог шесть долгих лет биться головой о каменные стены, играть в клубах, рассылать демонстрационные кассеты, участвовать в студийных записях, выпрыгивать из штанов – а потом внезапно добиться всего, о чем мечтал, за каких-то девять недель. Но разложить все по полочкам в голове никак не удавалось, с тем же успехом можно было пытаться проглотить дверную ручку. Тем не менее Ларри исходил из того, что должен же быть какой-то ответ, какое-то объяснение, которое позволило бы отвергнуть самую отвратительную версию: случившееся с ним – всего лишь каприз, простой поворот судьбы, как пел Дилан.

Он глубже провалился в дрему, сложив руки на груди, вновь и вновь прокручивая в голове события прошлого, добавляя новые, произошедшие только что, тихий и мрачный контрапункт, ноту на пределе слышимости, сыгранную на синтезаторе, больше похожую на предупреждение: крысу, вгрызающуюся в труп кошки, жующую, жующую, ищущую что-то особенно вкусное. Это же закон джунглей, мой дорогой: если ты на деревьях, значит, должен раскачиваться...

На самом деле все началось еще полтора года назад. Он выступал с «Тэттерд ремнантс» в одном из клубов Беркли, и ему позвонил человек из «Коламбии». Не слишком большая шишка, простой труженик виниловых виноградников. Нил Даймонд захотел взять одну из песен Ларри под названием «Поймешь ли ты своего парня, детка?».

Даймонд записывал альбом. Кроме своих песен, он собирался включить туда «Пегги Сью вышла замуж» Бадди Холли и, возможно, песню Ларри Андервуда. Вопрос заключался в следующем: пожелает ли Ларри приехать и принять участие в записи собственной песни? Даймонд хотел добавить вторую акустическую гитару. Мелодия ему очень нравилась.

Ларри согласился.

Запись продолжалась три дня. Все прошло хорошо. Ларри встретился с Нилом Даймондом, Робби Робертсоном и Ричардом Перри. Договорились, что фамилия Ларри будет упомянута на обложке альбома, да и заплатили ему по расценкам профсоюза. Но песня «Поймешь ли ты своего парня, детка?» так и не вошла в альбом. На второй вечер записи Даймонд пришел с новой мелодией собственного сочинения, которая и заменила песню Ларри.

«Что ж, это плохо, – посочувствовал человек из «Коламбии», – но такое случается. И вот что я тебе скажу: почему бы нам все-таки не записать песню? Посмотрим, вдруг мне удастся что-нибудь сделать?»

Песню Ларри записал, а потом вновь оказался на улице. В Лос-Анджелесе тоже наступили трудные времена. Несколько раз его приглашали поучаствовать в записи, но не более того.

Наконец он все-таки устроился гитаристом в вечерний клуб. Негромко наигрывал «Нежно, как я покидаю тебя» и «Лунную реку», пока пожилые мужчины говорили о делах и поглощали итальянские блюда. Он писал тексты песен на клочках бумаги, потому что иначе путался, а то и вовсе все забывал и напевал мелодии, продолжая тренькать на гитаре, м-м-м-м-м, м-м-м-м-м, та-да-м-м-м-м, стараясь выглядеть изысканно, как импровизирующий Тони

¹⁰ Имеются в виду наркотические таблетки.

Беннетт¹¹, и чувствуя себя полным говнюком. В лифтах и супермаркетах Ларри особенно остро ощущал, какую жалкую музыку он играет.

А потом, девять недель тому назад, совершенно неожиданно позвонил человек из «Коламбии». Они хотят выпустить его запись синглом. Может ли он приехать и записать песенку для другой стороны? «Конечно», – ответил Ларри. Конечно, он мог и приехать, и записать. В воскресенье вечером он вошел в студию «Коламбия рекордс» в Лос-Анджелесе, за один час продублировал на второй дорожке свой голос для «Поймешь ли ты своего парня, детка?», а потом записал песню «Карманный Спаситель», которую сочинил еще для «Тэттерд ремнантс». Человек из «Коламбии» вручил Ларри чек на пятьсот долларов и вонючий контракт, связывавший музыканта куда в большей степени, чем звукозаписывающую компанию. Потом пожал Ларри руку, порадовался тому, что они в одной лодке, одарил его сухой улыбкой, когда тот спросил о рекламной кампании по продвижению сингла, и проводил до дверей. В столь поздний час Ларри уже не мог положить деньги на депозит, поэтому чек оставался у него в кармане, пока он играл стандартный репертуар в вечернем клубе «У Джино». Перед первым перерывом он сыграл и тихонько спел «Поймешь ли ты своего парня, детка?». Заметил это только владелец вечернего клуба, который предложил ему приберечь ниггерский бибоп для бригады уборщиков.

Семь недель назад человек из «Коламбии» позвонил снова и посоветовал купить последний номер «Биллборда». Ларри рванул к газетному киоску. «Поймешь ли ты своего парня, детка?» вошла в число трех лучших новинок недели. Ларри перезвонил человеку из «Коламбии», и тот спросил, не хочет ли Ларри встретиться за ленчем с некоторыми из настоящих шишек, чтобы обсудить будущий альбом. Сингл им понравился, а песни уже включили в ротацию радиостанций Детройта, Филадельфии и Портленда, штат Мэн. Все шло к тому, что они могли стать хитами. На одной детройтской радиостанции, транслирующей соул, его сингл четыре вечера подряд побеждал в ночной программе «Битва звуков». Никто, похоже, и представить себе не мог, что Ларри Андервуд – белый.

На ленче он напился и едва ощутил вкус семги. Никто не обратил на это ни малейшего внимания. Один из больших людей сказал, что не удивится, если в следующем году «Поймешь ли ты своего парня, детка?» получит «Грэмми». И каким же бальзамом эти слова пролились на сердце Ларри. Ему казалось, что это сон, а не явь, и, возвращаясь домой, он почему-то не сомневался, что его непременно собьет грузовик и на том все закончится. Шишки из «Коламбии» вручили ему еще один чек, на этот раз на две с половиной тысячи долларов. Придя к себе, Ларри снял телефонную трубку и начал звонить. Первым на повестке дня стал Морт Грин по прозвищу Джино, хозяин вечернего клуба, в котором Ларри играл на гитаре. Ларри сообщил, что тому придется найти кого-то еще, чтобы наигрывать «Желтую птицу», пока посетители жуют недоваренные макароны. Потом он позвонил всем, о ком только смог вспомнить, в том числе Барри Грайгу из «Ремнантс». После чего пошел в ближайший бар и напился как свинья.

Пять недель назад сингл вошел в «Горячую сотню» хит-парада «Биллборда» и занял восемьдесят девятое место. С пулей¹². В те дни в Лос-Анджелес по-настоящему пришла весна. В ослепительно сверкающее майское утро, когда дома такие белоснежные, а океан такой синий, что, кажется, глаза сейчас выскочат из глазниц и покатаются вниз по щекам, как стеклянные шарики, Ларри впервые услышал свою запись по радио. Компанию ему составляли три или четыре приятеля, среди них – его тогдашняя девушка, и все они немножко нюхнули кокаина. Он заходил из кухни в гостиную с пакетом печенья «Толл хаус», когда из радиоприемника прозвучал знакомый слоган КЛМТ: «Но-о-о-о-вая му-у-у-зыка!» А затем Ларри замер, услышав собственный голос, доносящийся из колонок «Техникс»:

¹¹ Тони Беннетт (р. 1926) – исполнитель традиционной свинговой и поп-музыки с элементами джаза.

¹² В хит-парадах «Биллборда» пулей отмечаются песни, которые максимально быстро поднимаются по списку.

Да, я не сказал тебе, что еду домой,
Да, ты не знала, что я буду с тобой,
Но кто ж мне ответит, как не ты, детка?
Поймешь ли ты своего парня, детка?
Он суперпарень, ты же знаешь, детка.
Поймешь ли ты своего парня, детка?

«Господи, это же я!» – вырвалось у него. Он уронил пакет с печеньем на пол и стоял, разинув рот, словно огретый обухом по голове, а его друзья аплодировали.

Четыре недели назад его песня прыгнула на семьдесят третье место в хит-параде «Билл-борда». У Ларри появилось ощущение, будто он попал в старый немой фильм, в котором все происходит слишком быстро. Телефон звонил не переставая. «Коламбия» срочно требовала записи альбома, стремясь извлечь максимальную выгоду из успеха сингла. Какой-то обезумевший сукин кот из «Эй-энд-Ар»¹³ названивал по три раза на дню, твердя, что Ларри еще *вчера* должен был прийти в студию «Рекорд уан» и записать римейк «Держись, Слупи» группы «Маккойс». «Это будет бомба! – орал этот debil. – Как пить дать, Лар! (Ларри еще ни разу не виделся с ним, но уже стал для него Ларом.) Это будет бомба! Говорю тебе, гребаная *бомба!*»

Ларри вышел из себя и ответил назойливому бомбиле, что если бы ему пришлось выбирать между записью «Держись, Слупи» и клизмой с кока-колой, он бы выбрал клизму, после чего бросил трубку.

Но все продолжалось. В его замороженные уши текли потоки уверений, что это будет лучший альбом последней пятилетки. Десятки агентов обрывали телефон. В каждом голосе слышалась жадность. Ларри начал принимать апперсы, и теперь ему повсюду мерещилась его песня. Одним воскресным утром он услышал ее в программе «Соул трейн», а потом весь день убеждал себя, что это была не галлюцинация.

Неожиданно трудно оказалось избавиться от Джулии – девушки, с которой он начал встречаться в тот период, когда играл на гитаре в вечернем клубе «У Джино». Она знакомила его с разными людьми, из которых он сам предпочел бы общаться лишь с немногими. Ее голос стал напоминать ему голоса сладкоречивых агентов-телефонистов. После долгого, шумного и желчного скандала он наконец расстался с ней. Она кричала, что его голова скоро распухнет настолько, что перестанет пролезать в дверь звукозаписывающей студии, что он должен ей пятьсот баксов за траву, что он – Загер и Эванс¹⁴ девяностых в одном лице. Она угрожала покончить жизнь самоубийством. После разрыва Ларри чувствовал себя так, словно принял участие в затяжной битве подушками, каждую из которых обрабатывали низкопробным отравляющим газом.

Они начали записывать альбом три недели тому назад, и Ларри сумел отвертеться от большинства предложений «для его же блага». Он воспользовался той относительной свободой действий, которую оставил ему контракт. Вызвал троицу из «Тэттерд ремнантс» – Барри Грайга, Эла Спеллмана и Джонни Маккола – и двух других музыкантов, с которыми работал в прошлом, Нила Гудмана и Уэйна Стьюки. Они записали альбом за девять дней, используя выделенное студийное время до последней минуты. «Коламбия», похоже, хотела, чтобы альбом основывался на песнях, способных, по мнению боссов, обеспечить ему двадцатинедельные продажи, начиная с «Детки» и заканчивая «Держись, Слупи». Ларри хотел большего.

Обложку альбома украшала фотография Ларри в наполненной пеной старинной ванне на ножках. Сверху – на кафельной стене – краснели слова, написанные помадой одной из сек-

¹³ «Эй-энд-Ар» – подразделение звукозаписывающей компании, которое занимается поиском талантов.

¹⁴ «Загер и Эванс» – рок-поп-дуэт из Небраски в составе Денни Загера и Рика Эванса, популярный в 60—70-х гг. XX в.

ретарш «Коламбии»: «КАРМАННЫЙ СПАСИТЕЛЬ» и «ЛАРРИ АНДЕРВУД». «Коламбия» хотела назвать альбом «Поймешь ли ты своего парня, детка?», но Ларри твердо стоял на своем, и они в конце концов согласились на наклейку «ВКЛЮЧАЕТ ХИТОВЫЙ СИНГЛ» на упаковочной пленке.

Две недели назад сингл переместился на сорок седьмую позицию, и праздник начался. Ларри снял на месяц дом в Малибу у самой кромки океана, а все последующие события помнил достаточно смутно. Люди приходили и уходили, и их становилось все больше. Некоторых Ларри знал, большинство – видел впервые в жизни. Он помнил, как его осаждали все новые и новые агенты, желавшие «продолжить его великую карьеру». Он помнил девушку под кайфом, которая, что-то крича, выбежала на пляж в чем мать родила. Он помнил, как нюхал кокаин и запивал его текилой. Он помнил, как его растолкали субботним утром, должно быть, неделю или около того назад, чтобы он послушал, как Кейси Касем прокручивает его запись, впервые вошедшую в число «Сорока лучших синглов Америки» и сразу поднявшуюся на тридцать шестое место. Он помнил, как горстями глотал апперсы и, смутно, как торговался – в кармане лежал полученный по почте чек на четыре тысячи долларов роялти, – покупая «датсун-зет».

А затем, тринадцатого июня, шесть дней назад, Уэйн Стьюки предложил Ларри прогуляться вместе с ним к морю. Несмотря на ранний час – девять утра, – уже гремела стереосистема, работали два телевизора, а звуки, доносившиеся из игровой комнаты в подвале, свидетельствовали об оргии в самом разгаре. Ларри в одних трусах сидел в мягком кресле в гостиной и тупо пытался понять, о чем речь в комиксе «Супербой». Он чувствовал себя очень даже бодрым, но ни одно слово не желало связываться с другими. Целостный образ никак не складывался. Вагнер грохотал из квадрофонических колонок, и Уэйну пришлось прокричать свое предложение три или четыре раза, прежде чем до Ларри дошло. Он кивнул. Энергия так и расpirала его. Он мог отшагать многие мили.

Но едва солнечный свет иглами пронзил глазные яблоки, Ларри неожиданно передумал. Никаких прогулок. Нет уж. Глаза превратились в увеличительные стекла, и вскоре солнце, проходя сквозь них, сожжет ему мозги. А судя по ощущениям, его бедные мозги больше всего сейчас напоминали порох.

Однако Уэйн, решительно взяв Ларри за руку, настоял на своем. Они вышли на берег, пересекли полосу нагревающегося рассыпчатого песка, добрались до плотного темно-коричневого, который оставляли после себя откатывающиеся волны, и Ларри решил, что идея, в конце концов, была неплоха. Шум прибоя успокаивал. Чайка, энергично машущая крыльями и набирающая высоту, напоминала белую букву «М», перемещающуюся по синему небу.

Уэйн вновь потянул его за руку.

– Пошли.

Перед Ларри лежали те самые многие мили, которые он мог отшагать. Только вот желание у него отпало. Жутко болела голова, позвоночник будто стал стеклянным. Глазные яблоки пульсировали, почки ныли. Амфетаминное похмелье не так болезненно, как утренние ощущения после литра «Четырех Роузов»¹⁵, но трахать Ракель Уэлч все равно куда приятнее. А будь у него еще парочка апперсов, он бы запрыгнул на гребень волны, которая пыталась сбить его с ног. Ларри полез за таблетками в карман брюк и лишь тогда впервые понял, что на нем только трусы, которые он последний раз менял три дня назад.

– Уэйн, я хочу вернуться.

– Давай пройдем чуть-чуть подальше.

Ларри пришло в голову, что Уэйн как-то странно смотрит на него, со смесью раздражения и жалости.

¹⁵ «Четыре Роуза» – бурбон, названный так Руфусом М. Роузом в свою честь, а также в честь своего брата Ориджена, сына и племянника.

– Нет, чел, я же в одних трусах. Меня арестуют за появление в общественном месте в непристойном виде.

– На этой части побережья ты можешь повязать свой член банданой и сверкать яйцами, не опасаясь ареста за непотребный вид. Пошли, чел.

– Я устал! – раздраженно бросил Ларри. Он начал злиться на Уэйна. Уэйн ему мстит за то, что он, Ларри, написал хит, а Уэйн в новом альбоме указан всего лишь клавишником. Уэйн ничем не отличается от Джулии. Теперь все его ненавидят. Все стремятся вонзить нож в спину. Глаза Ларри тут же затуманились слезами.

– Пошли, чел, – повторил Уэйн, и они потащились дальше по пляжу.

И отшагали, должно быть, еще милю, когда бедренные мышцы Ларри свело судорогой. Он вскрикнул и рухнул на песок. Боль кинжалами пропарывала обе ноги.

– Судороги! – завопил он. – О Господи, судороги!

Уэйн присел рядом с ним на корточки и выпрямил его ноги. Агония повторилась, и тогда Уэйн принялся за работу, массируя мышцы, которые, казалось, завязались узлом. Наконец истосковавшиеся по кислороду ткани начали расслабляться.

Ларри, у которого перехватило дыхание, теперь жадно хватал ртом воздух.

– Ох! – вырвалось у него. – Спасибо. Это было... это было чертовски больно.

– Само собой. – Особого сочувствия в голосе Уэйна не слышалось. – Держу пари, что было, Ларри. Как ты сейчас?

– Нормально. Но давай присядем, хорошо? А потом пойдем назад.

– Я хочу поговорить с тобой. Мне пришлось вытащить тебя сюда, чтобы ты немного оклемался и понял, что именно я тебе говорю.

– В чем дело, Уэйн? – спросил Ларри и подумал: «Вот оно. Шантаж».

Но следующие слова Уэйна не имели к шантажу ни малейшего отношения, и на мгновение Ларри почудилось, будто он снова смотрит на раскрытую страницу «Супербоя», не в силах сообразить, что все это значит.

– Праздник пора заканчивать, Ларри.

– Чего?

– Праздник. Вернувшись, ты положишь конец веселью, выдашь всем ключи от автомобилей, поблаговаришь за приятно проведенное время и проводишь каждого до парадной двери. Избавься от них.

– Но я не могу этого сделать! – изумленно воскликнул Ларри.

– Уж постарайся, – ответил ему Уэйн.

– Но почему? Дружище, праздник только-только раскочегарился!

– Ларри, сколько тебе заплатила «Коламбия»?

– А что? – лукаво осведомился Ларри.

– Ты думаешь, я хочу пожить за твой счет? Подумай еще раз.

Ларри подумал – и с удивлением понял, что Уэйну Стьюки незачем зариться на его кровные. Да, Уэйн еще не заработал кучу денег, наоборот, он получал крохи, как и большинство тех, кто помогал Ларри записывать альбом, – но в отличие от многих и многих Уэйн Стьюки происходил из богатой семьи и прекрасно ладил со своими стариками. Его отцу принадлежала половина третьей по величине американской компании по производству электронных игр, и жила семья Стьюки в Бель-Эйре, в особняке, который тянул на скромный дворец. Вот тут Ларри осознал, что неожиданно свалившееся на него богатство в глазах Уэйна выглядело сущей мелочевкой.

– Нет, разумеется, нет! – резко ответил он. – Извини, конечно. Просто у меня такое впечатление, что каждый гребаный козел к западу от Лас-Вегаса...

– Так сколько же?

Ларри поразмыслил.

- К этому моменту мне выплатили семь тысяч. В общей сложности.
- За сингл они выплачивают роялти раз в квартал, за альбом – раз в полгода?
- Да.

Уэйн кивнул.

- И тянут, пока рак на горе не свистнет, суки. Сигарету?

Ларри взял одну и закурил.

- Знаешь, во сколько тебе обходится этот праздник?

– Конечно, – ответил Ларри.

- Дом ты снял не меньше чем за штуку.

– Да, точно. – На самом деле аренда обошлась ему в тысячу двести долларов плюс пятьсот долларов залога на случай порчи имущества. Он внес залог и уплатил половину арендной платы, отдал тысячу сто долларов и остался должен еще шестьсот.

- Сколько за наркотики?

– Ну, дружище, ты же понимаешь, что без этого нельзя. Это как сыр к крекерам «Ритц»...

- Травка и кокаин. Сколько всего?

– Гребучий прокурор, – пробурчал Ларри. – Пятьсот и пятьсот.

- А на второй день уже ничего не осталось.

– Хрена с два! – возмущенно воскликнул Ларри. – Я видел две миски, когда мы уходили этим утром, чел. Большую часть пустили по назначению, да, но...

– Парень, ты что, не помнишь Чека¹⁶? – Голос Уэйна внезапно изменился, стал очень похож на гнусавый голос самого Ларри: – Просто запиши на мой счет, Дьюи. Пусть они ни в чем себе не отказывают.

Ларри смотрел на Уэйна со все возрастающим ужасом. Он помнил маленького жилистого мужичка с необычной стрижкой (десятью годами ранее такие называли «ежиками»), в футболке с надписью: «ИИСУС ИДЕТ, И ОН ЗОЛ». Парень чуть ли не срал хорошим товаром. И Ларри отлично помнил, как говорил ему, этому Дьюи Чеку, следить за тем, чтобы миски с травкой не пустели, и записывать все на его счет. Но это было... ну... прошел не один день.

- Для Дьюи Чека ты просто подарок, каких мало.

- И на сколько он меня выставил?

– С травкой дела обстоят не так уж плохо. Она дешевая. Двенадцать сотен. И восемь штук за кокаин.

На секунду Ларри показалось, что его сейчас стошнит. Он молча вытаращился на Уэйна. Попытался заговорить, но выдавил только:

- *Девять двести?!*

- Инфляция, чел, – пожал плечами Уэйн. – Мне продолжать?

Продолжение Ларри слушать не хотелось, но он кивнул.

– Наверху цветной телевизор. Кто-то швырнул в него стул. Думаю, ремонт обойдется сотни в три. Деревянные панели внизу размолотили. Четыре сотни. Если повезет. Позавчера разбили панорамное окно, которое смотрит на берег. Три сотни. Ворсовый ковер в гостиной можно выкидывать: прожжен сигаретами и залит пивом и виски. Четыре сотни. Я позвонил в винный магазин. Ты порадовал их не меньше, чем Чека. Шесть сотен.

– Шесть сотен за выпивку? – прошептал Ларри. Жуткий ужас сковал все его тело, по самую шею.

– Скажи еще спасибо, что практически все пили только пиво и вино. И супермаркету ты должен четыре сотни за пиццы, чипсы, тако и прочую закуску. Но самое ужасное – это шум. Очень скоро появятся копы. *Les flics*. Нарушение общественного порядка. А среди твоих

¹⁶ Игра слов. Чек – пакетик с наркотиком.

гостей четверо или пятеро сидят на героине. В доме найдутся три-четыре унции «мексиканского коричневого».

– Тоже за мой счет? – просипел Ларри.

– Нет. Чек не связывается с героином. Его сбытом занимается мафия, а Чеку не хочется примерять бетонные ковбойские сапоги. Но если копы приедут, можешь не сомневаться, что и это запишут на твой счет.

– Но я не знал...

– Да, ты у нас невинное дитя. Само собой.

– Но...

– Короче, на данный момент общая сумма затрат на этот легкий разгуляйчик превышает двенадцать тысяч долларов, – подытожил Уэйн. – Ты уезжал и купил этот «зет»... какой отдал аванс?

– Две с половиной, – тупо ответил Ларри. Ему хотелось плакать.

– Ну и что у тебя осталось до следующего чека с роялти? Тысячи две?

– Около того. – У Ларри не хватило духа признаться Уэйну, что на самом деле у него осталось примерно восемьсот долларов: половина – наличными, половина – чеком.

– Слушай меня внимательно, Ларри, потому что я не стану повторять. Все только и ждут очередного праздника. В этом мире есть лишь две постоянные: постоянный обман и постоянный праздник. Они слетаются, как птички, высматривающие насекомых на спине у гиппопотама. Сейчас они здесь. Страхни их с себя, и пусть летят своей дорогой.

Ларри подумал о десятках людей, которые находились в доме. Он знал в лучшем случае каждого третьего. Горло перехватило от одной мысли о том, что он должен указать всем этим незнакомцам на дверь. От их доброго отношения к нему не останется и следа. Но тут же перед мысленным взором Ларри возник Дьюи Чек, наполняющий миски марихуаной, достающий из заднего кармана блокнотик и аккуратно записывающий все на его счет. Дьюи Чек с «ежиком» и в ультрамодной футболке.

Уэйн спокойно наблюдал, как в голове Ларри одна картинка сменяет другую.

– Чел, я буду выглядеть самым большим говнюком на свете, – наконец выдохнул Ларри, ненавидя жалкие и обидные слова, слетевшие с его собственных губ.

– Да, они много чего наговорят. Скажут, что ты собрался в Голливуд. Что ты зазнаешься. Забываешь старых друзей. Да только нет среди них твоих друзей, Ларри. Твои друзья еще три дня назад увидели, что происходит, и уехали. Нет ничего веселого в том, чтобы смотреть на друга, который дует в штаны и даже не подозревает об этом.

– Тогда зачем ты мне все это говоришь? – спросил Ларри, внезапно разозлившись. Злость зародилась из осознания того, что все его настоящие друзья действительно уехали, а в свете вышесказанного причины, которыми они объясняли необходимость отъезда, выглядели неубедительными. Барри Грайг отвел его в сторону, попытался что-то сказать, но Ларри был под таким кайфом, что мог только кивать и широко улыбаться. Теперь он задался вопросом: а не пытался ли Барри растолковать ему то же самое, что и Уэйн? Мысль эта злила и выводила из себя. – Тогда зачем ты мне все это говоришь? – повторил он. – Есть подозрение, что ты не очень-то меня жалуешь.

– Не очень... но и неприязни к тебе я не испытываю. А вот других причин, чел, назвать не могу. Я мог бы не мешать тебе и дальше валяться в этой грязи. Думаю, одного раза тебе бы хватило.

– Это ты о чем?

– Ты им все скажешь, потому что у тебя есть характер. И есть что-то еще... вроде способности грызть жесть. Что-то такое, без чего не добиться успеха. У тебя это есть. И карьеру ты сделаешь. Пусть и скромную. Будешь играть средненький поп, который через пять лет уже

никто не вспомнит. Поклонники бибоба из старшей школы будут собирать твои альбомы. И деньги ты заработаешь.

Руки Ларри, лежавшие на коленях, сжались в кулаки. Ему захотелось ударить в это спокойное лицо. От слов Уэйна он почувствовал себя кучкой собачьего дерьма, наваленной у знака «Стоп».

– Вернись в дом и выдерни штепсель, – мягко продолжил Уэйн. – Потом садись в машину и уезжай. Просто уезжай. Просто уезжай, чел. И держись подальше, пока не узнаешь, что новый чек с роялти ждет тебя.

– Но Дьюи...

– Я найду человека, который поговорит с Дьюи. С большим удовольствием, чел. Этот парень скажет Дьюи, что тот должен ждать свои деньги, как хороший маленький мальчик, и Дьюи с радостью пойдет ему навстречу. – Уэйн помолчал, наблюдая за бегающими по пляжу детьми в ярких купальных костюмах. Вместе с ними носилась собака, громко и радостно лая в синее небо.

Ларри поднялся и, сделав над собой усилие, поблагодарил Уэйна. Слово вывалилось у него изо рта, как кирпич. Морской бриз пронизывал потрепанные трусы.

– Ты просто поедешь куда-нибудь и соберешься с мыслями. – Уэйн тоже поднялся, не отрывая глаз от детей. – Тебе надо о многом подумать: какой тебе нужен менеджер, какие гастролы, какой контракт, когда «Карманный Спаситель» станет хитом. А я думаю, он станет. В нем есть такой аккуратный, ненавязчивый ритм. Если дашь себе передышку, ты все это сообразишь. Такие парни, как ты, всегда соображают.

Такие парни, как ты, всегда соображают.

Такие парни, как я, всегда соображают.

Такие парни, как...

Кто-то стучал пальцем по стеклу.

Ларри дернулся. Боль прострелила шею, и он поморщился, ощутив, как задеревенели мышцы. Он не просто задремал – уснул. И ему приснилась Калифорния. Но здесь и сейчас его окружал серый нью-йоркский дневной свет, а палец все продолжал стучать.

Ларри осторожно повернул голову на больной шее – и увидел свою мать с черной сеточкой на волосах, всматривающуюся в окно.

Мгновение они просто смотрели друг на друга, и Ларри вдруг почувствовал себя голым, словно животное, которое разглядывают в зоопарке.

Затем он взял рот под контроль, растянул губы в улыбке и опустил стекло.

– Мама?

– Я так и знала, что это ты, – произнесла она на удивление бесстрастным тоном. – Вылезай-ка оттуда и покажись мне в полный рост.

Обе его ноги затекли. Тысячи иголок вонзились в них от самых ступней, когда он открыл дверцу и вылез из машины. Ларри никогда не думал, что их встреча пройдет именно так и он окажется таким неподготовленным и уязвимым. Словно часовой, уснувший на посту и внезапно разбуженный командой «смирно». Почему-то он ожидал, что мать как бы уменьшится и у нее поубавится уверенности в себе, рассчитывал, что за прошедшие годы он возмужал, а она осталась прежней.

В том, что она застала его врасплох, Ларри чудилось что-то сверхъестественное. Когда ему было десять, мать будила его субботним утром, если полагала, что он заспался, стуча одним пальцем по закрытой двери спальни. И точно так же она разбудила его четырнадцать лет спустя, спящего в новеньком автомобиле, словно уставший подросток, который бодрствовал всю ночь, но в самый неподходящий момент сдался на милость дремы.

Теперь он стоял перед ней, с включенными волосами, с легкой и довольно-таки глупой улыбкой на лице. Иголки продолжали покалывать, заставляя Ларри переминаясь с ноги на ногу. Он вспомнил, что мать всегда спрашивала, не надо ли ему в туалет, если он так делал, и немедленно застыл на месте, предоставив иголкам колотиться.

– Привет, мам, – поздоровался он.

Она молча смотрела на Ларри, и ужас неожиданно заворочался в его сердце, как зловещая птица, вернувшаяся в старое гнездо. Он боялся, что она отвергнет его, повернется к нему своей спиной в дешевом пальто и просто-напросто уйдет за угол к станции подземки, оставив его в одиночестве.

Потом она вздохнула, подобно человеку, который собирается взвалить на себя тяжелую ношу, но когда заговорила, ее голос звучал так естественно и ровно – так правильно, – что он позабыл про свое первое впечатление.

– Привет, Ларри, – ответила она. – Пойдем наверх. Я поняла, что это ты, когда выглянула из окна. Я уже позвонила на работу и сказала, что заболела. У меня осталось несколько дней, которые я могу взять по болезни.

Она повернулась к нему спиной, чтобы первой подняться по лестнице между двух исчезнувших собак. Сначала он отставал на три шага, потом догнал мать, морщась от болезненных игольчатых уколов.

– Мама?

Она обернулась, и он обнял ее. На мгновение страх исказил черты лица матери, словно она ожидала, что ее ударят, а не обнимут, но затем она обняла его в ответ. Запах ее сухих духов добрался до ноздрей Ларри, вызвав неожиданную ностальгию, яростную, сладкую... и горькую. Он даже подумал, что сейчас заплачет, уж, во всяком случае, нисколько не сомневался, что она-то заплачет точно. Как-никак Трогательный Момент. Поверх ее склонившегося плеча он видел дохлую кошку, наполовину вывалившуюся из мусорного контейнера. Когда мать высвободилась из объятий, глаза ее были сухими.

– Пошли, я приготовлю тебе завтрак. Ты ехал на машине всю ночь?

– Да, – ответил он чуть хриплым от избытка чувств голосом.

– Ну что ж, идем. Лифт сломан, но два этажа – не проблема. Миссис Холси с ее артритом повезло меньше. Она живет на пятом. Не забудь вытереть ноги. Если ты наследишь, клянусь Гошеном, мистер Фриман устроит мне выволочку. У него просто нюх на грязь. – Они уже поднимались по лестнице. – Сможешь съесть три яйца? Я поджарю тебе гренки, если ты ничего не имеешь против памперникаля¹⁷. Идем.

Ларри последовал за ней мимо уничтоженных каменных собак, кинув диковатый взгляд на то место, где они стояли, чтобы убедить себя, что собаки действительно исчезли, что его рост не уменьшился на два фута, а он не вернулся в восьмидесятые. Она распахнула дверь, и они вошли в подъезд. Даже коричневые тени и запахи готовки остались прежними.

Элис Андервуд накормила его яичницей из трех яиц, беконом, гренками, соком, кофе. Покончив со всем, кроме кофе, он закурил и отодвинулся от стола. Она бросила на сигарету осуждающий взгляд, но ничего не сказала. К Ларри вернулась уверенность, точнее, если по-честному, некоторая ее часть. Мать всегда умела выбрать удобный момент.

Она опустила железную сковороду с длинной ручкой в раковину, наполненную водой. Послышалось шипение.

«Не очень-то она изменилась, – подумал Ларри. Немного постарела – ведь ей уже пятьдесят один, – и седины чуть прибавилось, но волосы под сеточкой остались почти черными. Простое серое платье, вероятно, повседневное. И грудь по-прежнему пышная, пожалуй, даже

¹⁷ Памперникель – хлеб из грубой, непросеянной ржаной муки.

еще увеличилась в размерах. – Мама, скажи мне правду, твоя грудь стала больше? Это единственное фундаментальное изменение?»

Он уже начал стряхивать пепел в кофейное блюдечко, но она выхватила его и поставила перед ним пепельницу, которую всегда держала в буфете. Ларри запачкал блюдце кофе, вот и полагал, что в него вполне можно стряхивать пепел. А вот пепельницу ему дали чистой, без единого пятнышка, и он ощутил легкий укол совести, используя ее по назначению. Его мать умела выжидать и ловко расставляла небольшие капканы, так что скоро лодыжки начинали кровоточить и хотелось хныкать.

– Итак, ты вернулся. – Элис взяла металлическую мочалку «Брилл», которая лежала на блюде для пирога «Тейбл ток», и начала тереть сковороду. – Что привело тебя сюда?

«Видишь ли, мама, один мой друг раскрыл мне глаза на жизнь: говнюки сбиваются в стаи, и на этот раз они выбрали целью меня. Я даже не знаю, можно ли назвать этого друга другом. Как музыканта он уважает меня не больше, чем я уважаю «Фрутгам компани»¹⁸. Но он убедил твоего сына отправиться в дальний путь, и разве не Роберт Фрост сказал, что дом – то самое место, где тебе откроют дверь, раз уж ты туда пришел?»

Однако вслух он сказал совсем другое:

– Пожалуй, я соскучился по тебе, мама.

Она фыркнула.

– Поэтому ты так часто мне писал?

– По части писем я не мастер. – Ларри покачивал сигаретой вверх-вниз, не выпуская ее из губ. С кончика слетали кольца дыма и поднимались к потолку.

– Повтори еще раз.

Он улыбнулся:

– По части писем я не мастер.

– Зато по-прежнему дерзок с матерью. В этом ты мастер.

– Извини, – ответил он. – Как тебе жилось, мама?

Она положила сковороду на сушилку, вытащила затычку из сливного отверстия раковины, вытерла кружева мыльной пены с покрасневших рук.

– Не так, чтобы плохо. – Мать вернулась к столу и села. – Спина побаливает, но у меня есть лекарства. Я справляюсь.

– После моего отъезда новых приступов не было?

– Только один. Но доктор Холмс мне помог.

– Мама, эти мануальщики... – «Обычные шарлатаны». Он прикусил язык.

– Что?

Он пожал плечами, отводя взгляд от ее кривой улыбки.

– Ты свободная, белая, и двадцать один тебе уже есть. Если этот доктор помогает – отлично.

Она вздохнула и достала из кармана упаковку мятных леденцов «Лайф сейверс».

– Мне гораздо больше, чем двадцать один, и я это чувствую. Хочешь? – Мать предложила ему леденец, который уже подцепила большим пальцем. Ларри покачал головой, и она отправила круглую конфетку себе в рот.

– Выглядишь ты по-прежнему как девушка. – В его голосе слышалась добродушная лесть. Ей всегда это нравилось, но сейчас губы матери тронула лишь тень улыбки. – Новые мужчины?

– Несколько, – ответила она. – Как насчет тебя?

– Нет, – совершенно серьезно произнес он. – Никаких новых мужчин. Девушки – да, но никаких новых мужчин.

¹⁸ «Фрутгам компани» – американская музыкальная группа 1960-х гг.

Он надеялся рассмешить мать, но снова вызвал лишь призрачную улыбку. «Мое появление тревожит ее, – подумал Ларри. – В этом все дело. Она не знает, зачем я здесь. Она ждала меня три года не для того, чтобы я наконец появился. Ей хотелось бы, чтобы я оставался в далеком далеке».

– Все тот же Ларри. Никакой серьезности. Ты не обручился? Встречаешься с кем-нибудь постоянно?

– Я себя не ограничиваю, мама.

– Ты всегда так поступал. Но, во всяком случае, ни разу не приходил домой, чтобы сообщить мне, что поставил какую-нибудь симпатичную девушку-католичку в интересное положение. В этом тебе надо отдать должное. Либо тебя выручала предельная осторожность, либо тебе везло, либо ты был очень благовоспитанным.

Он попытался сохранить бесстрастное лицо. В первый раз за всю жизнь она заговорила с ним о сексе.

– Так или иначе, рано или поздно тебе придется это сделать, – продолжила Элис. – Говорят, что холостяки снимают все сливки. Это не так. Ты просто становишься старым, и из тебя сыпется песок, как из мистера Фримана. У него квартира на первом этаже, и он всегда стоит у окна, в надежде, что подует сильный ветер.

Ларри фыркнул.

– Твою песню передают по радио. Я говорю людям, что это мой сын. Мой Ларри. Большинство мне не верит.

– Ты слышала? – Он задался вопросом, почему она не упомянула об этом сразу, вместо того чтобы говорить о всякой ерунде.

– Ну конечно. Ее постоянно крутят по этой рок-н-рольной радиостанции, которую слушают юные девицы. «У-Рок».

– Тебе понравилось?

– Не больше, чем любая другая музыка этого сорта. – Мать строго посмотрела на него. – Думаю, что некоторые фразы звучат непристойно. Похотливо.

Он заметил, что начал шаркать ногами, и заставил себя сидеть спокойно.

– Мне хотелось, чтобы песня звучала... страстно, мама. Ничего больше. – К лицу Ларри прилила кровь. Он и представить себе не мог, что будет сидеть на кухне у матери, обсуждая страсть.

– Страсти место в спальне, – отрезала она, подводя черту под интеллектуальным обсуждением его хита. – И ты что-то сделал со своим голосом. Звучит, как у ниггера.

– Сейчас? – удивленно спросил он.

– Нет, по радио.

– Это сексуальный звук, таким он и должен быть, – возразил Ларри глубоким, как у Билла Уитерса¹⁹, голосом и улыбнулся.

– Именно, – кивнула она. – Когда я была девушкой, нам казалось, что Фрэнк Синатра – это смело. А теперь появился этот *рэп*. Рэп – так это называют они. *Вопли* – вот как это называю я. – Она пристально посмотрела на него. – В твоей песне хотя бы нет воплей.

– Я получаю роялти, – сообщил он. – Определенный процент с каждой проданной пластинки. В целом это составляет до...

– Ой, прекрати. – Она отмахнулась от него. – Я никогда не была сильна в математике. Тебе уже заплатили, или ты купил эту маленькую машину в кредит?

– Мне заплатили не так уж много. – Он совсем близко подошел к границе лжи, но пока не переступил ее. – Я сделал первый взнос за машину. Остальное буду выплачивать.

¹⁹ Билл Уитерс (р. 1938) – американский певец и автор песен. Трижды лауреат премии «Грэмми».

– Политика дешевого кредитования! – В голосе матери слышалась злость. – Потому-то твой отец и обанкротился. Доктор сказал, что он умер от сердечного приступа, но дело не в этом. Его сердце *разбилось*. Твой отец сошел в могилу из-за политики дешевого кредитования.

Это была старая песня, и Ларри пропустил ее мимо ушей, кивая в нужных местах. Его отцу принадлежал галантерейный магазинчик. Затем неподалеку открылся «Роберт-холл»²⁰, и через год отцовское дело обанкротилось. Он начал искать утешения в еде и за три года потолок стал сто десять фунтов. Когда Ларри исполнилось девять, отец умер в забегаловке на углу, оставив на тарелке недоеденный сэндвич с фрикадельками. На поминках сестра попыталась утешить Элис Андервуд, которая, судя по ее виду, абсолютно не нуждалась в утешениях, и вдова сказала, что все могло обернуться намного хуже: «Ведь он мог спиться». Произнося эти слова, Элис смотрела через плечо сестры на ее мужа.

После смерти супруга Элис воспитывала Ларри сама, руководя его жизнью посредством прописных истин и предрассудков до тех пор, пока он не ушел из дома. Напоследок, когда он и Руди Шварц уезжали на старом «форде» Руди, мать сказала ему, что в Калифорнии тоже есть приюты для бедных.

«Да, сэр, такая у меня мама».

– Ты хочешь пожить здесь, Ларри? – мягко спросила она.

– Ты не против? – удивился он.

– Места хватит. В дальней спальне есть пустая кровать. Я храню там ненужные вещи, но коробки можно переставить.

– Хорошо, – медленно кивнул Ларри. – Если ты уверена, что я не помешаю. Я только на пару недель. Подумал, что повидаясь с давними друзьями. Марком... Гейленом... Дэвидом... Крисом... с этими парнями.

Она встала, подошла к окну, открыла его.

– Живи, сколько захочешь, Ларри. Может, по мне этого не видно, но я рада тебя видеть. Мы не очень хорошо расстались. Не без резких слов. – Она повернулась к нему. Лицо матери оставалось строгим, но его озаряла огромная любовь, пусть она и не хотела ее показывать. – Я о них сожалею. Они вырвались у меня только потому, что я тебя люблю. Я не знала, как в этом признаться, вот и выражалась доступными мне способами.

– Все нормально. – Ларри смотрел в стол. Его щеки покраснели, он это чувствовал. – Послушай, я оплачу расходы.

– Оплати, если хочешь. Но необходимости в этом нет. Я работаю. В отличие от тысяч других людей. И ты по-прежнему мой сын.

Он вспомнил о дохлой кошке, наполовину вывалившейся из мусорного бака, о Дьюи Чеке, с улыбкой наполняющем миски марихуаной, и внезапно расплакался. Глядя на раздвоившиеся от слез руки, Ларри подумал, что плакать должна она – не он... однако все пошло не так, как он себе представлял. Она все-таки изменилась. И он тоже изменился – но совсем в другом смысле. Загадочным образом они словно поменялись местами: она выросла, а он стал меньше. И домой он вернулся не потому, что ему требовалось куда-то уехать. Он вернулся домой, потому что боялся и хотел повидать мать.

Она стояла у открытого окна, наблюдая за сыном. Тюлевые занавески колыхались под влажным ветерком, затеняя ее лицо, но не скрывая полностью, отчего оно казалось призрачным. С улицы доносился транспортный шум. Она достала из лифа носовой платок, подошла к столу, сунула платок в руку Ларри. В ее сыне чувствовался стержень. Она это видела. Его отец был мягкотелым, и в глубине души она понимала, что именно это в действительности и свело мужа в могилу: выдавать кредиты у Макса Андервуда получалось куда лучше, чем брать. Так откуда взялся этот стержень? Кого Ларри следовало благодарить? Или винить?

²⁰ «Роберт-холл» – сеть универмагов, где продавалась недорогая и достаточно качественная одежда.

Его слезы не влияли на твердость характера, как не способен быстрое течение летний ливень повлиять на форму скалы. Эта твердость могла принести пользу, Элис это знала – ведь она была женщиной, в одиночку воспитавшей сына в большом городе, который плевать хотел что на матерей, что на их детей, – однако Ларри еще не определился со своим предназначением. Ее сын не менялся, оставался, как она и сказала, прежним Ларри. Он будет и дальше бездумно идти по жизни, вовлекая людей – и себя – во всякие передраги, но когда станет совсем плохо, этот самый стержень поможет ему выпутаться. Что же до остальных... он их оставит: пусть тонут или выплывают сами. Скала твердая... и его характер тоже, но пока он использовал эту твердость только для разрушения. Элис видела это в глазах Ларри, в каждом его жесте, даже в том, как он двигал «раковой палочкой» вверх-вниз, пуская кольца дыма. Он никогда не затачивал этот стержень, не превращал в меч, чтобы рубить людей (и это уже что-то), но при необходимости взялся бы за него, как за дубинку (что уже проделывал ребенком), чтобы проложить путь из западней, которые сам же себе и расставил. Когда-нибудь, раньше говорила она себе, Ларри изменится. Она ведь изменилась – а значит, изменится и он.

Но перед ней сидел уже не мальчик, а взрослый мужчина, и Элис подозревала, что для него время изменений – глубоких и фундаментальных, какие ее приходский священник называл изменениями души, а не сердца, – уже в прошлом. Было в Ларри нечто такое, что заставляло содрогнуться, как скрип мела по грифельной доске. Глубоко внутри был только он сам. И никого другого ее сын в свое сердце не допускал. Но она любила его.

Она также думала, что есть в Ларри и хорошее, очень хорошее. Но это хорошее трогать не следовало. Тем более – вытаскивать на поверхность. Это привело бы к катастрофе. Однако пока ни о какой катастрофе речь не шла; сын просто плакал.

– Ты устал, – сказала она. – Пойди умойся. Я переставлю коробки в дальней комнате, и ты сможешь поспать. А на работу я, пожалуй, пойду.

По короткому коридору мать прошла в дальнюю комнату, его прежнюю спальню, и Ларри услышал, как она кряхтит, переставляя коробки. Он медленно вытер глаза. Из окна доносились звуки уличного движения. Он попытался вспомнить, когда в последний раз плакал на глазах у матери. Подумал о дохлой кошке. Мать сказала чистую правду. Он устал. Никогда еще в жизни он так не уставал. Ларри лег на кровать и проспал почти восемнадцать часов.

Глава 6

День клонился к вечеру, когда Фрэнни вышла на задний двор, где ее отец терпеливо пропалывал горох и бобы. Она была поздним ребенком, и сейчас отцу уже пошел седьмой десяток. Его седые волосы торчали из-под привычной бейсболки. Мать Фрэнни уехала в Портленд, чтобы купить белые перчатки. Лучшая подруга детства Фрэн, Эми Лаудер, выходила замуж в начале следующего месяца.

Какое-то время Фрэнни смотрела на спину отца, испытывая к нему искреннюю любовь. В это время дня свет становился каким-то особенным и очень ей нравился, но бывал он таким только мимолетным, по-настоящему ранним мэнским летом. Иногда она думала об этом свете в середине января, и у нее начинало щемить сердце – так хотелось его увидеть. Предвечерний свет раннего лета скользил к темноте, неся в себе очень многое: бейсбольные матчи Малой лиги, где Фред всегда защищал третью базу и обычно без промаха бил по мячу; арбузы; первую кукурузу; чай со льдом в запотелых стаканах; детство.

Фрэнни кашлянула.

– Нужна помощь?

Отец повернулся к ней и усмехнулся:

– Привет, Фрэн. Застукала меня за прополкой?

– Похоже на то.

– Твоя мама уже вернулась? – Он чуть нахмурился, но его лицо тут же прояснилось. – Нет, это вряд ли, она совсем недавно уехала, верно? Конечно, помоги немного, если хочешь. Главное – не забудь потом помыть руки.

– Руки дамы выдают ее привычки, – с легкой насмешкой произнесла Фрэн и фыркнула. Питер попытался изобразить неодобрение, но не преуспел в этом.

Она наклонилась над соседней грядкой и принялась полоть. Вокруг чирикали воробьи, а с шоссе 1, проходившего меньше чем в квартале от их дома, доносился постоянный гул транспортного потока. Его громкость, конечно, еще не достигла июльского максимума, когда между их городом и Киттери почти ежедневно случались аварии, но росла с каждым днем.

Питер рассказал ей о том, как прошел день, и она задавала правильные вопросы и кивала в нужных местах. Увлеченный прополкой, он не видел кивков дочери, но краем глаза замечал, как кивает ее тень. Он работал на большой сэнфордской фирме по производству автомобильных запчастей, самой крупной к северу от Бостона. Возраст его приближался к шестидесяти четырем, и до последнего года работы перед уходом на пенсию оставалось всего ничего. Короткого года, потому что у него накопились четыре недели отпуска, который он намеревался взять в сентябре, после отъезда дачников. Жизнь на пенсии не выходила у него из головы. Он старался не думать о ней как о бесконечном отпуске, рассказывал Питер дочери, ведь у него хватало друзей, уже вышедших на пенсию, и они говорили, что все это выдумки. Но он сомневался, что будет скучать, как Харлан Эндерс, или жить в постыдной бедности, как Кейромы, – бедняга Пол проработал всю жизнь в магазине, и тем не менее им с женой пришлось продать дом и переехать к дочери и ее мужу.

Питеру Голдсмиту не нравилась система социального обеспечения; он никогда не доверял ей, даже раньше, когда она еще не начала трещать под ударами экономического спада, инфляции и увеличения числа людей, получающих пособие. В тридцатых и сороковых годах в Мэне было не так уж много демократов, говорил он дочери, но ее дедушка принадлежал к ним и, видит Бог, уж точно сделал демократа из ее отца. Из-за этого в лучшие дни Оганквита Голдсмиты выглядели в некотором роде париями. Однако его отец следовал принципу столь же твердокаменному, как и республиканская философия Мэна: не доверяй сильным мира сего, ибо они – и их правительства – поимеют тебя, даже если наступит конец света.

Фрэнни засмеялась. Ей нравилось, когда отец разговаривал с ней на подобные темы. Такое случалось не часто, потому что иначе одна женщина – его жена и ее мать – выжгла бы ему язык кислотой, которая легко и непринужденно стекала с ее собственного языка.

– Ты должен доверять самому себе, – продолжал отец Фрэнни, – и пусть сильные мира сего пытаются как могут поладить с людьми, которые их выбрали. В большинстве случаев получается не очень, но это нормально: они стоят друг друга... Твердая валюта – вот ответ, – объяснял он Фрэнни. – Уилл Роджерс говорил, что земля – единственное, чего больше не делают, но то же самое можно сказать о золоте и серебре. Человек, который любит деньги, – мерзавец, заслуживающий ненависти. Человек, который не заботится о деньгах, – дурак. Ненавидеть его нельзя – только жалеть.

Фрэн задалась вопросом, а что отец думает о бедном Поле Кейроме, своем старинном друге, но решила промолчать.

В любом случае он не говорил ей о том, что потратил немало лучших лет своей жизни, чтобы обеспечить им всем сносное существование. Нет, Фрэнни он говорил другое: что она никогда не была им обузой, в хорошие времена или в плохие. Своим друзьям отец с гордостью рассказывал, что отправил дочь в колледж. Если же, говорил он им, его деньги и ее мозги где-то оказывались бессильны, она добивалась своего проверенным временем способом: сгибая спину и натирая стул ягодицами – или, если избавиться от свойственной этой стране политкорректности, работая, и работая на совесть. Ее мать не всегда это понимала. Жизнь женщин менялась вне зависимости от того, нравилось это им или нет, и Карла с трудом могла уяснить, что учеба Фрэн в университете Нью-Хейвена – не охота за мужем.

– Она видит, что Эми Лаудер выходит замуж, – рассуждал Питер, – и думает: «На ее месте следовало быть моей Фрэн. Эми симпатичная, но рядом с Фрэн она смотрится как старое треснувшее блюдо». Твоя мать всю жизнь пользовалась старыми мерками, и теперь ее не изменишь. Вот почему вы иногда сцепляетесь так, что искры летят, будто камень о сталь. Винить в этом некого. И помни, Фрэн: она слишком старая, чтобы меняться, а ты – достаточно взрослая, чтобы это понимать.

От взаимоотношений в семье он вернулся к работе, рассказывая о том, как один их сотрудник едва не лишился большого пальца, работая на малом прессе, потому что думал о бильярдной, пока его чертов палец находился под штампом. Хорошо, что Лестер Краули вовремя оттащил его. Но, добавил отец, придет день, когда Лестера Краули не окажется рядом. Вздыхнул, словно вспоминая, что и сам скоро покинет цех, потом лицо его прояснилось, и он начал рассказывать дочери о своей идее: упрятать антенну в элементы отделки капота.

Питер продолжал перескакивать с одного на другое, и его голос звучал приятно и успокаивающе. Тени отца и дочери удлинились и двигались по грядкам перед ними. Все это ублаживало Фрэн, как и всегда. Она пришла сюда, чтобы кое-что сказать, но часто бывало, что, придя сказать, она оставалась, чтобы слушать. Отец не нагонял на нее скуку. Насколько она знала, никому не было с ним скучно, за исключением разве что ее матери. Он был прирожденным рассказчиком.

Она осознала, что отец замолчал. Он сидел на камне в конце своей грядки, набивал трубку и смотрел на нее.

– Что тебя тяготит, Фрэнни?

Мгновение она не отрывала от него глаз, не зная, как начать. Она пришла, чтобы во всем ему признаться, но теперь не знала, сможет ли это сделать. Молчание повисло между ними, принялось разрастаться, угрожая превратиться в пропасть, и этого она вынести не смогла. Прыгнула.

– Я беременна.

Он перестал набивать трубку и только смотрел на нее.

– Беременна, – повторил он так, будто никогда не слышал этого слова раньше. – Ну, Фрэнни... это шутка? Или такая игра?

– Нет, папочка.

– Подойди-ка ко мне и сядь рядом.

Она послушно повиновалась. Каменная стена отделяла их землю от городской площади. За стеной росла спутанная, сладко пахнувшая живая изгородь, которую давно уже никто не подстригал. Болела голова, ныл желудок.

– Это точно? – спросил он ее.

– Точно! – ответила она, а потом – без всякой наигранности, просто не смогла сдержаться – громко разрыдалась.

Долго, очень долго он обнимал ее одной рукой. Когда слезы понемногу начали иссыхать, она заставила себя задать вопрос, который беспокоил ее больше всего.

– Папочка, ты по-прежнему любишь меня?

– Что? – Он в недоумении посмотрел на нее. – Да, конечно, я по-прежнему очень люблю тебя.

От этих слов она снова разрыдалась, но на этот раз он предоставил ее самой себе и принялся раскуривать трубку. В воздухе поплыл аромат «Боркум Рифф».

– Ты огорчен? – спросила она.

– Я не знаю. У меня никогда раньше не было беременной дочери, и я толком еще не понимаю, как это следует воспринимать. Тот самый Джесси?

Она кивнула.

– Ты сказала ему?

Опять кивок.

– И что он говорит?

– Что женится на мне. Или заплатит за аборт.

– Женитьба или аборт. – Питер Голдсмит затянулся. – И нашим, и вашим.

Она смотрела на свои руки. Грязь в складочках кожи на костяшках и под ногтями. «Руки дамы выдают ее привычки, – зазвучал в голове голос матери. – Беременная дочь. Мне придется выйти из церковной общины. Беременная дочь. Руки дамы...»

– Я бы не хотел задавать лишних вопросов, но неужели он... или ты... неужели вы не соблюдали какие-нибудь предосторожности? – спросил ее отец.

– Я принимала противозачаточные таблетки, – сказала Фрэнни. – Они не подействовали.

– Тогда, похоже, винить можно только вас обоих. – Отец всматривался в нее. – И я не могу этого делать, Фрэнни. Не могу винить. В шестьдесят четыре нетрудно забыть, каково оно было в двадцать один. Поэтому о вине мы говорить не будем.

Она испытала такое огромное облегчение, что едва не лишилась чувств.

– Твоя мать найдет, что сказать тебе о вине, и я не стану ее останавливать, но не стану и поддерживать. Ты это понимаешь?

Она кивнула. Ее отец уже не пытался возражать матери. Во всяком случае, вслух. По причине ее очень уж острого язычка. «Если ей перечат, ситуация иной раз выходит из-под контроля», – однажды сказал он Фрэнни. А когда ситуация выходит из-под контроля, она может резать человека без ножа и пожалеть об этом слишком поздно, уже нанеся смертельную рану. Фрэнни подумала, что много лет назад ее отец, вероятно, оказался перед выбором: продолжить сопротивление, что неминуемо привело бы к разводу, или сдаться? Он предпочел второе – но на своих условиях.

– Ты уверен, что в этой ситуации сможешь остаться в стороне, папочка? – спокойно спросила она.

– Ты хочешь, чтобы я поддержал тебя?

– Не знаю.

– Что ты собираешься со всем этим делать?

– С мамой?

– Нет. С собой, Фрэнни.

– Не знаю.

– Выйдешь за него? Вдвоем можно жить на те же деньги, что и одному. Так говорят, во всяком случае.

– Не думаю, что смогу. Мне кажется, я разлюбила его, если вообще любила когда-нибудь.

– Ребенок? – Трубка его хорошо раскурилась, и сладкий запах дыма разлился по летнему воздуху. В саду сгустились тени, начали стрекотать сверчки.

– Нет, причина не в ребенке. Это все равно бы случилось. Джесс... – Она не договорила, пытаясь определить, что же все-таки не так в Джесси, что именно она упускает из-за напряжения, вызванного перспективой появления ребенка, необходимостью принять решение и вырваться из угрожающей тени матери, которая сейчас покупала в торговом центре перчатки на свадьбу лучшей подруги детства Фрэн. Это что-то она бы могла похоронить, но оно тем не менее беспокойно ворочалось бы под землей шесть, шестнадцать или двадцать шесть месяцев, чтобы в конце концов подняться из могилы и наброситься на них обоих. Женишься в спешке – раскаиваешься всю жизнь. Одна из любимых пословиц ее матери. – Он слабый, – продолжила она. – Точнее я не могу объяснить.

– Ты не можешь доверить ему заботу о себе, Фрэнни?

– Да. – Она подумала, что отец ближе всего подобрался к сути проблемы. Она не доверяла Джесси с его богатыми родителями и синими рубашками из шамбре. – Джесс желает мне добра. Он хочет поступить правильно, действительно хочет. Но... два семестра назад мы пошли на поэтические чтения. Стихи читал некий Тед Энслин. Собрался полный зал. Все слушали очень серьезно... очень внимательно... чтобы не пропустить ни одного слова. А я... ты же меня знаешь...

Отец успокаивающе обнял ее одной рукой.

– Фрэнни в рот попала смешинка.

– Да. Именно так. Похоже, ты очень хорошо меня знаешь.

– Немного знаю, – признал он.

– Она – эта смешинка – взялась неизвестно откуда. Я все время думала: «Обросший человек, обросший человек, мы пришли послушать обросшего человека». Появился какой-то ритм, как в песне, которую слышишь по радио. И я начала смеяться. Не специально. И смех мой не имел никакого отношения к стихам мистера Энслина – стихи он писал хорошие, пусть и выглядел не очень. Причина заключалась в том, как *они* смотрели на *него*.

Она повернулась к отцу, чтобы увидеть его реакцию. Он просто кивнул: мол, продолжай.

– Короче, мне пришлось уйти оттуда. Действительно пришлось. Джесс просто взбесился. И я считаю, он имел право разозлиться на меня... Я повела себя как ребенок, я уверена, ребенок именно так отреагировал бы на происходящее... Но со мной это часто случается. Не постоянно, конечно. Я умею быть серьезной...

– Да, умеешь.

– Но иногда...

– Иногда Король Смех стучится в дверь, а ты одна из тех, кто не может держать его за порогом, – закончил Питер.

– Наверное, я такая. А Джесс другой. И если мы поженимся... Возвращаясь домой, он будет всякий раз обнаруживать там этого непрошеного гостя, которого я впустила. Не каждый день, но достаточно часто для того, чтобы злиться. Тогда я попытаюсь... И мне кажется...

– Тебе станет грустно. – Питер крепче обнял ее.

– Похоже на то, – ответила она.

– Тогда не позволяй матери себя переубедить.

Она закрыла глаза и почувствовала еще большее облегчение, чем в прошлый раз. Он понял. Каким-то чудом.

– Как бы ты отнесся к аборту? – спросила она после паузы.

– У меня такое ощущение, что это и есть основная причина для разговора.

Она изумленно вскинула на него глаза.

Он смотрел на нее полувопросительно-полунасмешливо, изогнув кустистую левую бровь. И тем не менее она видела, что он очень серьезен.

– Может, ты и прав, – медленно сказала она.

– Слушай, – начал он и вдруг замолчал. Но она *слушала* и *слышала* воробьев, сверчков, далекий гул самолета высоко в небе, чей-то голос, призывавший Джекки немедленно идти домой, жужжание мощной газонокосилки, шум автомобиля с глушителем из стеклопластика, разгоняющегося на шоссе 1.

Она уже собралась спросить, все ли с ним в порядке, когда он взял ее за руку и заговорил:

– Фрэнни, тебе, конечно, нужен отец помоложе, но тут ничего не поделаешь. Я женился только в пятьдесят шестом.

Он задумчиво смотрел на нее в сумерках.

– Тогдашняя Карла отличалась от нынешней. Она была... черт возьми, молодой, это во первых. И оставалась такой до тех пор, пока не умер твой брат Фредди. До того момента она оставалась молодой. Она перестала расти после смерти Фредди. Тогда... ты только не подумай, будто я говорю о твоей матери что-то плохое, Фрэнни, даже если мои слова отчасти так и звучат. Но мне представляется, что после смерти Фредди Карла перестала... расти. Обмазала свои жизненные взгляды тремя слоями лака и одним слоем быстросохнущего цемента и заявила, что это хорошо. Теперь она – как хранительница в музее: если видит, что кто-то пытается изменить выставленные там экспонаты-идеи, устраивает ему головомойку. Но она не всегда была такой. Тебе придется поверить мне на слово, но не всегда.

– А какой она была, папочка?

– Ну... – Он рассеянно оглядел огород. – Она была очень похожа на тебя, Фрэнни. С той самой смешинкой. Как-то мы поехали в Бостон на игру «Ред сокс», и в перерыве перед седьмым иннингом она пошла со мной в буфет и взяла пиво.

– Мама... пила пиво?

– Ну да, пила. Потом большую часть девятого иннинга она провела в женском туалете, а выйдя оттуда, рвала и метала, что по моей вине пропустила самую интересную часть матча, хотя сама упрашивала меня сходить в буфет за пивом.

Фрэнни попыталась представить свою мать с кружкой пива «Наррагансетт» в руке, смотрящей на отца и смеющейся, как девчонка на свидании. Ничего не получилось.

– Она никак не могла забеременеть, – смущенно продолжил он. – Мы с ней ходили к доктору, чтобы выяснить, у кого из нас неполадки. Доктор сказал, что никаких отклонений нет. Потом, в шестидесятом, появился на свет твой брат Фред. Она безумно любила этого мальчишку, Фрэн. Фред – так ведь звали ее отца, ты знаешь. В шестьдесят пятом у нее случился выкидыш, и мы оба решили, что с детьми покончено. Потом появилась ты, в шестьдесят девятом, на месяц раньше, чем положено, но здоровенькая. И уже я безумно полюбил тебя. У каждого из нас было по ребенку, но своего она потеряла.

Он замолчал, погрузившись в воспоминания. Фред погиб в тысяча девятьсот семьдесят третьем году. Ему было тринадцать, Фрэнни – четыре. Фреда сбил пьяный водитель. За этим человеком числился длинный список нарушений правил дорожного движения, включая превышение скорости, опасную езду, управление автомобилем в нетрезвом состоянии. После аварии Фред прожил семь дней.

– Я думаю, что аборт – слишком чистенькое словечко. – Губы Питера Голдсмита двигались медленно, словно каждый звук причинял ему боль. – Я думаю, это детоубийство, если

честно и откровенно. Прости, что так говорю, наверное, я... негибкий, закостенелый... Раз уж закон предоставляет тебе право рассматривать этот вариант. Я же говорил, что я уже старый.

– Ты совсем не старый, папочка, – пробормотала она.

– Старый, старый! – резко возразил отец. Выглядел он теперь неожиданно расстроенным. – Я – старик, пытающийся дать совет молодой дочери, все равно что обезьяна, учащая медведя вести себя за столом. Пьяный водитель убил моего сына семнадцать лет назад, и моя жена так от этого и не оправилась. Когда встает вопрос об аборте, я всегда думаю о Фреде. Иначе не получается, бесполезно и пробовать, точно так же, как тебе бесполезно было пытаться избавиться от смешинки на том поэтическом вечере, Фрэнни. Твоя мать будет возражать по всем общепринятым причинам. Моральные принципы, скажет она. Моральные принципы, которым уже две тысячи лет. Право на жизнь. Вся мораль Запада стоит на этой идее. Я читал философов. Проштудировал их всех с дотошностью домохозяйки, которая прочесывает отделы универмага «Сирс и Роубак» с чеком-купоном. Твоя мать предпочитает «Ридерз дайджест», но в итоге именно я в споре руководствуюсь чувствами, а она – моральными принципами. Я просто вижу перед собой Фреда. На нем не было живого места. У него не осталось ни единого шанса. Эти борцы за право на жизнь поднимают плакаты с фотографиями младенцев, утопленных в соли, их ручек и ножек на стальных столах, но что с того? В смерти нет ничего красивого. Я лишь вижу Фреда, пролежавшего на койке семь дней, всего перебинтованного, чтобы скрыть переломы. Жизнь стоит дешево, и аборт делает ее еще дешевле. Что мы делаем и что думаем... Это так часто основывается на случайных суждениях, когда все правильно. Я просто не могу через это переступить. Прямо-таки кирпич в глотке, тот факт, что вся истинная логика, похоже, проистекает из абсурда. Основывается на вере. Я несу чушь, да?

– Я не хочу делать аборт, – спокойно заметила Фрэнни. – По своим причинам.

– Каким же?

– Ребенок – часть меня. – Она чуть вскинула подбородок. – Если это самолюбие, мне без разницы.

– Ты откажешься от него, Фрэнни?

– Я не знаю.

– Ты этого хочешь?

– Нет, я хочу оставить его.

Он молчал. Ей показалось, что она чувствует его неодобрение.

– Ты думаешь о моем образовании, так? – спросила она.

– Нет. – Он поднялся. Потер руками поясницу и скорчил довольную гримасу, когда затрещал позвоночник. – Я думаю, на сегодня мы поговорили достаточно. И тебе пока нет нужды принимать решение.

– Мама вернулась, – заметила Фрэн.

Он обернулся, чтобы проследить за ее взглядом. Универсал сворачивал на подъездную дорожку, хромированные поверхности сверкали в лучах заходящего солнца. Карла увидела их, посигналила и весело махнула рукой.

– Я должна ей сказать.

– Да, но подожди денек-другой, Фрэнни.

– Ладно.

Она помогла ему собрать садовые инструменты, и они вместе направились к универсалу.

Глава 7

В рассеянном свете, какой ложится на землю сразу после захода солнца, но до наступления настоящей темноты, в одну из нескольких коротких минут, которые киношники называют «волшебным часом», Вик Полффри вынырнул из забытья, на короткое время обретя ясность сознания.

Я умираю, подумал он, и слова странным образом лязгнули в мозгу, будто произнесенные вслух, хотя на самом деле он их не озвучивал.

Он осмотрелся и увидел, что лежит на больничной кровати, изголовье которой поднято, чтобы облегчить доступ воздуха в легкие, не дать им сплпнуться. Одеяло было закреплено латунными прищепками, боковины кровати тоже подняты. *Наверное, я метался из стороны в сторону*, с легким удивлением подумал он. *И пинался*. Тут же пришла новая мысль: *Где я?*

Ему на шею повязали слюнявчик, покрытый сгустками слизи. Голова болела. Странные идеи плясали в мозгу. Он знал, что был в забытии... и скоро опять в него провалится. Он заболел, а пришел в себя не потому, что выздоровел или начал выздоравливать, – просто получил короткую передышку.

Вик прикоснулся внутренней стороной запястья ко лбу и отдернул руку, как от печки. Он весь горел, а еще его утыкали трубками. Две маленькие – пластиковые – выходили из ноздрей. Еще одна змеилась из-под больничной простыни к бутылки на полу, и он точно знал, к чему присоединен другой ее конец. Трубки от двух бутылок, закрепленных на штативе, сливались в одну, образуя букву «Y», а та иглой впивалась в его руку чуть ниже локтя. Внутривенное питание.

Казалось бы, достаточно, подумал он, но к нему тянулись провода, закрепленные на черепе, и на груди, и на левой руке. Один из них, похоже, прилепили к гребаному пупку. И в довершение всего он абсолютно не сомневался, что ему в жопу тоже вогнали какую-то хрень. Что, скажите на милость, это могло быть? Детектор дерьма?

– Эй!

Он собирался крикнуть громко, негодуя. Но изо рта вырвался едва слышный шепот смертельно больного человека. И вместе со звуком вырвалась слизь, которая, похоже, душила Вика.

Мама, Джордж завел лошадь в стойло?

Это уже из бреда. Абсурдная фраза, метеором пронесшаяся сквозь более здравые мысли. Тем не менее она чуть не сбила его с толку. Он понимал, что в сознании ему долго не продержаться. Полффри охватила паника. Глянув на щепки, в которые превратились его руки, он догадался, что похудел фунтов на тридцать, хотя и так не страдал от излишнего веса. Это... что бы это ни было... намеревалось его убить. И сама идея, что он умрет, бормоча всякую чушь, как выживший из ума старик, ужаснула Вика.

Джордж уехал на свидание с Нормой Уиллис. Ты заведешь лошадь сам, Вик, и будь хорошим мальчиком, повесь ей торбу с овсом.

Это не моя работа.

Виктор, ты же любишь свою мамочку.

Люблю. Но это не...

Ты должен любить свою мамочку. У мамочки грипп. Нет, мама, это не грипп. У тебя туберкулез, и он убьет тебя в тысяча девятьсот сорок седьмом. А Джорджу предстоит умереть ровно через шесть дней после того, как он попадет в Корею. Этого времени как раз хватит, чтобы отправить одно письмо, а потом – бах-бах-бах. Джордж...

Вик, помоги мне и немедленно заведи эту лошадь! Я больше повторять не буду!

– Это у меня грипп, а не у нее, – прошептал он, вновь выныривая из небытия. – У меня.

Он смотрел на дверь и думал, что она чертовски странная, даже для больницы. С закругленными углами и заклепками по периметру, а порог приподнят над кафельным полом дюймов на шесть, не меньше. Даже такой неопытный плотник, как Вик Полфри, мог бы

(дай мне комиксы, Вик, ты уже насмотрелся вдоволь)

(Мама, он отнял у меня комиксы! Отдай! Отда-а-а-ай!)

соорудить дверь и получше. Да она ведь...

(стальная)

Мысль эта гвоздем вонзилась в мозг, и Вик попытался сесть, чтобы разглядеть дверь получше. Да, так и есть. Определенно, так и есть. Стальная дверь. Почему он в больнице за стальной дверью? Что случилось? Он действительно умирает? Может, ему пора подумать, как он предстанет перед Господом? Господи, что *произошло*? Он безуспешно попытался пробиться сквозь заполняющий голову серый туман, но услышал лишь доносящиеся издалека голоса, не в состоянии даже вспомнить их обладателей.

И вот что я вам скажу... они просто должны заявить... в задницу всю эту инфляционную хрень...

Лучше отключи колонки, Хэп.

(Хэп? Билл Хэпскомб? Кто это? Мне знакомо это имя)

Господи...

Да, мертвы...

Дай мне руку, и я вытащу тебя отсюда...

Дай мне комиксы, Вик, ты уже...

В этот момент солнце достаточно низко опустилось за горизонт, чтобы сработал светочувствительный (точнее, активируемый отсутствием света) датчик. В палате Вика зажглись лампы. Едва палата осветилась, он увидел лица, напряженно наблюдавшие за ним сквозь двойное стекло, и вскрикнул, подумав, что это те самые люди, которые ведут разговоры у него в голове. Один из них, мужчина в белом докторском халате, делал энергичные знаки кому-то еще, остававшемуся за пределами поля зрения Вика, но Вик уже преодолел страх. Он слишком ослабел, чтобы бояться. Однако этот внезапный испуг, вызванный бесшумным включением ламп, и появление лиц за стеклом (люди в белых халатах казались присяжными-призраками) расчистили часть завалов в его мозгу, и он понял, где находится. Атланта. Атланта, штат Джорджия. Они приехали и забрали его – его, и Хэпа, и Норму, и жену Норму, и детей Норму. Они забрали Хэнка Кармайка. Стью Редмана. И одному Богу известно, сколько еще народу. Вик испугался и вознегодовал. Конечно, он чихал, и сопلي летели во все стороны, но уж наверняка у него не было холеры или той заразы, что убила беднягу Кэмпбелла и его семью. Вик тогда немного температурил. Он вспомнил, как Норм Бруэтт споткнулся, и ему пришлось помочь подняться по трапу в самолет. Его перепуганная жена плакала, и маленький Бобби Бруэтт тоже плакал – плакал и кашлял. Надрывным, крупозным кашлем. Самолет поджидал их на небольшой взлетно-посадочной полосе рядом с Брейнтри, но чтобы выбраться из Арнетта, им пришлось проехать блокпост на шоссе 93, и люди там натягивали колючую проволоку... Натягивали колючую проволоку от дороги в пустыню...

Над странной дверью вспыхнула красная лампочка. Раздался шипящий звук, а потом словно включился насос. Когда шум смолк, дверь открылась. Вошел человек, одетый в огромный белый скафандр с прозрачным окошком в шлеме. За окошком покачивалась голова мужчины, напоминая воздушный шарик в капсуле. На спине у него крепились баллоны со сжатым воздухом, и заговорил он металлическим, монотонным голосом, лишенным всех человеческих интонаций. Такой голос мог звучать в какой-нибудь видеоигре, говоря: «Попытайся снова, Космический кадет», – после того как ты просрал последнюю попытку.

– Как вы себя чувствуете, мистер Полфри? – проскрежетал мужчина.

Но Вик не смог ответить. Он вновь погрузился в зеленые бездны. За прозрачным окошечком белого скафандра Вик видел свою мать. Мамочка была одета в белое, когда папочка привез его и Джорджа в санна-торий на последнее свидание с ней. Ей пришлось поехать в санна-торий, чтобы никто из них не заразился от нее. Туберкулез заразен. От него умирают.

Он разговаривал с мамой... сказал, что будет послушным и заведет лошадь в стойло... сказал, что Джордж отнял комиксы... спросил, не лучше ли ей... спросил, скоро ли она сможет приехать домой... и человек в белом скафандре сделал ему укол, и он еще глубже погрузился в бездну, а слова его стали бессвязными. Человек в белом скафандре оглянулся на лица за стеклянной стеной и покачал головой.

Подбородком включил переговорное устройство и произнес:

– Если это не подействует, к полуночи мы его потеряем.

Для Вика Полфри «волшебный час» закончился.

– Просто закатайте рукав, мистер Редман, – попросила его хорошенькая темноволосая медсестра. – Это не займет и минуты. – Она держала в руках – в перчатках – манжету для измерения давления. И улыбалась за пластиковой маской, словно сообщила ему какой-то веселый секрет.

– Нет, – отказался Стью.

Улыбка чуть поблекла.

– Нам надо только измерить давление. Это не займет и минуты.

– Нет.

– Распоряжение доктора. – Ее тон стал деловым. – Пожалуйста!

– Если это распоряжение доктора, дайте мне с ним поговорить.

– Боюсь, сейчас он занят. Если вы только...

– Я подожду, – спокойно ответил Стью, даже не пытаясь расстегнуть пуговицу на рукаве рубашки.

– Это просто моя работа. Вы ведь не хотите, чтобы у меня были неприятности, не правда ли? – Она обаятельно заулыбалась. – Если б вы только позволили мне...

– Не позволю, – сказал Стью. – Идите и скажите им. Они кого-нибудь пришлют.

С обеспокоенным видом сестра подошла к стальной двери и повернула в замочной скважине квадратный ключ. Включился насос, дверь с шипением открылась, и медсестра вышла из палаты, с упреком взглянув на Стью. Тот смотрел на нее с каменным лицом.

Едва дверь закрылась, он встал и нетерпеливо подошел к окну, двойному и зарешеченному, но на улице уже совсем стемнело, поэтому увидеть что-либо не удалось. Стью вернулся и сел. На нем были линялые джинсы и клетчатая рубашка, а его коричневые высокие ботинки с прошитой подошвой уже начали выпячиваться по бокам. Он провел рукой по щеке и недовольно поморщился: колется. Ему не позволили побриться, а борода у него росла быстро.

Стью не возражал против обследований. Его возмущало другое: неведение и страх. Он не заболел, по крайней мере пока, но сильно перепугался. Тут велась какая-то нечестная игра, и он не собирался принимать в ней участие, пока кто-нибудь не объяснит ему, что произошло в Арнетте и какое отношение к случившемуся имеет тот бедолага Кэмптон. Тогда Стью хотя бы будет знать, что его страхи не беспочвенны.

Они ожидали, что он начнет расспрашивать их раньше, – это читалось в их глазах. Они умели скрывать правду от тех, кто попадал в больницу. Четыре года назад его жена умерла от рака в возрасте двадцати семи лет. Болезнь зародилась у нее в матке, а потом с быстротой лесного пожара распространилась по всему телу, и Стью помнил, как они обходили ее вопросы, либо меняя тему, либо пускаясь в долгие, пересыпанные специальными терминами объяснения. Поэтому он и не спрашивал ни о чем, отмечая про себя, что их это беспокоит. Сейчас же настало время вопросов, и он рассчитывал получить на них ответы. Простые и ясные.

Некоторые белые пятна он мог заполнить самостоятельно. Кэмпион, его жена и ребенок заболели чем-то чертовски опасным. Начиналась болезнь как обычный грипп или летняя простуда, но дальше состояние ухудшалось и ухудшалось до тех пор, пока, по всей видимости, ты не захлебывался в собственных соплях или тебя не сжигала температура. При этом болезнь была чрезвычайно заразной.

Они приехали и забрали его семнадцатого, во второй половине дня, двумя сутками ранее. Четыре солдата и врач. Вежливые, но решительные. Об отказе вопрос не стоял – солдаты пришли с оружием. Именно тогда Стю Редман начал бояться.

Потом колонна автомобилей покинула Арнетт и прибыла к взлетно-посадочной полосе рядом с Брейнтри. Стю ехал с Виком Полффри, Хэпом, Бруэттами, Хэнком Кармайклом и его женой и двумя сержантами. Все они набились в армейский фургон, и военные за всю дорогу не произнесли ни слова, не ответив ни на один истерический вопрос Лайлы Бруэтт.

В другие фургоны людей набилось не меньше. Всех Стю, конечно, не видел, но разглядел пятерых Ходжесов и Криса Ортегу, брата Карлоса, водителя «скорой». Крис работал барменом в «Голове индейца». Стю увидел Паркера Нейсона с женой, пожилую пару, которая жила в трейлере на стоянке неподалеку от дома Стю. Он догадался, что вывозили тех, кто находился на заправочной станции, когда Кэмпион сшиб колонки, и всех, с кем они после этого общались.

На выезде из города дорогу перегораживали два оливково-зеленых грузовика. Стю решил, что точно так же блокированы и остальные дороги, ведущие в Арнетт. Солдаты натягивали колючую проволоку, а потом, взяв город в кольцо, наверное, выставили по периметру часовых.

Получалось, что все серьезно. Смертельно серьезно.

Он терпеливо сидел на стуле рядом с больничной кроватью, которой так и не воспользовался, и ждал, что сестра кого-нибудь приведет. Но не слишком скоро. Может быть, к утру они наконец пришлют к нему человека, имеющего право ответить на вопросы. Он мог подождать. Стюарт Редман всегда отличался завидным терпением.

Чтобы чем-то себя занять, он начал вспоминать состояние людей, которые приехали вместе с ним на взлетно-посадочную полосу. Совсем больным выглядел только Норм. Он кашлял, отхаркивал мокроту, температурил. У остальных симптомы ничем не отличались от обычной простуды. Люк Бруэтт чихал. Лайла Бруэтт и Вик Полффри покашливали. У Хэпа лило из носа, он непрерывно сморкался. Да, они не слишком отличались от учеников младших классов тех времен, когда Стю ходил в начальную школу. Две трети детей постоянно чихали, сморкались и кашляли.

Но больше всего его испугало событие – возможно, речь шла о простом совпадении, – случившееся в тот момент, когда они ехали по взлетно-посадочной полосе. Водитель фургона трижды оглушительно чихнул. Да, вероятно, совпадение, ничего больше. В июне восток центральной части Техаса – не лучшее место для аллергиков. Или, может, водитель всего лишь простудился, а не подхватил то же дерьмо, что и они все. Стю хотелось в это верить. Потому что если болезнь распространялась с такой скоростью...

Их армейские сопровождающие тоже загрузились в самолет. На контакт не шли, отказываясь отвечать на любые вопросы, за исключением места назначения. Они летят в Атланту, там их введут в курс дела (откровенная ложь). Чего-то большего от военных добиться не удалось.

Во время полета Хэп сидел рядом со Стю и крепко набрался. Самолет за ними прислали тоже военный, чисто функциональный, но кормили и поили, как в салоне первого класса. Разумеется, заказ принимала не смазливая стюардесса, а сержант с каменным лицом, но если не обращать на это внимания, в остальном претензий к обслуживанию не было. Даже Лайла Бруэтт чуть успокоилась после двух «Кузнечиков»²¹.

²¹ «Кузнечик» – коктейль, обязательным ингредиентом которого является мятный ликер.

Хэп наклонился ближе, обдав Стю теплым туманом паров скотча.

– Забавная компания добрых старичков, Стюарт. Все старше пятидесяти, ни у одного нет обручального кольца. Профессиональные военные, низкий ранг.

За полчаса до посадки Норм Бруэтт впал в забытие, и Лайла начала кричать. Двое каменнолицых стюардов завернули Норму в одеяло и вынесли из салона. Лайла – от спокойствия не осталось и следа – продолжала голосить. Через какое-то время она выблевала «Кузнечиков» и ранее съеденный сэндвич с куриным салатом. Пара добрых старичков бесстрастно принялась за уборку.

– Что все это значит? – кричала Лайла. – Что с моим мужем? Мы все умрем? Мои крошки умрут? – Руками она обхватила шеи обеих «крошек», вдавив их головы в свои внушительные груди. Люк и Бобби выглядели испуганными, смущенными и даже раздраженными из-за того, что она привлекала к себе, а потому и к ним, всеобщее внимание. – Почему мне никто не отвечает? Или мы не в Америке?

– Никто не может заткнуть ей рот? – пробурчал Крис Ортега из хвостовой части салона. – Кричащая женщина хуже музыкального автомата с заевшей пластинкой.

Один из армейских стюардов заставил Лайлу выпить стакан молока, и она таки замолчала. Остаток пути она провела, уставившись в иллюминатор на проносящуюся под крылом страну и что-то напевая себе под нос. Стю догадался, что в стакан налили не просто молоко.

После посадки их поджидали четыре «кадиллака»-лимузина. Жители Арнетта расселись по трем. Их армейские сопровождающие разместились в четвертом. Стю предполагал, что добрые старички без обручальных колец – и, возможно, их близкие родственники – находятся сейчас в других палатах этого же здания.

Над дверью вспыхнула красная лампочка. Когда компрессор или насос (или что там у них за штука) наконец прекратил работать, в комнату шагнул человек в белом космическом скафандре. Доктор Деннинджер. Молодой, с темными волосами, смуглой кожей, резкими чертами лица и бледными губами.

– Патти Грир говорит, что вы доставляете ей много хлопот, – донеслось из динамика на груди у Деннинджера. – Она очень расстроена.

– Не из-за чего ей расстраиваться, – непринужденно ответил Стю. Ему с трудом удалось добиться такой непринужденности, но он чувствовал, насколько важно скрыть свой страх от этого человека. Судя по виду и поведению Деннинджера, он не давал спуска своим подчиненным, однако, как верный пес, вылизывал зад начальству. Такого человека не составляло труда подвинуть в нужном направлении, если он думал, что в твоей руке кнут. Но стоило ему учуять в тебе страх, ситуация менялась с точностью до наоборот: ты слышал от него лишь «Извините, больше ничего не могу сказать» и видел полнейшее презрение к тупым гражданским, которые хотели знать слишком много, не соображая, что для их же блага лучше не знать ничего. – Я хотел бы получить кое-какие ответы.

– Извините, но...

– Если вы хотите, чтобы я с вами сотрудничал, ответьте мне на мои вопросы.

– Со временем вам...

– Я могу усложнить вам жизнь.

– Это мы знаем! – раздраженно бросил Деннинджер. – Я просто не имею права что-либо вам говорить, мистер Редман. И сам знаю очень мало.

– Думаю, вы сделали анализ моей крови. Все эти иголки...

– Это так, – осторожно сказал Деннинджер.

– Для чего?

– Повторяю, мистер Редман, я не могу сказать вам то, чего сам не знаю. – В его голосе вновь появились раздраженные нотки, и Стю решил, что он говорит правду. В сложившейся

ситуации Денниджера использовали втемную, как почетного лаборанта, и все это, похоже, не слишком-то ему нравилось.

– В моем городе введен карантин.

– Об этом мне также ничего не известно. – Но теперь Деннинджер отвел глаза, и Стью подумал, что это ложь.

– Почему об этом до сих пор ничего не сообщили? – Он указал на привинченный к стене телевизор.

– Простите?

– Если блокируют выезды из города и натягивают вокруг колючую проволоку, это из разряда новостей, – пояснил Стью.

– Мистер Редман, если вы позволите Патти измерить вам давление...

– Нет. Если вам что-нибудь от меня понадобится, лучше прислать двух крепких, здоровых мужиков. Но сколько бы вы их ни прислали, я приложу все силы, чтобы проделать несколько дырок в их защитных костюмах. Они не выглядят слишком уж прочными, знаете ли.

Он шутливо протянул руку к костюму Денниджера, и тот отпрянул, едва не упав. Из динамика вырвался испуганный писк, а за двойным стеклом засуетились.

– Думаю, вы можете подсыпать мне что-нибудь в еду и вырубить меня, но это скажется на результатах анализов, верно?

– Мистер Редман, вы ведете себя неблагоприятно! – Деннинджер старался держаться на приличном расстоянии. – Ваше нежелание сотрудничать с нами может причинить огромный урон всей стране. Вы понимаете меня?

– Нет, – покачал Стью. – В настоящий момент у меня такое ощущение, что это моя страна причиняет мне огромный урон. Меня заперли в больничной палате в Джорджии в компании со сладкоголосым кретином-врачом, который не может отличить говно от варенья. Вали отсюда и пришли кого-нибудь, кто поговорит со мной, или дюжих молодцов, которые смогут силой добиться того, что вам нужно. Но я буду сопротивляться, даже не сомневайтесь.

После ухода Денниджера Стью так и не слез со стула. Медсестра больше не появлялась. Не появились и два крепких санитаря, чтобы помочь ей измерить его давление. Поразмыслив об этом, он решил, что даже такой пустяк, как показатели давления, не принесет особой пользы, если получить их силой. Похоже, на какое-то время его оставили вариться в собственном соку.

Он поднялся, включил телевизор, невидяще уставился в экран. Страх внутри разрастался, грозя выйти из-под контроля. Двое суток он ждал, что начнет чихать, кашлять, отхаркивать черную слизь и сплевывать ее в горшок. Ему хотелось знать, как обстоят дела у других – тех, с кем он провел всю жизнь. Плохо ли кому-нибудь так же, как было плохо Кэмпioniу? Стью подумал о мертвой женщине с ребенком в старом «шеви», только теперь женщина превратилась в Лайлу Бруэтт, а ребенок – в Черил Ходжес, какими он их запомнил во время перелета в Атланту.

Телевизор крикал и потрескивал. Сердце медленно билось в груди. Едва слышно шумел очиститель воздуха. Стью чувствовал, как за его бесстрастным лицом извивается и ворочается страх. Иногда он становился огромным и паническим, сокрушающим все на своем пути, будто слон. Иногда оставался маленьким и гложущим, с острыми зубками, будто крыса. Но не отпускал ни на мгновение.

Только через сорок часов к нему прислали человека, который имел право говорить...

Глава 8

Восемнадцатого июня, через пять часов после разговора со своим кузеном Биллом Хэпскомбом, Джо Боб Брентвуд остановил лихача на тexasском шоссе 40, примерно в двадцати пяти милях к востоку от Арнетта. Звали лихача Гарри Трент, жил он в Брейнтри и работал страховым агентом. Гарри Трент мчался со скоростью шестьдесят пять миль в час при разрешенных пятидесяти. Джо Боб выписал ему штрафную квитанцию. Трент покорно взял ее, а потом позабавил Джо Боба, попытавшись уговорить застраховать дом и жизнь. Джо Боб чувствовал себя прекрасно и вовсе не думал о смерти. Тем не менее он уже заболел. На автозаправочной станции «Тексако» Билла Хэпскомба Джо Боб заправился не только бензином. И Гарри Трент, в свою очередь, получил от него не одну лишь штрафную квитанцию.

Гарри, мужчина общительный, любил свою работу и в ближайшие дни заразил более сорока человек. Скольким людям передали заразу эти сорок, подсчитать невозможно – с тем же успехом можно спрашивать, сколько ангелов могут танцевать на булавочной головке. Если брать по минимуму, скажем, по пять на каждого, получится двести. Исходя из того же минимума нетрудно подсчитать, что двести заразили тысячу, тысяча – пять тысяч, пять тысяч – двадцать пять тысяч.

Под калифорнийской пустыней, на деньги налогоплательщиков, кто-то наконец изобрел эффективное «письмо счастья». По-настоящему смертоносное «письмо счастья».

Девятнадцатого июня, в тот самый день, когда Ларри Андервуд вернулся домой в Нью-Йорк, а Фрэнни Голдсмит рассказала отцу о грядущем появлении Маленького Незнакомца, Гарри Трент, находясь в восточном Техасе, остановился на ленч в кафе «У Бейба едят быстро». Заказал комплекс с чизбургером и фирменный клубничный пирог на десерт. Его донимала легкая простуда, а может, аллергический насморк, и он постоянно чихал, иногда сплевывая мокроту. По ходу ленча он заразил Бейба, женщину, которая мыла посуду, двух дальнбойщиков, сидевших в угловой кабинке, мужчину, что привез хлеб, и еще одного, приехавшего поменять пластинки в музыкальном автомате. Обаятельной официантке, которая обслуживала его столик, он оставил на чай доллар, обсиженный смертью.

Когда Гарри Трент направлялся к своей машине, на автомобильную стоянку свернул универсал с багажником на крыше, набитый детьми и вещами. Гарри обратил внимание на нью-йоркские номерные знаки, да и водитель, который опустил стекло, чтобы спросить, как проехать к федеральному шоссе 21, говорил с нью-йоркским акцентом. Гарри подробнейшим образом объяснил дорогу – и при этом, сам того не зная, подписал смертные приговоры и водителю, и всей его семье.

Эдуард М. Норрис, лейтенант полиции, отдел расследования убийств, служил в 87-м участке «Большого яблока» и вырвался в настоящий отпуск впервые за пять лет. Он и его семья отлично проводили время. Дети были на седьмом небе, попав в «Дисней уорлд» в Орlando. Понятия не имея, что вся его семья умрет еще до второго июля, Норрис намеревался сказать этому мрачному сукину сыну Стиву Карелле²², что очень даже возможно вывезти жену и детей куда-нибудь на машине и нисколько об этом не пожалеть. «Стив, – собиравшись сказать он, – ты, может, и хороший детектив, но человек, который не в состоянии держать в узде собственную семью, не стоит скважины, пробуренной мочой в сугробе».

Семья Норриса быстренько поела у Бейба, а потом, следуя замечательным указаниям Гарри Трента, поехала к шоссе 21. Эд и его жена Триш восторгались гостеприимством южан, тогда как трое их детей возились на заднем сиденье. «Одному только Богу известно, – думал Эд, – что бы в такой вот ситуации выделявала парочка монстров Кареллы».

²² Стив Карелла – главный герой полицейского сериала о 87-м участке американского писателя Эда Макбейна (1926–2005).

На ночь они остановились в кемпинге, расположенном в Юстасе, штат Оклахома. Эд и Триш заразили клерка. Дети, Марша, Стэнли и Гектор, заразили детей, игравших на детской площадке кемпинга, – а дети эти со своими семьями направлялись в западный Техас, Алабаму, Арканзас и Теннесси. Триш заразила двух женщин, которые стирали белье в прачечной-автомате в двух кварталах от кемпинга. Эд, идя по коридору за льдом, заразил попавшегося ему по дороге мужчину. Каждый вносил свою лепту.

Перед рассветом Триш разбудила Эда, чтобы сказать, что Гек, их младшенький, заболел. Мальчик хрипло кашлял, и у него поднялась температура. Эд Норрис застонал и предложил дать малышу аспирин. Если бы этот чертов круп проявился через четыре или пять дней, ребенок заболел бы уже дома, и у Эда остались бы воспоминания об идеальном отпуске (не говоря уже о завистливых взглядах коллег, которые он рассчитывал увидеть, расписывая свою райскую жизнь). Из соседней комнаты доносился надрывный детский кашель.

Триш надеялась, что к утру Гектору полегчает – ведь при крупе требовался постельный режим, – но к полудню двадцатого она признала, что лучше малышу не становится. Аспирин не справлялся с температурой, она поднялась так высоко, что глаза у бедного Гека ярко блестели, словно стеклянные. В кашле появились хрипы, которые ей совершенно не нравились, как и затрудненное, свистящее дыхание. Что бы это ни было, Марша, похоже, тоже заразилась, да и у самой Триш начало неприятно першить в горле, и время от времени ей приходилось откашливаться, хотя, конечно, ее кашель не шел ни в какое сравнение с кашлем малыша.

– Мы должны показать Гека доктору, – пришла она к неутешительному выводу.

Эд свернул на станцию обслуживания и сверился с картой, прикрепленной к солнцезащитному козырьку. Они находились в Хаммер-Кроссинг, штат Канзас.

– Ну, не знаю. Может, нам удастся хотя бы найти врача, который даст направление в больницу. – Он вздохнул, раздраженно провел рукой по волосам. – Хаммер-Кроссинг, Канзас! Господи! Ну почему он так тяжело заболел, что нам понадобился врач в этой чертовой глуши?

– Тут написано, что Джесси Джеймс²³ ограбил здесь банк, папочка, – подала голос Марша, которая смотрела на карту поверх отцовского плеча. – Дважды.

– На хрен Джесси Джеймса, – пробурчал Эд.

– Эд! – воскликнула Триш.

– Извини. – Но сожаления Эд совершенно не испытывал. Они поехали дальше.

После шести звонков – и всякий раз Эду Норрису приходилось обеими руками душить свою вспыльчивость – они нашли врача в Поллистоне. Тот согласился взглянуть на Гектора при условии, что они подъедут до трех часов дня. Поллистон находился в стороне от их маршрута, двадцатью милями западнее Хаммер-Кроссинга, но к тому моменту состояние Гектора уже вышло на первый план. Эд тревожился не на шутку. Никогда раньше ему не приходилось видеть такого квелого ребенка.

До приемной доктора Брендена Суини они добрались к двум часам дня. К тому времени Эд уже и сам чихал. В приемной сидели многочисленные пациенты, так что к доктору они попали лишь около четырех. Триш не удавалось вывести Гека из полубессознательного состояния, и она чувствовала, что у нее тоже поднялась температура. Только девятилетнему Стэну Норрису хватало бодрости нетерпеливо ерзать на стуле.

Ожидая в приемной доктора Суини, они передали болезнь, которая скоро станет известна в разваливающейся стране как «Капитан Торч», почти трем десяткам человек, включая почтенную женщину, приехавшую только для того, чтобы оплатить счет. Тем же вечером она заразила всех членов бридж-клуба.

²³ Имеется в виду Джесси Вудсон Джеймс (1847–1882) – американский преступник XIX в. Нередко в литературе изображается как своего рода Робин Гуд Дикого Запада, что не соответствует действительности.

Эту почтенную женщину, миссис Роберт Брэдфорд, в бридж-клубе знали как Сару Брэдфорд, тогда как муж и близкие подруги звали ее Булочкой. В тот вечер Сара отлично играла, возможно потому, что пару ей составляла Анжела Дюпрей, ее лучшая подруга. Они понимали друг друга без слов, словно общаясь телепатически, и уверенно выиграли все три роббера, а в последнем сделали «большой шлем». Без ложки дегтя, правда, не обошлось – Сара вроде бы почувствовала, что у нее начинается простуда. Такая несправедливость: она только-только оправилась от предыдущей.

После того как в десять часов игра закончилась, они с Анжелой зашли в коктейль-бар, чтобы пропустить стаканчик-другой. Анжела домой не торопилась: в этот вечер была очередь Дэвида приглашать друзей на покер, а она не могла заснуть в таком шуме... без снотворного, которое сама себе прописывала, на этот раз – в виде двух шипучих коктейлей с джином и терновым соком.

Сара заказала «Вард-8»²⁴, и обе женщины вновь обсудили подробности своей сегодняшней победы. По ходу этого обсуждения им удалось заразить всех посетителей коктейль-бара, включая двух молодых людей, которые пили пиво за одним из соседних столиков. Молодые люди направлялись в Калифорнию – точно так же, как в свое время Ларри Андервуд и его друг Руди Шварц, в поисках удачи. Общий приятель пообещал им работу в компании по перевозке мебели. На следующий день они уехали на запад, попутно распространяя болезнь.

«Письма счастья» не работают. Это установленный факт. Ты никогда не получишь обещанный миллион долларов, даже если отправишь один-единственный доллар на имя первого человека в списке, добавив себя в конце, после чего разошлешь письма пятерым своим друзьям. Но данное конкретное «письмо счастья», «Капитан Торч», сработало очень даже хорошо. Пирамида действительно сложилась, только не от основания к вершине, а от вершины (ею стал умерший охранник Чарльз Кэмпбелл) к основанию. Все куры возвращались домой на ночлег. И, играя роль почтальона, который принес бы каждому отправившему «письмо счастья» мешки с запечатанными в конверты долларами, «Капитан Торч» принес миллионы спален, в которых лежало одно или два тела, траншеи и ямы, в которых хоронили умерших, и, наконец, просто трупы, которые сбрасывали в океан на обоих побережьях, в каменоломни и в котлованы под строившиеся дома. А когда веселье расцвело пышным цветом, трупы, само собой, оставались гнить там, где упали.

Сара Брэдфорд и Анжела Дюпрей пешком вернулись к своим припаркованным автомобилям (по пути заразив еще четверых или пятерых человек, которых встретили на улице), чмокнули друг друга в щечку и разъехались. Анжела отправилась домой, чтобы заразить мужа, пятерых его приятелей, игравших в покер, и дочь-подростка Саманту. Девушка очень боялась, что подхватила триппер от своего бойфренда, о чем родители не имели ни малейшего понятия. И, если на то пошло, она его действительно подхватила. Но посмотрим правде в глаза: волноваться из-за этого не стоило. По сравнению с той заразой, что принесла домой ее мать, триппер не тянул и на маленький прыщик на носу.

На следующий день Саманта пошла в плавательный бассейн поллистонского отделения Молодежной женской христианской организации, где заразила всех купающихся.

И так далее.

²⁴ «Вард-8» – коктейль из ржаного виски со свежесжатыми апельсиновым и лимонным соками.

Глава 9

На него напали вскоре после захода солнца, когда он шел по обочине шоссе 27, которое милей ранее, в городе, называлось Главной улицей. Отшагав еще пару миль, он собирался повернуть на запад по шоссе 63, которое привело бы его к автостраде и началу долгого путешествия на север. Возможно, только что выпитые два стакана пива несколько притупили его чувства, но он сразу понял: что-то неладно. И едва успел подумать о четверых или пятерых здоровяках, сидевших в дальнем конце бара, как они выскочили из укрытия и набросились на него.

Ник сопротивлялся отчаянно, уложил одного, расквасил нос другому. На какие-то мгновения у него даже возникла надежда, что действительно есть шанс вырваться. Он дрался, не издавая ни звука, и это слегка их нервировало. Бандиты не очень-то наседали, возможно, потому, что раньше такие победы давались им без труда, и они никак не ожидали серьезного сопротивления от тощего паренька с рюкзаком на спине.

Но тут один сумел ударить его в подбородок, рассек нижнюю губу чем-то вроде перстня выпускника, и теплая кровь наполнила рот Ника. Он отшатнулся, и кто-то схватил его за руки. Ник принялся вырваться, но только сумел высвободить одну руку, когда кулак, словно сошедшая с орбиты луна, врезался ему в лицо. Прежде чем правый глаз закрылся от удара, он успел заметить все тот же перстень, тускло поблескивающий в свете звезд. Теперь звезды заплясали у него в голове, и он почувствовал, как сознание медленно меркнет, удаляясь в неизвестном направлении.

Испугавшись, он стал драться еще яростнее. Человек с перстнем снова оказался перед ним, и Ник, боясь, что ему вновь поранят лицо, ударил его в живот. У Перстня перехватило дыхание, и он согнулся пополам, издавая какие-то ухающие звуки, словно страдающий ларингитом терьер.

Остальные надвинулись. Ник видел теперь только силуэты крупных мужчин – хороших парней, так они себя называли – в серых рубашках с закатанными рукавами, демонстрировавшими большие, загорелые бицепсы. Все в массивных высоких ботинках. Сальные волосы падают на лоб. В сумерках эти люди казались дурным сном. Кровь заливала Нику открытый глаз. Его рюкзак сорвали со спины. Удары посыпались градом, и он превратился в бескостную, дергающуюся марионетку, подвешенную на истертой нити. Но не отключился полностью. Пока они продолжали его лупить, он слышал их тяжелое дыхание да звучную трель козодоя, доносящуюся из сосновой рощи.

Перстень поднялся.

– Держите его, – распорядился он. – Держите за волосы.

Ника схватили повыше локтей. Кто-то запустил обе руки в его жесткие черные волосы.

– Почему он не орет? – с тревогой спросил один из них. – Почему он не орет, Рэй?

– Я же велел не называть имен! – рыкнул Перстень. – Мне насрать, почему он не орет. Сейчас я его уделаю. Сопляк ударил меня. Пустил в ход грязный прием. Ишь чего удумал!

Кулак понесся на Ника. Тот отдернул голову в сторону, и перстень оставил борозду у него на щеке.

– Я же говорю, держите его! – прорычал Рэй. – С кем я связался? С компанией шлюх?

Кулак опустился. Нос Ника превратился в лопнувший помидор. Теперь он хлюпал при каждом вдохе. Сознание сузилось до узкого луча фонарика-карандаша. Ник открыл рот и жадно глотнул ночной воздух. Снова запел козодой, сладко и одиноко. Как и в прошлый раз, Нику было не до него.

– Держите его! – приказал Рэй. – Держите, черт вас побери!

Кулак опустил. Два передних зуба искрошились, приняв на себя таран перстня. Было дико больно, однако кричать Ник не мог. Ноги подогнулись, и он осел, но чьи-то руки держали его, как мешок с зерном.

– РэЙ, достаточно! Ты что, хочешь его убить?

– Держите его. Сопляк ударил меня. Сейчас я его уделаю.

На шоссе, к которому в этом месте с двух сторон подходили кусты и возвышающиеся над ними огромные старые сосны, появились фары приближающейся машины.

– О Господи!

– Бросайте его, бросайте!

Голос Рэя, вот только самого Рэя Ник уже не видел. За это стоило поблагодарить судьбу, но большую часть сохранившегося у него сознания занимала боль во рту. Он ощущал на языке осколки зубов.

Чьи-то руки толкнули Ника, вышвырнули на середину дороги. Приближающиеся круги света выхватили его из темноты, как актера на сцене. Завизжали тормоза. Ник замахал руками, попытался заставить ноги идти, но те не послушались, бросили его на произвол судьбы. Он упал на асфальт и в визжащем скрипе тормозов и шин, заполнившем мир, молча ждал, когда его переедут. Хотя бы прекратится эта жуткая боль во рту.

Потом ему в щеку брызнули камешки, и он понял, что смотрит на колесо, остановившееся менее чем в футе от его лица.

Один белый камешек застрял в рисунке протектора, словно монетка между пальцами.

Кусок кварца, успел подумать Ник – и отключился.

Придя в себя, он понял, что лежит на кровати. Жесткой – но за последние три года ему довелось лежать и на более жестких поверхностях. С огромным усилием он разлепил глаза. Веки слиплись, и правый глаз, которому досталось от сошедшей с орбиты луны, открылся только наполовину.

Он смотрел в серый потрескавшийся бетонный потолок. Под потолком змеились покрытые теплоизоляцией трубы. По одной из них деловито полз большой жук. Поле зрения Ника пересекала цепь. Он слегка приподнял голову – ее тут же пронзила чудовищная боль – и увидел другую цепь, которой изножье койки крепилось к торчащему из стены стержню.

Он повернул голову влево (еще один приступ боли, но на этот раз не такой убийственный) – и увидел шероховатую бетонную стену. Потрескавшуюся и густо исписанную. Новые надписи, старые, большинство с ошибками. «ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ КЛОПЫ. ЛУИС ДРАКОНСКИ, 1987». «ПРЕДПОЧИТАЮ В ЖОПУ». «БЕЛОЧКА – ЭТО ПРИКОЛЬНО». «ДЖОРДЖ РАМЛИНГ ПРИДУРОК». «Я ПО-ПРЕЖНЕМУ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, СЮЗАННА». «ЭТО МЕСТО СМИРДИТ, ДЖЕРРИ, КЛАЙД Д. ФРЕД 1981». С надписями соседствовали изображения больших обвислых пенисов, огромных грудей, грубых влагалищ. Ник понял, где находится – в тюремной камере.

Он осторожно приподнялся на локтях, перекинул ноги (в бумажных шлепанцах) через край койки, развернулся и сел. Голову вновь пронзила боль, позвоночник тревожно затрещал. Желудок заколыхался, накатила тошнота – та, что предшествует обмороку, из всех тошнот самая неприятная и выбивающая из колеи, при которой хочется криком просить Бога избавить от нее.

Вместо того чтобы кричать – все равно бы не получилось, – Ник наклонился вперед, сжимая щеки руками, дожидаясь, пока приступ пройдет. И через какое-то время он отступил. Ник почувствовал, что щеки залеплены полосками пластыря, и пришел к выводу, что какой-то хирург успел наложить на раны пару-тройку швов.

Он огляделся. Маленькая камера напоминала банку для сардин, поставленную на попа. За изножьем койки – решетчатая дверь. В глубине камеры, за изголовьем – унитаз без крышки

и сиденья. Высоко за спиной (это он увидел, очень, очень осторожно изогнув окостеневшую шею) – маленькое, забранное решеткой окно.

Просидев на краю кровати достаточно долго и почувствовав уверенность, что сознание его не покинет, Ник спустил до колен серые пижамные штаны (свою обновку), присел на корточках над унитазом и отливал, наверное, с час. Закончив, поднялся, держась за край кровати, словно старик. С опаской посмотрел в унитаз, боясь увидеть следы крови, но моча была чистая. Спустил воду.

Осторожно дотоптался до решетчатой двери и выглянул в короткий коридор. Слева находилась камера для алкашей. На одной из пяти кроватей лежал старик, его рука, будто плоть, свешивалась на пол. Справа коридор заканчивался широко распахнутой дверью. Посреди потолка висела лампа под зеленым абажуром, какие он видел в бильярдных.

Чья-то тень выросла на стене, метнулась к распахнутой двери, а затем в коридоре появился крупный человек в темно-коричневой форме. На кожаном ремне висела кобура с внушительным пистолетом. Сунув большие пальцы в карманы брюк, он с минуту молча смотрел на Ника. Потом заговорил:

– Когда я был мальчишкой, мы выследили в горах кугуара и застрелили его. Потом двадцать миль волокли в город по твердой земле. Ничего более жалкого, чем то, что осталось от зверя, когда мы добрались до дома, я в своей жизни не видел. Так ты на втором месте после кугуара, малыш.

Ник подумал, что это хорошо подготовленная и заученная речь, тщательно отрепетированная и лелеемая, берегаемая для приезжих и бродяг, которые время от времени заполняли эти банки для сардин.

– Имя у тебя есть, бандерлог?

Ник приложил палец к распухшим и разбитым губам и покачал головой. Закрыв рот рукой, потом рассек ею воздух по диагонали и опять покачал головой.

– Что? Не можешь говорить? Что за бред сивой кобылы? – Слова звучали достаточно доброжелательно, но интонаций Ник не различал. Он изобразил жестом, что хватает невидимую ручку и начинает ею писать. – Тебе нужен карандаш?

Ник кивнул.

– Если ты немой, то почему у тебя нет специальных карточек?

Ник пожал плечами. Вывернул пустые карманы. Сжал кулаки и побокси́ровал, отчего голову снова прострелила боль, а из желудка поднялась еще одна волна тошноты. Потом легонько постучал кулаками по вискам, закатил глаза, повис на прутьях решетки. Опять указал на пустые карманы.

– Тебя ограбили?

Ник снова кивнул.

Человек в форме ушел в свой кабинет. Через мгновение вернулся с тупым карандашом и блокнотом. Все это он просунул Нику между прутьями решетки. Каждый листок блокнота украшала шапка из двух строк: «ПАМЯТКА» и «От шерифа Джона Бейкера».

Ник развернул блокнот лицевой стороной к мужчине, постучал карандашным ластиком по фамилии и вопросительно вскинул брови.

– Да, это я. А ты кто?

Ник Эндрос, написал он и просунул руку сквозь прутья решетки.

Бейкер покачал головой:

– Пожимать тебе руку я не буду. Ты еще и глухой, так?

Ник кивнул.

– Что случилось с тобой этим вечером? Доктор Соумс с женой чуть не раздавили тебя, как сурка, малыш.

Избит и ограблен. В миле от бара «У Зака» на Главной улице.

– В этом притоне такому малышу, как ты, делать нечего, бандерлог. Тебе и пить-то еще рано.

Ник возмущенно потряс головой. *Мне двадцать два*, написал он. *И я имею право выпить пару стаканов пива без того, чтобы меня избили и ограбили, верно?*

Бейкер кисло усмехнулся:

– В Шойо, судя по случившемуся, не имеешь. А что ты вообще делаешь в этих местах, малыш?

Ник вырвал первую страничку блокнота, смял ее в комок и бросил на пол. Прежде чем успел начать писать ответ, сквозь прутья молнией метнулась рука и железной хваткой сжала его плечо. Ник вскинул голову.

– Эти камеры убирает моя жена, – объяснил Бейкер, – и нет никакой необходимости здесь сорить. Подними и выброси.

Ник наклонился, поморщившись от боли в спине, и поднял бумажный комок с пола. Отнес к унитазу, бросил в него, затем вопросительно посмотрел на Бейкера. Тот кивнул.

Ник вернулся к решетчатой двери. На этот раз он писал дольше, карандаш так и летал по бумаге. Бейкер подумал, что, наверное, чертовски трудно научить глухонемого ребенка читать и писать, и у этого Ника Эндроса, должно быть, очень хорошая голова, раз уж он осилил такие премудрости. Здесь, в Шойо, штат Арканзас, хватало нормальных парней, для которых грамота осталась непреодолимым препятствием, и многие из них болтались по вечерам в баре «У Зака». Но он полагал, что парнишка, случайно забредший в город, конечно же, этого знать не мог.

Ник протянул блокнот Бейкеру. Там было написано:

Я кочую по стране, но я не бродяга. Весь день работал у человека, которого зовут Ричард Эллертон, в шести милях к западу отсюда. Вычистил хлев и перетаскал сено на сеновал. Прошлую неделю провел в Уэйтсе, Оклахома, ставил забор. Избившие меня люди забрали мой недельный заработок.

– Ты уверен, что работал у Ричарда Эллертона? Я могу и проверить, знаешь ли. – Бейкер вырвал листок с объяснением Ника, сложил до размеров фотографии, какие носят в бумажнике, и сунул в нагрудный карман.

Ник кивнул.

– Ты видел его собаку?

Ник кивнул.

– Какой она породы?

Ник протянул руку за блокнотом.

Большой доберман, написал он. *Но хороший. Не злой.*

Теперь уже кивнул Бейкер. Он повернулся и пошел обратно в кабинет. Ник стоял у решетки, обеспокоенно глядя ему вслед. Через мгновение Бейкер вернулся с большой связкой ключей, отпер решетчатую дверь, сдвинул в сторону.

– Пошли в кабинет, – пригласил он. – Не хочешь позавтракать?

Ник покачал головой, а затем показал жестами, как наливает и пьет.

– Кофе? Понял. Сливки, сахар?

Ник снова покачал головой.

– Пьешь, как и положено мужчине, – рассмеялся Бейкер. – Пошли.

Шериф шел по коридору и продолжал говорить, но Ник не мог разобрать слов, потому что видел спину, а не губы.

– Я не против компании. У меня бессонница. Редкую ночь я сплю больше трех-четырех часов. Жена хочет, чтобы я съездил к какому-то известному врачу в Пайн-Блаффе. Если не

пройдет, я, наверное, так и сделаю. Сам видишь – время пять утра, еще даже не рассвело, а я уже сижу, ем яйца и жареную картошку из столовки на стоянке для грузовиков.

На последней фразе он обернулся, и Ник уловил: «...столовки на стоянке для грузовиков».

Он поднял брови и пожал плечами, показывая, что не понял.

– Не важно, – продолжил Бейкер. – Во всяком случае, для такого молодого парня, как ты.

В кабинете шериф налил ему чашку кофе из большущего термоса. Тарелка с недоеденным завтраком стояла на столе, и Бейкер пододвинул ее к себе. Ник глотнул кофе. Глоток отозвался болью, но кофе был вкусным.

Он похлопал Бейкера по плечу, а когда тот посмотрел на него, указал на кофе, потер живот, подмигнул.

Бейкер улыбнулся:

– Конечно, хороший. Его сварила моя жена, Джейн. – Он отправил в рот половину сваренного вкрутую яйца, пожевал, потом нацелил на Ника вилку. – Хорошо у тебя получается. Как у этих актеров пантомимы. Готов спорить, с людьми ты объясняешься без труда.

Ник неопределенно махнул рукой. *Comme ci, comme ça*²⁵.

– Я не собираюсь задерживать тебя, – Бейкер вытер с тарелки жир куском поджаренного хлеба, – но вот что я тебе скажу. Если ты ненадолго задержишься, может, мы сумеем поймать парней, которые так обошлись с тобой. Согласен?

Ник кивнул и написал: *Думаете, смогу я вернуть мой недельный заработок?*

– Ни малейшего шанса, – бесстрастно ответил Бейкер. – Я всего лишь обычный деревенский шериф, малыш. Для этого тебе нужен Орал Робертс²⁶.

Ник кивнул и пожал плечами. Перекрестив руки в запястьях, изобразил улетающую птицу.

– Да, именно так. Сколько их было?

Ник показал четыре пальца, потом пожал плечами и добавил еще один.

– Как считаешь, сможешь кого-нибудь опознать?

Ник показал один палец и написал: *Большой блондин. Ваших габаритов, может, чуть потяжелее. Серые рубашка и брюки. Крупный перстень на третьем пальце правой руки. Пурпурный камень. Им-то он и порезал меня.*

Пока Бейкер читал все это, лицо его менялось. Сначала на нем проступила озабоченность, потом злость. Ник, подумав, что шериф злится на него, снова испугался.

– Господи Иисусе! – воскликнул Бейкер. – Вся компания в сборе! Ты уверен?

Ник неохотно кивнул.

– Что-нибудь еще? Запомнил еще какие-нибудь приметы?

Ник крепко задумался, а потом написал: *Небольшой шрам. У него на лбу.*

Бейкер взглянул на последнюю запись.

– Это Рэй Бут, – сказал он. – Мой шурин. Ну спасибо тебе, малыш. Еще только пять утра, а день уже безнадежно испорчен.

Глаза Ника открылись чуть-чуть шире, осторожное движение рук выразило сочувствие.

– Да ладно, чего уж там! – Бейкер обращался скорее к самому себе, чем к Нику. – Он дрянной человек. Джейни об этом знает. В детстве он столько раз бил ее. Но они все-таки брат и сестра, так что на этой неделе мне придется забыть про родственные отношения.

Ник смущенно смотрел себе под ноги. Бейкер потряс его за плечо, чтобы он следил за губами.

²⁵ Так себе (*фр.*).

²⁶ Грэнвилл Орал Робертс (1918–2009) – пионер американского телеэвангелизма, автор более 120 книг, основатель университета.

– Возможно, ничего и не получится. Рэй и его говняные дружки просто поручатся друг за друга. Твое слово против их. Ты достал кого-нибудь?

Пнул Рэя в пах, написал Ник. Другому двинул в нос. Похоже, сломал.

– Рэй обычно тусуется с Винсом Хоганом, Билли Уорнером и Майком Чайлдрессом, – сказал Бейкер. – Я, пожалуй, смогу привезти сюда одного Винса и расколоть его. У него хребет, как у умирающей медузы. А если я расколю его, то займусь Майком и Билли. Рэй получил этот перстень в студенческом братстве Университета Луизианы. Вылетел со второго курса. – Он помолчал, барабанил пальцами по краю тарелки. – Мы можем дать этому делу ход, малыш, если ты хочешь. Но заранее тебя предупреждаю: есть вероятность, что прищучить их не получится. Они злы и трусливы, как стая собак, но они местные, а ты – всего лишь глухонемой бродяга. И если они отвернутся, то попытаются свести с тобой счеты.

Ник обдумал слова шерифа. Мысленно представил, как эти парни перекидывают его друг другу, словно кровоточащее чучело. А Рэй произносит: *Сейчас я его уделаю. Сопляк ударил меня.* Почувствовал, как срывают с плеч рюкзак – верного друга последних двух лет.

На листке блокнота он написал и подчеркнул два слова: *Давайте попробуем.*

Бейкер со вздохом кивнул:

– Хорошо. Винс Хоган работает на лесопилке... Ну, не совсем так. Он слоняется по лесопилке. Мы съездим туда часиков в девять, если не возражаешь. Может, нам и удастся настолько запугать его, что он расколется.

Ник кивнул.

– Как твой рот? Док Соумс оставил какие-то таблетки. Он сказал, что, наверное, болеть будет ужасно.

Ник уныло кивнул.

– Сейчас достану. Вот... – Шериф прервался, и в своем мире немного кино Ник увидел, как он несколько раз чихнул в платок. – Еще и это. Похоже, я сильно простудился. Господи Иисусе, ну разве жизнь не прекрасна? Добро пожаловать в Арканзас, парень.

Он достал таблетки и подошел к тому месту, где сидел Ник. Передал ему лекарство вместе со стаканом воды, осторожно потер кожу под челюстью. Железы распухли и болели даже от легкого прикосновения. Плюс кашель, чихание, небольшая температура и соответствующее самоощущение. Да, день обещал принести много радости.

Глава 10

Ларри проснулся с легким похмельем, ощущением, что маленький дракончик использовал его рот вместо ночного горшка, и чувством, что находится там, где ему быть не следует.

Кровать была односпальная, но с двумя подушками. Он ощутил запах жарящегося бекона. Сел, посмотрел в окно на очередной серый нью-йоркский день и первым делом подумал, что за ночь с Беркли сделали что-то ужасное: выпачкали в грязи и саже и состарили. Потом в памяти начала постепенно всплывать прошлая ночь, и он осознал, что смотрит на Фордэм, а не на Беркли. Ларри находился в квартире на втором этаже дома по Тремонт-авеню, недалеко от Конкорса, и его матери определенно следовало бы знать, где он провел ночь. Позвонил ли он ей, назвал хоть какую-то причину, пусть и неубедительную?

Он перебрал ноги через край кровати и нашел смятую пачку «Уинстон» с одной оставшейся сигаретой. Прикурил от зеленой пластмассовой зажигалки «Бик». Вкусом сигарета напоминала высушенный конский навоз. Из кухни доносилось шипение жарящегося бекона, монотонное, как помехи в радиоприемнике.

Девушку звали Мария, и она была... кем? Специалисткой по гигиене рта, так? Ларри не знал, много ли она смыслит в гигиене, но по части рта Мария проявила себя блестяще. Он смутно помнил, что его обгладывали, как куриную ножку, произведенную «Пердью». Кросби, Стилс и Нэш – их голоса доносились из паршивенького стерео в гостиной – пели о том, как много воды утекло под мостом, о потерянном ими времени. Если память не изменяла ему, Мария времени точно не теряла. Ее потрясло, что он – тот самый Ларри Андервуд. И разве они не потратили часть вчерашнего вечера на поиски открытого магазина грампластинок, чтобы купить «Поймешь ли ты своего парня, детка?»?

Ларри тихонько застонал и попытался восстановить в памяти весь вчерашний день, начиная с невинной завязки и кончая неистовым, поглотившим финалом.

«Янкиз» в городе не было, это он помнил. Его мать ушла на работу до того, как он проснулся, оставив на кухонном столе расписание игр «Янкиз» вместе с запиской:

Ларри. Как видишь, «Янкиз» вернутся в город лишь после первого июля. Четвертого они играют двойную игру. Если в этот день ты свободен, почему бы тебе не сводить свою маму на стадион? Я куплю пиво и хот-доги. Яйца и колбаса в холодильнике, сладкие слоеные булочки в хлебнице, если они нравятся тебе больше. Береги себя, мальш.

Далее следовал характерный для Элис Андервуд постскриптум:

Большинство ребят, с которыми ты дружил, разъехались, и скатертью дорожка этим бездельникам, но думаю, что Бадди Маркс работает в типографии на Стрикер-авеню.

Даже воспоминание об этой записке заставило его поморщиться. Ни тебе «дорогой» перед его именем, ни «с любовью» перед ее подписью. Она верила не в пустые слова, а в содержимое холодильника. Пока он отсыпался после поездки через всю Америку, мать успела сходить в магазин и купить все, что он любил. Ее безупречная память даже пугала. Консервированная ветчина «Дейзи». Два фунта настоящего масла – как она могла позволять себе такое на свою зарплату? Две упаковки колы. Колбаски из универсама. Ростбиф, маринующийся в секретном соусе Элис, составом которого она отказывалась поделиться даже с собственным сыном. В морозилке – галлон мороженого «Персиковый восторг» от «Баскин-Роббинс». Рядом с творожным пирогом «Сары Ли». С клубникой сверху.

Подчиняясь внезапному импульсу, он прошел в ванную, и не только для того, чтобы отлить: ему хотелось заглянуть в аптечный шкафчик. Новая зубная щетка «Пепсодент», вися-

щая в том самом отделении, где в детстве по очереди висели все его зубные щетки. Одноразовые станки для бритья и баллончик пены «Барбасол». Даже флакон одеколона «Олд спайс». «Не бог весть что, – сказала бы она (Ларри буквально услышал ее голос), – но за такие деньги пахнет неплохо».

Он постоял, глядя на все это, взял тюбик зубной пасты, подержал в руке. Ни «Дорогой», ни «Люблю, мама». Просто новая зубная щетка, новый тюбик пасты, новый флакон одеколона. Иногда, подумал он, любовь бывает не только слепой, но и молчаливой. И начал чистить зубы, размышляя, а не написать ли об этом песню.

В комнату вошла специалистка по гигиене рта – в одной лишь розовой нейлоновой нижней юбке.

– Привет, Ларри, – поздоровалась она. Невысокого роста, симпатичная, отдаленно напоминающая Сандру Ди²⁷. Грудь задорно торчали, никаких признаков обвисания. Как там было в старой хохме? «Это точно, лейтенант, у нее была пара «тридцать восьмых»²⁸ и настоящая пушка». Ха-ха, очень смешно. Он проехал три тысячи миль, чтобы ночью его съела живьем Сандра Ди.

– Привет, – ответил он и встал с постели. Голый – однако вся его одежда лежала у изножья кровати. Он начал одеваться.

– У меня есть халат для тебя, если хочешь. На завтрак у нас копченая селедка и бекон. Копченая селедка и бекон? Его желудок начал съеживаться, завязываясь в узел.

– Нет, милая, мне надо бежать. Должен кое с кем повидаться.

– Эй, но ты не можешь просто так удрать от меня...

– Послушай, это очень важно.

– Я тоже важна! – взвизгнула она. От ее голоса у Ларри заболела голова. Без всякой на то причины он вдруг вспомнил Фреда Флинтстоуна, орущего: «ВИ-И-И-ИЛМА-А-А-А!» – во всю мощь мультяшных легких.

– Слишком много Бронкса, крошка.

– И что это значит? – Она уперла руки в бока, зажав в одном кулаке жирно поблескивающую кулинарную лопатку, похожую на стальной цветок. Грудь призывно шевельнулись, но Ларри не отреагировал. Надел штаны, застегнул пуговицы. – Да, я из Бронкса, но я не черная! Что ты имеешь против Бронкса? Ты у нас кто, расист?

– Ничего такого. – Он подошел к ней босиком. – Послушай, человек, с которым мне надо увидеться, – моя мама. Я приехал в город всего лишь два дня назад, а вчера вечером не позвонил ей и не предупредил... или позвонил? – добавил он с надеждой.

– Ты никому не звонил, – угрюмо буркнула она. – Кто поверит, что это твоя мать?..

Он вернулся к кровати, надел туфли.

– Она самая. Правда. Работает в «Кемикэл-бэнк-билдинг». Уборщицей. Хотя нынче, думаю, она уже старшая по этажу.

– И я не верю, что ты – Ларри Андервуд, который записал эту пластинку.

– Верь во что хочешь. Мне надо бежать.

– Ах ты, гаденыш! – вспыхнула она. – А что мне делать со всей этой едой, которую я приготовила?

– Может, выбросить в окно? – предложил он.

Она злобно взвизгнула и швырнула в него лопаткой. В любой другой день она бы промахнулась. В сущности, один из основополагающих законов физики гласит, что кулинарная лопатка, брошенная рукой разъяренной специалистки по гигиене рта, не может лететь по прямой. Но тут имело место исключение, которое, как известно, только подтверждает правило.

²⁷ Сандра Ди (1942–2005) – американская киноактриса.

²⁸ Игра слов. Тридцать восьмой – и калибр патрона, и размер бюстгальтера.

Кувырок с переворотом – и стопроцентный результат: лопатка угодила Ларри прямо в лоб. Особой боли он не почувствовал. Заметил, как две капли крови упали на коврик, лишь когда наклонился, чтобы поднять лопатку.

С лопаткой в руке Ларри сделал два шага по направлению к Марии.

– Тебя надо бы отшлепать этой хренью! – заорал он.

– Ну конечно! – Она подалась назад и заплакала. – Почему бы и нет? Большая звезда! Трахнул и убежал! Я думала, ты хороший парень. Никакой ты не хороший! – Несколько слезинок сбежали по ее щекам, упали на грудь. Словно зачарованный, он наблюдал, как одна скатилась по правой груди и повисла на соске, превратившись в некое подобие увеличительного стекла. Ларри разглядел поры и один черный волос на внутренней границе ареолы. «Господи Иисусе, я схожу с ума», – подумал он.

– Я должен идти. – Белый пиджак Ларри лежал в изножье кровати. Он подхватил его и набросил на плечо.

– Никакой ты не хороший! – крикнула она ему вслед, когда он направился в гостиную. – Я пошла с тобой, поскольку подумала – ты хороший парень!

Войдя в гостиную, он едва не застонал. На диване, где, как он смутно помнил, ему отсасывали, лежали штук двадцать пластинок с песней «Поймешь ли ты своего парня, детка?». Еще три – на вертушке покрытого пылью портативного стереопроигрывателя. На дальней стене висел огромный постер с Райаном О'Нилом и Эли Макгроу²⁹. «Раз тебе отсосали, нечего говорить, что ты о чем-то там сожалеешь, ха-ха! Господи, я схожу с ума».

Она стояла в дверях спальни, все еще плача, такая жалкая в одной лишь нижней юбке. Он видел порез на ее голени – зацепила кожу, когда сбрасывала волосы.

– Послушай, позвони мне, – попросила она. – Не думай, что я чокнутая.

Ему бы ответить: «Ну конечно», – и все бы на этом кончилось. Но он услышал, как с губ срывается безумный смех, а потом – слова:

– Твоя рыба горит.

Она закричала на него и рванулась через гостиную, да только споткнулась о лежавшую на полу декоративную подушку и упала. Одной рукой сшибла полупустую бутылку молока и качнула стоявшую рядом пустую бутылку виски. «Боже мой, – подумал Ларри, – неужели мы это смешивали?»

Он быстро вышел из квартиры и сбежал по лестнице. На последних шести ступеньках услышал, как она кричит с верхней лестничной площадки:

– *Никакой ты не хороший! Никакой ты не...*

Он захлопнул за собой парадную дверь, и его окутало туманное, влажное тепло, пропитанное запахами распускающихся деревьев и выхлопных газов. Просто духи в сравнении с вонью жарящегося жира и затхлого сигаретного дыма. Он все еще держал в руке сигарету, уже догоревшую до фильтра, и только теперь бросил ее в ливневую канаву и полной грудью вдохнул свежий воздух. Ну до чего же приятно вырваться из этого безумия. Давайте вернемся к тем удивительным дням здравомыслия, когда мы...

Наверху с грохотом распахнулось окно, и он догадался, что за этим следует.

– *Чтоб тебе сдохнуть!* – крикнула она ему. Типичная скандалистка из Бронкса. – *Чтоб тебе упасть на рельсы перед гребаным поездом подземки! Никакой ты не певец! И в постели просто дерьмо! Гнида! Засунь это себе в задницу! Отнеси своей мамочке, гнида!*

Бутылка с молоком вылетела из окна ее спальни на втором этаже. Ларри пригнулся. Бутылка взорвалась в ливневой канаве, окатив улицу стеклянными осколками. За ней, вращаясь, последовала бутылка из-под виски, чтобы разлететься вдребезги у ног Ларри. Да уж, мет-

²⁹ Американские актеры Райан О'Нил и Эли Макгроу получили мировую известность, снявшись в фильме «История любви» (1970).

костью эта специалистка по гигиене рта отличалась отменной. Он побежал, прикрывая голову одной рукой. Боясь, что это безумие никогда не кончится.

Сзади донесся финальный протяжный вопль, в котором отчетливо слышался характерный выговор обитателей Бронкса:

– *ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ В ЗАДНИЦУ, ЖАЛКИЙ УБЛЮ-У-У-У-У-У-ДОК!*

Тут он завернул за угол и очутился на мосту над проходившим внизу скоростным шоссе. Наклонившись над перилами, затрясся от истерического смеха, наблюдая за пронесившимися внизу автомобилями.

– Неужели ты не мог обставить все получше? – Ларри не отдавал себе отчет, что говорит вслух. – Ох, чел, конечно же, мог. До чего же отвратительная получилась сцена. Да забей на это, чел. – Тут он понял, что озвучивает свои мысли, и вновь громко расхохотался. Вдруг голова пошла кругом, его затошнило, и он зажмурился. Ячейка памяти в департаменте мазохизма открылась, и он услышал слова Уэйна Стьюки: *И есть что-то еще... вроде способности грызть жезл.*

Да, с девушкой он обошелся, как со старой шлюхой наутро после студенческой групповухи.

Никакой ты не хороший парень.

Хороший. Хороший.

Но когда народ воспротивился его намерению выставить всех за дверь, он пригрозил позвонить в полицию – и говорил вполне серьезно. Без шуток? Само собой. Большинство людей он не знал и бровью бы не повел, наступи они на противопехотную мину, однако четверо или пятеро протестующих были его давними знакомыми. А Уэйн Стьюки, этот ублюдок, стоял в дверях со скрещенными руками, будто судья, выносящий смертный приговор на громком процессе.

Сол Дориа ушел со словами: *Если успех подобным образом действует на таких, как ты, Ларри, я бы предпочел, чтобы ты оставался сессионником*³⁰.

Он открыл глаза и отвернулся от перил, высматривая такси. Резюме оскорбленного друга. Но если Сол был таким уж близким другом, с какой стати он зацепился за эту гулянку, высасывая из него деньги? «Я вел себя глупо, а кому понравится, если глупый вдруг умнеет? В этом все дело...»

Никакой ты не хороший парень.

– Я хороший парень, – мрачно возразил он. – И вообще, кому до этого дело?

Мимо проезжало такси, и он вскинул руку. Таксист, похоже, на секунду замялся, прежде чем свернуть к тротуару, и Ларри вспомнил о крови на лбу. Он открыл заднюю дверь и залез в салон, пока таксист не передумал.

– Манхэттен, «Кемикэл-бэнк-билдинг».

Такси влилось в транспортный поток.

– Парень, у тебя порез на лбу, – сказал водитель.

– Девушка швырнула в меня кулинарной лопаткой, – рассеянно ответил Ларри.

Таксист одарил его странной, фальшивой сочувственной улыбкой и сосредоточился на дороге, не мешая Ларри собираться с мыслями и думать, как объяснить матери свое ночное отсутствие.

³⁰ Сессионник – музыкант, приглашаемый для записи песни (альбома) или выступления на концерте.

Глава 11

В вестибюле Ларри нашел негритянку с усталым лицом и узнал, что Элис Андервуд, кажется, сейчас проводит инвентаризацию на двадцать четвертом этаже. Он вошел в кабину лифта и поехал наверх, чувствуя, как другие люди настороженно поглядывают на его лоб. Рана больше не кровоточила, но кровь запеклась на коже неровным пятном.

Двадцать четвертый этаж занимала японская компания по производству фотоаппаратов. Ларри чуть ли не двадцать минут бродил по коридорам в поисках матери, чувствуя себя идиотом. В компании работали и уроженцы Запада, но большинство сотрудников составляли японцы, среди которых он, со своими шестью футами двумя дюймами, смотрелся не просто идиотом, а очень высоким идиотом. Маленькие мужчины и женщины с узкими глазами поглядывали на запекшуюся кровь на лбу и окровавленный рукав пиджака с выбивающей из колеи восточной вежливостью.

Наконец за огромным папоротником он нашел дверь с надписью: «УБОРКА И ОБСЛУЖИВАНИЕ». Повернул ручку. Дверь открылась, и Ларри заглянул внутрь. Увидел мать в мешковатой серой униформе, эластичных чулках и туфлях на резиновой подошве, с волосами, собранными в тугий пучок под черной сеточкой. Она стояла спиной к нему, держа в руке папку-планшет. Похоже, пересчитывала баллончики с чистящим спреем на одной из верхних полок.

Ларри разобрало внезапное, виноватое желание повернуться и убежать. Отправиться в гараж, расположенный в двух кварталах от ее квартиры, и забрать «зет». На хрен деньги, которые он заплатил за два месяца аренды. Сесть в машину и *слинять*. Куда? Все равно. В Бар-Харбор, штат Мэн. В Тампу, штат Флорида. В Солт-Лейк-Сити, штат Юта. Подойдет любое место, при условии, что его не видно из Нью-Йорка вообще и из этого пропахшего мылом чулана в частности. Он не знал, в чем причина – в ярком флуоресцентном свете или в ране на лбу, – но голова начала раскалываться от боли.

Хватит хныкать, чертов сосунок.

– Привет, мама, – поздоровался он.

Она чуть вздрогнула, но не повернулась.

– Ларри. Ты нашел дорогу в центр города.

– Само собой. – Он переминался с ноги на ногу. – Я хочу попросить у тебя прощения.

Мне следовало позвонить вчера вечером...

– Да. Хорошая идея.

– Я остался у Бадди. Мы... ну... решили оторваться. Поехали в город.

– Я так и предположила. Или почти так. – Она пододвинула ногой табуретку, встала на нее и начала считать бутылки мастики для пола на самой верхней полке, чуть касаясь каждой кончиками большого и указательного пальцев правой руки. Ей пришлось тянуться, платье задралось, и чуть выше коричневых чулок Ларри увидел белые полосы ее целлюлитных бедер. Он отвел глаза, принявшись вспоминать, что случилось с третьим сыном Ноя, который посмотрел на отца, голого и пьяного старика на соломенном тюфяке. Бедолаге пришлось рубить дрова и черпать воду. Ему и всем его потомкам. «Потому-то нынче мы и имеем расовые бунты, сынок. Восславим Господа».

– Это все, что ты мне хотел сказать? – Она впервые посмотрела на него.

– Ну, я хотел объяснить, где был, и извиниться. Я поступил плохо, не позвонив тебе.

– Да, – кивнула она, – но за тобой всегда такое водилось, Ларри. Или ты думал, что я забыла?

Он вспыхнул:

– Мама, послушай...

– Ты весь в крови. Какая-то стриптизерша огрела тебя своими стрингами? – Мать отвернулась от него и, пересчитав до конца ряд бутылок на верхней полке, сделала пометку на листе, закрепленном на планшете. – Кто-то позаимствовал на прошлой неделе две банки с мастикой, – отметила она. – Повезло.

– Я пришел сказать, что *прошу прощения!* – крикнул Ларри. И в отличие от матери вздрогнул. Чуть-чуть.

– Да, ты уже говорил. Мистер Джогэн сожрет нас живьем, если эта чертова мастика не перестанет исчезать.

– Я не ввязывался в пьяную драку и не ходил в стрип-клуб. Ничего похожего. Просто... – Он запнулся.

Она обернулась, сардонически приподняв брови. Он очень хорошо помнил, как она это делала.

– Просто что?

– Ну... – Он не смог быстро придумать убедительную ложь. – Это была... ну... э... кули-нарная лопатка.

– Кто-то спутал тебя с глазуньей? Ну и загул вы устроили с Бадди.

Он и забыл, как она умела выводить его на чистую воду всегда, и, наверное, собиралась заниматься этим до конца жизни.

– Это сделала девушка, мама. Швырнула в меня лопатку.

– Должно быть, у нее орлиный глаз. – Элис Андервуд вновь отвернулась от сына. – Эта треклятая Консуэла опять прячет бланки заявок. Не то чтобы от них был особый прок, мы никогда не получаем все, что нужно, но зато нам привозят много такого, чему я бы и под дулом пистолета не смогла найти применение.

– Мама, ты сильно сердишься на меня?

Руки ее неожиданно опустились, она ссутулилась.

– Не сердись на меня, – прошептал он. – Пожалуйста, не надо. Хорошо?

Она снова повернулась к нему, и он заметил, как неестественно блестят ее глаза... То есть, может, вполне естественно, но вовсе не из-за флуоресцентных ламп. И опять услышал, как специалистка по гигиене безапелляционно чеканит: *Никакой ты не хороший парень.* Ну почему он вообще приехал домой, если теперь так ведет себя по отношению к матери?.. И тут уж не важно, как она ведет себя по отношению к нему.

– Ларри, – ее голос был нежным, – Ларри, Ларри, Ларри.

На миг он подумал, что больше она ничего не скажет, даже позволил себе на это надеяться.

– Это все, на что ты способен: «Не сердись на меня, пожалуйста, мама, не сердись»? Я слушаю тебя по радио, и хотя мне не нравится песня, которую ты поешь, я горжусь тем, что ее поешь ты. Люди спрашивают меня, действительно ли это мой сын, и я отвечаю: да, это Ларри. Я говорю им, что ты всегда хорошо пел, и это правда, верно?

Он с несчастным видом кивнул, не доверяя своему голосу.

– Я рассказываю им, как ты взял гитару Донни Робертса, когда учился в младшей средней школе, и уже через полчаса играл лучше, чем он, хотя Донни брал уроки со второго класса начальной. Ты талантлив, Ларри, меня в этом убеждать не надо, мне и так все понятно. Я думаю, ты и сам это знаешь, потому что лишь об этом ты никогда не плакался. Потом ты уехал, и разве я ругала тебя? Нет. Молодые мужчины и молодые женщины, они всегда уезжают. Такова природа этого мира. Иногда это больно – но это естественно. Потом ты вернулся. И нужно ли объяснять мне почему? Нет. Ты вернулся домой, потому что, с хитом или без него, попал в какую-то передрагу на западном побережье.

– Никуда я не попадал! – возмущенно воскликнул он.

– Попадал. Все признаки налицо. Я достаточно долго пробыла твоей матерью, и тебе не одурачить меня, Ларри. Ты всегда нарывался на неприятности, даже не пытался повернуть голову и увидеть их. Иногда мне кажется, что ты специально перейдешь улицу, чтобы вляпаться в собачье дерьмо. Бог простит мне мои слова, потому что знает: я говорю правду. Сержусь ли я на тебя? Нет. Разочарована ли я? Да. Я надеялась, что ты изменишься. И напрасно. Ты уехал ребенком в теле взрослого человека и вернулся таким же, разве что распрямил волосы. Знаешь, почему ты, на мой взгляд, вернулся домой?

Он смотрел на нее, хотел заговорить, но понимал, что сейчас способен сказать только одно, и это выведет их обоих из себя: *Не плачь, мама, хорошо?*

– Я думаю, ты приехал домой, потому что не знал другого места, куда бы еще мог поехать. Не знал, кто еще пустит тебя в свою жизнь. Никому и никогда я не говорила о тебе ничего плохого, Ларри, даже моей сестре, но раз уж ты меня вынудил, я скажу все, что думаю. Я думаю, ты способен только брать. И всегда был способен только на это. Словно Бог придержал какую-то твою часть, когда строил тебя во мне. Я вовсе не говорю, что ты *плохой*. После смерти отца мы жили в таких местах, где ты, Господь свидетель, мог стать плохим, будь это в тебе заложено. Думаю, самый ужасный проступок, за которым я тебя застукала, – это неприличное слово, которое ты писал в нижнем коридоре того дома на Кастерс-авеню в Куинсе. Ты помнишь?

Он помнил. То самое слово она написала мелом у него на лбу и, держа сына за руку, заставила его три раза обойти квартал. Никогда больше он не писал ни одного слова на стене здания, заборе или столбе.

– Самое страшное, Ларри, в том, что ты хочешь как лучше. Иногда я думаю, что было бы даже проще, стань ты плохим. А так – ты вроде бы и понимаешь, что такое плохо, но не знаешь, как с этим бороться. Я и сама не знаю. Все известные *мне* способы я уже испробовала, когда ты был маленьким. Написать это слово у тебя на лбу – один из них... К тому времени я уже начала отчаиваться, иначе никогда бы не обошлась с тобой так жестоко. Ты можешь только брать, вот и все. Ты пришел домой, зная, что я должна что-то дать. Не всем, но тебе точно.

– Я уеду! – Каждое слово выплевывалось, как сухой комок корпии. – Сегодня.

Потом ему пришло в голову, что, вероятно, он не *сможет позволить* себе уехать, по крайней мере до тех пор, пока Уэйн не вышлет ему следующий чек с роялти или с тем, что останется от выписанной ему суммы после того, как он рассчитается с самыми нетерпеливыми кредиторами в Лос-Анджелесе. Что же касалось наличных, он заплатил за парковку «датуна-зет», и до пятницы предстояло внести очередной, и весомый, взнос за автомобиль, если он не хотел, чтобы машину объявили в розыск (а этого он точно не хотел). И после вчерашнего загула, который начался так невинно с Бадди, его невестой и специалисткой по гигиене рта, которую знала невеста («Милая девушка из Бронкса, Ларри, тебе она понравится, отличное чувство юмора»), денег у него почти не осталось. От этой мысли он запаниковал. Если он уедет от матери, то куда отправится? В отель? Да швейцар любого отеля чуть получше ночлежки посмеется над ним и пошлет его к черту. Несмотря на хороший прикид, они знали. Каким-то непонятным образом эти ублюдки все знали. *Чувствовали* запах пустого бумажника.

– Не уезжай, – мягко попросила она. – Мне не хотелось бы, чтобы ты уезжал, Ларри. Я купила кое-какую еду специально для тебя. Может, ты уже видел. И я надеялась, что вечером нам удастся сыграть в кункен.

– Ма, ты не умеешь играть в кункен, – чуть улыбнулся он.

– По центу за очко я тебя разделаю в пух и прах.

– Возможно, если я дам тебе фору в четыреста очков...

– Послушайте этого сосунка, – усмехнулась она. – Возможно, если я дам тебе фору в четыреста очков. Оставайся, Ларри. Что скажешь?

– Ладно, – согласился он. В первый раз за весь день у него поднялось настроение, действительно поднялось. Тихий внутренний голос прошептал: «Ты опять берешь, старина Ларри,

берешь задаром», – но он отказался слушать. Это была *его* мать, в конце концов, и она *попросила* его. Действительно, наговорила много нелицеприятного перед тем, как попросить, но все-таки попросила, искренне или нет. – Вот что я тебе скажу. Я заплачу за билеты на игру четвертого июля. На это пойдет небольшая часть моего сегодняшнего выигрыша. Я обдеру тебя как липку.

– Ты не обдерешь и помидор, – добродушно ответила она, вновь поворачиваясь к полкам. – Дальше по коридору мужской туалет. Почему бы тебе не сходить туда, чтобы смыть кровь со лба? Потом возьми у меня из кошелька десять долларов и отправляйся в кино. На Третьей авеню еще осталось несколько хороших кинотеатров. Только держись подальше от этих гадюшников на Сорок девятой и Бродвее.

– Скоро я буду давать тебе деньги, – сказал Ларри. – На этой неделе пластинка на восемнадцатом месте в хит-параде «Биллборда». Я проверил в «Сэме Гуди» по дороге сюда.

– Это замечательно. Если ты такой богатый, почему не купил журнал, а только пролистал?

Внезапно у него в горле словно что-то застряло. Ларри откашлялся, но ощущение не исчезло.

– Ладно, не обращай внимания, – продолжила Элис. – У меня язык – что лошадь с норовом. Если уж понесет, то не остановится, пока не выдохнется. Сам знаешь. Возьми пятнадцать, Ларри. Считай, что берешь займы. Я уверена, что так или иначе они ко мне вернутся.

– Обязательно вернутся, – заверил он. Подошел к ней и дернул за подол ее платья, совсем как маленький мальчик. Она посмотрела вниз. Он приподнялся на цыпочках и поцеловал мать в щеку. – Я люблю тебя, мама.

На ее лице отразилось удивление, вызванное не поцелуем, а то ли самими словами, то ли тоном, которым он их произнес.

– Я знаю, Ларри.

– А насчет того, что ты говорила. О передрыге. Действительно есть такое, но я...

Ее голос стал холодным и суровым. Настолько холодным, что он даже немного испугался.

– Я не желаю ничего об этом слышать.

– Ладно, – кивнул он. – Послушай, мама, какой здесь лучший кинотеатр? Поблизости?

– «Люкс твин», – ответила она. – Но я не знаю, что там сейчас идет.

– Не важно. Знаешь, что я подумал? Есть три вещи, которые доступны по всей Америке, но действительно хороши лишь в Нью-Йорке.

– Да, мистер критик из «Нью-Йорк таймс»! И что же это?

– Фильмы, бейсбол и хот-доги в «Недиксе»³¹.

Она рассмеялась:

– Ты не глуп, Ларри... и никогда не был глуп.

Он пошел в мужской туалет. Смыл кровь со лба. Вернулся и вновь поцеловал мать. Взял пятнадцать долларов из ее потертого черного кошелька. Пошел в «Люкс». И смотрел, как злобный и безумный выходец с того света, именуемый Фредди Крюгером, затягивает подростков в пучину их собственных снов, где все они – за исключением главной героини – погибают. В конце фильма Фредди Крюгер вроде бы тоже погиб, но Ларри не мог этого утверждать. После названия стояла римская цифра, народу в зале хватало, и Ларри подумал, что человек с бритвенными лезвиями на кончиках пальцев еще вернется. Он не знал, что неприятные звуки, чей источник находился в следующем за ним ряду, положат всему этому конец: не будет новых серий и в самое ближайшее время не будет кино вообще.

Человек, сидевший за спиной Ларри, кашлял.

³¹ «Недикс» – сеть кафе быстрого обслуживания, возникшая в 1913 г. В 1981 г. прекратила существование.

Глава 12

В дальнем углу гостиной стояли дедушкины часы. Всю свою жизнь Фрэнни Голдсмит слышала их размеренное тиканье. Оно заполняло комнату, которую она никогда не жаловала, а в такие дни, как этот, просто ненавидела.

В доме ей больше всего нравилась мастерская отца. Располагалась она в сарайчике, соединявшем дом и амбар. Туда вела маленькая дверь, менее пяти футов в высоту, аккуратно спрятавшаяся за старой дровяной кухонной плитой. Сама дверь уже дорогого стоила: маленькая, почти невидимая, определенно из тех дверей, какие встречаются в сказках и фантастических историях. По мере того как Фрэнни становилась старше и выше, ей, подобно отцу, приходилось все сильнее наклоняться, чтобы войти в нее. Мать заходила в мастерскую лишь в случае самой крайней необходимости. Такая дверь вполне могла привести в Страну чудес Алисы, и какое-то время Фрэнни играла в игру, втайне даже от отца, представляя себе, что однажды, открыв дверь, увидит за ней совсем не мастерскую Питера Голдсмита, а подземный путь из Страны чудес в Хоббитанию – низкий, но уютный тоннель с закругленными земляными стенками и земляным потолком, оплетенным прочными корнями, которые могли набить шишку, если стукнуться головой о любую из них. Тоннель, пахнувший не влажной почвой, и сыростью, и мерзкими жуками, и червями, а корицей и только что испеченными яблочными пирогами, и заканчивающийся далеко впереди – в кладовой Бэг-Энда, где мистер Бильбо Бэггинс празднует свой сто одиннадцатый день рождения...

Уютный тоннель так ни разу и не появился, но для Фрэнни Голдсмит, выросшей в этом доме, хватало и мастерской отца (он иной раз называл ее «инструментальной», а мать – «грязной дырой, в которую твой папа ходит пить пиво»). Странные инструменты и загадочные механизмы. Огромный шкаф с тысячей ящичков, и каждый забит доверху. Гвозди, шурупы, кусочки металла, наждачная бумага (трех видов: мелко-, средне- и крупнозернистая), рубанки, уровни и еще много всякой всячины, названий которой Фрэнни не знала ни тогда, ни сейчас. В мастерской царила темнота, разгоняемая лишь сорокаваттной лампочкой, свешивавшейся на проводе с потолка, да ярким кругом света от настольной лампы, падавшим на верстак, за которым работал отец. Пахло пылью, маслом и трубочным дымом, и Фрэнни казалось, что пора уже ввести такое правило: каждый отец обязан курить. Трубку, сигары, сигареты, марихуану, гашиш, сушеные листья салата-латука – что угодно. Потому что запах дыма являлся одной из составных частей ее детства.

Дай-ка мне тот ключ, Фрэнни. Нет, маленький. Чем ты занималась сегодня в школе?.. Правда?.. С чего бы это Рутти Сирс толкать тебя?.. Да, это ужасно. Ужасная царапина. Но зато подходит по цвету к твоему платью, тебе не кажется? Хорошо бы разыскать Рутти Сирс и заставить ее снова толкнуть тебя, чтобы поцарапать другую ногу. Для симметрии. Дай-ка мне ту большую отвертку... Нет, с желтой ручкой.

Фрэнни Голдсмит! Немедленно выметайся из этой отвратительной дыры и переодень школьную форму! ПРЯМО СЕЙЧАС!.. НЕМЕДЛЕННО! Ты перепачкаешься!

Даже теперь, в двадцать один год, она могла нырнуть в маленькую дверь, встать между верстаком отца и печью Франклина³², зимой так быстро нагревавшей мастерскую, и снова почувствовать себя маленькой Фрэнни Голдсмит. Это иллюзорное чувство почти всегда смешивалось со скорбью по брату Фреду, которого она едва помнила и чья жизнь оборвалась так жестоко и окончательно. Фрэнни могла стоять и вдыхать вездесущий запах машинного масла и затхлости, ощущать слабый аромат отцовской трубки. Ей редко удавалось вспомнить, каково

³² Имеется в виду экономичная малогабаритная печь для дома, изобретенная Бенджамином Франклином (1706–1790).

это – быть такой маленькой, такой на удивление маленькой, но здесь машина времени работала, и она радовалась своим воспоминаниям.

А вот с гостиной дело обстояло иначе.

Гостиная.

Если мастерская отца была светлой частью ее детства, символом которой служил призрачный запах дыма отцовской трубки (иногда он осторожно вдвухал дым ей в ухо, если ухо болело, предварительно взяв с дочери слово, что она ничего не скажет Карле – та устроила бы истерику), то гостиная вызывала воспоминания, о которых хотелось забыть. «Отвечай, когда с тобой говорят! Ломать – не строить! Немедленно отправляйся наверх и переоденься, или ты не понимаешь, что нужно надеть по такому случаю? Ты когда-нибудь думаешь? Фрэнни, не копайся в одежде, люди решат, что у тебя вши. Что подумают дядя Эндрю и тетя Карлин? Из-за тебя я от стыда чуть сквозь землю не провалилась!» В гостиной следовало держать язык за зубами и ни в коем случае не чесываться. С гостиной ассоциировались диктаторские приказы, скучные разговоры, родственники, щиплющие за щеки; там ныло сердце, строго-настрого запрещалось кашлять, чихать и прежде всего зевать.

Главным же атрибутом этой комнаты, где обитала душа матери, были часы. Их собрал в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году дед Карлы, Тобиас Даунс, и чуть ли не сразу они обрели статус семейной реликвии. Часы передавали из поколения в поколение, тщательно упаковывали и страховали при переездах из одной части страны в другую (собрали их в Буффало, штат Нью-Йорк, в мастерской Тобиаса, которая плотностью табачного дыма и грязью наверняка не отличалась от мастерской Питера, хотя такое утверждение Карла отвергла бы с порога), иногда от одного члена семьи к другому, если рак, инфаркт или несчастный случай обламывал ту или иную ветвь семейного дерева. В гостиной они пребывали с тех пор, как тридцать шесть лет назад Питер и Карла Голдсмит въехали в этот дом. Здесь их водрузили, и здесь они оставались, тикая и тикая, бесстрастно отмеряя отрезки времени эпохи консервации. «Когда-нибудь часы перейдут ко мне, если я этого захочу, – думала Фрэнни, глядя в бледное, шокированное лицо матери. – Но я не хочу! Не нужны они мне, и я их не возьму!»

В этой комнате под стеклянными колпаками лежали сухие цветы. В этой комнате пол устилал сизо-серый ковер с выдавленными в ворсе тусклыми розами. Окно – изящный эркер – выходило на шоссе 1. Дорогу и участок разделяла высокая зеленая изгородь. Карла не давала покоя мужу, пока он не посадил изгородь, сразу после того как на углу появилась автозаправочная станция «Эксон». Затем она постоянно требовала, чтобы Питер заставил изгородь расти быстрее. Фрэнни полагала, что мать согласилась бы и на радиоактивные удобрения, если бы они послужили достижению поставленной цели. По мере роста изгороди ее напор начал ослабевать, и Фрэнни думала, что он сойдет на нет через год-другой, когда изгородь полностью закроет ненавистную автозаправочную станцию и уже никому не удастся заглянуть в гостиную.

Так что хотя бы *эта* проблема приближалась к своему полному разрешению.

Узор на обоях – зеленые листья и розовые цветы почти того же оттенка, что и на ковре. Мебель в раннем американском стиле и двустворчатая дверь из темного красного дерева. Камин, выложенный изнутри красным кирпичом, с вечным березовым поленом: его никогда не топили, и кирпич остался девственно чистым. Фрэнни полагала, что за столько лет полено так высохло, что вспыхнуло бы, как газета, если поднести к нему спичку. Над поленом висел котел, достаточно большой, чтобы купать в нем младенца. Он достался им от прабабушки Фрэнни и так и застыл над вечным поленом. А над каминной полкой, дополняя картину, красовалось на стене вечное кремневое ружье.

Отрезки времени эпохи консервации.

С самого раннего детства Фрэнни помнила, как написала на сизо-серый ковер с тускло-розовыми цветами, выдавленными в ворсе. Наверное, ей тогда еще не исполнилось и трех лет, ее не так давно приучили проситься на горшок и, по всей видимости, не пускали в гостиную,

за исключением особых случаев, опасаясь таких вот инцидентов. Но каким-то непостижимым образом она умудрилась туда пробраться, и вид матери, которая не просто побежала, а рванула к дочери, чтобы схватить ее, прежде чем свершится немыслимое, привел немыслимое в исполнение. Мочевой пузырь девочки дал слабину, и, увидев пятно, которое начало расширяться вокруг ее попки, превращая ковер из сизо-серого в темно-серый, мать буквально завизжала. Пятно в конце концов сошло – но после скольких стирок шампунем? Бог, наверное, знал. Фрэнни Голдсмит – нет.

Именно в гостиной у Фрэнни состоялся с матерью жесткий, подробный и долгий разговор после того, как та застала дочь с Норманом Берстайном в амбаре, где они внимательно изучали друг друга, сложив одежду в одну кучу на тюке сена. Понравится ли ей, спросила Карла под тиканье дедушкиных часов, мерно отмеряющих отрезки времени эпохи взросления, если она проведет ее в таком виде по шоссе 1, сначала туда, а *потом обратно*? Шестилетняя Фрэнни расплакалась, но каким-то чудом не впала в истерику.

В десять лет она врезалась в почтовый ящик на велосипеде, потому что обернулась, чтобы что-то крикнуть Джорджетте Макгуайр. Ударилась головой, разбила до крови нос и содрала обе коленки, а от шока на несколько секунд потеряла сознание. Придя в себя, поплелась по подъездной дорожке к дому, плача, напуганная количеством крови, которая вытекала из нее. Она пошла бы к отцу, но тот был на работе, и Фрэнни дотащилась до гостиной, где мать угощала чаем миссис Веннер и миссис Принн. *Убирайся!* – крикнула мать. А в следующее мгновение она уже кинулась к дочери, обняла ее, запричитала: *Ох, Фрэнни, любимая, что случилось, ох, твой бедный носик!* При этом уводя Фрэнни на кухню, где оттереть с пола капли крови не составляло труда, и даже успокаивая ее, но Фрэнни навсегда запомнила, что первыми словами матери были не *Ох, Фрэнни*, а *Убирайся!* Прежде всего мать заботилась гостиная, где продолжалась и продолжалась эпоха консервации, а потому кровь туда не допускалась. Возможно, миссис Принн тоже обратила на это внимание, потому что даже сквозь слезы Фрэнни увидела ошеломленное выражение ее лица, словно ей отвесили оплеуху. С того дня миссис Принн стала бывать у них гораздо реже.

В первый год учебы в младшей средней школе Фрэнни получила плохую оценку за поведение, и, разумеется, ее пригласили в гостиную, для того чтобы обсудить эту самую оценку с матерью. В последний год обучения в старшей средней школе ее три раза оставляли после уроков за передачу записок, и обсуждение с матерью этих проступков, само собой, проходило в гостиной. Именно там они говорили о честолобивых планах Фрэнни, которым, как выяснялось, никогда не хватало глубины; о надеждах Фрэнни, которые, как выяснялось, выглядели не вполне достойными; о жалобах Фрэнни, которые, как выяснялось, практически не имели под собой оснований, если не упоминать хныканье, скулеж и неблагодарность.

Именно в гостиной стоял на козлах гроб ее брата, усыпанный розами, хризантемами и ландышами, и их сухой аромат наполнял комнату, в углу которой бесстрастные часы отсчитывали отрезки времени эпохи консервации.

– Ты беременна, – во второй раз повторила Карла Голдсмит.

– Да, мама, – сказала Фрэнни. Ее голос звучал очень сухо, но она не позволила себе облизать губы, а крепко сжала их. Подумала: *В мастерской моего отца живет маленькая девочка в красном платье, и она всегда будет там, смеясь и прячась под верстаком, на котором с одного края закреплены тиски, или за большим ящиком для инструментов, скрючившись, прижимая ободранные коленки к груди. Эта девочка такая счастливая. Но в гостиной моей матери живет другая девочка, которая еще младше и не может удержаться от того, чтобы не написать на ковер, как гадкая собачонка. Как гадкая маленькая сучка. И она всегда будет там, как бы мне ни хотелось, чтобы она ушла.*

– Ох-Фрэнни! – Мать очень быстро произносила слова. И прижимала руку к щеке, как оскорбленная старая дева. – Как-это-случилось?

Тот же вопрос задал Джесси. Вот что разозлило Фрэнни: он задал тот же вопрос.

– Раз уж у тебя самой было двое детей, мама, я думаю, ты знаешь, как это случилось.

– Не дерзи! – закричала Карла. Ее глаза широко раскрылись и полыхнули жарким пламенем, которое так пугало Фрэнни в детстве. Мать быстро вскочила (этой быстроты Фрэнни тоже боялась), высокая женщина с седеющими волосами, аккуратно причесанными и – обычно – уложенными в парикмахерской, высокая женщина в красивом зеленом платье и плотно, без единой складочки, обтягивающих ноги колготках. Подошла к каминной полке, как всегда делала, когда на нее обрушивалась беда. Там, прямо под кремневым ружьем, лежал толстый альбом. Карла была генеалогом-любителем, и в этом альбоме хранилась собранная ею информация о семье, вплоть до тысяча шестьсот тридцать восьмого года, когда наиболее древний из известных ей предков вынырнул из безымянной толпы лондонцев на достаточно долгий срок, чтобы его успели занести в какую-то очень старую церковную книгу под именем Мертона Даунса, вольного каменщика. Четырьмя годами ранее генеалогическое древо ее семьи опубликовали в журнале «Генеалогия Новой Англии», за авторством Карлы.

Теперь она прикасалась пальцами к этому альбому, вобравшему в себя множество с таким трудом собранных имен, к этой обетованной земле, куда никто не мог вторгнуться. Интересно, нет ли там где-нибудь воров? – гадала Фрэнни. Алкоголиков? Матерей, не состоявших в браке?

– Как ты могла так поступить со мной и с отцом? – спросила наконец Карла. – Это тот паренек? Джесси?

– Джесси, – кивнула Фрэнни. – Джесси – отец.

Карла вздрогнула при последнем слове.

– Как ты могла так поступить? – повторила она. – Мы сделали все, чтобы наставить тебя на путь истинный. Это просто... просто...

Она закрыла лицо руками и начала плакать.

– Как ты могла *так* поступить? – Теперь Карла говорила сквозь слезы. – После всего того, что мы для тебя сделали, это твоя благодарность? Уйти из дома и... и... совокупляться с этим мальчишкой, как течная сука? Дрянная девчонка! Дрянная девчонка!

Слезы перешли в рыдания. Мать привалилась к каминной полке, одной рукой прикрывая глаза, а другой продолжая водить по зеленому матерчатому переплету альбома. Дедушкины часы не переставали тикать.

– Мама...

– Ничего мне не говори! Ты уже достаточно сказала!

Фрэнни неловко поднялась. Ее ноги, казалось, одеревенели, однако при этом еще и дрожали. Из глаз потекли слезы, но она и не пыталась их остановить – пусть текут – и не собиралась позволить этой комнате снова взять над ней верх.

– Я ухожу.

– Ты ела за нашим столом! – неожиданно крикнула Карла. – Мы любили тебя... И поддерживали тебя... И вот что мы за это получили! Дрянная девчонка! Дрянная девчонка!

Фрэнни, ослепшая от слез, пошатнулась. Правая нога зацепилась за левую лодыжку. Девушка потеряла равновесие и упала, взмахнув руками. Ударилась виском о кофейный столик, а рукой смахнула на ковер вазу с цветами. Ваза не разбилась, но вода вытекла, превратив сизо-серый в синеватый.

– Ты только посмотри! – чуть ли не с триумфом закричала Карла. Слезы зачернили кожу под ее глазами и проложили дорожки в макияже. Выглядела она осунувшейся и полубезумной. – Посмотри, ты испортила ковер, ковер твоей бабушки...

Фрэнни сидела на полу, растерянно потирая голову, все еще плача, и ей хотелось сказать матери, что это всего лишь вода, но она так разволновалась, что и сама уже не была в этом уверена. Всего лишь вода? Или моча? Что именно?

Вновь двигаясь с пугающей быстротой, Карла Голдсмит схватила вазу и замахнулась ею на Фрэнни.

– Каков будет ваш следующий шаг, мисс? Собираетесь оставаться здесь? Думаете, мы будем содержать и кормить вас, а вы будете шляться по городу? Так, я полагаю? Ну уж нет! Нет! Я этого не потерплю! *Я этого не потерплю!*

– Я не хочу здесь оставаться, – пробормотала Фрэнни. – Неужели ты думаешь, что я здесь останусь?

– И куда же ты отправишься? К нему? Сомневаюсь!

– Наверное, к Бобби Ренгартен в Дорчестер или к Дебби Смит в Самерсуорт. – Фрэнни медленно собралась с силами и встала. Она продолжала плакать, но уже начинала злиться. – Впрочем, это не твое дело.

– Не мое дело? – эхом отозвалась Карла, все еще замахиваясь вазой. Ее лицо стало белым, как бумага. – Не *мое* дело? То, что ты вытворяешь под моей крышей, – не *мое* дело? Неблагодарная маленькая *сучка*!

Она ударила дочь по щеке, причем сильно. Голова Фрэнни откинулась назад. Она перестала потирать висок и принялась потирать щеку, изумленно глядя на мать.

– Вот твоя благодарность за то, что мы отправили тебя в приличный колледж! – Карла оскалила зубы в безжалостной и пугающей ухмылке. – И теперь ты *никогда* его не закончишь. После того как выйдешь за него замуж...

– Я не собираюсь выходить за него замуж. И я не собираюсь бросать учебу.

У Карлы округлились глаза. Она уставилась на Фрэнни как на сумасшедшую:

– О чем ты говоришь? Об аборте? Ты собираешься сделать аборт? Ты уже шлюха, а теперь хочешь стать еще и убийцей?

– Я оставляю ребенка. Мне придется взять академический отпуск на весенний семестр, но я смогу закончить колледж следующим летом.

– А на что ты думаешь его заканчивать? На *мои* деньги? Если так, то тебе, очевидно, надо о многом подумать. Такой современной девушке, как ты, едва ли требуется поддержка родителей, так?

– Поддержка мне бы не помешала, – мягко ответила Фрэнни. – А деньги... как-нибудь выкручусь.

– В тебе нет ни капли стыда! Ты думаешь только о себе! – прокричала Карла. – Боже, что теперь будет со мной и с твоим отцом! Но тебе нет до этого никакого дела! Это разобьет сердце твоего отца и...

– Оно не чувствует себя таким уж разбитым, – донесся от дверного проема спокойный голос Питера Голдсмита, и обе женщины обернулись к нему. Он действительно стоял в дверях, но не входил в комнату. Мыски его высоких ботинок замерли у черты, разделяющей два ковра, в гостиной и в коридоре. Фрэнни неожиданно поняла, что часто видела его именно на этом месте. Когда он в последний раз заходил в гостиную? Она не могла вспомнить.

– Что ты тут делаешь? – рявкнула Карла, разом позабыв о потенциальном ущербе, который могло понести сердце ее мужа. – Я думала, ты сегодня работаешь допоздна.

– Меня подменил Гарри Мастерс, – ответил Питер. – Фрэн мне уже все рассказала, Карла. Скоро мы станем дедушкой и бабушкой.

– Дедушкой и бабушкой! – взвизгнула она. С ее губ сорвался отвратительный, скрежещущий смех. – Так ты взвалил все на меня! Она сказала тебе первому, а ты это скрыл! Ну а теперь я закрою дверь, и мы выясним все вопросы вдвоем.

Она одарила Фрэнни ослепительно злобной улыбкой.

– Только мы... *девочки*.

Карла взялась за ручку двери и начала закрывать ее. Фрэнни наблюдала, все еще удивленная и с трудом понимающая причину внезапной вспышки гнева и сарказма со стороны матери.

Питер медленно и неохотно поднял руку и остановил дверь на полпути.

– Питер, я хочу, чтобы ты предоставил это мне.

– Я знаю, что ты хочешь. В прошлом так и было. Но не сейчас, Карла.

– Это не по твоей части.

– По моей, – спокойно возразил он.

– Папочка...

Карла повернулась к ней. Бумажно-белая кожа ее лица теперь покрылась красными пятнами на щеках.

– *Не смей с ним говорить!* – закричала она. – Ты имеешь дело не с ним! Я знаю, что ты всегда можешь подольститься к нему с любой безумной идеей и переманить его на свою сторону, что бы ты ни натворила. *Однако сегодня тебе придется иметь дело не с ним!*

– Прекрати, Карла.

– Выйди вон!

– Я и не входил. Можешь убедиться, что...

– Не смей надо мной насмехаться! *Убирайся из моей гостиной!*

И с этими словами она принялась закрывать дверь, нагнув голову и выставив вперед плечи, напоминая некоего странного быка, в котором проступало что-то человеческое и женское. Сначала Питер с легкостью удерживал дверь, потом – прилагая все больше усилий. Наконец у него на шее вздулись жилы, несмотря на то что ему противостояла женщина, весившая на семьдесят фунтов меньше.

Фрэнни хотелось закричать, потребовать, чтобы они прекратили, и попросить отца уйти, избавить их обоих от вида Карлы в таком внезапном и безрассудном ожесточении, которое всегда в ней чувствовалось, а сейчас выплеснулось на поверхность. Но губы онемели, отказываясь шевелиться.

– Убирайся! Убирайся из моей гостиной! Вон! Вон! Вон! *Отпусти эту чертову дверь, мерзавец, и УБИРАЙСЯ ОТСЮДА!*

Именно в этот момент он отвесил ей оплеуху.

Прозвучала она глухо и буднично. Дедушкины часы не рассыпались от ярости в пыль. Мебель не застонала. Но яростные крики Карлы прекратились, словно их отрезало скальпелем. Она упала на колени, а дверь распахнулась полностью и мягко ударилась о викторианский стул с высокой спинкой и ручную расшитым чехлом.

– Нет, не надо, – прошептала Фрэнни.

Карла прижала ладонь к щеке и уставилась на мужа.

– Ты добивалась этого десять лет. – Голос Питера чуть дрожал. – Я всегда сдерживался, потому что бить женщин – это не мое. Я и сейчас так думаю. Но когда человек – мужчина или женщина – превращается в собаку и начинает кусаться, кому-то приходится ставить его на место. И я, Карла, сожалею только о том, что мне не хватило духа сделать этого раньше. Тогда мы оба не ощущали бы такой боли.

– Папочка...

– Тихо, Фрэнни! – В голосе отца звучала небрежная суровость, и она умолкла. – Ты говоришь, что она эгоистка. – Питер не сводил глаз с застывшего, потрясенного лица жены. – На самом деле эгоистка здесь – ты. Ты перестала любить Фрэнни после смерти Фреда. Именно тогда ты решила, что любовь приносит слишком много страданий и куда проще жить для себя. Что ты и сделала, замкнувшись на этой комнате. Посвятила себя умершим членам своей семьи, забыв, что некоторые еще живы. А когда твоя дочь пришла сюда, сказала, что попала в беду, и попросила о помощи, готов спорить, ты первым делом задалась вопросом: а что скажут женщины в клубе «Цветы и садоводство»? Или испугалась, что теперь тебе не удастся пойти на свадьбу Эми Лаудер. Боль – причина перемен, но вся боль этого мира не способна изменить факты. Ты эгоистична.

Он наклонился и помог жене встать. Она поднялась, как лунатик. Выражение ее лица не менялось, глаза оставались широко раскрытыми, и в них застыло изумление. Безжалостность еще не вернулась, но Фрэнни бесстрастно подумала, что со временем она обязательно вернется.

Обязательно.

– Я виноват в том, что не остановил тебя. Не хотел лишних хлопот. Не хотел раскачивать лодку. Сама видишь, я тоже эгоист. И когда Фрэн поступила в колледж, я подумал: «Что ж, Карла теперь может жить как хочет, и это никому не повредит, кроме нее самой, а если человек не знает, что вредит себе, возможно, и не нужно его трогать». Я ошибся. Я и раньше допускал ошибки, но такую серьезную – никогда. – Он осторожно, но с силой взял ее за плечи. – А теперь я говорю с тобой как твой муж. Если Фрэнни потребуются пристанище, она найдет его здесь – всегда. Если ей потребуются деньги, она сможет найти их в моем кошельке – всегда. И если она захочет оставить ребенка, ты проследишь за тем, чтобы смотрины младенца прошли на должном уровне. Ты, возможно, думаешь, что никто не придет, но у нее есть друзья, верные друзья, и они придут. И вот что еще я тебе скажу. Если она захочет окрестить ребенка, обряд пройдет прямо здесь. Прямо здесь, в этой чертовой гостиной.

Рот Карлы широко раскрылся, и теперь из него стали доноситься звуки, поначалу не складывавшиеся в слова, напоминавшие свисток закипающего чайника. Потом они преобразовались в пронзительный вопль:

– *Питер, твой сын лежал в гробу в этой комнате!*

– Да. Именно поэтому я считаю, что лучшего места для крещения новой жизни не найти, – ответил он. – Кровь Фреда. *Живая кровь*. А сам Фред, он уже много лет мертв, Карла. Его тело давно съели черви.

Она вскрикнула и закрыла уши руками. Он наклонился и отвел их.

– Но червям не достались твоя дочь и ребенок твоей дочери. Не важно, откуда он взялся, но он *живой*. Ты ведешь себя так, будто собираешься ее прогнать, Карла. Что у тебя останется, если ты это сделаешь? Ничего, кроме этой комнаты и мужа, который будет ненавидеть тебя за то, что ты сделала. Если ты это сделаешь, возможно, для тебя умрут все трое – не только Фред, но и мы с Фрэнни.

– Хочу подняться наверх и прилечь, – выдохнула Карла. – Меня тошнит. Думаю, мне лучше прилечь.

– Я тебе помогу, – вызвалась Фрэнни.

– Не смей ко мне прикасаться. Оставайся со своим отцом. Похоже, вы вместе все продумали. Решили, как растоптать меня. Почему бы тебе просто не поселиться в моей гостиной, Фрэнни? Пачкать грязью ковер, швырять угли из камина в мои часы? Почему бы и нет? Почему?

Она начала смеяться и протиснулась мимо отца в коридор. Ее шатало, как пьяную. Питер попытался обнять жену за плечи. Она оскалилась и зашипела на него, словно кошка.

Пока она медленно поднималась по лестнице, опираясь на перила красного дерева, ее смех перешел в рыдания. Такие безутешные и отчаянные, что Фрэнни чуть не закричала, одновременно почувствовав, что ее сейчас вырвет. Лицо отца цветом не отличалось от грязного постельного белья. Наверху Карла обернулась, и ее сильно качнуло. Фрэнни даже испугалась, что сейчас мать скатится вниз. Она посмотрела на них, как будто собиралась что-то сказать, но потом отвернулась. Мгновение спустя дверь ее спальни закрылась, приглушив бурные звуки горя и боли.

Фрэнни и Питер переглянулись, потрясенные. Дедушкины часы продолжали тикать.

– Все образуется. – Голос Питера звучал спокойно. – Она придет в себя.

– Ты уверен? – спросила Фрэнни. Медленно подошла к отцу, прижалась к нему, и он обнял ее одной рукой. – Я в этом сомневаюсь.

– Не важно. Сейчас мы не будем об этом думать.

– Я должна уйти. Она не хочет видеть меня здесь.

– Ты должна остаться. Ты должна быть здесь в тот момент, когда – если – она придет в себя и поймет, что ты по-прежнему *нужна* ей в этом доме. – Он выдержал паузу. – Что касается меня, я это уже понял, Фрэн.

– Папочка. – Она опустила голову ему на грудь. – Папочка, я чувствую себя такой виноватой, такой виноватой...

– Ш-ш-ш... – Он пригладил волосы дочери. Над ее головой послеполуденный солнечный свет вливался в окна, золотой и неподвижный, как в музеях и залах мертвых. – Ш-ш-ш, Фрэнни, я люблю тебя. Я люблю тебя.

Глава 13

Зажглась красная лампочка. Зашипел насос. Дверь открылась. Вошел мужчина, без белого скафандра, но со вставленным в нос маленьким блестящим фильтром, отдаленно напоминающим серебряную вилку с двумя зубцами, какую в ресторанах оставляют на столе для закусок, чтобы доставать оливки из банки.

– Привет, мистер Редман, – произнес мужчина, пересекая комнату. Протянул руку в тонкой прозрачной резиновой перчатке, и Стью, еще не придя в себя от изумления, пожал ее. – Дик Дитц. Деннинджер сказал, что вы не будете играть в наши игры, пока не узнаете, какой счет.

Стью кивнул.

– Хорошо. – Дитц присел на краешек кровати. Маленький смуглолицый мужчина. Оперся локтями на колени – и стал еще больше похож на гнома из диснеевского мультфильма. – Так что вы хотите знать?

– В первую очередь, наверное, я хочу знать, почему на вас нет скафандра.

– Потому что Херальдо утверждает, что вы не заражны. – Дитц указал на морскую свинку за панелью из двойного стекла. Морская свинка сидела в клетке, а за ней, с каменным лицом, стоял Деннинджер.

– Херальдо?

– Херальдо последние три дня дышал одним с вами воздухом, поступающим к нему через конвектор. Болезнь, которой заразились ваши друзья, легко передается от людей морским свинкам и наоборот. Будь вы заразным, Херальдо бы уже сдох.

– Но вы все равно предпочитаете не рисковать. – Стью указал на носовой фильтр.

– Этого в моем контракте нет, – ответил Дитц с циничной улыбкой.

– Что у меня?

Ответ Дитца последовал без запинки, словно отрепетированный:

– Черные волосы, голубые глаза, чертовски классный загар... – Он пристально посмотрел на Стью. – Не смешно, да?

Тот ничего не ответил.

– Хотите ударить меня?

– Не думаю, что от этого будет толк.

Дитц вздохнул и потер переносицу, словно затычки в ноздрах вызывали у него неприятные ощущения.

– Послушайте, когда все очень серьезно, я начинаю шутить. Кто-то курит, кто-то жует жвачку. Это помогает мне держать себя в руках, вот и все. Я не сомневаюсь, что есть способы справиться с нервозностью и получше. Что же касается вашей болезни, то у вас, по компетентному мнению Деннинджера и его коллег, никакой болезни нет.

Стью невозмутимо кивнул. Но ему показалось, что этот маленький гном сумел угадать внезапное и глубокое облегчение, которое он испытал, пусть его лицо и осталось непроницаемым.

– Что у других?

– Извините, это секретная информация.

– Как заразился Кэмпбелл?

– Это тоже секретная информация.

– Я думаю, он служил в армии. И где-то произошел несчастный случай. Вроде как с овцами в штате Юта двадцать лет назад³³, только сейчас все гораздо хуже.

³³ 14 марта 1968 г. в штате Юта, неподалеку от военного центра испытаний химического и бактериологического оружия

– Мистер Редман, меня могут посадить в тюрьму, даже если я просто буду говорить вам «горячо» или «холодно».

Стью задумчиво провел рукой по отрастающей щетине.

– Вам надо радоваться, что мы ничего не говорим, – сказал Дитц. – Вы это понимаете, так?

– Чтобы я мог лучше служить своей стране, – сухо пробурчал Стью.

– Нет, это исключительно прерогатива Деннинджера, – покачал головой Дитц. – В общей системе и я, и Деннинджер – маленькие люди, но Деннинджер стоит даже ниже, чем я. Он всего лишь сервомотор, не более того. У вас есть более прагматичная причина для радости. Вы тоже засекречены, знаете ли. Вы исчезли с лица земли. И если б вы знали слишком много, большие шишки могли бы решить, что для обеспечения безопасности вам лучше исчезнуть навсегда.

Стью молчал. Слова Дитца лишили его дара речи.

– Но я пришел сюда не затем, чтобы угрожать вам, мистер Редман. Нам крайне необходимо ваше содействие. Мы в нем нуждаемся.

– Где находятся остальные люди, с которыми я прибыл?

Дитц вытащил из внутреннего кармана лист бумаги.

– Виктор Полфри, скончался. Норман Бруэтт, Роберт Бруэтт, скончались. Томас Уэнна-мейкер, скончался. Ральф Ходжес, Берт Ходжес, Черил Ходжес, скончались. Кристиан Ортега, скончался. Энтони Леоминстер, скончался.

Имена и фамилии завертелись в голове Стью. Крис, который был барменом. Всегда держал под прилавком «луисвильский слагтер»³⁴ с отпиленной рукояткой и свинцовым сердечником, и любого дальнобойщика, решившего, что Крис всего лишь шутит, ждал большой сюрприз. Тони Леоминстер, который ездил на этом большом «интернэшнл»³⁵ с радиостанцией «Кобра» под приборной панелью. Время от времени он захаживал на автозаправочную станцию Хэпа, но не в тот вечер, когда Кэмпиион сбил колонки. Вик Полфри... Господи, он знал Вика всю жизнь. Как Вик мог умереть? Однако больше всего Стью потрясла смерть Ходжесов.

– Они *все*? – услышал он звук своего собственного голоса. – Вся семья Ральфа?

Дитц перевернул лист.

– Нет, осталась маленькая девочка, Ева. Четырех лет. Она жива.

– И как она?

– Извините, но эта информация засекречена.

С внезапностью приятного сюрприза его охватил приступ ярости. Он вскочил, схватил Дитца за лацканы пиджака и начал трясти взад-вперед. Краем глаза уловил суетливое движение за двойным стеклом. Услышал, как в отдалении завывала сирена.

– Что же вы, черти, делаете? – взревел он. – Что же вы делаете? Что вы *делаете*, сукины дети?!

– Мистер Редман...

– Что? Что же вы, вашу мать, *вытворяете*?

Дверь с шипением распахнулась. Трое здоровяков в форме оливкового цвета вошли в палату. Все с фильтрами в носках.

Дитц увидел их и рывкнул:

– Убирайтесь отсюда к чертовой матери!

Троица выглядела нерешительно.

– Нам приказали...

Дагуэй, внезапно пали 6400 овец. Военные долго отрицали причастность к происшествию, однако им все же пришлось признать, что при испытании химического оружия ими была допущена ошибка.

³⁴ «Луисвильский слагтер» – официальная бита Главной бейсбольной лиги.

³⁵ Имеется в виду автомобиль фирмы «Интернэшнл трак энд энджин компани», которая выпускала пикапы и тягачи для большегрузных трейлеров.

– Убирайтесь отсюда – и *это* приказ!

Они ретировались. Дитц спокойно сел на кровать. Помятые лацканы пиджака да спутавшиеся, падающие на лоб волосы. Вот, собственно, и все, что изменилось. Спокойно, даже с сочувствием, он смотрел на Стью. На мгновение у того возникло дикое желание вырвать фильтр из носа Дитца, потом он вспомнил Херальдо – ну до чего же глупая кличка для морской свинки. Накатило отчаяние – на него словно выплеснули ушат холодной воды. Он сел.

– Иисус в коляске!.. – вырвалось у Стью.

– Послушайте меня, – вновь заговорил Дитц. – Я не виноват в том, что вы здесь. Нет в этом вины ни Деннинджера, ни медсестер, которые приходят измерить вам кровяное давление. Если кто и виноват, так это Кэмпиион, а с него взятки гладки. Он сбежал – но в таких обстоятельствах сбежал бы и я, и вы. А позволила ему это сделать техническая неполадка. Такова ситуация. Мы пытаемся исправить ее, все мы. Но в том, что она возникла, нашей вины нет.

– Тогда кто виноват?

– Никто. – Дитц улыбнулся. – Ответственность лежит на стольких людях, что ее как бы и не существует. Несчастный случай. От этого никто не застрахован.

– Несчастный случай, – повторил Стью чуть ли не шепотом. – А что с остальными? Хэп, и Хэнк Кармайкл, и Лила Бруэтт? Их малыш Люк? Монти Салливан?

– Секретные сведения, – ответил Дитц. – Хотите еще потрянуть меня? Если полегчает – трясите.

Стью ничего не сказал, но его взгляд заставил Дитца опустить глаза и заняться изучением складок на своих брюках.

– Они живы, – ответил он. – Может быть, со временем вы их увидите.

– Арнетт?

– Карантинная зона.

– Кто там умер?

– Никто.

– Вы лжете.

– Мне жаль, что вы так думаете.

– Когда я смогу уйти отсюда?

– Не знаю.

– Секретные сведения? – с горечью спросил Стью.

– Нет, просто неизвестно. Вы, похоже, не заразились. Мы хотим узнать почему. После этого вы свободны.

– Могу я побриться? Кожа зудит.

Дитц улыбнулся:

– Если вы позволите Деннинджеру вновь начать обследование, я пришлю санитаря, чтобы побрить вас прямо сейчас.

– Я и сам умею держать бритву в руках. Я занимаюсь этим с пятнадцати лет.

Дитц твердо покачал головой:

– Боюсь, это невозможно.

Стью сухо улыбнулся:

– Опасаетесь, что я перережу себе глотку?

– Скажем так...

Стью прервал эту речь приступом сухого кашля, такого сильного, что его буквально согнуло пополам.

Дитц отреагировал мгновенно. Вскочил с кровати и пулей понесся к двери, будто не касаясь ногами пола. Выхватил из кармана квадратный ключ, вставил в замочную скважину.

– Не напрягайтесь, – остановил его Стью. – Я просто пошутил.

Дитц медленно повернулся к нему. Лицо его изменилось. Губы сжались от злости, глаза горели.

– *Вы – что?*

– Пошутил, – повторил Стью. Улыбка его стала еще шире.

Дитц сделал по направлению к нему два нерешительных шага.

– Но почему? Почему вам захотелось так пошутить?

– Извините. – Стью продолжал улыбаться. – Эта информация засекречена.

– Говенный ты сукин сын! – В голосе Дитца слышалось восхищение.

– Можете идти. Скажите им, пусть приступают к своим анализам.

В ту ночь он спал лучше, чем в любую из ночей, проведенных здесь. И ему приснился удивительно яркий сон. Сны ему снились часто (жена жаловалась, что он ворочается и бормочет во сне), но такой – никогда.

Он стоял на сельской дороге, в том самом месте, где твердое покрытие уступало место белой, как кость, укатанной земле. Ослепляющее летнее солнце клонилось к горизонту. По обе стороны дороги уходили вдаль засеянные кукурузой поля. У обочины стоял указатель, но слой пыли не позволял прочитать, что на нем написано. Издалека доносилось резкое воронье карканье. А поблизости кто-то играл на акустической гитаре, перебирая пальцами струны. Вик Полфри тоже играл на гитаре, и музыка ласкала слух.

Вот куда я должен прийти, подумал во сне Стью. *Да, то самое место, все точно.*

И что это была за мелодия? «Прекрасный Сион»? «Поля у дома моего отца»? «Нежное прощание»? Какой-то псалом, который он помнил с детства, ассоциирующийся с купанием и пикниками на природе. Но Стью не мог вспомнить, какой именно.

И тут музыка смолкла. Облако закрыло солнце. Стью охватил страх. Он почувствовал, что рядом находится что-то ужасное, куда более жуткое, чем эпидемия, пожар, землетрясение. Что-то темное затаилось в кукурузе.

Он огляделся и увидел два красных глаза, горящих в тени, в глубине кукурузного поля. Эти глаза вызывали парализующий, лишаящий надежды ужас, какой курица-наседка испытывает перед лаской. *Это он,* подумал Стью. *Человек без лица. Ох, дорогой Боже. Нет, дорогой Боже, нет.*

Потом сон померк, и Стью проснулся с ощущением тревоги, дезориентации и облегчения. Он прогулялся в ванную, подошел к окну. Посмотрел на луну. Улегся в кровать, но смог уснуть только через час. «Вся эта кукуруза, – сонно думал он. – Наверное, в Айове или Небраске, может, в северном Канзасе». За свою жизнь он никогда не бывал в тех местах.

Глава 14

До полуночи оставалась четверть часа. С улицы к маленькому окну прижималась темнота. Дитц в одиночестве сидел в кабинете, сдвинув вниз узел галстука, расстегнув верхнюю пуговицу рубашки. Ноги он положил на безликий металлический письменный стол, а в руке держал микрофон. На столе стоял старинный магнитофон «Волленсек». Его бобины вращались и вращались.

– Говорит полковник Дитц, – диктовал он. – Место нахождения – Атланта, код объекта «Пи-би-два». Отчет номер шестнадцать, тема – «Проект “Синева”», подтема – «Принцесса/Принц». Отчет, тема и подтема с грифом «Совершенно секретно», классификация два-два-три, только лично. Если у тебя нет допуска к этим материалам, то пошел на хер, козел.

Он прервался и на секунду закрыл глаза. Бобины плавно вращались, готовые записать, а потом и воспроизвести любой звук.

– Принц этим вечером меня чертовски напугал, – наконец заговорил он. – Не стану вдаваться в подробности, все будет в отчете Деннинджера. Этот парень ничего не хочет упускать, ни одной мелочи. Плюс, разумеется, распечатка моего разговора с Принцем будет на телекоммуникационном диске вместе с распечаткой этой пленки, которая записывается в двадцать три сорок пять. Я так разозлился, что едва не ударил его, очень уж он меня напугал. Больше я на него не злюсь. Парень поставил меня на свое место, всего лишь на доли секунды, но теперь я точно знаю, каково это – оказаться в таком положении. Он умен, если сообразить, что внешность а-ля Гэри Купер – не самое главное его достоинство, и независим, сукин сын. Если захочет, отыщет все палки, которые можно вставить в колеса. У парня нет близких родственников в Арнетте или где-либо еще, поэтому нам нечем надавить на него. У Деннинджера есть добровольцы – по крайней мере он так говорит, – готовые с радостью войти в бокс и кулаками убедить Принца в необходимости сотрудничества, но, если вы простите мне еще одно личное наблюдение, для этого понадобится больше кулаков, чем думает Деннинджер. Может, гораздо больше. Моя мать говорила, что на мед можно поймать больше мух, чем на уксус, и я ей верю. Опять же хочу заметить, что и теперь его анализы не показывают наличия вируса. С этим вам надо разобраться.

Дитц вновь прервался, борясь со сном. Из последних семидесяти двух часов он спал только четыре.

– Информация на двадцать два ноль-ноль, – заговорил он официальным тоном, взяв со стола несколько листков. – Хэнк Кармайкл умер, пока я разговаривал с Принцем. Полицейский, Джозеф Роберт Брентвуд, умер полчаса назад. Доктор Джей писал кипятком, пусть этого и нет в его донесении. У Брентвуда неожиданно появилась положительная динамика после использования вакцины типа... как ее там... – Он зашуршал бумагами. – Ага, вот она. Шестнадцать три эй три. Загляните в подтему, если хотите. Температура спала, уменьшилась характерная припухлость желез на шее. Он сказал, что голоден, и съел яйцо-пашот с гренком без масла. Разговаривал осмысленно, хотел знать, где находится, и так далее. Потом, примерно в двадцать ноль-ноль, температура резко взлетела вверх. Начался бред. Он сорвал фиксаторы, которые удерживали его на кровати, и принялся бегать по боксу, крича, кашляя, выплевывая мокроту, полный набор. Потом упал и умер. Капут. По мнению специалистов, его убила вакцина. На какое-то время ему от нее полегчало, но болезнь продолжила прогрессировать еще до того, как он умер. Поэтому надо вновь возвращаться к чертежным доскам.

Он помолчал.

– Худшее я приберег напоследок. Мы можем переклассифицировать Принцессу обратно в Еву Ходжес, женского пола, четырех лет, белую. Ее карета с кучером и четверкой лошадей сегодня, во второй половине дня, превратилась в тыкву, запряженную мышами. А ведь если

посмотреть на нее, так вроде бы со здоровьем полный порядок, даже насморка нет. Конечно, она переживает, скучает по маме, но в остальном – совершенно нормальная девочка. И однако, она больна. После ленча измерение артериального давления показало сначала спад, а затем подъем. В настоящее время это единственный более-менее надежный диагностический метод, которым располагает Деннинджер. Перед ужином Деннинджер показал мне слайды ее мокроты. Просмотр этих слайдов – восхитительный способ похудеть, поверьте мне, и они кишат этими круглыми микробами, которые, по словам Деннинджера, вовсе не микробы, а инкубаторы. Для меня загадка, как он может знать, где находится эта хрень, как она выглядит, – и быть не в силах ее остановить. Он сыплет терминами, которых, как мне кажется, сам не понимает.

Дитц закурил.

– Ну и что мы имеем на сегодняшний день? Есть болезнь, у которой несколько ярко выраженных стадий... но некоторые люди могут проскочить одну из них. Другие могут вернуться на одну стадию назад. С третьими случается и то, и это. Четвертые задерживаются на одной стадии на сравнительно долгий промежуток времени, а пятые проносятся через все четыре, словно на реактивных санях. Один из наших «чистых» объектов перестал быть таковым. Другой – тридцатилетний парень из захолустного городка – здоров, как, скажем, я сам. Деннинджер провел на нем тридцать миллионов анализов и выявил только четыре отклонения от нормы. Во-первых, у Редмана очень много родинок на теле. Плюс легкая склонность к гипертонии, настолько легкая, что нет смысла лечить ее сейчас. У него появляется небольшой тик под левым глазом, когда он нервничает. И, как утверждает Деннинджер, он видит сны гораздо чаще среднестатистической нормы – почти всю ночь напролет, каждую ночь. Это показывают электроэнцефалограммы, которые они успели снять, прежде чем он забастовал. Вот и все. Никаких выводов из этого я сделать не могу. Как и доктор Деннинджер, как и люди, которые проверяют работу доктора Дементо. Все это пугает меня, Старки. Пугает потому, что никто, за исключением первоклассного врача, владеющего всей засекреченной информацией, не определит у людей, зараженных этой хренью, ничего, кроме обыкновенной простуды. И мой Бог, ведь нынче человек идет к врачу, если только у него воспаление легких, или подозрительная шишка на груди, или тяжелый случай крапивницы. Очень уж трудно убедить кого-то посмотреть на тебя. Вот они и останутся дома, будут пить побольше жидкости и соблюдать постельный режим, а потом умрут. Но перед тем как умереть, заразят каждого, кто заглянет к ним в комнату. Все мы по-прежнему ждем, что Принц – мне кажется, я где-то использовал его настоящее имя, но мне сейчас плевать на этот прокол – заболеет сегодня ночью, или завтра, или, самое позднее, послезавтра. А вплоть до настоящего момента никто из заболевших не проявил никаких признаков улучшения. На мой взгляд, эти сукины дети из Калифорнии слегка перестарались. Дитц, Атланта, объект Пи-би-два, конец отчета.

Он выключил магнитофон и долго смотрел на него. Потом снова закурил.

Глава 15

До полуночи оставалось две минуты.

Патти Грир, медсестра, пытавшаяся измерить Стью давление, когда он объявил забастовку, пролистывала свежий выпуск «Макколса» на сестринском посту, ожидая, когда подойдет время проверить мистера Салливана и мистера Хэпскомба. Хэп будет бодрствовать и смотреть программу Джонни Карсона, так что с ним никаких проблем возникнуть не могло. Ему нравилось подшучивать над ней, интересуясь, какую надо приложить силу, чтобы ущипнуть ее за задницу через этот белый скафандр. Мистер Хэпскомб боялся, но всячески им содействовал – в отличие от этого ужасного Стюарта Редмана, который только смотрел на тебя и молчал. Таких, как мистер Хэпскомб, Патти Грир относила к «славым парням». По ее разумению, все пациенты делились на две категории: «славные парни» и «закоренелые засранцы». Патти, которая в семь лет сломала ногу, катаясь на роликах, и с тех пор не провела в постели по болезни и дня, терпеть не могла «закоренелых засранцев». Либо ты действительно болел и вел себя как славный парень, либо был ипохондрическим закоренелым засранцем, создающим трудности бедной работающей девушке.

Мистер Салливан будет спать – и проснется в отвратительном настроении. Но ей пришлось его будить не по своей воле, и Патти полагала, что мистер Салливан должен это понимать. Ему бы испытывать чувство благодарности за то, что правительство обеспечивает им всем наилучший уход, причем бесплатно. И она собралась сказать об этом мистеру Салливану, если он опять будет вести себя как старый засранец.

На часах – полночь; пора идти.

Она покинула сестринский пост и по коридору направилась к «чистой комнате», где ее сначала опрыскивали, а потом помогали надеть белый защитный костюм. На полпути в носу у нее защекотало. Она достала из кармана носовой платок и трижды несильно в него чихнула. Потом убрала платок.

Поглощенная предстоящей встречей с капризным мистером Салливаном, она не придавала этому никакого значения. Возможно, легкий приступ сенной лихорадки. О директиве, вывешенной на сестринском посту, в которой большими красными буквами говорилось: «**НЕМЕДЛЕННО ДОЛОЖИТЬ НЕПОСРЕДСТВЕННОМУ НАЧАЛЬНИКУ О ЛЮБЫХ ПРОСТУДНЫХ СИМПТОМАХ, КАКИМИ БЫ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ОНИ НИ КАЗАЛИСЬ**», – она и не вспомнила. Все опасались, что болезнь, которая поразила этих бедолаг из Техаса, вырвется за пределы герметично закрытых палат-боксов, но Патти знала, что даже мельчайший вирус не может проникнуть внутрь белого скафандра с его автономной системой жизнеобеспечения. И тем не менее по пути в «чистую комнату» она заразила санитару, доктора, собиравшегося домой, и другую медсестру, идущую на полуночный обход.

Начался новый день.

Глава 16

Днем позже, двадцать третьего июня, совсем в другой части страны, большой белый «конни» неся на север по федеральному шоссе 180. Стрелка спидометра подрагивала в районе девяносто пяти, краска (оттенок «белый коринфский») поблескивала на солнце, хром пускал солнечных зайчиков. Маленькие бортовые окошки в задней части автомобиля также отражали солнце, а потому сияли, как прожекторы.

С тех пор как Тычок и Ллойд убили водителя автомобиля к югу от Ачиты, штат Нью-Мексико, «конни» проделал петляющий и лишенный всякого смысла путь. Федеральное шоссе 80, 81, автострада – в конце концов Тычок и Ллойд занервничали. За последние шесть дней они убили шесть человек, в том числе владельца «континентала», его жену и путавшуюся под ногами дочку. Но нервничали они, мчась на север, не из-за шести убийств. Их волновали наркотики и оружие. Пять граммов гашиша, жестяная табакерка с кокаином – сколько его там, они не знали – и шестнадцать фунтов марихуаны. Плюс два пистолета тридцать восьмого калибра и три – сорок пятого, один «магнум» триста пятьдесят седьмого калибра (Тычок называл его «Тычкоствол»), шесть дробовиков (включая два обреза) и пистолет-пулемет «шмайссер». Этой парочке не хватало мозгов, чтобы оценить последствия убийства, но они понимали, какие проблемы могут возникнуть, если дорожная полиция Аризоны арестует их в угнанном автомобиле, набитом наркотой и оружием. Для полноты картины они еще стали федеральными преступниками, как только пересекли границу Невады.

Федеральные преступники. Ллойд Хенриду нравилось, как звучат эти слова. Будто в гангстерских фильмах. *Получи, грязная крыса. Вот тебе сэндвич со свинцом, паршивый коппер.*

Они свернули на север у Деминга, проехали Херли, Байард, а также чуть больший по размеру Сильвер-Сити, где Ллойд купил пакет гамбургеров и восемь молочных коктейлей («Зачем, прости Господи, он купил восемь коктейлей? Чтобы мы начали писать шоколадом?»), одарив официантку безликой, но веселой улыбкой, после которой она не один час не могла прийти в себя. «Я уверена, этот человек мог не задумываясь убить меня», – потом призналась она своему боссу.

Покинув Силвер-Сити, они добрались до Клиффа, где дорога повернула на запад, в ту самую сторону, куда им ехать не хотелось. А когда позади остался Бакхэм, они вновь вернулись в забытую Богом страну: двухполосное асфальтовое шоссе бежало сквозь полынь и песок, за которыми поднимались холмы с плоскими вершинами, – ту самую страну, из которой хотелось уехать и никогда больше не возвращаться.

– У нас осталось мало бензина, – подал голос Тычок.

– Осталось бы больше, если б ты не гнал с такой скоростью, – ответил Ллойд. Пригубил третий молочный коктейль, и его чуть не вырвало. Он опустил стекло и выкинул все оставшееся дерьмо, включая три коктейля, к которым они и не притронулись.

– Хоп! Хоп! – закричал Тычок и начал пинать педаль газа. «Конни» прыгал вперед, сбрасывал скорость, снова прыгал.

– Вперед, ковбой! – завопил Ллойд.

– Хоп! Хоп!

– Хочешь покурить?

– Кури, пока есть что курить, – ответил Тычок. – Хоп! Хоп!

Между ног Ллойда лежал большой мешок из плотного зеленого пластика. С шестнадцатью фунтами марихуаны. Ллойд нагнулся к нему, зачерпнул пригоршню травы и стал сворачивать самокрутку.

– Хоп! Хоп! – «Конни» зигзагом мчался по разделительной полосе.

– Кончай это дерьмо! – крикнул Ллойд. – Я все рассыплю!

– Ты знаешь, где взять еще... Хоп!

– Ты чего, нам надо все это сбыть, чел! Мы должны все это сбыть, иначе нас поймают и запихнут в чей-то багажник.

– Ладно, дружище. – Тычок выровнял машину, но на его лице читалась обида. – Это была твоя идея, твоя гребаная идея.

– Раньше ты считал эту идею *хорошей*.

– Да, но я не знал, что в итоге нам придется колесить по этой чертовой Аризоне. Если продолжим в том же духе, как мы вообще доберемся до Нью-Йорка?

– Мы сбиваем со следа погоню, чел, – ответил Ллойд. Перед ним явственно возникла картина, как открываются ворота полицейских гаражей и в ночь выезжают тысячи патрульных автомобилей сороковых годов. Лучи фонарей ползают по стенам. *Выходи, Горбатый, мы знаем, что ты здесь.*

– Гребаная удача! – Тычок все еще дулся. – Мы падем как проклятые. И знаешь, что у нас есть, кроме этой травки и пушек? У нас есть шестнадцать долларов и три сотни гребаных кредитных карточек, которые мы никогда не посмеем использовать! Какого хера, у нас даже нет денег, чтобы наполнить бак этого борова!

– Бог пошлет. – Ллойд плевком запечатал самокрутку, сунул в рот и поднес к ней прикуриватель «конни». – Счастливые гребаные денечки.

– А если ты собираешься ее продавать, то чего мы ее курим? – продолжал Тычок, не слишком-то уповающий на божественную щедрость.

– Ну, продадим несколькими унциями меньше. Заканчивай, Тычок. Затянись.

От такого предложения Тычок никогда не отказывался. Он гоготнул и взял косяк. Между ними стоял полностью заряженный «шмайссер». «Конни» неся по дороге. Индикатор бензина показывал, что бак на семь восьмых пуст.

Тычок и Ллойд встретились годом раньше в Браунсвиллской тюрьме общего режима, на рабочей ферме в Неваде. Тюрьма включала в себя девяносто акров орошаемой земли и тюремный городок – сборные бараки из гофрированного железа. Располагалась она в шестидесяти милях к северу от Тонопы и в восьмидесяти к северо-востоку от Гэббса. Осужденным на короткие сроки здесь приходилось несладко. Хотя Браунсвиллская тюрьма по статусу считалась фермой, с растительностью тут было не очень. Морковь и салат, едва пробившись навстречу палящему солнцу, чахли и засыхали. Зато бобовые – и сорняки – процветали, и законодательное собрание штата свято верило, что когда-нибудь здесь удастся выращивать сою. Но, похоже, для превращения пустыни в цветущий сад требовалось слишком много ресурсов. Начальник тюрьмы (он предпочитал, чтобы его называли боссом) гордился тем, что строго соблюдает все правила, и нанимал на работу исключительно людей, которые, по его мнению, придерживались того же принципа. Он обожал говорить новичкам, что Браунсвилл является тюрьмой обычного режима с не больно-то строгой охраной, прежде всего потому, что здесь, как в песне, «некуда бежать, детка, негде спрятаться». Некоторые ему не верили и пытались-таки сбежать, но в большинстве случаев их приводили обратно через два или три дня, обожженных солнцем, ослепших от ярких лучей, жаждущих продать боссу свои спекшиеся души за глоток воды. Кто-то безумно хохотал, а один парень, проведший в пустыне три дня, утверждал, что в нескольких милях к югу от Гэббса видел большой замок, окруженный рвом с водой. Ров этот охраняли тролли на больших черных лошадях. Несколькими месяцами позже в Браунсвилл заглянул проповедник из Колорадо, и сей молодой человек истово уверовал в Иисуса.

Эндрю Фриман по прозвищу Тычок, осужденный за нападение без отягчающих обстоятельств, освобожденный в апреле тысяча девятьсот восемьдесят девятого года. Его койка стояла рядом с койкой Ллойда Хенрида. Тычок сказал Хенриду, что у него есть на примете кое-что интересное в Лас-Вегасе, если тот хочет сыграть по-крупному. Ллойд хотел.

Освободился он первого июня. Его посадили за попытку изнасилования, совершенную в Рио. Женщина, танцовщица варьете, возвращалась домой после работы и пустила струю слезоточивого газа в глаза Ллойда. Он чувствовал себя счастливым, получив только от двух до четырех. Отсиженное до суда время тоже пошло в зачет, плюс ему скостили срок за примерное поведение. Царящая в Браунсвилле жара не способствовала нарушениям тюремного режима.

На автобусе он доехал до Лас-Вегаса, где его на остановке ждал Тычок. Сразу же заговорили о деле. Тычок знал парня, по его словам, «делового партнера», известного в узких кругах как Красавчик Джордж³⁶. Он выполнял мелкие поручения группы людей с итальянскими и сицилийскими фамилиями. В штате у них Джордж не состоял, но время от времени они пользовались его услугами. По большей части, если требовалось что-то где-то взять и куда-то доставить. Например, из Вегаса в Лос-Анджелес. Или, наоборот, из Лос-Анджелеса в Вегас. Чаще всего – мелкие партии наркотиков, халяву для крупных клиентов казино. Иногда оружие. Оружие Красавчик Джордж только куда-то доставлял, никогда не забирал. И, насколько понял Тычок (а уровень понимания Тычка никогда не поднимался выше того, что киношники называют «мягким фокусом»³⁷), эти похожие на сицилийцев люди иногда продавали оружие ворами-одиночкам. По словам Тычка, Красавчик Джордж согласился назвать время и маршрут перевозки крупной партии наркоты и оружия. Джордж просил двадцать пять процентов от вырученной ими суммы. Тычок и Ллойд должны были напасть на Джорджа, связать его, вставить в рот кляп и забрать товар. А потом пару-тройку раз врезать ему. «Все должно выглядеть правдоподобно, – предупреждал Джордж. – Этих сицилийцев вокруг пальца не обведешь».

– Ну что ж, звучит неплохо, – признал Ллойд.

На следующий день Тычок и Ллойд пошли на встречу с Красавчиком Джорджем – детской ростом шесть футов, с головой-прыщиком на практически не существующей шее между широкими плечами. Волнистые светлые волосы придавали ему сходство со знаменитым рестлером.

Ллойд в последний момент заколебался, но Тычок рассеял его сомнения. Это он делать умел. Джордж велел им прийти к нему домой в следующую пятницу, около шести вечера.

– Ради Бога, наденьте маски, – предупредил он. – Вы расквасите мне нос и поставите фингал под глазом. Господи, и зачем я только в это ввязался?

Великий вечер наступил. Тычок и Ллойд доехали на автобусе до угла улицы, на которой жил Джордж, и, шагнув на дорожку, ведущую к крыльцу, надели лыжные маски. Дверь оказалась заперта, но, как Джордж и обещал, не на все замки. Игровая комната находилась в подвале. Джордж стоял рядом с пластиковым мешком, набитым травкой. На столе для пинг-понга лежало оружие. Выглядел Джордж испуганным.

– Господи, ох Господи, и зачем только я в это ввязался? – повторял он, пока Ллойд связывал ему ноги бельевой веревкой, а Тычок накручивал на сведенные запястья изоляционную ленту фирмы «Скотч».

Потом Ллойд расквасил Джорджу нос, а Тычок врезал ему в глаз, поставив фингал, как и договаривались.

– Черт! – взвыл Джордж. – Обязательно бить так сильно?

– Ты же сам хотел, чтобы все выглядело по-настоящему, – заметил Ллойд. Тычок залепил куском изолянта рот Джорджа. Они стали собирать добычу.

– Хочу у тебя кое о чем спросить, чел. – Тычок повернулся к Ллоиду.

– О чем? – полюбопытствовал Ллойд, нервно хихикнув.

– Как ты думаешь, сможет ли старина Джордж не выдать наш секрет?

³⁶ Красавчик Джордж – так называли знаменитого американского рестлера Джорджа Вагнера (1915–1963).

³⁷ Мягкий фокус – нечеткое изображение.

Раньше Ллойд такой вопрос в голову не приходил. В течение томительно долгой минуты он задумчиво смотрел на Красавчика Джорджа, глаза которого выпучились от внезапного ужаса.

– Конечно, – наконец ответил Ллойд. – Он тоже в доле. – Но голос его звучал неубедительно, и чувствовалось, что он сам не очень-то в это верит. Семена сомнения обладают почти стопроцентной всхожестью.

Тычок улыбнулся:

– Да он может просто сказать им: «Привет, ребята. Я встретил давнего приятеля с другом. Мы поболтали, выпили пивка, а потом, можете вы себе такое представить, эти сукины дети заявили ко мне домой и ограбили меня. Уверен, что вы их поймаете. Давайте я опишу, как они выглядят».

Джордж бешено тряс головой, а его глаза от ужаса превратились в заглавные буквы «О».

К тому времени они сложили оружие в брезентовый мешок для белья, найденный в ванной на первом этаже. Ллойд нервно поднял мешок и спросил:

– И что же, по-твоему, мы должны сделать?

– По-моему, старичок, мы должны его замочить, – с сожалением ответил Тычок. – Это единственное, что мы можем сделать.

– Чертовски непростая задача, учитывая, что он навел нас на это дело, – колебался Ллойд.

– А кому в этом мире легко, дружище?

– Да уж, – вздохнул Ллойд, и они направились к Джорджу.

– М-м-м-ф! – Джордж бешено тряс головой. – М-м-м-м-ф! М-м-м-м-ф!

– Я знаю, – утешил его Тычок. – Хреново вышло, да? Мне очень жаль, Джордж, без балды. Ничего личного. Хочу, чтобы ты это помнил. Держи его голову, Ллойд.

Легко сказать. Красавчик Джордж неистово мотал головой из стороны в сторону. Он сидел в углу игровой комнаты, стены которой были из шлакоблоков, бился о них затылком, но, похоже, не чувствовал никакой боли.

– Держи его! – рявкнул Тычок и оторвал от рулона очередной кусок скотча.

Ллойд наконец-то ухватил Красавчика Джорджа за волосы и смог удержать достаточно долго, чтобы Тычок успел прилепить скотч прямо на ноздри Джорджа, тем самым запечатав все его дыхательные пути. Джордж просто обезумел. Выкатился из угла, елозил животом по полу, издавал сдавленные звуки – по предположению Ллойда, наверное, кричал. Бедняга. Все это продолжалось минут пять, прежде чем Джордж окончательно затих. Он взбрыкивал, стучал и сучил ногами. Лицо его стало красным, как стена кирпичного амбара. Напоследок он поднял обе ноги и с силой стукнул ими об пол. Это напомнило Ллоиду мультфильм о Багзе Банни или еще ком-то, и он хохотнул, чувствуя, что настроение у него улучшилось. Прежнее зрелище нагоняло только тоску.

Тычок присел на корточки рядом с Джорджем и пощупал пульс.

– Ну? – спросил Ллойд.

– Ничего не тикает, только его часы, старина, – ответил Тычок. – И раз уж о них зашла речь... – Он поднял мясистую руку Джорджа и посмотрел на его запястье. – Нет, обычный «Таймекс». Я-то думал, «Касио» или что-нибудь этакое.

Ключи от машины Джорджа лежали в переднем кармане его брюк. А в буфете наверху они нашли банку из-под арахисового масла «Скиппи», наполовину наполненную десятицентовиками. Взяли и их. В общей сложности получилось двадцать долларов и шестьдесят центов.

Ездил Джордж на старом, хрипящем «мустанге» с четырьмя сиденьями, паршивыми амортизаторами и лысыми, как Телли Савалас³⁸, покрышками. Они покинули Вегас по федеральному шоссе 93 и покатали на юго-восток, в Аризону. К полудню следующего дня, то есть

³⁸ Имеется в виду Аристотелис Савалас по прозвищу Телли (1922–1994) – американский актер и певец.

позавчера, обогнули Финикс по сельским дорогам. Вчера около девяти утра остановились у старого пыльного магазинчика в двух милях за Шелдоном на аризонском шоссе 75. Вошли внутрь и замочили хозяина – пожилого господина со вставными челюстями, какие заказывают по почте. Им достались шестьдесят три доллара и древний пикап старика.

Этим утром у пикапа лопнули две шины. Лопнули одновременно, и на шоссе не нашлось ни гвоздя, ни кнопки, хотя Тычок и Ллойд потратили на поиски почти полчаса, передавая друг другу очередную самокрутку. В конце концов Тычок высказался в том смысле, что это скорее всего совпадение. Ллойд признал, что, Бог свидетель, ему приходилось слышать и о более удивительных совпадениях. Потом появился белый «конни», словно в ответ на их молитвы. А чуть раньше, хотя ни один из них об этом не знал, они пересекли границу между Аризоной и Нью-Мексико и попали под юрисдикцию ФБР.

Водитель «конни» высунулся из окна и спросил:

– Нужна помощь?

– Конечно, нужна! – ответил Тычок и тут же его замочил – всадил между глаз пулю из «магнума». Несчастный, наверное, даже не понял, что с ним произошло.

– Почему бы тебе не повернуть здесь? – спросил Ллойд, указывая на приближающийся перекресток. Он уже заторчал.

– И поверну! – весело воскликнул Тычок. Скорость «конни» упала с восьмидесяти до шестидесяти миль в час. При повороте налево правые колеса чуть оторвались от земли, а потом перед ними протянулась новая дорога, шоссе 78, ведущее точно на запад. Не зная, что они вновь пересекли границу между штатами, не зная, что совершенные ими преступления газеты уже назвали «УБИЙСТВЕННЫМ ЗАЕЗДОМ ПО ТРЕМ ШТАТАМ», они вновь очутились в Аризоне.

Примерно час спустя справа появился и начал быстро увеличиваться в размерах указатель: «БУРРАК 6».

– Бурлак? – заплетающимся языком спросил Ллойд.

– Буррак, – поправил его Тычок и принялся крутить руль вправо-влево, отчего автомобиль начал выписывать по дороге плавные дуги. – Хоп! Хоп!

– Давай там остановимся, – предложил Ллойд. – Я голоден, чел.

– Ты всегда голоден.

– Иди в жопу. Я когда накурюсь, постоянно хочу чего-то пожевать.

– Можешь пожевать мой девятидюймовый шланг. Как насчет этого? Хоп! Хоп!

– Я серьезно, Тычок. Давай остановимся.

– Ладно. Да и денег надо раздобыть. Думаю, от погони мы на какое-то время оторвались. Нужно добыть денег и сваливать на север. Эта гребаная пустыня меня достала.

– Годится, – кивнул Ллойд. Он не знал, была ли тому причиной травка, но внезапно его охватил дикий страх, какого он не испытывал даже на автостраде. Тычок прав. Надо остановиться за Бурраком и грабануть магазин, как после Шелдона. Разжиться деньгами и дорожными картами, поменять «конни» на другой автомобиль, не столь приметный, а потом рвануть на северо-восток по второстепенным дорогам. Выбраться, нах, из Аризоны.

– Скажу тебе правду, чел. – Тычок повернулся к нему. – Я вдруг занервничал, как длиннохвостый кот в комнате, заставленной креслами-качалками.

– Я знаю, о чем ты, сладкий мой, – очень серьезным тоном произнес Ллойд. Фраза эта показалась обоим очень забавной, и они хором заржали.

Буррак раскинулся по обе стороны от дороги. Они проскочили город и на выезде обнаружили заправочную станцию с кафе и магазином. На общей стоянке увидели старый «форд»-универсал, запыленный «олдсмобил» и телегу с лошадью. Лошадь уставилась на них, когда Тычок сворачивал на стоянку.

– Похоже, то, что надо, – заметил Ллойд.

Тычок согласился. Достал с заднего сиденья «магнум» и проверил, заряжен ли он.

– Готов?

– Думаю, да, – отозвался Ллойд и взялся за «шмайссер».

Они двинулись через выжженную солнцем стоянку. Полиция уже четыре дня знала об их подвигах; они оставили отпечатки пальцев в доме Красавчика Джорджа и в магазине, где замочили старика с «почтовыми» вставными челюстями. Старый пикап стоял в пятидесяти футах от трупов трех человек, ехавших на «континентале», и не требовалось большого ума, чтобы предположить, что люди, прикончившие Красавчика Джорджа и владельца магазина, убили и этих троих. Слушай Ллойд и Тычок радиоприемник «конни», а не магнитофон, они бы знали, что полицейские Аризоны и Нью-Мексико объединились для величайшей за последние сорок лет охоты на людей – и все ради двух мелких преступников, которые и не представляли себе, что учинили такой переполох.

Заправка работала по принципу самообслуживания – продавец в магазине только включал насос. Ллойд и Тычок поднялись по ступенькам и вошли в торговый зал. Три прохода со стеллажами, заставленными консервами, уходили к кассовому аппарату. У прилавка мужчина в ковбойском костюме расплачивался за пачку сигарет и полдюжины копченых колбасок «Слим джимс». В середине центрального прохода женщина с утомленным лицом и жесткими черными волосами пыталась выбрать один из двух соусов для спагетти. В магазине пахло лежалой лакрицей, и солнцем, и табаком, и старостью. Хозяин – веснушчатый мужчина в серой рубашке и фирменной бейсболке с надписью «ШЕЛЛ» красными буквами по белому полю – поднял голову, когда захлопнулась сетчатая входная дверь, и его глаза широко раскрылись.

Ллойд приставил приклад «шмайссера» к плечу и дал очередь в потолок. Два шарообразных плафона разбились вдребезги, как бомбы. Мужчина в ковбойской одежде начал оборачиваться.

– Всем стоять, и мы никого не тронем! – закричал Ллойд. Тычок немедленно опроверг это, проделав дырку в женщине, выбиравшей соус. Ее вышибло из туфель. – Ты чего, Тычок! – снова крикнул Ллойд. – Незачем...

– Замочил ее, старина! – завопил Тычок. – Больше ей не смотреть Джерри Фолуэлла³⁹! Хоп! Хоп!

Мужчина в ковбойском костюме продолжал оборачиваться. В левой руке он держал пачку сигарет. Резкий свет, падавший сквозь окно-витрину и сетчатую дверь, сверкал яркими звездами на темных стеклах его солнцезащитных очков. Над ремнем торчала рукоятка револьвера сорок пятого калибра. Мужчина неторопливо вытащил револьвер, пока Ллойд и Тычок таращились на мертвую женщину, прицелился, выстрелил – и левая половина лица Тычка неожиданно превратилась в месиво из крови, мяса и зубов.

– *В меня стрельнули!* – завопил Тычок, роняя свой «магнум» и падая назад. Он взмахнул руками, и со стеллажей на деревянный пол полетели пакеты с картофельными и кукурузными чипсами и «Чиздудлс». – *В меня стрельнули, Ллойд! Посмотри! В меня стрельнули! Стрельнули!* – Тычок ударился о сетчатую дверь, и она распахнулась. Он тяжело осел на крыльцо, сорвав старенькую дверь с одной петли.

Ошеломленный Ллойд выстрелил скорее инстинктивно, чем в целях самозащиты. Грохот «шмайссера» заполнил торговый зал. Консервные банки полетели на пол. Стеклопанель холодильника с пепси сложилась внутрь. Бутылки с «Доктором Пешпером», «джолтом» и «оранж крашем» разлетались, как тарелочки для стрельбы. Текла пена. Мужчина в ковбойском костюме, хладнокровный, спокойный и собранный, снова выстрелил. Ллойд скорее

³⁹ Джерри Фолуэлл (1933–2007) – известный американский телепроповедник.

почувствовал, чем услышал, как пуля пролетела у него над головой, едва не коснувшись волос. Он дал еще одну очередь из «шмайссера», слева направо.

Мужчина в бейсболке «ШЕЛЛ» упал за прилавок так внезапно, что у наблюдателя со стороны могло сложиться впечатление, будто он провалился в люк. Автомат, торгующий жевательной резинкой, разнесло вдребезги. Красные, синие и зеленые шарики покатались в разные стороны. Взорвались стеклянные банки, стоявшие на прилавке. В одной были маринованные яйца, в другой – свиные ножки. Помещение наполнил резкий запах уксуса.

«Шмайссер» проделал три дырки в рубашке ковбоя, и большая часть его внутренностей выплеснулась со спины на Спадса Маккензи⁴⁰. Ковбой осел, все еще сжимая в одной руке револьвер, а в другой – пачку «Лаки».

Ллойд, обезумев от страха, продолжал палить. Пистолет-пулемет нагревался у него в руках. Задребезжал и рухнул ящик с бутылками из-под содовой. Изображенная на календаре девушка в обтягивающих шортах получила пулю в восхитительное персиковое бедро. Перевернулась стойка с книгами. Потом в «шмайссере» закончились патроны, и наступила оглушающая тишина. В воздухе стоял тяжелый и отвратительный запах пороха.

– Твою мать! – выдохнул Ллойд и опасливо посмотрел на ковбоя. По всему выходило, что тот не создаст каких-либо проблем в ближайшем или отдаленном будущем.

– *В меня стрельнули!* – проревел Тычок, вваливаясь в торговый зал. Он с такой силой схватился за сетчатую дверь, что сорвал ее со второй петли, и она упала на крыльцо. – *В меня стрельнули, Ллойд, видишь!*

– Я прикончил его, Тычок, – утешил подельника Ллойд, но тот, похоже, ничего не слышал. Его правый глаз сиял, как зловещий сапфир. Левый исчез. Вместе со щекой. Когда Тычок говорил, левая сторона челюсти двигалась, ничем не прикрытая. Лишился он и чуть ли не всех зубов слева. Его рубашка пропиталась кровью. В общем, честно говоря, выглядел Тычок хреново.

– *Чертов идиот достал меня!* – крикнул Тычок, наклонился и нацелил на ковбоя «магнум». – *Я покажу тебе, как стрелять в меня, гребаный ублюдок!*

Он придвинулся к ковбою, этакий сельский мистер Сардоникус⁴¹, поставил ногу на его зад, как охотник, позирующий для фотографии с убитым медведем на стену кабинета, и изготовился всадить всю обойму в голову трупа. Ллойд стоял и смотрел на Тычка с раскрытым ртом, с дымящимся «шмайссером» в руке, все еще пытаясь понять, как такое могло случиться.

В этот момент мужчина в бейсболке «ШЕЛЛ», упавший за прилавок, появился оттуда, как черт из табакерки. Его лицо выражало отчаянную решимость, а в руках он сжимал двустволку.

– Что? – Тычок вскинул голову аккуратно навстречу двум зарядам. Потом рухнул на пол. Лицо его стало выглядеть еще хуже, чем раньше, но теперь это уже никого не заботило.

Ллойд решил, что самое время сваливать. Черт с ними, с деньгами. В конце концов, их можно найти в любом другом месте. Похоже, придется опять сбивать погоню со следа. Он развернулся и большими шагами помчался к двери. Его высокие ботинки едва касались половиц.

Он уже преодолел половину ступенек, когда на стоянку свернул патрульный автомобиль аризонской полиции. Из пассажирской двери вылез полицейский и вытащил пистолет.

– Стой на месте! Что там происходит?

– Трое убитых! – закричал Ллойд. – Ну и заваруха! Парень, который сделал это, сбежал через черный ход! Я уношу ноги!

⁴⁰ Спадс Маккензи – кличка вымышленного пса, фигурировавшего в рекламной кампании пива «Бад лайт». Вероятно, речь идет о рекламном плакате.

⁴¹ Мистер Сардоникус – герой одноименного фильма ужасов (1961), человек, лицо которого превратилось в застывшую маску.

Он подбежал к «конни», скользнул за руль и как раз успел вспомнить, что ключи остались у Тычка в кармане, когда полицейский заорал:

– Стой! Стой, стрелять буду!

Ллойд замер. Радикальные изменения, произошедшие с лицом Тычка, произвели на него должное впечатление, и он решил, что лучше обойтись без лишних телодвижений.

– Твою мать, – жалостливо пробормотал он, когда второй полицейский приставил ему к голове здоровенный пистолет. Первый надел на него наручники.

– Отправляйся на заднее сиденье патрульной машины, весельчак ты наш.

Мужчина в бейсболке «ШЕЛЛ» вышел на крыльцо, все еще сжимая в руках двустволку.

– Он застрелил Билла Марксона! – завопил мужчина высоким, пронзительным голосом. – А второй убил миссис Сторм! Такие дела! Я того прикончил! Он мертвее собачьего дерьма! С удовольствием прикончу и этого, если вы, ребята, отойдете!

– Успокойся, папаша, – сказал один из полицейских. – Потеха закончилась.

– Я пристрелю его на месте! – закричал хозяин магазина. – И не поморщусь! – Тут он наклонился вперед, словно отвешивающий поклон английский дворецкий, и блеванул на свои ботинки.

– Эй, парни, держите меня подальше от этого человека, – попросил Ллойд. – Он точно рехнулся.

– А это ты получил, выходя из магазина, весельчак. – И полицейский, который первым вылез из патрульного автомобиля, вскинул руку. Пистолет поднимался все выше и выше, поблескивая на солнце, а потом с силой опустился на голову Ллойда Хенрида. Очнулся он только вечером, в лазарете тюрьмы округа Апач.

Глава 17

Старки стоял перед монитором номер два, глядя на специалиста второго класса Фрэнка Д. Брюса. Когда он видел Брюса в последний раз, тот сидел, уткнувшись лицом в миску супа с кусочками говяжьей вырезки. С тех пор ничего не изменилось, если не считать того, что удалось достоверно установить личность Брюса. Ситуация нормальная, полная жопа.

Задумчиво сцепив руки за спиной, словно генерал, инспектирующий войска, – генерал Черный Джек Першинг⁴², кумир детства Старки, – он перешел к монитору номер четыре, на котором как раз наблюдались изменения к лучшему. Доктор Эммануэль Эзвик по-прежнему неподвижно лежал на полу, но центрифуга остановилась. Прошлым вечером, в 19.40, из центрифуги потянулись тонкие шупальца дыма. В 19.55 микрофоны, установленные в лаборатории Эзвика, начали фиксировать постукивания, напоминавшие далекую барабанную дробь. Дробь эта распадалась на отдельные удары (*ронк-ронк-ронк*), которые становились все громче и сильнее. В 21.07 в центрифуге в последний раз что-то ронкнуло, и она начала замедлять ход, пока не остановилась. Кажется, Ньютон сказал, что где-то далеко, за самой дальней звездой, может находиться тело в состоянии абсолютного покоя. «Ньютон оказался прав во всем, кроме расстояния, – подумал Старки. – Совсем не обязательно отправляться в такую даль». Проект «Синева» воплощал собой именно это состояние. И Старки это радовало. Центрифуга создавала последнюю иллюзию жизни. По его приказу Стеффенс поставил перед центральным компьютером (посмотрев при этом на него как на безумца, и что с того, Старки сам задавался вопросом, в своем ли он уме) следующую задачу: как долго будет вращаться центрифуга? Ответ компьютер выдал через шесть целых шесть десятых секунды: «3 ГОДА ВЕРОЯТНОСТЬ ВЫХОДА ИЗ СТРОЯ В БЛИЖАЙШИЕ ДВЕ НЕДЕЛИ 0,009 % МЕСТО ВЕРОЯТНОЙ ПОЛОМКИ ПОДШИПНИКИ 38 % ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ 16 % ОСТАЛЬНЫЕ УЗЛЫ 54 %». Умный компьютер. Старки велел Стеффенсу повторно ввести ту же задачу, уже после того как центрифуга Эзвика сгорела. Компьютер связался с банком данных инженерных систем и подтвердил, что центрифуга действительно спалила подшипники.

«Помни об этом, – думал Старки, когда за спиной призывно запикал интерком. – На последней стадии разрушения перегревшиеся подшипники издают “ронк-ронк-ронк”».

Он подошел к интеркому и нажал на кнопку, обрывая пиканье:

– Слушаю, Лен.

– Билли, у меня срочный звонок от одного из наших подразделений в Сайп-Спрингсе, Техас. Почти в четырехстах милях от Арнетта. Они заявляют, что должны поговорить с тобой. Сами принять решение не имеют права.

– В чем там дело, Лен? – спросил Старки спокойно. За последние десять часов он принял шестнадцать «расслаблялок» и по большому счету прекрасно себя чувствовал. Никакого намека на «ронк-ронк-ронк».

– Пресса.

– Господи! – вырвалось у Старки. – Соедини меня с ними.

Он услышал приглушенные помехи и голос, произносящий что-то нечленораздельное.

– Минутку, – встрял Лен.

Атмосферные помехи постепенно исчезли.

– ...«Лев», группа «Лев», как слышите, база «Синева»? Как слышите нас? Раз... два... три... четыре... говорит группа «Лев».

⁴² Имеется в виду Джон Джозеф Першинг по прозвищу Черный Джек (1860–1948) – генерал американской армии, участник Испано-американской и Первой мировой войн. Прозвище получил за службу в частях, состоявших преимущественно из чернокожих солдат.

- Слышу вас, группа «Лев», – ответил Старки. – Говорит база «Синева-один».
- Кодовое обозначение проблемы – «Цветочный горшок», – произнес металлический голос. – Повторяю, «Цветочный горшок».
- Я прекрасно знаю, что такое гребаный «Цветочный горшок», – сказал Старки. – В чем там дело?

Металлический голос из Сайп-Спрингса говорил почти пять минут подряд. Сама по себе ситуация Старки не слишком-то интересовала, потому что уже два дня назад компьютер проинформировал его, что это (в той или иной форме) произойдет до конца июня с вероятностью восемьдесят восемь процентов. Подробности значения не имели. Если у вещи есть две штанины и шлевки, то это брюки. Вне зависимости от цвета.

Врач из Сайп-Спрингса высказал несколько логичных предположений, и репортеры хьюстонской ежедневной газеты связали происходящее в Сайп-Спрингсе с тем, что уже произошло в Арнетте, Вероне, Коммерс-Сити и городке Поллистон, штат Канзас. В этих местах процесс развивался так стремительно и так неблагоприятно, что военным уже отдали приказ ввести карантин. В компьютере имелся список других двадцати пяти городов в десяти штатах, где начала проявляться «Синева».

Ситуация в Сайп-Спрингсе не имела особого значения, потому что не была уникальной. Возможно, они и могли конкурировать с Арнеттом – но упустили свой шанс. Значение имело другое: «ситуация» грозила выплеснуться на страницы без грифа «особой важности», если бы Старки не принял превентивные меры. И решать, принимать их или нет, ему не пришлось. Когда металлический голос смолк, Старки осознал, что уже все решил. Причем не сейчас, а более двадцати лет тому назад.

Суть сводилась к ответу на вопрос: что имеет значение? Он точно знал, что сам факт болезни значения не имеет. Как и другой факт – то, что в Атланте болезнь каким-то образом вырвалась наружу, и им не оставалось ничего другого, как перенести операцию по борьбе с вирусом в куда менее приспособленный для этого научный комплекс в Стовингтоне, штат Вермонт. Даже быстрое распространение вируса «Синева», так ловко маскировавшегося под обыкновенную простуду, не имело значения.

– Что имеет значение...

– Повторите еще раз, база «Синева-один»! – В голосе слышалась озабоченность. – Мы не расслышали.

Важным Старки полагал только одно: сам прискорбный инцидент, который, увы, имел место быть. Мысленно он перенесся на двадцать два года в прошлое, в тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год. Он находился в офицерском клубе в Сан-Диего, когда пришла весть о лейтенанте Колли и о том, что произошло в Миай-Лаи⁴³. Старки играл в покер с четырьмя другими мужчинами, двое из которых теперь заседали в Объединенном комитете начальников штабов. Они напрочь позабыли о покере, обсуждая, как случившееся отразится на армии – не на отдельном роде войск, а на армии в целом – в атмосфере охоты на ведьм, которую развернула вашингтонская «четвертая власть». И один из них, человек, который мог напрямую звонить жалкому червю, маскировавшемуся после двадцатого января тысяча девятьсот пятьдесят девятого года под верховного главнокомандующего, аккуратно положил карты на зеленое сукно стола и сказал: *Господа, произошел прискорбный инцидент. А когда происходит прискорбный инцидент, в который вовлечено подразделение любого рода войск армии Соединенных Штатов, мы не задаем вопросов о причинах инцидента, но думаем о том, как наилучшим образом очистить этот род войск от скверны. Служба для нас – отец и мать. И если вы находите вашу*

⁴³ Речь идет о резне в Сонгми, учиненной подразделением американской армии во Вьетнаме 16 марта 1968 г., когда были убиты более 100 мирных жителей.

мать изнасилованной или отца избитым и ограбленным, то, прежде чем звонить в полицию или начинать расследование, вы прикрываете их наготу, потому что любите их.

Никогда Старки не слышал, чтобы кто-нибудь так красиво говорил.

А теперь он отпер ключом нижний ящик своего письменного стола и вытащил оттуда тонкую синюю папку, обклеенную красной бумажной лентой. Надпись на обложке гласила: «ЕСЛИ ЛЕНТА СОРВАНА, НЕМЕДЛЕННО ИЗВЕСТИТЕ ВСЕ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ». Старки сорвал ленту.

– Вы на связи, база «Синева-один»? – прозвучал голос. – Мы вас не слышим. Повторяю, не слышим.

– Я здесь, «Лев», – ответил Старки.

Он уже открыл последнюю страницу, и его палец скользил по колонке, озаглавленной «ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ КОНТРМЕРЫ ПРИКРЫТИЯ».

– Вы слышите меня, «Лев»?

– Слышу вас отчетливо, база «Синева-один».

– Троя, – отчетливо произнес Старки. – Повторяю, «Лев»: *Троя*. Повторите, пожалуйста. Прием.

Молчание. Отдаленный треск помех. Старки вспомнил о тех рациях, которые они делали в детстве: две жестяные консервные банки «Дель монте» и двадцать ярдов вощенной бечевки.

– Повторяю...

– Господи! – донесся из Сайп-Спрингса совсем юный голос.

– Повтори, сынок, – настаивал Старки.

– Т-т-троя, – послышался дрожащий голос. Потом более уверенно: – Троя.

– Очень хорошо, – подбодрил его Старки. – Благослови тебя Бог, сынок. Конец связи.

– И вас, сэр. Конец связи.

За щелчком последовали сильные помехи, снова щелчок, молчание и голос Лена Крайтона:

– Билли?

– Да, Лен.

– Я слышал весь разговор.

– Прекрасно, Лен. – Голос Старки звучал устало. – Ты можешь доложить об этом, как сочтешь нужным. Естественно.

– Ты не понял, Билли. Ты поступил правильно. Или ты думаешь, что я этого не понимаю?

Старки позволил глазам закрыться. На мгновение все замечательные «расслаблялки» перестали действовать.

– Благослови и тебя Бог, Лен. – Он говорил так тихо, что сам едва слышал себя. Затем отключил интерком и вновь встал перед монитором номер два. Сцепил руки за спиной, как Черный Джек Першинг, оглядывающий войска, и смотрел на Фрэнка Д. Брюса и место его упокоения. Через некоторое время он вновь в достаточной мере успокоился.

Выехав из Сайп-Спрингса на федеральное шоссе 36 и двинувшись на юго-восток, вы направитесь в сторону Хьюстона, до которого можно добраться за день. Скорость несшегося по дороге автомобиля – трехлетнего «пontiака-бонневилла» – составляла никак не меньше восьмидесяти миль в час, и это едва не привело к аварии: «пontiак» взлетел на холм, а внизу дорогу перегораживал неприметный «форд».

Водитель, тридцатилетний внештатный репортер крупной хьюстонской ежедневной газеты, ударил по тормозам. Завизжали покрышки, «пontiак» клюнул капотом, и автомобиль повело влево.

– Боже мой! – завопил фотограф, сидевший рядом с водителем. Он уронил фотоаппарат на пол и ухватился за ремень безопасности.

Водитель чуть отпустил педаль тормоза, объезжая «форд» по обочине, потом почувствовал, что левые колеса тащит по мягкой земле. Чуть нажал на педаль газа, сцепление колес с обочиной улучшилось, и «бонневилл» вернулся на твердое покрытие. Из-под покрышек вырывался сизый дымок. Радио орало и орало:

Поймешь ли ты своего парня, детка?
Он суперпарень, ты же знаешь, детка.
Поймешь ли ты своего парня, детка?

Водитель вновь нажал на тормоз, и «пontiак» наконец-то остановился посреди жаркого пустынного дня. Водитель шумно, со всхлипом, вдохнул и разразился приступом кашля. Он начал злиться. Включил заднюю передачу, и «пontiак» покатился к «форду» и двум стоявшим за ним мужчинам.

– Послушай! – нервно бросил фотограф, толстяк, который в последний раз дрался в девятом классе. – Послушай, может, нам лучше...

Его бросило вперед, потому что репортер вдавил педаль газа в пол, вновь заставив «пontiак» скрипнуть покрышками, резким движением руки перевел рукоятку переключения скоростей на «парковку», вылез из кабины и зашагал к «форду», сжав руки в кулаки.

– Ладно, сучьи дети! – закричал он. – Вы нас чуть, нах, не угробили, и я хочу...

Он служил в армии четыре года. Добровольцем. Ему как раз хватило времени на то, чтобы определить тип автоматических винтовок – МЗА, – которые они подняли из-за «форда». Ошеломленный, он застыл под палящим техасским солнцем и обмочил штаны.

Начал кричать и мысленно повернулся, чтобы бежать к «бонневиллу», но ноги не сдвинулись с места. Мужчины открыли огонь, и пули вспороли репортеру грудь и пах. Когда он падал на колени, молча протягивая руки, словно прося пощады, следующая пуля попала ему в лоб, на дюйм выше левого глаза, и снесла полголовы.

Фотограф, перегнувшийся через спинку сиденья, не мог понять, что произошло, пока двое молодых людей не переступили через тело репортера и не направились к нему с винтовками на изготовку.

Он сдвинулся на водительское сиденье, в углах его рта пузырилась теплая слюна. Ключ торчал из замка зажигания. Фотограф завел двигатель и тронул автомобиль с места, прежде чем они начали стрелять. Он почувствовал, как «бонневилл» бросило вправо, словно какой-то великан пнул заднее левое колесо. Руль начал вырываться из рук. Автомобиль подпрыгивал на спущенном колесе, и фотографа подбрасывало вверх-вниз. Мгновением позже от «пинка великана» досталось второму заднему колесу. Удерживать руль стало еще труднее. Из асфальта летели искры. Фотограф выл. Задние покрышки «пontiака» превратились в черные лохмотья, шлепающие по асфальту. Молодые люди побежали к «форду», номер которого значился в списках транспортного управления Пентагона, и, развернув машину, ринулись за «пontiак-ком». Капот подпрыгнул вверх, когда «форд», вернувшись с обочины на проезжую часть, переваливался через тело репортера. Сержант, сидевший рядом с водителем, от неожиданности чихнул, брызнув слюной на ветровое стекло.

«Пontiак» на двух спущенных задних колесах полз со скоростью поливальной машины. Вцепившийся в руль толстяк-фотограф плакал, видя в зеркале заднего обзора, как черный «форд» с каждым мгновением увеличивается в размерах. Он до предела утопил в пол педаль газа, но «пontiак» с пробитыми шинами не разогнался больше сорока и его мотало по всей дороге. На радио Ларри Андервуда сменила Мадонна, заверявшая всех, что она материалистка.

«Форд» обогнул «пontiак», и на мгновение у фотографа вспыхнула надежда, что он помчится дальше и исчезнет за горизонтом, оставив его в покое.

Но «форд» приблизился, и мотающийся из стороны в сторону передний бампер «понтиака» ткнулся в его крыло. Послышался скрежет раздираемого металла. Фотографа бросило вперед, он ударился лицом о руль, из его носа хлынула кровь.

В ужасе, то и дело оборачиваясь, он заскользил по теплomu, словно смазанному жиром пластику сиденья и выбрался из салона через пассажирскую дверь. Побежал с обочины вниз по откосу. Вдоль шоссе тянулось ограждение из колючей проволоки, и он прыгнул через него, ощущая себя дирижаблем. *У меня получится*, подумал он. *Я буду бежать, бежать...*

Он упал на другой стороне, зацепившись ногой за колючки. Крича в небо, пытался освободить брючину и жирную белую плоть, когда двое молодых людей спустились с обочины с винтовками в руках.

«За что?» – хотел спросить он у них, но из горла вырвался лишь тихий и беспомощный клекот, а потом его мозги вылетели через затылок.

В тот день газеты не написали ни о болезни, ни о каких-либо других происшествиях в Сайп-Спрингсе, штат Техас.

Глава 18

Не успел Ник открыть дверь, отделявшую кабинет шерифа Бейкера от тюремных камер, как на него посыпался град угроз и насмешек. Винсент Хоган и Билли Уорнер сидели в двух тесных, как банки для сардин, камерах слева, Майк Чайлдресс занимал одну из двух справа. Еще одна камера пустовала, потому что Рэю Буту, парню с пурпурным перстнем студенческого братства Университета Луизианы, удалось сбежать.

– Эй, чурбан! – позвал Чайлдресс. – Эй ты, гребаный чурбан! Что с тобой будет, когда мы выйдем отсюда? А? Ты подумал об этом?

– Я лично отрежу тебе яйца и буду засовывать в глотку, пока ты не задохнешься, – пообещал Билли Уорнер. – Ты меня понимаешь?

Только Винс Хоган не участвовал в этой словесной атаке. Майк и Билли не слишком жаловали его в этот день, двадцать треть его июня, когда им предстояла поездка в административный центр округа Калхун и предъявление обвинения. Шериф Бейкер надавил на Винса, и тот раскололся. Бейкер сказал Нику, что он добьется привлечения этих парней к уголовной ответственности и передачи дела в суд, но когда дойдет до присяжных, слову Ника будут противостоять показания троицы... или всех четверых, если им удастся поймать Рэя Бута.

За последние два дня Ник проникся к шерифу Джону Бейкеру глубоким уважением. Этого бывшего фермера весом в добрых двести пятьдесят фунтов избиратели, само собой, называли Большой Плохой Джон. Ник зауважал шерифа не потому, что Бейкер взял его уборщиком, чтобы он мог компенсировать потерю недельного жалованья, а потому что шериф нашел и арестовал людей, которые его избили и ограбили. Повел себя так, будто потерпевший – не глухонемой бродяга, но член одной из старейших и самых уважаемых семей города. Ник знал, что многие шерифы в пограничных южных штатах в подобной ситуации устроили бы ему шесть месяцев принудительных работ на ферме или строительстве дорог.

Они поехали на лесопилку, где работал Винс Хоган, на личном автомобиле Бейкера, «пауэр-взгоне», а не на патрульной машине. Под приборной панелью крепился дробовик («Всегда заряженный и всегда на предохранителе», – пояснил Бейкер) и мигалка, которую шериф ставил, если ехал по полицейским делам. Что он и сделал, когда они свернули на автостоянку у лесопилки. Бейкер прокашлялся, сплюнул в окно, высморкался и промокнул покрасневшие глаза носовым платком. Он осип и говорил в нос. Ник, разумеется, слышать его не мог, но в этом не было никакой необходимости. Он и так понял, что шериф сильно простужен.

– Когда мы увидим Винса, я схвачу его за руку, – начал инструктаж Бейкер. – Спрошу тебя: «Это один из них?» – а ты энергично кивнешь, мол, да. Мне без разницы, узнаешь ты его или нет. Просто кивни. Понял?

Ник кивнул. Он понял.

Винс работал на строгальном станке – подавал в него доски. Куча опилок на полу поднималась почти до самого верха его высоких ботинок. Он нервно улыбнулся Джону Бейкеру, потом его взгляд тревожно скользнул по Нику, который стоял рядом с шерифом, бледный и в синяках.

– Привет, Большой Джон, что занесло тебя к рабочему люду?

Другие члены бригады молча наблюдали за происходящим, их взгляды скользили с Ника на Винса, с Винса на Бейкера, а потом в обратном направлении, словно они смотрели некую новую, более сложную версию тенниса. Один рабочий плюнул жевательным табаком «Хоуни кат» на свежие опилки и вытер подбородок ладонью.

Бейкер схватил Винса Хогана за пухлую, обожженную солнцем руку и потянул на себя.

– Эй? Что такое, Большой Джон?

Бейкер повернулся к Нику, чтобы тот мог видеть его губы.

– Это один из них?

Ник утвердительно кивнул, а потом для пущей убедительности указал на Винса.

– В чем дело? – запротестовал Винс. – Я никогда в жизни не видел этого немого.

– Тогда откуда ты знаешь, что он немой? Пошли, Винс, по тебе тюрьма плачет. Можешь попросить кого-нибудь из этих парней, чтобы они принесли тебе зубную щетку.

Винс протестовал, пока его вели к «пауэр-вэгону» и усаживали в кабину. Протестовал по пути в город. Протестовал, когда его запирали в камере, где ему предстояло провести в раздумьях ближайшую пару часов. Бейкер не стал зачитывать Винсу его права. «Чертов дурак только запутается», – объяснил он Нику. Когда шериф вернулся около полудня, голод и испуг сделали свое дело. Винс просто все рассказал.

К часу дня Майк Чайлдресс уже сидел в другой камере. Билли Уорнера Бейкер застал за укладыванием вещей в старый «крайслер», причем, судя по количеству коробок и багажа, уезжал он надолго. Но кто-то успел шепнуть словечко Рэю Буту, и тому хватило ума смыться быстро и налегке.

Бейкер повез Ника домой, знакомить с женой и ужинать. В машине Ник написал на листке блокнота: *Мне жаль, что это ее брат. Как она?*

– Она держится. – Голос и лицо шерифа оставались непроницаемыми. – Думаю, немного поплакала, но она знает, какой у нее брат. И знает, что родственников в отличие от друзей не выбирают.

Джейн Бейкер, симпатичная миниатюрная женщина, определенно плакала. Нику стало не по себе, когда он заглянул в ее глубоко посаженные глаза. Но она тепло пожала ему руку со словами:

– Приятно познакомиться, Ник. Извини, что тебе пришлось столько пережить. Я чувствую, что несу за это ответственность, потому что один из моих родственников принял в этом участие и все такое.

Ник покачал головой, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

– Я предложил ему работу, – подал голос Бейкер. – Участок превратился в хлев после того, как Брэдли уехал в Литл-Рок. Главным образом нужно красить и прибираться. Ему придется побыть здесь какое-то время. До... ты понимаешь.

– До суда. Конечно, – кивнула она.

На мгновение повисла такая тяжелая тишина, что даже у Ника защемило сердце.

Джейн нарушила ее деланно веселым голосом:

– Надеюсь, ты ешь кабаний окорок, Ник. Ничего другого нет, кроме кукурузы и большой миски салата из шинкованной капусты. Хотя мой салат не сравнить с тем, что готовила его мать. Так он, во всяком случае, говорит.

Ник потер живот и улыбнулся.

За десертом – слоеным тортом с клубникой (Ник, который в последние недели не видел сладкого, съел две порции) – Джейн Бейкер повернулась к мужу:

– Твоя простуда становится хуже. Слишком много на себя взваливаешь, Джон Бейкер. А ешь так мало, что и мухе не прожить.

Бейкер виновато глянул на свою тарелку. Потом пожал плечами:

– Я могу позволить себе разок-другой обойтись без обеда. – Он осторожно погладил второй подбородок.

Ник, наблюдая за ними, задался вопросом, каким образом эти двое людей, столь отличающиеся по габаритам, управляют в постели. «Наверное, приспособились, – подумал он, сдержав улыбку. – Чувствуется, что им друг с другом хорошо. Да и не мое это дело».

– Ты еще и весь красный. У тебя температура?

Бейкер пожал плечами:

– Нет... ну, может, маленькая.

– Что ж, сегодня ты больше никуда не пойдешь. И это окончательное решение.

– Дорогая моя, у меня арестованные. Приглядывать за ними, может, и не обязательно, но их надо кормить и поить.

– С этим Ник справится, – безапелляционно заявила она. – Ты ложишься в постель. И не жалуйся на бессонницу, тебе это не поможет.

– Я не могу оставить Ника, – слабо упирался Бейкер. – Он глухонемой. Кроме того, он не мой помощник и не служит у меня.

– Так приведи его к присяге и возьми на службу.

– Он не живет в нашем городе.

– Я никому не скажу, если ты не скажешь. – Джейн Бейкер была непоколебима. Она встала, начала убирать со стола. – Вперед, Джон.

Вот так менее чем за двадцать четыре часа Ник Эндрос из заключенного Шойо превратился в помощника шерифа Шойо. И когда он уже собирался вернуться в участок, Бейкер вышел в коридор первого этажа. В потертом банном халате, огромный и похожий на привидение.

– Не следовало мне поддаваться на ее уговоры. Я бы не поддался, если бы не чувствовал себя так скверно. Грудь заложена, весь горю. И слабость.

Ник сочувственно покивал.

– И помощника у меня сейчас нет. Брэдли Кайд и его жена перебрались в Литл-Рок после смерти их младенца. Умер в колыбельке. Ужасно, конечно, и я не виню их за то, что они решили уехать отсюда.

Ник ткнул себе в грудь, а потом сложил большой и указательный пальцы в кольцо.

– Конечно, ты справишься. Просто будь осторожен, ладно? В третьем ящике моего стола лежит револьвер сорок пятого калибра, только к камерам с ним не ходи. И с ключами тоже. Это ясно?

Ник кивнул.

– Когда пойдешь в тюрьму, держись от них подальше. Если кто-нибудь попытается прикинуться больным, не верь. Это самая древняя уловка в мире. Если кто-то действительно заболевает, доктор Соумс приедет утром и осмотрит его. Я уже буду на месте.

Ник достал из кармана блокнот и написал: *Большое спасибо за доверие. И за то, что посадили их под замок, и за работу.*

Бейкер внимательно прочитал написанное.

– Ты такой странный, сынок. Откуда ты? Как вышло, что ты совсем один?

Это длинная история, ответил Ник. *Если хотите, вечером я для вас напишу.*

– Напиши, – кивнул Бейкер. – Полагаю, ты знаешь, что я позвонил в округ, чтобы тебя проверили.

Ник кивнул. Стандартная полицейская процедура, ничего больше. Он не боялся, потому что был чист.

– Я попрошу Джейн позвонить на стоянку грузовиков на трассе. Эти парни начнут орать о грубом обращении полиции, если не получат ужин.

Ник написал: *Скажите, чтобы тот, кто принесет еду, заходил сразу. Стука я не услышу.*

– Ладно. – Бейкер помялся. – Твоя койка в углу. Жесткая, но чистая. Только помни об осторожности, Ник. Ты не сможешь позвонить и вызвать подмогу, если начнется заварушка.

Ник кивнул и написал: *Я смогу позаботиться о себе.*

– Да, я верю, что сможешь. И тем не менее я попросил бы кого-нибудь из горожан, если б не думал, что кто-то из них... – Он замолчал при появлении Джейн.

– Все еще наставляешь бедного мальчика? Отпусти его, прежде чем в участок заявится мой глупый братец и вытащит их всех.

Бейкер невесело рассмеялся.

– Думаю, он уже в Теннесси. – Его слова прервал приступ громкого, влажного кашля. – Пожалуй, я пойду наверх и прилягу, Джейни.

– Я принесу тебе аспирин, чтобы сбить температуру, – пообещала она. Направляясь к лестнице вслед за мужем, обернулась к Нику. – Рада, что познакомилась с тобой, Ник. Пусть и при таких обстоятельствах. Слушай его и будь осторожен.

Ник поклонился ей, и она в ответ сделала полуреверанс. Ему показалось, что глаза Джейн блестят от слез.

Через полчаса после того как Ник вернулся в участок, любопытный прыщавый парнишка в грязном фартуке уборщика посуды принес три подноса с обедом для арестованных. Ник жестом показал поставить подносы на койку и, взяв листок бумаги, написал: *Это оплачено?*

Парнишка изучил записку со вниманием студента-первокурсника, взявшегося за «Моби Дика».

– Конечно, – ответил он. – У шерифа свой счет. Слушай, ты действительно не можешь говорить?

Ник кивнул.

– Хреновато. – И парнишка быстро ретировался, словно опасаясь, что немота заразна.

Ник по одному отнес подносы к камерам и протолкнул в щель между полом и решетчатой дверью с помощью швабры.

Подняв голову, увидел, как с губ Майка Чайлддресса слетели слова:

– ...трусливый говнюк!

Улыбаясь, Ник показал ему средний палец.

– Я еще покажу тебе палец, чурбан! – Губы Чайлддресса кривила неприятная ухмылка. – Когда я выйду отсюда...

Ник отвернулся, так и не узнав продолжения.

Вернувшись в кабинет и усевшись на стул Бейкера, он пододвинул к себе блокнот, на какое-то время задумался, потом написал сверху:

История жизни

Ник Эндрос

Прервался, улыбаясь. Ему довелось побывать в странных местах, но он и представить себе не мог, что будет сидеть в кабинете шерифа, приняв присягу и став его помощником, охраняя трех человек, и писать историю своей жизни. Несколько мгновений спустя Ник продолжил писать:

Я родился в Каслине, штат Небраска, 14 ноября 1968 года. Мой отец был фермером, работал на своей земле. Он и моя мама всегда жили на грани разорения, задолжав деньги трем разным банкам. Когда мать была на шестом месяце беременности мной, они с отцом поехали в город к врачу. По дороге у никапа лопнула поперечная рулевая тяга, и машина свалилась в кювет. У отца случился инфаркт, и он умер. Три месяца спустя мама родила меня, и я появился на свет таким, какой есть. Конечно же, для нее это был тяжелый удар, особенно после потери мужа. Она держалась за ферму до 1973 года, а потом та отошла крупным дельцам, как мама всегда их называла. Родственников у нее не было, но она написала друзьям в Биг-Спрингс, штат Айова, и кто-то из них нашел ей работу в пекарне. Мы прожили там до 1977 года, когда она погибла в результате несчастного случая – попала под мотоцикл по дороге с работы. В этом не было вины мотоциклиста, только невезение – отказали тормоза. Он даже не превышал

скорость. Баптистская церковь похоронила маму за свой счет. Та же церковь, Милосердия Крестителя, отправила меня в сиротский приют детей Иисуса Христа в Де-Мойне. Самые разные церкви перечисляли средства на содержание этого приюта. Там я научился читать и писать...

Тут Ник остановился. Рука болела от напряжения, но прервался он не по этой причине. Его охватила тревога, бросило в жар при мысли о необходимости вновь пройти через все это. Ник поднялся, заглянул в тюрьму. Чайлдресс и Уорнер спали. Винс Хоган стоял у решетчатой двери, курил и смотрел через коридор в пустую камеру, где сидел бы Рэй Бут, если бы не сделал ноги. Нику показалось, что Хоган плакал, и он вернулся к воспоминаниям, связанным с маленькой безмолвной песчинкой человечества по имени Ник Эндрос. Еще ребенком он запомнил одно слово из какого-то фильма. Инкоммуникадо⁴⁴. Для Ника оно всегда несло в себе что-то фантастическое, лавкрафтовское. Это пугающее слово билось и отдавалось эхом в его голове, будто олицетворяя все нюансы страха, живущего вне здравомыслящей вселенной, внутри человеческой души. Всю свою жизнь он был инкоммуникадо.

Он сел и перечитал последнюю строчку: *Там я научился читать и писать*. Но все было не так просто. Ник жил в безмолвном мире, где письменность являлась кодом, а речь – движениями губ, поднятием и опусканием зубов, танцем языка. Мать научила его читать по губам и писать свое имя корявыми, расползающимися буквами. *Это твое имя*, говорила она. *Это ты, Никки*. Но разумеется, говорила молча, и он не понимал. Связь возникла лишь тогда, когда она сначала постукала пальцами по бумаге, а потом по его груди. Для глухонемого самое худшее не в том, что он живет в мире немом кино. А в том, что он не знает названий всего того, что его окружает. До четырех лет Ник не понимал значения названий. Только в шесть до него дошло, что высокие зеленые штуковины называются *деревьями*. Он хотел знать – но никому в голову не пришло сказать ему, а сам он спросить не мог. Инкоммуникадо.

Когда умерла мать, он чуть не ушел в себя полностью. В приюте, царстве ревущей тишины, мальчишки с мрачными лицами насмехались над его глухонемотой. Иногда они подбегали к нему по двое, один зажимал руками рот, а второй – уши. Если рядом не оказывалось никого из сотрудников приюта, Ника могли и побить. Почему? Безо всякой причины. Разве что в огромном белом среднестатистическом классе жертв существовал свой подкласс: жертвы жертв.

В приюте он утратил стремление общаться, и когда это случилось, начал давать сбои и распадаться сам процесс мышления. Ник тупо бродил с места на место, созерцая безымянные предметы, которые заполняли мир. Наблюдал, как группы играющих во дворе детей шевелили губами, поднимали и опускали зубы, будто половинки белого разводного моста. Их языки танцевали в ритуале создания речи. Иногда он по часу смотрел на одно-единственное облако.

Потом появился Руди. Крупный мужчина с лысой головой и со шрамами на лице. Ростом шесть футов пять дюймов, настоящий великан по сравнению с низкорослым Ником Эндросом. В первый раз они встретились в подвальной комнате, где стояли стол, шесть или семь стульев и телевизор, который работал, когда хотел. Руди присел на корточки, так что их с Ником глаза оказались примерно на одном уровне. Потом поднял огромные, покрытые шрамами руки и прижал их сначала к своему рту, затем к ушам.

Я глухонемой.

Ник хмуро отвернулся: *Кого это, на хрен, волнует?*

Руди отвесил ему оплеуху.

⁴⁴ Инкоммуникадо – содержание под стражей без права переписываться и общаться непосредственно с родственниками или защитником.

Ник упал. Он молчал, а из глаз потекли безмолвные слезы. Ник не хотел быть рядом с этим покрытым шрамами троллем, с этим лысым чудищем. Никакой он не глухонемой, просто издевается.

Руди бережно поставил его на ноги и повел к столу. Там лежал чистый лист бумаги. Ник мрачно посмотрел сначала на бумагу, потом на лысого мужчину. Руди указал на лист, затем на Ника. Ник покачал головой. Руди кивнул и вновь указал на бумагу. Достал и протянул мальчику карандаш. Ник уронил его на стол, словно карандаш обжег ему пальцы. Покачал головой. Руди указал на карандаш, на Ника и снова на бумагу. Ник вновь покачал головой. Руди ударил его второй раз.

Опять безмолвные слезы. Покрытое шрамами лицо не выражало ничего, кроме бесконечного терпения. Руди указал на бумагу. На карандаш. На Ника.

Ник зажал карандаш в кулаке. Он написал пять слов, которые знал, которые сумел вытянуть из оплетенного паутиной, заржавелого механизма – собственного мозга. Он написал:

**НИКОЛАС ЭНДРОС
ПОШЕЛ НА ХРЕН.**

Потом разломал карандаш пополам, хмуро и воинственно посмотрел на Руди. Но Руди улыбался. Неожиданно он наклонился над столом и обхватил голову Ника крепкими, мозолистыми ладонями, теплыми и нежными на ощупь. Ник не мог вспомнить, когда в последний раз к нему прикасались с такой любовью. Так его касалась только мать.

Руди убрал руки. Поднял половинку карандаша с заточенным концом. Перевернул лист бумаги. Постучал по пустому белому пространству тупым концом карандаша, а потом похлопал Ника по плечу. Прodelал это снова. И снова. И снова. В конце концов Ник понял.

Ты – этот чистый лист.

Ник заплакал.

Руди остался с ним на шесть лет.

...Там я научился читать и писать. Человек по имени Руди Спаркман пришел, чтобы помочь мне. Мне очень повезло, что он оказался рядом. В 1984 году приют разорился. Многих детей перевели в другие приюты, но я в их число не попал. Мне сказали, что через какое-то время меня отдадут в семью, а государство будет выплачивать деньги за мое содержание. Я хотел бы быть с Руди, но Руди уехал в Африку, работать в Корпусе мира. Тогда я сбежал. Мне уже исполнилось шестнадцать, и я не думаю, что меня искали очень усердно. Я решил, что все будет хорошо, если не нарушать закон, и пока так оно и было. Я заочно учился в старшей школе, изучал предметы по одному, поскольку Руди всегда говорил, что образование – самое главное. Я собираюсь сдать выпускные экзамены экстерном, когда относительно надолго осяду в каком-нибудь месте. Думаю, справлюсь. Учиться мне нравится. Может, когда-нибудь я поступлю в колледж. Знаю, это звучит безумно, я же глухонемой бродяга, но считаю, что такое возможно. Короче, вот моя история.

Бейкер появился в семь тридцать утра. Ник как раз выносил мусорные ведра. Шериф выглядел значительно лучше.

Как вы себя чувствуете? – написал Ник.

– Неплохо. До полуночи я весь пылал. С детства у меня так высоко не поднималась температура. Аспирин не помогал. Джейни хотела позвать доктора, но в половине первого температура спала. Потом я спал как бревно. А как ты?

Ник, сомкнув в виде круга большой и указательный пальцы, показал, что отлично.

– Как наши гости?

Ник скорчил злобную гримасу. Несколько раз открыл и закрыл рот. Постучал кулаками по невидимым прутьям решетки.

Бейкер расхохотался, откинув голову, потом несколько раз чихнул.

– Тебе надо выступать по телевизору. Ты написал свою биографию, как собирался?

Ник кивнул и протянул два исписанных листа бумаги. Шериф сел и внимательно прочитал их. Затем смотрел на Ника так долго и пристально, что тот в смущении и замешательстве опустил глаза, уставившись на свои ботинки.

Когда он снова поднял голову, Бейкер спросил:

– Ты живешь один с шестнадцати? Шесть лет?

Ник кивнул.

– И ты действительно прошел предметы, которые изучают в старшей школе?

Ник какое-то время писал на чистом листе блокнота:

Я сильно отстал, потому что поздно начал читать и писать. Когда приют закрылся, я только-только принялся наверстывать упущенное. В приюте я получил зачет по шести предметам. Еще шесть сдал через Ласалль⁴⁵ в Чикаго. Узнал о них из рекламы на спичечном коробке. Мне осталось еще четыре предмета.

– Какие? – спросил Бейкер, а затем повернулся и заорал: – Эй, вы там, заткнитесь! Получите кофе с булочками, когда я сочту, что пора завтракать, и не раньше!

Ник написал: *Геометрия. Углубленная математика. Двухгодичный курс языка. Это необходимо для поступления в колледж.*

– Курс языка? Ты говоришь о французском? Немецком? Испанском?

Ник кивнул.

Бейкер рассмеялся и покачал головой:

– Ну и ну! Глухонемой учится говорить на иностранном языке! Не обижайся, малыш. Я не над тобой смеюсь, сынок. Ты ведь понимаешь.

Ник улыбнулся и кивнул.

– Так почему же ты бродишь по стране?

Когда я был несовершеннолетним, не осмеливался оставаться на одном месте слишком долго, написал Ник. Боялся, что меня отправят в другой приют или что-нибудь в этом роде. Когда же я стал достаточно взрослым, чтобы найти себе постоянную работу, наступили тяжелые времена. Говорили, биржа рухнула, или как-то так, но я, будучи глухим, этого не слышал (ха-ха).

– В основном тебе пришлось бы перебиваться с хлеба на воду, – кивнул Бейкер. – В тяжелые времена молоко сердечных чувств⁴⁶ почти не льется, Ник. Что же касается постоянной работы, думаю, я тебе что-нибудь подыщу, если только эти парни не отвратили тебя от Шойо и Арканзаса. Но... мы не все такие.

Ник кивнул, показывая, что понимает.

– Как твои зубы? Тебе сильно врезали.

Ник пожал плечами.

– Принимал обезболивающее?

Ник показал два пальца.

– Ну ладно, мне надо подготовить кое-какие бумаги на этих парней. А ты продолжай уборку. Поговорим попозже.

⁴⁵ Ласалльский заочный университет Чикаго просуществовал с 1908 по 1982 г.

⁴⁶ У. Шекспир. «Макбет», акт 1, сцена 5. Перевод Б. Пастернака.

Доктор Соумс, который чуть не переехал Ника на своем автомобиле, заглянул в участок тем же утром, примерно в половине десятого. Это был мужчина лет шестидесяти, с торчащими во все стороны седыми волосами, тощей цыплячьей шеей и пронизательными синими глазами.

– Большой Джон говорит, что ты умеешь читать по губам, – обратился он к Нику. – По его словам, он также намерен найти тебе достойную работу, поэтому я хочу убедиться, что ты не умрешь у него на руках. Снимай рубашку.

Ник расстегнул свою синюю рабочую рубашку и снял ее.

– Святой Иисус! – выдохнул Бейкер. – Ты только посмотри!..

– Да уж, они постарались, это точно, – кивнул Соумс. – Парень, ты практически лишился левой сиськи. – Он указал на серповидный шрам чуть повыше соска. Живот и ребра Ника по цветовой гамме напоминали восход в Канаде. Соумс ощупал и прослушал Ника, внимательно изучил зрачки его глаз. Под конец осмотрел обломки передних зубов – единственное, что действительно болело, несмотря на впечатляющие синяки.

– Должно быть, чертовски больно, – предположил он, и Ник горестно кивнул. – Придется их выдернуть, – продолжил Соумс. – Ты... – Он чихнул три раза подряд. – Извините.

Доктор принялся убирать инструменты в черный саквояж.

– Прогноз благоприятный, молодой человек, при условии, что в тебя не ударит молния и ты не будешь ходить в забегаловку Зака. А проблема с речью у тебя физиологическая или вызвана тем, что ты глухой?

Физиологическая, написал Ник. *Врожденный дефект*.

Соумс кивнул:

– Форменное безобразие! Но надо мыслить позитивно и благодарить Бога за то, что Он, лишая тебя дара речи, заодно не лишил тебя мозгов. Надевай рубашку.

Ник надел. Ему нравился Соумс. Он напоминал Руди Спаркмана, который как-то сказал Нику, что Бог прибавил всем глухонемым мужчинам два дюйма ниже пояса, чтобы компенсировать ту мелочь, которую недодал выше ключиц.

– Я распоряжусь, чтобы в аптеке тебе выдали это обезболивающее. Скажи здешнему толстосуму, пусть он за тебя заплатит.

– Хо-хо! – фыркнул Джон Бейкер.

– Припрятанных банок с деньгами у него больше, чем бородавок у борова, – продолжил Соумс. Опять чихнул, вытер нос, порывшись в черном саквояже и достал стетоскоп.

– Будешь так себя вести, ворчун, я посажу тебя в камеру за пьянство и нарушение общественного порядка. – Бейкер улыбался.

– Да, да, да, – покивал Соумс. – Чувствую, не за горами тот день, когда ты так широко откроешь рот, что сам же в него и провалишься. Снимай рубашку, Джон. Давай поглядим, не уменьшились ли в размерах твои буфера.

– Снимать рубашку? Зачем?

– Потому что твоя жена попросила тебя осмотреть, вот зачем. Она думает, что ты болен, и не хочет, чтобы ты заболел еще сильнее, Бог ее знает почему. Сколько раз я ей говорил, что мы сможем наконец встречаться в открытую, когда ты отправишься на тот свет... Ну давай, Джонни! Покажи нам свою кожу.

– Обычная простуда. – Бейкер с неохотой начал расстегивать рубашку. – Этим утром я чувствую себя отлично. Честное слово, Амброз, у тебя нос заложен даже сильнее, чем у меня.

– Не ты будешь указывать доктору, а доктор – тебе. – Пока Бейкер снимал рубашку, Соумс повернулся к Нику. – Знаешь, все это странно, но простуда начала валить людей с ног. Миссис Лэтроп заболела, и вся семья Ричи, и большинство живущих на пособие на Баркер-роуд кашляет так, что едва не вылетают мозги. Билли Уорнер и тот кряхтит в своей камере.

Бейкер снял майку.

– Ну, что я говорил? – спросил Соумс. – Буфера что надо. От подобного зрелища встанет даже у такого старого козла, как я.

Когда стетоскоп прикоснулся к груди Бейкера, тот ахнул.

– Господи, какой холодный! Ты что, держишь его в морозилке?

– Вдохни. – Соумс нахмурился. – Теперь выдохни.

Выдох превратился в слабый кашель.

Доктор возился с шерифом очень долго. Прослушивал грудь и спину. Наконец отложил стетоскоп и при помощи деревянного шпателя осмотрел горло. Закончив, переломил шпатель надвое и бросил в корзинку для мусора.

– Ну? – спросил Бейкер.

Пальцами правой руки Соумс надавил на подчелюстные железы Бейкера. Тот отпрянул.

– Можно даже не спрашивать, больно ли тебе, – прокомментировал Соумс. – Джон, сейчас ты пойдешь домой и ляжешь в постель, и это не совет, а приказ.

Шериф моргнул.

– Амброз, – спокойно ответил он, – не дури. Ты же знаешь, что я не могу. У меня трое заключенных, которых сегодня надо отправить в Камден. Прошлой ночью я оставил их на этого паренька, но больше я так не поступлю. Он глухонемой. Я бы не согласился на это и вчера вечером, если бы соображал, что к чему.

– Забудь о них, Джон. Тебе надо подумать о себе. Это какая-то респираторная инфекция, довольно сильная, судя по звуку, и к тому же сопровождаемая высокой температурой. Твои дыхательные пути воспалены, Джон, и, говоря откровенно, это вовсе не шуточки для такого тучного человека, как ты. Иди и ложись. Если завтра утром будешь чувствовать себя нормально, отвезешь их в Камден и избавишься от них. Но лучше бы тебе связаться с дорожной полицией, чтобы они приехали за ними.

Бейкер виновато посмотрел на Ника.

– Знаешь, – сказал он, – мне действительно как-то нехорошо. Может, если я немного отдохну...

Идите домой и ложитесь, написал Ник. Я буду осторожен. А кроме того, мне надо заработать денег на эти таблетки.

– Торчки – лучшие работники, – хохотнул Соумс.

Бейкер взял два листка бумаги с историей жизни Ника.

– Могу я показать их Джейни? Она к тебе прониклась.

Ник написал на листке: *Конечно, можете. Она очень милая.*

– Есть такое, – кивнул шериф и вздохнул, застегивая рубашку. – Похоже, температура опять поднимается. Я-то думал, что избавился от нее.

– Прими аспирин. – Соумс защелкнул черный саквояж. – Мне не нравятся твои воспаленные железы.

– В нижнем ящике стола лежит коробка из-под сигар, – повернулся Бейкер к Нику. – Там деньги на мелкие расходы. Пойди куда-нибудь на ленч, а по пути купишь лекарство. Просто оставь расписку на деньги, которые потратишь. Эти парни – обычное чмо, а не мачо. Будут сидеть как мышки. Я свяжусь с полицией штата, и к концу дня тебя от них избавят.

Ник сложил большой и указательный пальцы в кольцо.

– Я во многом доверился тебе, хоть мы практически незнакомы, – очень серьезно произнес Бейкер, – но Джейни говорит, что это правильно. Ты парень ответственный.

Ник кивнул.

Джейн Бейкер пришла около шести вечера, принесла ужин в накрытой тарелке и пакет молока.

Большое спасибо, написал Ник. Как ваш муж?

Она рассмеялась, миниатюрная женщина с каштановыми волосами, такая изящная в клетчатой рубашке и линялых джинсах.

– Он хотел прийти сам, но я отговорила его. После полудня температура так поднялась, что я испугалась, но к вечеру стала почти нормальной. Думаю, это из-за патрульной дорожной полиции. По-настоящему Джонни радуется, лишь когда злится на дорожную полицию.

Ник посмотрел на нее вопросительно.

– Они сказали ему, что не могут никого прислать за арестованными до девяти часов завтрашнего утра. У них какая-то эпидемия, двадцать или больше патрульных не вышли на смену. А из тех, кто вышел, многие занимались перевозкой людей в больницу Камдена и даже в Пайн-Блафф. Все кругом болеют. У меня такое чувство, что Эм Соумс обеспокоен куда больше, чем хочет показать.

Она и сама выглядела обеспокоенной. Потом достала из нагрудного кармана два сложенных листка.

– Та еще история. – Джейн протянула Нику листки. – Тебе выпала самая тяжелая доля из всех, кого я знаю. Я думаю, это просто чудо – твое стремление подняться над своими физическими недостатками. Я должна извиниться перед тобой за моего брата.

Ник, смутившись, только пожал плечами.

– Я надеюсь, что ты останешься в Шойо. Ты нравишься моему мужу – и мне тоже. Будь осторожен с этими людьми в камерах.

Буду, написал Ник. *Скажите шерифу, что я надеюсь на его скорейшее выздоровление.*

– Я передам ему твои добрые пожелания.

Потом она ушла, и Ник провел тревожную ночь, время от времени вставая, чтобы проверить своих подопечных. На мачо они действительно не тянули, и к десяти вечера все трое крепко спали. Двое горожан зашли, чтобы проверить, все ли у него в порядке, и Ник обратил внимание, что оба простужены.

Ему снился странный сон, и, проснувшись, он вспомнить мог только одно: как шел во сне вдоль нескончаемых рядов зеленой кукурузы, что-то искал и ужасно боялся чего-то, вроде бы следовавшего за ним по пятам.

Утром он поднялся рано и начал тщательно подметать дальний конец тюремного коридора, не обращая внимания на Билли Уорнера и Майка Чайлдресса. Когда Ник проходил мимо, Билли крикнул ему вслед:

– Рэй вернется, знаешь ли! А когда он доберется до тебя, ты пожалеешь, что всего лишь немой и глухой, а еще и не *слепой*!

Ник пропустил большую часть фразы, находясь спиной к крикуну.

В кабинете он нашел старый номер журнала «Тайм» и принялся читать. Подумал, а не положить ли ноги на письменный стол, но решил, что это неплохой способ нажить неприятности, если шериф застанет его в такой позе.

Около восьми утра он уже с тревогой гадал, не стало ли ночью шерифу Бейкеру хуже. Ник рассчитывал, что к восьми шериф появится, чтобы передать троих арестованных в ведение округа, когда за ними приедет дорожная полиция. Желудок Ника тоже недовольно урчал. Но со стоянки грузовиков никто ничего не приносил. Ник посмотрел на телефонный аппарат. Скорее с отвращением, чем с тоской. Он любил научную фантастику, время от времени за несколько центов покупал древние, расползающиеся книги в бумажной обложке, которые находил на дальних полках старых амбаров, а потому уже не в первый раз подумал, что день, когда появятся предсказанные фантастами телефоны с видеоэкранами, станет самым великим для всех глухонемых этого мира.

К четверти девятого он заволновался не на шутку. Подошел к двери, за которой были камеры, и заглянул в коридор.

Билли и Майк стояли у решеток своих камер и колотили по прутьям туфлями... показывая тем самым, что люди, которые не могут говорить, составляют лишь малую часть дураков этого мира. Винс Хоган лежал на койке. Он лишь повернул голову и посмотрел в сторону приоткрывшейся двери. На смертельно бледном лице Хогана выделялись пятна чахоточного румянца на щеках и темные мешки под глазами. На лбу блестели крупные капли пота. Ник встретился с апатичным, горячечным взглядом Винса и понял, что тот тяжело болен. Его беспокойство усилилось.

– Эй, чурбан, как насчет жратвы? – позвал его Майк. – Старине Винсу, похоже, нужен доктор. Сплетни не довели его до добра, так ведь, Билл?

Но Биллу не хотелось подзуживать Ника.

– Извини, что я раньше кричал на тебя, чел. Винс, он болен, это точно. Ему нужен врач.

Ник кивнул и вышел, пытаясь сообразить, что же ему теперь делать. Склонился над письменным столом и написал на верхнем листе блокнота:

*Шериф Бейкер или кто прочитает! Я ушел за завтраком для арестованных и попытаюсь найти доктора Соумса для Винсента Хогана. Похоже, он действительно болен, а не притворяется.
Ник Эндрос.*

Он вырвал лист из блокнота и положил в центре письменного стола. Потом, засунув блокнот в карман, вышел на улицу.

На него сразу обрушился недвижный, жаркий воздух с запахом зелени. Чувствовалось, что к полудню асфальт превратится в сковороду. В такие дни люди предпочитали пораньше закончить все дела, чтобы в самое пекло шевелиться как можно меньше, однако Нику все равно показалось, что главная улица Шойо в это утро на удивление безлюдна, как в воскресенье, но не в рабочий день.

Стоянки перед магазинами пустовали. По улице проехало несколько легковушек и пикапов – но именно несколько. Магазин скобяных товаров вроде бы работал, а вот окна Торгового банка по-прежнему закрывали жалюзи, хотя шел уже десятый час.

Ник повернул направо и пошел к стоянке грузовиков, которая находилась в пяти кварталах от участка. На углу третьего по счету квартала он увидел, что навстречу ему медленно, словно из последних сил, виляя из стороны в сторону, движется автомобиль доктора Соумса. Ник энергично замахал, без особой уверенности, что Соумс остановится, но машина прижалась к бордюру и замерла параллельно тротуару, заняв четыре парковочных места. Доктор не вылез из кабины, остался сидеть за рулем. Вид Соумса потряс Ника. С прошлого вечера он постарел лет на двадцать. Отчасти дело, наверное, было в крайней усталости – но она не могла быть единственной причиной, и даже Ник это понимал. Словно в подтверждение его мыслей, доктор, будто старый фокусник, проделывающий замшелый, самому ему надоевший трюк, извлек из нагрудного кармана мятый носовой платок и несколько раз чихнул в него. Отчихавшись, Соумс откинулся на подголовник и замер с приоткрытым ртом, ловя воздух. Его кожа была блестящей и желтой, как у трупа.

Потом Соумс открыл глаза.

– Шериф Бейкер мертв. Если ты за этим останавливал меня, то забудь о нем. Он умер в начале третьего утра. А теперь заболела Джейни.

У Ника округлились глаза. Шериф Бейкер мертв? Но ведь вечером приходила его жена и сказала, что ему лучше. И она... она прекрасно выглядела. Нет, такое просто невозможно.

– Мертв, все верно. – Соумс словно подслушал мысли Ника. – И не он один. За последние двенадцать часов я подписал двенадцать свидетельств о смерти. И я знаю еще двадцать человек, которые умрут к полудню, если Бог не проявит милосердие. В чем я лично сомневаюсь. Думаю, он предпочтет не вмешиваться.

Ник вытащил из кармана блокнот и написал: *Что с ними такое?*

– Не знаю. – Соумс медленно скомкал листок и бросил в ливневую канаву. – Но похоже, все в городе заболели этой хренью, и еще никогда в жизни мне не было так страшно. Я и сам заразился, но сейчас больше всего страдаю от усталости. Я уже не молод. Не могу так долго работать без перерыва и оставаться свеженьким, знаешь ли!.. – В его голосе появилась нотка усталого, тревожного раздражения, но Ник, к счастью, не мог ее слышать. – И жалеть себя тоже без толку.

Ник, который и не подозревал, что Соумс жалеет себя, в недоумении смотрел на него.

Соумс вышел из машины и ненадолго оперся на руку Ника, чтобы устоять на ногах. Слабые стариковские пальцы чуть подрагивали.

– Пошли на ту скамейку, Ник. С тобой приятно беседовать. Полагаю, тебе об этом уже говорили.

Ник указал в сторону тюрьмы.

– Никуда их не увезут, – вздохнул Соумс. – А если они больны, придется им дожидаться своей очереди в самом конце моего списка.

Они сели на скамейку, выкрашенную в ярко-зеленый цвет, с рекламой местной страховой компании на спинке. Соумс с удовольствием подставил лицо теплему солнышку.

– Озноб и жар, – продолжил он. – С десяти часов прошлого вечера. В последнее время – просто озноб. Слава Богу, хоть без диареи.

Вы должны поехать домой и прилечь, написал Ник.

– Именно так. И поеду. Просто сначала хочу отдохнуть несколько минут... – Его веки сомкнулись, и Ник подумал, что доктор заснул. Задался вопросом, стоит ли ему теперь идти на стоянку грузовиков за завтраком для Билли и Майка.

Затем доктор Соумс заговорил вновь, не открывая глаз. Ник внимательно наблюдал за его губами.

– Симптомы у всех самые обыкновенные. – Он начал перечислять их, распрямляя пальцы, пока все десять не растопырились перед ним, будто веер. – Озноб. Температура. Головная боль. Слабость и ухудшение общего состояния. Потеря аппетита. Болезненное мочеиспускание. Увеличение желез, прогрессирующее. Увеличение лимфатических узлов под мышками и в паху. Дыхательная недостаточность.

Теперь он смотрел на Ника.

– Это симптомы обычной простуды, гриппа, пневмонии. Все это мы умеем лечить, Ник. Если пациент не слишком молод, или не слишком стар, или, возможно, не ослаблен предшествовавшей болезнью, антибиотики безотказно справляются со всеми этими симптомами. Но не в этот раз. Болезнь может протекать быстро или медленно. Похоже, это не имеет значения. Ничего не помогает. Болезнь прогрессирует, отступает, снова прогрессирует, общее состояние ухудшается, лимфатические узлы и железы все увеличиваются, и наконец – смерть. Кто-то допустил ошибку. И они пытаются ее скрыть.

Ник с сомнением смотрел на доктора, не уверенный, что правильно прочитал слова по движениям губ, и думал, не бредит ли тот.

– Похоже на бред параноика, правда? – спросил Соумс, глядя на него с усталой улыбкой. – Я привык к страхам молодого поколения, знаешь ли. Всей этой боязни, будто кто-то подслушивает их телефонные разговоры... идет за ними по улицам... пробивает их по компьютеру... А теперь выясняется, что правы они, а не я. Жизнь – это прекрасно, Ник, но я нахожу, что возраст взимает слишком большую дань с дорогих нам предассудков.

Что вы хотите этим сказать? – написал Ник.

– Ни один телефон в Шойо не работает.

Ник не мог понять, то ли это был ответ на его вопрос (доктор лишь мельком взглянул на последнюю записку Ника), то ли Соумс переключился на какую-то другую тему. Вероятно, температура нарушала целостность мыслительного процесса.

Доктор посмотрел на озадаченное лицо Ника и, похоже, решил, что глухонемой ему просто не поверил.

– Истинная правда, – продолжил он. – Если набрать номер абонента за пределами этого городка, услышишь записанное на пленку сообщение. Кроме того, оба съезда в Шойо и выезда на шоссе перегорожены барьерами, на которых написано: «РЕМОНТ ДОРОГИ». Но никакого ремонта нет. Одни барьеры. Я туда подъезжал. Наверное, можно отодвинуть эти барьеры, но что-то этим утром на трассе слишком мало машин. Причем большинство из них – армейские. Грузовики и джипы.

А другие дороги? – написал Ник.

– Шестьдесят третье шоссе на восточном выезде из города раскопано. Меняют водопропускную трубу, – ответил Соумс. – На западном выезде, похоже, произошла серьезная автомобильная авария. Две машины посреди дороги, и объехать их невозможно. Выставлены дымящиеся садовые грелки, но ни дорожных полицейских, ни ремонтников нет.

Он замолчал, достал платок и высморкался.

– Работа по замене водопропускной трубы продвигается крайне медленно, по словам Джо Рекмана, который живет неподалеку. Я заезжал к Рекманам около двух часов тому назад и осматривал их маленького сына, состояние которого очень тяжелое. Джо говорит, что люди, занятые заменой трубы, на самом деле солдаты, хотя и одеты в форму дорожных рабочих штата и приехали на грузовике, принадлежащем дорожной службе.

Почему он так думает? – написал Ник.

– Рабочие редко отдают друг другу честь. – С этими словами Соумс встал.

Ник поднялся вслед за ним.

Проселочные дороги? – написал он.

– Возможно, – кивнул Соумс. – Но я врач, а не герой. Джо говорит, что видел оружие в кабине грузовика дорожной службы. Армейские карабины. И если кто-то попытается выехать из Шойо по проселочным дорогам, а они тоже охраняются, что из этого выйдет? А что нас ждет за пределами Шойо? Повторяю: кто-то допустил ошибку. И теперь это пытаются скрыть. Безумие. Безумие. Разумеется, такие новости в конце концов выходят из-под контроля, причем быстро. Но сколько людей умрет за это время?

Испуганный Ник только и мог, что смотреть на доктора Соумса, который вернулся к своему автомобилю и медленно сел за руль.

– А ты, Ник? – спросил Соумс, вновь глядя на него через окошко. – Как ты себя чувствуешь? Тебя знобит? Чихаешь? Кашляешь?

Ник покачал головой.

– Попробуешь покинуть город? Я думаю, это можно сделать полями.

Ник снова покачал головой и написал:

Эти люди заперты в камерах. Я не могу их так оставить. Винсент Хоган болен, но двое других, похоже, в норме. Я отнесу им завтрак и пойду проводить миссис Бейкер.

– Чуткий мальчик, – кивнул Соумс. – Это редкость. А еще реже в наш век упадка встречаются молодые люди, готовые взять на себя ответственность. Она оценит твою чуткость, Ник, я знаю. Мистер Брейсман, методистский священник, тоже говорил, что зайдет к миссис Бейкер. Боюсь, до конца дня ему придется посетить много домов. Ты будешь осторожен с теми, кто сидит у тебя под замком, да?

Ник с серьезным лицом кивнул.

– Отлично. Я постараюсь навестить тебя во второй половине дня. – Он включил передачу и уехал, усталый, с покрасневшими глазами, дрожащий от озноба. Ник какое-то время встревоженно смотрел ему вслед, а потом вновь зашагал к стоянке грузовиков. Кафе-закусочная работала, но один из двух поваров отсутствовал и три из четырех официанток не вышли на утреннюю смену. Нику пришлось долго ждать, чтобы получить заказ. Когда он вернулся в тюрьму, Билли и Майк выглядели очень испуганными. Винс Хоган бредил. К шести вечера он был уже мертв.

Глава 19

Ларри давно не бывал на Таймс-сквер и ожидал, что она окажется совсем другой, какой-то волшебной. Что все вокруг уменьшится в размерах, но станет лучше, и ему не придется бояться вони, гама и опасной энергетики этого места, как в детстве, когда он приходил сюда с Бадди Марксом или в одиночку, чтобы посмотреть два фильма за девяносто девять центов и поглазеть на сверкающие вещицы в витринах магазинов, и на галереи игровых автоматов, и на бильярдные.

Но все казалось прежним, и это было странно, потому что некоторые вещи действительно изменились. Исчез газетный киоск, всегда стоявший на выходе из подземки. Галерею игровых – цент за игру – автоматов, с ее мигающими огоньками, колокольчиками и бандитского вида молодыми людьми со свисающей из уголка рта сигаретой, играющими в «Необитаемый остров Готтлиба» или в «Космические гонки», сменил бар «Орандж Джулиус», перед которым тусовались негритянские подростки. Нижние половины их тел пребывали в непрерывном движении, будто где-то играли джайв, услышать который могли только черные уши. Прибавилось массажных салонов и кинотеатров для взрослых.

Однако по большому счету на Таймс-сквер ничего не изменилось, и Ларри от этого стало грустно. А от единственной по-настоящему серьезной перемены настроение его только ухудшилось: теперь он чувствовал себя туристом. Но возможно, даже урожденные ньюйоркцы чувствовали себя туристами на Таймс-сквер, превращались в карликов, которым хотелось задрать голову и читать бегущие электронные строки, кружа и кружа по площади. Ларри не мог сказать, так ли это; он уже забыл, каково оно – ощущать себя частицей Нью-Йорка. И не испытывал особенного желания становиться ею.

В то утро его мать не пошла на работу. Последние два дня она боролась с простудой, а этим утром проснулась с температурой. Лежа на узкой кровати в своей комнате, Ларри слышал, как мать гремит посудой на кухне, чихает и бормочет: «Дерьмо!» – собираясь готовить завтрак. Включился телевизор, новостной блок программы «Сегодня». Попытка переворота в Индии. Взрыв электростанции в Вайоминге. Ожидалось, что Верховный суд примет историческое решение о правах гомосексуалистов.

Когда Ларри вышел на кухню, застегивая рубашку, новости закончились и Джин Шалит брал интервью у лысого мужчины. Лысый показывал стеклянные фигурки животных, которые сам и выдул. Стеклодувное дело, говорил он, является его хобби на протяжении уже сорока лет, а вскоре у него выйдет книга в издательстве «Рэндом-Хаус». Потом лысый чихнул. «Извиняем вас», – откликнулся Джин Шалит и засмеялся.

– Глазунью или болтуню? – спросила Элис Андервуд, одетая в банный халат.

– Болтуню, – ответил Ларри, прекрасно понимая, что нет смысла протестовать против яиц. С точки зрения Элис, завтрак без яиц (или, если мать была в хорошем настроении, «яйгод») не имел права на существование. В них содержались белок и питательные вещества. Что именно подразумевалось под «питательными веществами», Элис не знала – зато точно знала, в каких продуктах они есть. Ларри не сомневался, что она держит в голове полный список, вместе с полным списком продуктов, которые «питательными» считаться никак не могли и к которым относились мармелад, маринованные огурцы, копченые колбаски, пластинки розовой жевательной резинки с фотографиями бейсболистов и, Бог свидетель, многое другое.

Ларри сидел и наблюдал, как она разбивает яйца, выливает их в знакомую ему с детства старую черную сковороду с длинной ручкой и разбалтывает венчиком, который он помнил с первого класса.

Элис вытащила из кармана платок, кашлянула в него, чихнула и едва слышно пробормотала: «Дерьмо!» – прежде чем убрать платок обратно.

– Взяла выходной, мама?

– Позвонила и сказала, что заболела. Эта простуда хочет положить меня на лопатки. Я терпеть не могу отпрашиваться по болезни в пятницу – слишком многие так делают, – но мне надо отлежаться. У меня температура. Да и гланды распухли.

– Ты вызвала врача?

– Когда я работала уборщицей, врачи ходили на вызовы, – ответила она. – Теперь, если заболеешь, надо идти в отделение экстренной помощи при больнице. Или целый день дожидаться, чтобы тебя посмотрел какой-нибудь шарлатан в одном из тех мест, где нам должны обеспечивать – ха-ха! – быстрое медицинское обслуживание. На самом деле – приходишь и ждешь, когда тебя быстро обслужат. В этих местах больше народу, чем в центрах обмена зеленых марок⁴⁷ за неделю до Рождества. Останусь дома и приму аспирин, а завтра уже начну выздоравливать.

Почти все утро он пробыл дома, пытаясь помочь. Перетащил в спальню телевизор, героически напрягая мышцы рук («Ты заработаешь себе грыжу, зато я смогу смотреть “Давай заключим сделку”», – фыркнула она), принес ей сока и пузырек найкуила от простуды, сбегал в магазин за парой романов в бумажной обложке.

После этого им ничего не оставалось, кроме как начать взаимную игру на нервах. Она удивилась, насколько хуже показывает телевизор в спальне, а он едко возразил, что плохое изображение все-таки лучше, чем никакого. Наконец Ларри предположил, что неплохо бы ему побродить по городу.

– Дельная мысль! – В ее голосе слышалось явное облегчение. – А я вздремну. Ты хороший мальчик, Ларри.

Он спустился по узкой лестнице (лифт так и не починили) и вышел на улицу, тоже испытывая облегчение, пусть и одобренное чувством вины. День принадлежал ему, а в кармане оставались кое-какие деньги.

Но на Таймс-сквер настроение у него заметно упало. Он покружил по площади, заранее переложив бумажник в передний карман. Когда Ларри проходил мимо магазина грампластинок, его остановил звук собственного голоса, доносившийся из обшарпанных динамиков над головой:

Я не скажу тебе: «Останься на ночь, детка», —
Я не спрошу, разобралась ли ты в себе.
И ссориться мне ни к чему с тобою, детка,
Один лишь я вопрос хочу задать тебе.
Поймешь ли ты своего парня, детка?
Пойми его, детка...
Поймешь ли ты своего парня, детка?

«Это я», – подумал он, рассеянно разглядывая обложки альбомов, но сегодня звук собственного голоса расстроил Ларри. Хуже того – его потянуло в Калифорнию. Не хотелось больше оставаться под этим серым небом цвета грязной стиральной воды, вдыхать нью-йоркский смог и одной рукой постоянно играть в карманный бильярд с бумажником, проверяя, на месте ли он. О, Нью-Йорк, имя твое – паранойя. Внезапно ему захотелось оказаться в студии на западном побережье, записывать новый альбом...

Ларри ускорил шаг, свернул в галерею игровых автоматов. Его встретили звон колокольчиков и громкое жужжание, рвущий барабанные перепонки рев видеоигры «Смертель-

⁴⁷ Зеленые марки выдавались в виде бонусов к покупкам в торговых сетях, а в центрах обмена на них можно было приобрести товары.

ная гонка-2000», жуткие электронные вопли умирающих пешеходов. «Крутая игра, – подумал Ларри. – Надо бы выпустить и «Дахау-2000». Им понравится». Он подошел к будке кассира и разменял десять долларов на четвертаки. На противоположной стороне улицы, рядом с рестораном «Биф-энд-Брю», нашел работающий телефон-автомат и по памяти набрал номер «Джейнс плейс», покерного клуба, в который иногда заглядывал Уэйн Стьюки.

Ларри просовывал в прорезь четвертаки, пока не заболела рука, а потом, в трех тысячах миль от него, зазвонил телефон.

– «Джейнс». – Трубку сняла женщина. – Мы уже открыты.

– Для всего? – спросил он низким, сексуальным голосом.

– Послушай-ка, умник, это тебе не... Ларри, это ты?

– Он самый. Привет, Арлен.

– Ты где? Тебя все потеряли.

– Ну, я на восточном побережье, – осторожно ответил он. – Один человек подсказал, что ко мне присосались пиявки и надо держаться подальше от пруда, пока они не отвалятся.

– В связи с тем большим загулом?

– Да.

– Я слышала об этом. Ты просадил кучу денег.

– Уэйн у вас, Арлен?

– Ты про Уэйна Стьюки?

– Ну уж не про покойного Джона Уэйна.

– Так ты ни о чем не знаешь?

– Что я должен знать? Я на другом конце Америки. Эй, с ним все в порядке?

– Он в больнице с этим гриппом. У нас его называют «Капитан Торч». И смеяться тут не над чем. Говорят, многие от него умерли. Люди боятся выходить на улицы. У нас сейчас шесть свободных столиков, а ты ведь знаешь, что в «Джейнс» свободных столиков не бывает никогда.

– Как он себя чувствует?

– Кто же знает? Там целые палаты забиты людьми, и к ним не пускают посетителей. Это страшно, Ларри. А вокруг полным-полно солдат.

– В увольнении?

– Солдаты в увольнении не носят с собой оружие и не разъезжают в грузовиках. Многие люди очень напуганы. Тебе повезло, что ты далеко отсюда.

– В новостях ничего об этом не было.

– У нас в газетах тут несколько раз писали о необходимости делать прививки от гриппа, и все. Но кое-кто говорит, что военные не уследили за одной из своих чумных пробирок. Жутко, правда?

– Просто слухи.

– Там, где ты сейчас, ничего такого нет?

– Нет, – ответил он и тут же подумал о простуде своей матери. И обо всех тех людях, что чихали и кашляли в подземке. Он еще, помнится, подумал, что попал в туберкулезную палату. Но ведь в любом большом городе полным-полно кашля, чиха и соплевых носов. «Разносчики простуды такие общительные, – подумал он. – Готовы со всеми поделиться своим богатством».

– Джейни тоже нет, – сообщила ему Арлен. – Говорит, что у нее температура и припухшие железы. Я-то думала, что эту старую шлюху никакая болезнь не возьмет.

– Три минуты истекли, – вмешалась телефонистка. – Дайте знать, когда закончите разговор.

– Ладно, я вернусь через неделю или чуть позже, Арлен. Тогда куда-нибудь сходим.

– Я с удовольствием. Всегда мечтала показаться на людях рядом со знаменитостью.

– Арлен! Ты, случайно, не знаешь парня по имени Дьюи Чек?

– Ой! – вдруг вскрикнула она. – Ой, вау! Ларри!

– Что такое?

– Как хорошо, что ты не повесил трубку! Я ведь виделась с Уэйном, дня за два до того, как он попал в больницу. Совсем об этом забыла! Это ж надо!

– По какому поводу?

– Насчет конверта. Он сказал, что конверт для тебя, но попросил, чтобы я недельку подержала его в сейфе для наличных или отдала тебе, если встречу. Еще он сказал: «Ему чертовски повезло, что Дьюи Чек до него не добрался».

– Что в конверте? – Ларри переложил трубку из одной руки в другую.

– Минутку. Сейчас посмотрю. – Секундная тишина, треск разрываемой бумаги, вновь голос Арлен: – Это чековая книжка. Первый коммерческий калифорнийский банк. На счету... ой! Чуть больше тринадцати тысяч долларов. Если мы куда-нибудь пойдем, а ты заплатишь только за себя, я размозжу тебе голову.

– Думаю, до этого не дойдет. – Ларри улыбался. – Спасибо, Арлен. Подержи ее у себя до моего приезда.

– Нет, выброшу в сточную канаву. Говнюк!

– Это так приятно, когда тебя любят.

Она вздохнула:

– С тобой не соскучишься. Я положу чековую книжку в конверт с нашими именами. Тогда тебе не удастся одурачить меня и забрать все в одиночку.

– Я не собираюсь делать этого.

Он повесил трубку, и тут же послышался голос телефонистки, требующей доплатить «Ма белл» еще три доллара. Ларри, по-прежнему широко улыбаясь, скормил телефону-автомату нужное количество монеток.

Затем посмотрел на мелочь, рассыпанную на полочке под телефоном, взял четвертак и опустил в прорезь. Мгновение спустя телефон зазвонил в квартире его матери. Наш первый импульс – поделиться хорошими новостями, второй – кого-то ими оглушить. Ларри думал – нет, верил, – что руководствуется исключительно первым. Ему хотелось успокоить и себя, и мать новостью о своей новообретенной платежеспособности.

Постепенно улыбка сошла с его губ. Гудки – и ничего больше. Может, в конце концов она решила пойти на работу. Перед мысленным взором Ларри возникло ее покрасневшее от температуры лицо, он вспомнил, как она кашляла, и чихала, и нервно говорила: «Дерьмо!» – в носовой платок. Нет, вряд ли мать в таком виде вышла из дома. Откровенно говоря, он думал, что ей не хватит сил куда-то пойти.

Ларри повесил трубку и машинально достал упавший четвертак из окошечка возврата монет. Он отошел от телефона-автомата, позвякивая мелочью в руке. Заметив такси, вскинул руку. Когда машина тронулась с места, вливаясь в транспортный поток, зарядил мелкий дождь.

Дверь была заперта, и, постучав два или три раза, Ларри убедил себя, что квартира пуста. Он стучал достаточно громко, чтобы этажом выше кто-то стукнул в ответ, будто рассердившийся призрак. Он понимал, что должен войти и убедиться в правильности своего предположения, но ключ с собой не захватил. Уже повернулся, чтобы спуститься вниз, к квартире мистера Фримана, когда услышал за дверью тихий стон.

Хотя дверь квартиры запиралась на три замка, мать никогда не задействовала все сразу, несмотря на свой маниакальный страх перед пуэрториканцами. Ларри сильно толкнул дверь плечом, и она задребезжала в коробке. Второго толчка замок не выдержал. Дверь распахнулась, стукнувшись о стену.

– Мама?

Стон повторился.

В квартире царил полумрак. День внезапно потемнел, слышались раскаты грома, звук дождя усилился. Окно в гостиной было наполовину открыто. Белая занавеска то взлетала над столом, то вырывалась на улицу. На полу образовалась небольшая блестящая лужица.

– Мама, ты где?

Еще один стон, погромче. Он прошел на кухню. Раздался очередной раскат грома. Ларри чуть не споткнулся о тело матери. Она лежала на полу, наполовину в коридоре, наполовину в спальне.

– Мама! Господи, мама!

Она попыталась перевернуться на голос, но двигалась только ее голова. Развернулась на подбородке, улеглась на левую щеку. Элис тяжело дышала, у нее клокотало в горле. Однако больше всего – Ларри помнил это до конца своих дней – его напугал ее правый глаз, покотившийся вверх, чтобы взглянуть на сына, словно глаз борова на бойне. Лицо матери пылало от жара.

– Ларри?

– Я сейчас положу тебя на кровать, мама.

Он наклонился, яростно сжал колени, чтобы подавить начинавшуюся в них дрожь, и поднял ее на руки. Халат распахнулся, открыв полинявшую от стирок ночную рубашку и белые, цвета рыбьего брюха, ноги, испещренные раздутыми варикозными венами. Она вся горела. Ларри перепугался. С такой температурой не живут. Мозги поджариваются прямо в голове.

Словно подтверждая его мысль, она ворчливо произнесла:

– Ларри, сходи за отцом. Он в баре.

– Успокойся, – в смятении пробормотал Ларри. – Просто успокойся и постарайся заснуть, мама.

– Он в баре с этим фотографом! – пронзительно выкрикнула она в густой послеполуденный сумрак, и тут же снаружи злобно ударил гром.

Ларри казалось, что все его тело покрыто медленно сползающей вниз слизью. Прохладный ветер гулял по квартире, залетая в полуоткрытое окно в гостиной. Элис затрясло, ее руки покрылись гусиной кожей. Зубы застучали. В полутьме спальни ее лицо напоминало полную луну. Ларри сдвинул одеяло, уложил мать на кровать и накрыл до подбородка, но ее продолжал бить озноб, такой сильный, что одеяло тоже тряслось. Лицо Элис оставалось сухим, пота не было.

– *Иди и скажи, что я велела ему убираться оттуда!* – закричала она, а потом затихла. В комнате слышалось лишь ее тяжелое, хриплое дыхание.

Ларри вернулся в гостиную, направился к телефонному аппарату, потом обогнул его по широкой дуге. С грохотом закрыл окно и лишь тогда подошел к телефону.

Справочники лежали на нижней полочке маленького телефонного столика. Он нашел номер больницы «Милосердие» и набрал его. Вновь раздался удар грома. Вспышка молнии превратила только что закрытое Ларри окно в сине-белый рентгеновский снимок. Из спальни донесся отчаянный крик матери, от которого у него похолодело внутри.

Один гудок, потом в трубке зажужжало и щелкнуло. Металлический голос четко произнес:

– Вы позвонили в городскую клиническую больницу «Милосердие». В настоящий момент все линии заняты. Не вешайте трубку, вам ответят при первой же возможности. Спасибо. Вы позвонили в городскую клиническую больницу «Милосердие». В настоящий момент все линии заняты. Не вешайте трубку...

– *Мы уберем эти швабры вниз!* – выкрикнула его мать. Прогредел гром. – *Эти пьюэртиканцы ничего не знают!*

– ...вам ответят при первой возможности...

Он швырнул трубку на рычаг. На лбу у Ларри выступил пот. Что это, на хрен, за больница, если тебе приходится слушать записанное на пленку сообщение, когда твоя мать умирает? Что здесь происходит?

Ларри решил спуститься этажом ниже и попросить мистера Фримана посидеть с матерью, пока он сбегает в больницу. Или вызвать частную «скорую»? Господи, как так получается, что никто никогда не знает самых необходимых вещей? Почему этому не учат в школе?

Из спальни доносилось тяжелое дыхание матери.

– Я вернусь, – пробормотал он и направился к двери. Он боялся за нее, но внутренний голос твердил: *Со мной постоянно такое случается, и: Ну почему такое должно было случиться сразу после того, как мне сообщили хорошие новости, и самое мерзкое: Как это помещает моим планам? Что мне придется изменить в своей жизни?*

Он ненавидел этот голос, желал ему смерти, скорейшей и мучительной, однако тот все бубнил и бубнил.

Ларри бросился вниз по лестнице, к квартире мистера Фримана. Вновь загремел гром. Когда он добрался до площадки первого этажа, входная дверь распахнулась и дождь ворвался в подъезд.

Глава 20

Вид из окон «Харборсайда», самого старого отеля Оганквита, перестал быть столь живописным после строительства нового яхт-клуба, но в такие дни, как этот, когда по небу то и дело проплывали грозовые тучи, он, конечно же, впечатлял.

Фрэнни просидела у окна почти три часа, пытаясь написать письмо своей школьной подруге Грейс Дагген, которая теперь училась в Смите⁴⁸. Речь шла не об исповеди с подробными описаниями своей беременности и сцены с матерью – это был верный способ расстроиться еще больше, и она полагала, что Грейс сама скоро все узнает, благо в городе подруг и знакомых у нее хватало. Фрэнни пыталась написать обычное дружеское письмо.

Поездка на велосипедах в Рэнджли в мае, мы с Джесси, Сэм Лотроп и Салли Венселас. Экзамен по биологии, на котором мне крупно повезло. Новая работа Пегги Тейт (другая школьная подруга, общая знакомая), которую взяли на какую-то мелкую должность в аппарате сената. Близящаяся свадьба Эми Лаудер...

Письмо никак не желало писаться. Отчасти из-за небесной пиротехники: как можно писать, когда над водой то и дело сверкают молнии и грохочет гром? Но по большей части из-за того, что всякий раз она утаивала толику правды. Так или иначе уходила в сторону, как нож из-под руки, когда ты надрезаешь кожу на пальце, вместо того чтобы очистить картофелину, как собиралась. Поездка на велосипедах удалась на славу, однако сейчас ее отношения с Джесси оставляли желать лучшего. Ей действительно повезло на экзамене по биологии – но было ли оно столь важным, это везение? И ни Фрэнни, ни Грейс никогда всерьез не интересовала карьера Пегги Тейт, а новость о предстоящей свадьбе Эми Лаудер, учитывая теперешнее состояние Фрэн, скорее выглядела как одна из этих отвратительно тупых шуток, а не повод для радости. «Эми выходит замуж, а я беременна, ха-ха-ха».

Чувствуя, что письмо надо заканчивать хотя бы потому, что она больше не могла с ним бороться, Фрэн написала:

У меня самой появились проблемы, и еще какие, но рука не поднимается о них написать. Даже думать о них – удовольствие маленькое! Однако четвертого я рассчитываю тебя увидеть, если только ты не изменила свои планы после последнего письма. (Всего одно письмо за шесть недель? Я уже начала думать, что кто-то отрубил тебе пальчики, детка.) Когда увидимся, я тебе все расскажу. Мне наверняка понадобится твой совет.

Верь в меня, а я буду верить в тебя.

Фрэн.

Она, как обычно, подписалась броско и весело, роспись заняла чуть ли не половину оставшегося места. Только от этого Фрэн еще сильнее почувствовала себя самозванкой. Сложив лист, она сунула его в конверт, написала адрес и прислонила к зеркалу. Готово.

Вот. И что теперь?

Небо снова темнело. Она встала и начала ходить по комнате, думая о том, что надо уйти, прежде чем опять польет дождь. Но куда? В кино? Единственный фильм, который шел в городе, она уже видела. С Джесси. Поехать в Портленд и походить по магазинам? Нет смысла. В ближайшее время ей понадобится одежда только одного фасона – с эластичным поясом. Чтобы хватило места на двоих.

⁴⁸ Имеется в виду колледж Софии Смит – одно из самых престижных частных учебных заведений в штате Массачусетс.

В этот день ей позвонили трижды. Первый звонок принес хорошие новости, второй – никаких, третий – плохие. Она бы предпочла обратный порядок. Начался дождь, пирс вновь потемнел. Фрэн решила выйти погулять, и плевать она хотела на ливень. Свежий воздух, летняя сырость могли поднять настроение. Она могла даже куда-нибудь заглянуть и выпить стакан пива. Счастье в бутылке. Или хотя бы спокойствие.

Первой ей позвонила Дебби Смит из Самерсуорта. «Мы очень ждем тебя! – Голос Дебби звучал тепло и искренне. – Более того, ты нам нужна. – И действительно, одна из девушек – они втроем снимали квартиру – съехала в мае, устроившись секретарем в оптовую фирму. Теперь Дебби и Рода с трудом платили за аренду. – И мы обе выросли в больших семьях. Так что плачущие дети нам не в диковинку».

Фрэн ответила, что придет первого июля. Положив трубку, она обнаружила, что по щекам у нее текут теплые слезы. Слезы облегчения. Она подумала, что с ней все будет в порядке, если она сможет уехать из этого города, где выросла. Подальше от матери и даже от отца. Сам факт, что у нее ребенок и она мать-одиночка, привнесет смысл в ее жизнь. Важная причина, само собой, но не единственная. Фрэн вроде бы припоминала, что есть какое-то животное, или букашка, или лягушка, которая при появлении угрозы раздувается, в два раза увеличиваясь в размерах. Хищник, во всяком случае, в теории, пугается и убегает. Она ощущала себя маленькой, как та букашка, и именно город, окружающая среда (гештальт⁴⁹ – вот еще более подходящее слово) принуждали ее ощущать себя таковой. Она знала, что никто не заставит ее носить алую букву, но знала и другое: чтобы рассудок убедил в этом чувства, необходимо порвать с Оганквитом. Находясь на улице, она ощущала присутствие людей, еще не смотрящих на нее, но *готовящихся* посмотреть. Разумеется, постоянных жителей, а не тех, кто приезжал на лето. Постоянные жители всегда находили на кого посмотреть: на пьяницу, не получающего пособие, на юношу из хорошей семьи, который попался в Портленде или в Олд-Орчард-Бич на мелкой краже... или на девушку с растущим животом.

Вторым позвонил Джесси Райдер. Из Портленда. Сначала набрал ее домашний номер. К счастью, попал на Питера, который без лишних слов объяснил, как позвонить ей в «Харбор-сайд».

Тем не менее начал Джесси с вопроса:

– Похоже, у тебя дома напряженка, да?

– Ну, слегка, – осторожно ответила она, не желая посвящать его в подробности. Иначе получилось бы, что они в каком-то смысле заговорщики.

– Твоя мать?

– Почему ты так думаешь?

– Она похожа на женщину, способную взбеситься. Что-то такое в ее глазах, Фрэнни. Мол, если ты пристрелишь моих священных коров, я пристрелю твоих.

Фрэнни промолчала.

– Извини, я не хотел тебя обидеть.

– Ты и не обидел, – сказала она. Он дал точное определение – пусть и внешне, – но Фрэнни удивило слово «обидеть». Она не ожидала, что услышит его от Джесси. «Наверное, это некая аксиома, – подумала она. – Когда твой любовник начинает бояться «обидеть» тебя, он перестает быть твоим любовником».

– Фрэнни, предложение по-прежнему в силе. Если ты скажешь «да», я куплю пару колец и приеду после полудня.

На своем велике, подумала она и едва не захихикала. Это было бы ужасным, совершенно ненужным оскорблением, и Фрэнни на секунду прикрыла трубку рукой, чтобы убедиться, что

⁴⁹ Гештальт (психол.) – обобщенный чувственный образ, целостная форма.

с губ не сорвется ни звука. За последние шесть дней она плакала и хихикала больше, чем за все годы с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать и она начала ходить на свидания.

– Нет, Джесс, – ответила она вполне спокойно.

– Я хочу этого! – яростно воскликнул он, словно увидев, как она борется со смехом.

– Знаю, но я не готова к замужеству. Речь только обо мне, Джесс, к тебе это не относится.

– Что ты решила насчет ребенка?

– Буду рожать.

– И откажешься от него?

– Пока не знаю.

Какое-то время он молчал, и она слышала другие голоса в других комнатах. Наверное, у всех были свои проблемы. Мир – это сиюминутная драма, крошка. Мы любим наши жизни, поэтому высматриваем указующий луч в поисках завтрашнего дня.

– Я думаю о ребенке, – прервал затянувшуюся паузу Джесси. Она сомневалась, что это правда, но только упоминание ребенка могло пробить брешь в ее обороне. И пробило.

– Джесс...

– Ну и что мы будем делать? – резко спросил он. – Не можешь же ты оставаться в «Харборсайде» все лето. Если тебе нужно жилье, я могу поискать в Портленде.

– Я нашла себе жилье.

– Где? Или я не должен об этом спрашивать?

– Не должен! – ответила она – и прикусила язык за то, что не нашлась с более дипломатичным ответом.

– О... – произнес он на удивление бесстрастным голосом. Потом осторожно поинтересовался: – Могу я кое-что спросить, не разозлив тебя, Фрэнни? Потому что я действительно хочу знать. Это не риторический вопрос или что-то вроде.

– Спросить ты можешь, – устало согласилась она. Мысленно настраивая себя, убеждая не злиться, потому что за таким предисловием у Джесси обычно следовало какое-нибудь отвратительное и совершенно неожиданное для нее шовинистическое продолжение.

– Во всем этом у меня есть какие-то права? – спросил Джесс. – Разве я не могу разделять ответственность и решение?

На мгновение она таки разозлилась, но это чувство тут же ушло. Джесс всего лишь оставался Джессом, пытался защитить свой образ, который сам для себя и создал, как поступают все мыслящие люди, чтобы спокойно спать по ночам. Он всегда нравился ей, в том числе и благодаря своему уму, но в сложившейся ситуации ум только навевал скуку. Таких людей, как Джесс – и как она сама, – всю жизнь учили, что принимать решения и действовать – это правильно. Иной раз ты мог причинить себе вред – и немалый, – только чтобы выяснить, что следовало лежать в высокой траве и не дергаться. Джесс расставлял сети из добрых побуждений, но они оставались сетями. Он не желал отпускать ее.

– Джесси, никто из нас не хотел этого ребенка. Противозачаточные таблетки и предназначались для того, чтобы ребенка не было. Никакой ответственности ты не несешь.

– Но...

– Нет, Джесс! – отрезала она.

Он вздохнул.

– Ты свяжешься со мной, когда устроишься на новом месте?

– Думаю, да.

– Ты по-прежнему собираешься продолжить учебу?

– Со временем. Осенний семестр пропущу. Может, сдам какие-нибудь предметы.

– Если я буду тебе нужен, Фрэнни, ты знаешь, где меня найти. Я не сбегу.

– Это я знаю, Джесс.

– Если тебе понадобятся деньги...

- Да.
- Свяжись со мной. Я не настаиваю, но... Мне захочется повидаться с тобой.
- Хорошо, Джесс.
- Пока, Фрэн.
- Пока.

Когда она положила трубку, у нее возникло ощущение, что осталась какая-то недоговоренность. И она поняла почему. Заканчивая разговор, они – впервые – не сказали друг другу: «Я люблю тебя». Ей стало грустно, и она ничего не могла с этим поделать.

Последним, около полудня, позвонил отец. Позавчера они вместе позавтракали, и он сказал ей, что тревожится из-за Карлы. Она не легла спать прошлой ночью: провела ее в гостиной, сосредоточенно изучая старые генеалогические записи. Около половины двенадцатого он зашел к ней и спросил, когда она поднимется наверх. Карла распустила волосы, и они падали ей на плечи и на лиф ночной рубашки. По словам Питера, она выглядела безумной, плохо соображающей, где находится и что делает. Тяжелый альбом лежал у нее на коленях, и она даже не посмотрела на мужа, продолжая перелистывать страницы. Ответила, что ей не спится. И поднимется позже. Она простыла, сказал Питер Фрэнни, когда они сидели в кабинке «Корнер ленч» и играли в гляделки с гамбургерами. У нее лило из носа. Когда он спросил ее, не выпьет ли она стакан горячего молока, Карла вообще не ответила. Наутро он обнаружил ее спящей в кресле с альбомом на коленях.

Проснувшись, она выглядела лучше и, похоже, немного пришла в себя, но простуда усилилась. Карла не захотела вызывать доктора Эдмонта, сказав, что у нее всего лишь бронхит. Она уже сделала себе грудной компресс и утверждала, что чувствует, как очищаются дыхательные пути. Но Питеру не понравилось, как она выглядела, о чем он и сказал Фрэнни. И хотя Карла отказалась померить температуру, он думал, что у нее жар.

В этот день Питер позвонил, когда началась первая гроза. Облака, лиловые и черные, молчаливо собирались над бухтой, начался дождь, сначала слабый, затем перешедший в ливень. Пока они разговаривали, Фрэнни стояла у окна и видела, как молнии вонзались в воду за волноломом. При этом в трубке каждый раз раздавался легкий треск, словно иглока проигрывателя вгрызалась в пластинку.

– Сегодня она лежит в постели, – сообщил Питер. – В конце концов согласилась, чтобы Том Эдмонтон осмотрел ее. Он думает, у нее грипп.

– О Боже! – Фрэнни закрыла глаза. – В ее возрасте это не шутка.

– Это точно. – Питер помолчал. – Я рассказал ему все, Фрэнни. О ребенке, о твоей ссоре с Карлой. Том лечил тебя с младенчества, и он будет держать язык за зубами. Я хотел знать, могли ли эти волнения стать причиной болезни Карлы. Он ответил, что нет. Грипп есть грипп.

– Грипп сделал кого, – пробормотала Фрэн.

– Не понял.

– Не важно. – Хотя ее отец и отличался широтой кругозора, он не относился к поклонникам творчества группы «Эй-си Диси». – Продолжай.

– Пожалуй, это все, цыпленок. Он говорит, что больных много. Какой-то особенно мерзкий вирус. Похоже, пришел с юга. Эпидемия уже охватила Нью-Йорк.

– Но проспать в гостиной всю ночь... – В голосе Фрэнни слышалось сомнение.

– Если на то пошло, доктор говорит, что сидячее положение лучше и для легких, и для бронхов. Больше он ничего не сказал, но Алберта Эдмонтон участвует в тех же общественных организациях, что и Карла, поэтому молчание получилось вполне красноречивым. И он, и я знаем, что она сама на это нарывалась, Фрэн. Она президент Городского исторического комитета, она проводит в библиотеке двадцать часов в неделю, она секретарь Женского клуба и

Читательского клуба, она возглавила городское отделение «Марша десятицентовиков»⁵⁰ еще до смерти Фреда. Прошлой зимой она взвалила на себя еще и Фонд болезней сердца. И, ко всему прочему, пыталась активизировать интерес к работе Генеалогического общества южного Мэна. Она просто вымоталась. Отчасти потому и набросилась на тебя. Эдмонтон сказал лишь, что для таких вирусов более благодатной почвы, чем она, просто не найти. И мне этих слов вполне достаточно. Она стареет, Фрэнни, но не хочет этого признавать. Она работала больше, чем я.

– Как она сейчас, папочка?

– Она в кровати, пьет сок и принимает таблетки, которые прописал Том. Я взял отгул, а завтра придет миссис Холлидей и посидит с ней. Она хочет, чтобы пришла именно миссис Холлидей, потому что они тогда смогут поработать над повесткой июльского заседания Исторического общества. – Он вздохнул, а в трубке вновь проскрежетала молния. – Я иногда думаю, что ей хочется умереть в упряжке.

– Как ты думаешь, не будет ли она возражать, если...

– В данный момент – будет. Но дай ей время, Фрэн. Все образуется.

Теперь, четырьмя часами позже, повязывая на голову непромокаемую косынку, Фрэнни в этом усомнилась. Может быть, если она откажется от ребенка, никто в городе никогда об этом не узнает. Впрочем, маловероятно. В маленьких городах у людей обычно удивительно острый нюх. А если она оставит ребенка... но всерьез она об этом не думала. Ведь так?

Накидывая на себя легкое пальто, она ощущала, как в ней разрастается чувство вины. В последние дни перед ссорой мать выглядела очень измотанной, это точно. Фрэн это заметила, когда приехала домой из колледжа и они поцеловали друг друга в щечку. Темные мешки под глазами, слишком желтая кожа. И седина в, как обычно, аккуратно уложенных волосах стала еще заметнее, хотя мать регулярно красилась в парикмахерской за тридцать долларов. И все же...

Она вела себя как истеричка, полная истеричка. И Фрэнни оставалось лишь спрашивать себя, сколь велика будет ее вина, если грипп матери перейдет в пневмонию или выяснится, что у нее был нервный срыв. А вдруг она умрет? Господи, какая ужасная мысль! Этого не будет. Этого не будет, Господи, нет, разумеется, нет. Таблетки, которые она принимала, конечно же, справятся с болезнью, и, когда Фрэнни уедет из города и будет тихонько вынашивать своего маленького незнакомца в Самерсуорте, мать придет в себя от полученного удара. Она...

Зазвонил телефон.

Мгновение Фрэнни с отсутствующим видом смотрела на него. За окном еще яростнее сверкнула молния, и почти сразу же раздался оглушительный раскат грома, заставивший девушку подскочить на месте.

Дзынь, дзынь, дзынь.

Но ей уже позвонили трижды, кому еще она могла понадобиться? Дебби перезванивать бы не стала, Джесс скорее всего тоже. Может, из программы «Доллары за звонок»? Или ей хотят предложить приобрести посуду «Саладмастер»? А может, все-таки Джесс, решивший предпринять вторую попытку?

Но, направляясь к телефонному аппарату, Фрэнни уже чувствовала, что звонит отец, и ничего хорошего он ей не скажет. «Это пирог, – сказала она себе. – Ответственность – это пирог. Часть ее снимается всей этой благотворительностью, но ты просто дурачишь себя, если думаешь, что тебе не достанется большого, сочного, горького куска. Который придется съесть до последней крошки».

– Аллю?

⁵⁰ «Марш десятицентовиков» – благотворительная организация, созданная в 1938 г. президентом Рузвельтом для сбора средств на борьбу с полиомиелитом.

Мгновение в трубке было тихо, и ей пришлось повторить:

– Алло?

– Фрэн? – ответил ее отец, и в трубке раздался странный, булькающий звук. – Фрэнни? – Звук повторился, и она с возрастающим ужасом поняла, что он борется со слезами. Одна ее рука поднялась к шее и ухватилась за узел повязанной на голову непромокаемой косынки.

– Папочка? Что случилось? Что-то с мамой?

– Фрэнни, я должен заехать за тобой. Я... просто заеду за тобой и заберу тебя. Вот что я сделаю.

– С мамой все в порядке? – закричала она в трубку. Над «Харборсайдом» снова прогрехотал гром, испугав ее, и она начала плакать. – Скажи мне, папочка!

– Ей стало хуже – вот все, что я знаю, – ответил Питер. – Через час после нашего с тобой разговора ей стало хуже. Поднялась температура. Она начала бредить. Я попытался разыскать Тома... Рейчел сказала мне, что его нет, а многие очень тяжело больны... Тогда я позвонил в Сэнфордскую больницу, и они сказали, что их «скорые» на вызовах, обе, но они занесут Карлу в список. *Список*, Фрэнни, откуда, черт возьми, вдруг взялся *список*? Я знаю Джима Уэррингтона, он шофер одной из сэнфордских «скорых», целыми днями сидит и играет в кункен, если только на Девяносто пятой не происходит авария. Что это за *список*? – Отец почти кричал.

– Успокойся, папочка. Успокойся. Успокойся. – Фрэнни снова разрыдалась, ее рука оставила в покое узел и поднялась к глазам. – Если она дома, ты лучше сам отвези ее в больницу.

– Нет... нет, они забрали ее пятнадцать минут назад. Боже мой, Фрэнни, в кузове было еще *шесть человек*. В том числе Уилл Ронсон, владелец аптеки. А Карла... твоя мать... немного пришла в себя, когда ее заносили в «скорую», и повторяла без конца: «Я не могу дышать, Питер, я не могу дышать, почему я не могу дышать?» Ох, Господи! – закончил он ломающимся, почти детским, пугающим голосом.

– Ты можешь приехать, папочка? Ты можешь приехать сюда?

– Да, – ответил он. – Конечно. – Похоже, отец пытался взять себя в руки.

– Я буду у парадного подъезда.

Она положила трубку и быстро сбежала вниз на подгибающихся ногах. На крыльце увидела, что дождь еще идет, но облака уже рвутся, и в разрывы проглядывает послеполуденное солнце. Автоматически поискала радугу – и нашла, далеко над водой, подернутый туманом мистический серп. Чувство вины не отпускало, в животе, где находилось другое существо, что-то трепыхалось, и Фрэн снова заплакала.

«Ешь свой пирог, – повторяла она, дожидаясь отца. – Вкус у него ужасный, так что давай ешь. Возьми второй кусок. И третий. Ешь свой пирог, Фрэнни, до последней крошки».

Глава 21

Стью Редмана не отпускал страх.

Он смотрел в зарешеченное окно своей новой палаты в Стовингтоне, штат Вермонт, и видел небольшой городок далеко внизу: миниатюрные указатели заправочной станции, какую-то фабрику, главную улицу, реку, шоссе и, по ту сторону шоссе, гранитный хребет западной части Новой Англии, Зеленые горы.

Он боялся, потому что его новое жилище скорее походило на тюремную камеру, а не на больничную палату. Он боялся, потому что Деннинджер исчез. Он не видел Деннинджера с тех пор, как весь этот безумный цирк переехал из Атланты сюда. Дитц тоже исчез. Стью предполагал, что Деннинджер и Дитц, возможно, заболели или даже уже умерли.

Кто-то допустил ошибку. А может быть, болезнь, которую принес в Арнетт Чарльз Д. Кэмпбелл, оказалась куда более заразной, чем кто-либо мог предположить. Так или иначе, в Противозидемическом центре Атланты болезнь не удалось удержать в герметичных палатах-боксах, и Стью думал, что всем, кто там работал, представилась возможность изучить на себе воздействие вируса, который они называли «А-прайм», или «супергрипп».

Ему все еще делали анализы, но как-то бессистемно. Расписание не соблюдалось. Результаты записывались, и Стью подозревал, что после беглого просмотра их отправляли в ближайшую машину для уничтожения документов.

Но самое худшее заключалось не в этом. Оружие, вот что было хуже всего. Медсестер, приходивших взять у него кровь, слюну или мочу, теперь всякий раз сопровождал солдат в белом защитном костюме и с армейским пистолетом сорок пятого калибра в полиэтиленовом мешке. Мешок надевался поверх правой перчатки, и горловина обтягивала запястье. Стью не сомневался, что, попытайся он вести себя как с Дитцем, мешок превратится в дымящиеся ошметки, а сам он отправится к праотцам.

Если теперь они и продолжали выполнять полученные указания, он перестал быть незаменимым. Сидеть под замком – плохо само по себе. Сидеть под замком, не будучи незаменимым, – совсем паршиво.

Каждый вечер он внимательно смотрел шестичасовой выпуск новостей. Людей, попытавшихся свергнуть законную власть в Индии, объявили иностранными шпионами и расстреляли. Полиция все еще разыскивала человека или группу людей, днем ранее взорвавших электростанцию в Ларами, штат Вайоминг. Верховный суд – шестью голосами против трех – принял решение о том, что сотрудники, открыто заявляющие о своей гомосексуальности, не могут быть уволены с гражданской службы. Но сегодня – впервые – в эфир просочилась другая информация.

Официальные представители Комиссии по атомной энергии в округе Миллер, штат Арканзас, заявляли, что никакой аварии не было. На атомной электростанции в небольшом городке Фуке, расположенном примерно в тридцати милях от границы Техаса, отмечены лишь незначительные неполадки в системе охлаждения реактора, которые не дают поводов для беспокойства. Армейские подразделения размещены в этом районе исключительно в целях предосторожности. Стью удивился, какие меры предосторожности сможет принять армия, если с реактором в Фуке произойдет то же, что в фильме «Китайский синдром». И подумал, что солдат, возможно, перебросили в юго-восточный Арканзас совсем по другой причине. Фуке находился не так далеко от Арнетта.

Еще в одном сообщении говорилось о том, что эпидемия гриппа на восточном побережье находится на самой ранней стадии. Из-за штамма «русский» волноваться не стоит, разве что очень старым и совсем юным жителям. Усталый нью-йоркский врач давал интервью в коридоре Бруклинской больницы «Милосердие». Он отметил, что болезнь протекает особенно тяжело

для штамма «русский-А», и призвал зрителей делать прививки от гриппа. Потом вдруг начал говорить что-то еще, но звук вырубил, оставив только двигающиеся губы. Тут же камеру переключили на студию. «Поступают сообщения о ньюйоркцах, которые умерли от нового штамма гриппа, – сообщил ведущий, – однако тут могли сыграть свою роль сопутствующие факторы, в частности, загрязнение окружающей среды и даже вирус СПИДа, обнаруженный у многих умерших. Правительственные чиновники, ведающие вопросами здравоохранения, подчеркивают, что штамм «русский-А» не опаснее свиного гриппа. Как известно, новое – это хорошо забытое старое, вот и врачи рекомендуют соблюдать постельный режим, больше отдыхать, пить много жидкости и принимать аспирин, чтобы сбить температуру».

Ведущий успокаивающе улыбнулся... и за пределами кадра кто-то чихнул.

Солнце коснулось горизонта, окрасило его в золото, чтобы он вскоре стал сначала красным, а затем блекло-оранжевым. Особенно не по себе Стью было по ночам. Его перевезли в незнакомую ему часть страны, и в темноте она выглядела совсем чужой. Для столь раннего лета количество зелени за окном казалось чрезмерным, избыточным, даже пугающим. У него не осталось друзей – насколько он знал, все, кто летел с ним из Брейнтри в Атланту, уже умерли. Его окружили дуболомами, которые брали у него кровь на анализ под дулом пистолета. Он опасался за свою жизнь, хотя по-прежнему чувствовал себя хорошо и начал верить, что уже не заразится *этим*, чем бы *оно* ни было.

И Стью задавался вопросом, как отсюда сбежать.

Глава 22

Придя двадцать четвертого июня на работу, Крайтон увидел, что Старки стоит перед мониторами, заложив руки за спину. На правой блестел перстень выпускника Вест-Пойнта, и Крайтон почувствовал прилив жалости к старику. Старки уже десять дней сидел на таблетках, и до неизбежной катастрофы было рукой подать. Но, подумал Крайтон, если его подозрения насчет телефонного звонка небеспочвенны, катастрофа уже произошла.

– Лен? – Старки как будто удивился его появлению. – Спасибо, что зашел.

– De nada⁵¹, – слегка улыбнулся Крайтон.

– Знаешь, кто звонил?

– Неужто он?

– Да, сам президент. Меня отправили в отставку. Паршивый правитель отправил меня в отставку, Лен. Конечно, я знал, что это может случиться, но все равно неприятно. Чертовски неприятно. Неприятно услышать это из уст ухмыляющегося, пожимающего руки мешка с дерьмом.

Лен Крайтон кивнул.

– Что ж, – Старки провел рукой по лицу, – вопрос решен. Обратного хода нет. Теперь командуешь ты. Он хочет, чтобы ты немедленно прибыл в Вашингтон. Он вызовет тебя на ковер и будет зубами рвать тебе задницу, а ты будешь просто стоять там, поддакивать и принимать все как должное. Мы спасли все, что могли. Этого достаточно. Я убежден, что этого достаточно.

– Если так, страна должна встать перед тобой на колени.

– Дроссель жег мне руку, но я... я держал его, пока мог, Лен. Я держал его. – Он говорил со спокойной яростью, но его глаза вновь обратились к монитору, и на секунду губы дрогнули. – Я бы не справился без тебя.

– Да уж... мы прошли вместе немалый путь, Билли, это точно.

– Ты совершенно прав, солдат. Теперь слушай. Сейчас это вопрос первостепенной важности. Ты должен встретиться с Джеком Кливлендом, при первой представившейся возможности. Он знает, кто у нас сидит за двумя занавесами – железным и бамбуковым. Он знает, как с ними связаться, и его не отпугнет то, что необходимо сделать. И он поймет, что действовать нужно быстро.

– О чем ты, Билли?

– Мы должны предполагать худшее. – Лицо Старки исказила странная улыбка. Верхняя губа приподнялась и сморщилась, как у собаки, охраняющей скотный двор. Он указал пальцем на лежащие на столе желтые листы: – Эта дрянь вышла из-под контроля. Она появилась в Орегоне, Небраске, Луизиане, Флориде. Есть заболевшие в Мексике и Чили. Потеряв Атланту, мы лишились трех человек, наиболее подготовленных для решения этой проблемы. С мистером Стюартом Редманом, Принцем, мы ровным счетом ничего не добились. Тебе известно, что ему вкололи вирус «Синева»? Он думал, что это успокоительное. Он расправился с ним, и никто не имеет ни малейшего понятия как. Будь у нас шесть недель, возможно, мы смогли бы раскусить этот орешек. Вот только у нас их нет. Легенда о гриппе хороша, лучше не придумашь, но необходимо – абсолютно необходимо! – чтобы у той стороны и мысли не возникло, будто эта ситуация искусственно создана Америкой. Иначе у них могут появиться ненужные идеи.

У Кливленда есть восемь – двадцать мужчин и женщин в СССР и по пять – десять в каждой из стран Восточного блока. А сколько у него агентов в Красном Китае, даже мне неве-

⁵¹ Не за что (*исп.*).

домо. – Губы Старки снова задрожали. – Когда встретишься сегодня с Кливлендом, скажи ему: «Рим гибнет». Не забудешь?

– Нет. – Лен вдруг почувствовал, что у него похолодели губы. – Но ты уверен, что они действительно сделают это? Эти мужчины и женщины?

– Они получили ампулы неделю назад. Они считают, что там находятся радиоактивные вещества, местоположение которых будет фиксироваться нашими спутниками-шпионами. Больше им знать не следует, верно, Лен?

– Верно, Билли.

– И если положение дел изменится от плохого... к худшему, никто никогда ничего не узнает. Мы уверены, что проект «Синева» оставался секретом до самого конца. Новый вирус, мутация... наши противники могут что-то подозревать, а вот разобраться у них времени не хватит. Всем достанется поровну, Лен.

– Да.

Старки вновь смотрел на мониторы.

– Моя дочь несколько лет назад подарила мне сборник стихотворений. Некого Ейтса. Сказала, что каждый военный должен прочитать Ейтса. Думаю, это была шутка. Ты когда-нибудь слышал о Ейтсе, Лен?

– По-моему, да, – ответил Крайтон, обдумав и отвергнув мысль о том, чтобы сказать Старки, что фамилия этого поэта произносится как Йитс.

– Я прочитал каждую строчку. – Старки всматривался в вечную тишину столовой. – Главным образом потому, что она не сомневалась в обратном. Это ошибка – предугадывать поведение другого человека. Понял не слишком много – я уверен, поэт был безумцем, – однако прочитал все. Странная поэзия. Не всегда в рифму. Но одно стихотворение накрепко засело у меня в голове. Словно этот человек описывал все то, чему я посвятил свою жизнь. Он сказал, что все рушится. Что основа распалась. Я думаю, он имел в виду, что все рассыпается. Ейтс знал, что со временем по краям все рассыпается, это-то он точно знал.

– Да, сэр, – согласился Крайтон.

– Когда я впервые прочитал последние строки этого стихотворения, у меня по коже побежали мурашки. И так повторяется всякий раз, когда я его перечитываю. Я помню их наизусть. «И что за чудище, дождавшись часа, ползет, чтоб вновь родиться в Вифлееме?»⁵²

Крайтон молчал. Что он мог на это сказать?

– Чудище уже в пути. – Старки обернулся. Он плакал и улыбался. – Оно уже в пути, и гораздо более дикое, чем мог предположить этот Ейтс. Все рушится. Наша задача – продержаться как можно дольше, насколько это возможно.

– Да, сэр, – кивнул Крайтон и впервые почувствовал, что слезы жгут глаза. – Да, Билли.

Старки протянул руку, и Крайтон сжал ее обеими своими. Старую и холодную, похожую на сброшенную кожу змеи, в которой умерла какая-то маленькая степная зверушка, оставив хрупкий скелет в оболочке рептилии. Слезы перелились через нижние веки Старки и потекли по тщательно выбритым щекам.

– У меня есть еще одно дело, – добавил он.

– Да, сэр.

Старки снял с правой руки вест-пойнтовский перстень, а с левой – обручальное кольцо.

– Это для Синти. – Он протянул их Крайтону. – Для моей дочери. Передай ей.

– Обязательно.

Старки направился к двери.

– Билли! – окликнул Лен Крайтон.

Он обернулся.

⁵² Стихотворение «Второе пришествие» У. Б. Йитса (1865–1939).

Крайтон стоял по стойке «смирно», и слезы все еще текли у него по щекам. Он отдал честь.

Старки ответил тем же и вышел за дверь.

* * *

Лифт мерно гудел, отсчитывая этажи. Когда Старки воспользовался специальным ключом, чтобы открыть двери поднявшейся на самый верх кабины и выйти в гараж, сработал сигнал тревоги – печальный звон, словно знающий, что предупреждение уже не поможет и все потеряно. Старки представил себе Лена Крайтона, наблюдающего по многочисленным мониторам, как он выбирает джип, потом едет по раскинувшемуся в пустыне полигону, минует ворота с надписью: «ОСОБО ОХРАНЯЕМАЯ ЗОНА. ВХОД БЕЗ СПЕЦИАЛЬНОГО ДОПУСКА ЗАПРЕЩЕН». Будки охранников напоминали кабинки кассиров при въезде на платную дорогу. За желтоватым стеклом по-прежнему виднелись солдаты, мертвые, быстро превращающиеся в мумии в сухой жаре пустыни. Будки предохраняли от пуль, но не от вирусов. Остекленевшие и провалившиеся глаза безучастно смотрели на Старки, когда он проезжал мимо; во всем лабиринте грунтовых дорог, связывавших многочисленные ангары из гофрированного железа и низкие здания из шлакоблоков, двигался только его джип.

Старки остановился около приземистого здания с надписью на двери: «ВХОД ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПО ДОПУСКУ А-1-А». Воспользовался одним ключом, чтобы открыть дверь, другим – чтобы вызвать лифт. Охранник, без признаков жизни, застывший, как кочерга, смотрел на него из-за стекла контрольно-пропускного пункта, расположенного слева от лифта. Когда разошлись двери прибывшей кабины, Старки быстро вошел в нее. Он словно чувствовал на себе взгляд мертвого охранника, глаза которого напоминали два тусклых камушка.

Кабина пошла вниз так быстро, что у Старки бултыхнулся желудок. Перед остановкой мелодично звякнул колокольчик. Двери разошлись, и на него, как мягкая оплеуха, обрушился сладкий запах разложения. Не очень сильный, потому что очистители воздуха продолжали работать, но они не справлялись. «Когда человек умирает, он хочет, чтобы об этом знали», – подумал Старки.

С десятков тел распростерлось перед лифтом. Старки лавировал между ними, не желая наступить на разлагающуюся восковую руку или споткнуться о вытянутую ногу. От такого контакта он мог непроизвольно вскрикнуть, а этого ему определенно не хотелось. Кто захочет кричать в могиле, где звук собственного голоса может свести с ума? Ведь именно в могиле он и находился. В напоминающей лабораторию хорошо финансируемого научно-исследовательского проекта могиле.

Двери лифта сомкнулись за его спиной, послышалось гудение – кабина автоматически пошла вверх. И не спустилась бы снова, Старки это знал, пока кто-либо не вызвал бы ее специальным ключом. Как только в подземной лаборатории произошла утечка опасной субстанции, компьютеры ввели в действие программу локализации и переключили лифты на аварийный режим работы. Почему эти бедные мужчины и женщины лежали здесь? Очевидно, надеялись, что компьютеры напортачат, вводя меры повышенной безопасности. Отчего бы и нет? В этом даже просматривалась определенная логика. Ведь напортачили же все, кто только мог.

Старки двинулся к столовой, его шаги гулко разносились по коридору. Потолочные флуоресцентные лампы, укрытые похожими на ванночки для льда плафонами, заливали коридор ярким, не дающим теней светом. Здесь тоже лежали тела. Мужчина и женщина, голые, с дырами в голове. «Они трахались, – подумал Старки, – а потом он застрелил ее и застрелился сам». Любовь среди вирусов. Мужчина сжимал в руке пистолет, армейский, сорок пятого калибра. Плитки пола пятнала кровь и серое вещество, напоминающее овсяную кашу. Старки

почувствовал ужасное, но, к счастью, мимолетное желание наклониться и потрогать груди мертвой женщины, чтобы понять, упругие они или дряблые.

Дальше по коридору сидел мужчина, привалившись спиной к закрытой двери. На шее, как медальон, висела на шнурке от ботинка записка. Подбородок мертвеца упал на грудь, и голова закрывала написанное. Старки подsunул пальцы под подбородок мужчины и приподнял его. При этом глазные яблоки, чавкнув, укатились в голову. Слова были написаны красным маркером. «ТЕПЕРЬ ВЫ ЗНАЕТЕ: ЭТО РАБОТАЕТ, – гласила записка. – ЕСТЬ ВОПРОСЫ?»

Он отпустил подбородок. Голова так и осталась приподнятой, темные глазницы смотрели вверх. Старки отступил на шаг. Он снова плакал. Возможно, потому, что никаких вопросов у него не было.

Двери столовой были широко распахнуты. Рядом висела большая доска объявлений. Двадцатого июня намечался финальный матч первенства Проекта. «Суровые водилы» против «Первоклассных забивал». Девятого июля Энн Флосс хотела поехать в Денвер или Боулдер. Искала попутчиков, чтобы разделить расходы и автомобиль. Ричард Беттс предлагал отдать в хорошие руки щенков, наполовину колли, наполовину сенбернаров. Сообщалось о еженедельных внецерковных религиозных службах, которые проводились в столовой.

Старки прочитал все объявления, закрепленные на доске, и лишь после этого вошел в столовую.

Здесь воняло сильнее – не только разлагающимися телами, но и протухшей едой. Старки в безмолвном ужасе огляделся.

Некоторые покойники, казалось, смотрели на него.

– Люди... – начал Старки и поперхнулся. Он понятия не имел, что собирался сказать.

Он медленно направился к столику, за которым, уткнувшись лицом в суп, сидел Фрэнк Д. Брюс. Несколько мгновений не отрывал от него взгляда. Потом за волосы потянул голову Фрэнка Д. Брюса вверх. Миска поднялась вместе с головой, прилепленная к лицу супом, который давно уже превратился в желе, и Старки в ужасе принялся колотить по ней. Миска стукнулась об пол и, перевернутая, застыла. Большая часть супа – теперь рыхлого желе – осталась на лице Фрэнка Д. Брюса. Старки достал из кармана носовой платок и стер суп, насколько смог. Веки Фрэнка Д. Брюса склеились, но их Старки вытереть не решился. Боялся, что его глаза закатятся в голову, как глаза мужчины с запиской. Еще больше боялся, что веки, очищенные от супа, поднимутся вверх, как жалюзи. Но больше всего боялся увидеть выражение глаз Фрэнка Д. Брюса.

– Рядовой Брюс, – прошептал Старки. – Вольно.

Он аккуратно прикрыл лицо Фрэнка Д. Брюса носовым платком, который прилип к остаткам супа. Потом повернулся и вышел из столовой широким, размеренным шагом, словно маршировал по плацу.

На полпути к лифту Старки поравнялся с мужчиной с запиской. Сел рядом, достал из кобуры пистолет, сунул дуло в рот.

Выстрел прозвучал приглушенно и буднично. Никто из трупов не обратил на него ни малейшего внимания. Очистители воздуха быстро справились с маленьким облачком дыма. В столовой носовой платок Старки отлепился от лица Фрэнка Д. Брюса и медленно спланировал на пол. Фрэнк Д. Брюс, похоже, не возражал, но Лен Крайтон стал все чаще и чаще смотреть на монитор, который показывал Брюса, гадая, какого черта Билли не вытер суп с бровей бедолаги, раз уж взялся за это дело. Скоро, очень скоро Крайтону предстояло встретиться лицом к лицу с президентом Соединенных Штатов, но суп, застывший на бровях Фрэнка Д. Брюса, волновал его больше. Куда больше.

Глава 23

Рэндалл Флэгг, темный человек, шагал на юг по федеральному шоссе 51, прислушиваясь к ночным звукам, обступившим с обеих сторон эту узкую трассу, которая рано или поздно вывела бы его из Айдахо в Неваду. Из Невады он мог отправиться куда угодно. От Нового Орлеана до Ногалеса, от Портленда, штат Орегон, до Портленда, штат Мэн. Эта страна принадлежала ему, и никто не знал и не любил ее так, как он. Он знал, куда вели дороги, и шагал по ним ночью. В тот момент, за час до рассвета, он находился где-то между Грасмером и Риддлом, к западу от Твин-Фолс, все еще севернее резервации Дак-Вэлли, которую административная граница между двумя штатами делила практически пополам. И разве это было не прекрасно?

Шел он быстро, каблуки сапог стучали по асфальту, а если на горизонте показывались фары приближающейся машины, отступал сперва на мягкую обочину, а потом в высокую траву, где обитали ночные насекомые... Автомобиль проезжал мимо, и водитель, возможно, чувствовал легкий озноб, будто попадал в воздушную яму, а его спящие жена и дети тревожно ворочались во сне, словно всем им снился один и тот же кошмар.

Он шагал на юг, на юг по шоссе 51, и стоптанные каблуки его остроносых ковбойских сапог цокали по асфальту – высокий мужчина неопределенного возраста в линялых зауженных джинсах и джинсовой куртке. Его карманы оттопыривала самая разная литература, брошюры на все случаи жизни: опасность ядерных электростанций, роль международного еврейского картеля в свержении дружественных правительств, кокаиновые связи ЦРУ и контрабандистов, фермерские профсоюзы, «Свидетели Иеговы» (*Если ты можешь ответить «да» на эти десять вопросов, ты СПАСЕН!*), чернокожие за равенство в армии, устав ку-клукс-клана. Все это и многое другое. На груди, справа и слева, куртку украшали два больших значка-пуговицы. Правый – с желтым лицом-смайликом, левый – со свиным рылом в полицейской фуражке и надписью красными буквами, с которых стекали капли крови: «КАК ВАМ ТАКАЯ СВИНИНА?»

Он шел без остановки, не замедляя шаг, наслаждаясь ночью. Его глаза неистовствовали от ее возможностей. На спине он нес старый, потрепанный бойскаутский рюкзак. Можно было подумать, что зловещая веселость, читающаяся на его лице, таится и в сердце. Это лицо – омерзительно счастливого человека – излучало ужасное притягательное тепло; от его вида вдребезги разбивались стаканы в руках усталых официанток придорожных забегаловок, а маленькие дети врзались на трехколесных велосипедах в дощатые заборы и, рыдая, бежали к своим мамулям с торчащими из коленей острыми щепками. Это лицо гарантировало, что возникший в баре спор о СПО⁵³ перейдет в кровавую драку.

Он шагал на юг по шоссе 51, между Грасмером и Риддлом, теперь уже ближе к Неваде. В скором времени предполагал остановиться и проспять весь день, подняться уже с вечерней росой. Пока его ужин готовился на небольшом бездымном костерке, он всегда читал: потрепанный порнографический роман, «Майн кампф», комиксы Р. Крамба или какую-нибудь крайне реакционную газетку, от «Американских ценностей» до «Сынов патриотов». Когда дело касалось печатного слова, Флэгг не выказывал никаких предпочтений.

В этот день после ужина он двинулся дальше, направляясь на юг по прекрасному двухполосному шоссе, проложенному через забытые Богом пустынные края, наблюдая, обоняя и слушая, как климат становится более засушливым, уничтожая все, за исключением полыни да пережаты-поля, глядя, как горы начинают вылезать из земли, словно спины динозавров. К завтрашнему рассвету или днем позже он намеревался попасть в Неваду, сначала в Овихи, потом в Маунтин-Сити, где жил человек по имени Кристофер Брейдентон, который снабдил бы его «чистым» автомобилем и «чистыми» документами, после чего страна засверкала бы перед ним

⁵³ СПО – средний показатель отбивания, усредненное значение попадания по мячу, поданному в зону страйка (удара).

во всем блеске великолепных возможностей, и ее тело, покрытое сетью дорог, напоминающих капилляры, смогло бы принять его, темную крупицу инородного вещества, в любом месте – в сердце, печени, глазах, мозгу. Он являл собой тромб, присматривающий сосуд, осколок кости, жаждущий пронзить нежный орган, одинокую раковую клетку, подыскивающую себе друга, чтобы на пару вести домашнее хозяйство и выстроить небольшую и уютную злокачественную опухоль.

Он продолжал путь, размахивая руками. Его знали, хорошо знали на тайных дорогах, по которым путешествуют бедняки и безумцы, профессиональные революционеры и те, кто научился так ненавидеть, что их ненависть выделяется на лице, как заячья губа; отвергнутые всеми, кроме себе подобных, они встречаются в дешевых комнатах, увешанных лозунгами и плакатами, в подвалах, где отрезанные куски труб фиксируют в вертикальном положении и набивают мощной взрывчаткой, в подсобках, где разрабатываются безумные планы: убить министра, похитить ребенка прибывающего высокопоставленного лица или с гранатами и автоматами ворваться на заседание правления «Стандарт ойл» и начать убивать во имя народа. Да, его знали, но даже самые безумные могли лишь искоса смотреть на это темное, усмехающееся лицо. Женщины, с которыми он ложился в постель, даже те, для кого половой акт мало отличался от легкого перекуса на ходу, принимали его с застывшим телом, отвернувшись. Они принимали его, как могли принять поршень с золотистыми глазами или черного кобеля, – а когда все заканчивалось, ощущали холод, такой холод, что, казалось, уже никогда не согреться. Если он приходил на заседание, истерические вопли смолкали – прекращались злословие, упреки, обвинения, идеологическая риторика. На мгновение повисала мертвая тишина, все начинали поворачиваться к нему – а потом отводили глаза, будто он пришел к ним с какой-то древней и ужасной машиной уничтожения, в тысячи раз страшнее пластиковой взрывчатки, которую изготавливали в подвальных лабораториях студенты-химики, предавшие взрастившее их общество, или оружия, незаконно приобретенного у жадного до денег сержанта с армейского склада. Казалось, он пришел к ним с неким устройством, заржавевшим от крови и много столетий хранившимся в смазке криков, но теперь готовым к использованию, и его принесли на их совещание, будто дьявольский дар, будто торт с нитроглицериновыми свечами. А когда разговор возобновлялся, здоровый и только по теме – насколько здраво и по теме могли говорить безумцы, – решения принимались достаточно быстро.

Он шагал вперед, ноги уютно чувствовали себя в сапогах, которые должным образом пружинили в нужных местах. Его ноги и эти сапоги давно уже отлично ладили друг с другом. Кристофер Брейдентон знал его как Ричарда Фрая. Брейдентон служил одним из кондукторов этой подпольной железнодорожной системы, по которой перемещались беглецы. Полдюжины разных организаций, от «Метеорологов» до «Бригады Гевары», заботились о том, чтобы у Брейдентона не переводились деньги. Будучи поэтом, он иногда читал лекции или путешествовал по западным штатам – Юте, Неваде, Аризоне – и выступал в старших школах, удивляя школьников и (он надеялся) школьниц новостью о том, что поэзия до сих пор существует – пусть и вдохновляемая наркотиками, будьте уверены, но все же не лишенная некой жуткой энергии. Возраст Брейдентона приближался к шестидесяти, и прошло уже более двадцати лет с тех пор, как его выгнали из одного калифорнийского колледжа за слишком уж тесные связи с СДО⁵⁴. В тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году Брейдентона арестовали за участие в демонстрациях во время Большого чикагского съезда. Тогда он установил тесные связи с радикальными группами, сначала поддерживая их безумные планы, а потом присоединившись к ним.

⁵⁴ СДО (Студенты за демократическое общество) – радикальная студенческая организация, созданная в 1960 г. и распущенная в 1969 г.

Темный человек шел и улыбался. Брейдентон был лишь одним концом одного канала, счет которым шел на тысячи. По ним и перемещались безумцы, таща с собой книжки и бомбы. Каналы пересекались, замаскированные указатели давали посвященным нужное направление. В Нью-Йорке его знали как Роберта Франка, и утверждение, что он черный человек, никогда не оспаривалось, несмотря на его очень светлую кожу. В паре с негром, ветераном Вьетнама – тот потерял левую ногу, так что его ненависть основывалась на более чем веской причине, – они прикончили шестерых полицейских в Нью-Йорке и Нью-Джерси. В Джорджии он представлялся Рамзеем Форрестом, отдаленным потомком Натана Бедфорда Форреста⁵⁵, и, укрытый белой простыней, участвовал в двух изнасилованиях, кастрации и поджоге жалкого негритянского городишки. Но было все это очень давно, в начале шестидесятых, во время первой вспышки борьбы за гражданские права. Иногда ему казалось, что тогда он и родился. Из предшествующего периода своей жизни он мог вспомнить немного. Вроде бы вырос в Небраске и какое-то время учился в одной школе с рыжеволосым кривоногим мальчишкой по имени Чарльз Старкуэзер⁵⁶. Марши за гражданские права в шестидесятом и шестьдесят первом годах Флэгг помнил лучше – драки, ночные рейды, церкви, которые взрывались так, словно внутри вырастало настолько большое чудо, что вместить его в себя не было никакой возможности. Он помнил, как в тысяча девятьсот шестьдесят втором году добрался до Нового Орлеана и встретил там чокнутого молодого человека, раздающего брошюры, призывающие Америку оставить Кубу в покое. Некого мистера Освальда. Парочка освальдовских брошюр, старых и потрепанных, до сих пор лежала в одном из его многочисленных карманов. Он заседал в сотне разных комитетов ответственности. Участвовал в демонстрациях против десятка одних и тех же компаний в сотне разных университетских кампусов. Писал записки с наиболее обескураживающими вопросами, когда сильные мира сего выступали на публике, но никогда не задавал их вслух – политики, увидев это усмехающееся, горящее лицо, могли испугаться и скрыться со сцены. Он никогда не выступал на митингах, так как микрофоны взвыли бы от звука его голоса, а электрические провода перегорели. Но он писал речи для тех, кто выступал, и в нескольких случаях результатом этих речей становились бунты, перевернутые машины, студенческие забастовки и бурные демонстрации. В начале семидесятых он познакомился с человеком по имени Дональд Дефриз⁵⁷ и предложил ему взять прозвище Синк. Он помог составить план похищения наследницы крупнейшего состояния – и именно он предложил не возвращать ее за выкуп, но обратить в свою веру. Он покинул маленький домик в Лос-Анджелесе, где оставался Дефриз со своими друзьями, менее чем за двадцать минут до появления полиции. Шел по улице – его пыльные сапоги цокали по мостовой – с яростной ухмылкой на лице. Матери, увидев эту ухмылку, хватали детей и тащили в дом. От этой ухмылки у беременных начинались преждевременные родовые схватки. Позже, когда поймали нескольких оставшихся в живых «партизан», все они признались, что в состав группы входил кто-то еще, может, кто-то важный, может, просто примкнувший, мужчина без возраста, мужчина, которого называли Странником, а иногда – Букой.

Он широко шагал, оставляя позади милю за милей. Два дня тому назад он был в Ларами, штат Вайоминг, где участвовал во взрыве электростанции. Сегодня шел по шоссе 51, между Грасмером и Риддлом, направляясь в Маунтин-Сити. Завтра мог оказаться где угодно. И он почувствовал себя счастливее, чем когда бы то ни было, потому что...

Он остановился.

⁵⁵ Натан Бедфорд Форрест (1821–1877) – генерал армии Конфедерации времен Гражданской войны, один из разработчиков тактики мобильной войны. Участвовал в создании ку-клукс-клана и стал его первым Великим магом.

⁵⁶ Чарльз Раймонд Старкуэзер (1938–1959) – американский серийный убийца.

⁵⁷ Дональд Давид Дефриз (1943–1974) – первый лидер Симбионистской армии освобождения, леворадикальной партизанской организации, взявшей в заложники Патрисию Херст, внучку миллиардера.

Что-то явно надвигалось. Он чувствовал это *что-то*, почти ощущал его аромат в ночном воздухе. Горячий запах копоти, который доносился отовсюду, словно Бог задумал устроить пикник, а роль мяса отвел человечеству. И угли уже готовы, с белым пеплом снаружи, внутри красные, как глаза демона. Что-то колоссальное, что-то великое.

Близилось время его перевоплощения. Он собирался родиться вновь, выдавиться из растянутого влагиалища какого-то огромного чудовища песочного цвета, которое уже сейчас корчилося в родовых схватках, медленно двигая ногами, истекая родильной кровью и уставившись горячими, как солнце, глазами в пустоту.

Он родился, когда времена изменились, а теперь времена собирались измениться снова. Это чувствовалось в ветре, в ветре этой мягкой ночи в Айдахо.

Время родиться вновь почти пришло. Флэгг это знал. Иначе с чего бы ему внезапно обрести способность творить чудеса?

Он закрыл глаза, чуть вскинув разгоряченное лицо к темному небу, которое уже готовилось к встрече с зарей. Сосредоточился. Улыбнулся. Пыльные, стоптанные каблуки его сапог начали подниматься над дорогой. На дюйм. Два. Три. Улыбка превратилась в ухмылку. Он поднялся уже на фут. В двух футах над дорогой Флэгг неподвижно повис, и ветер под ним поднимал пыль.

Потом он почувствовал, что первые мазки зари запятнали небо, и опустился на землю. Время еще не пришло.

Но ждать осталось недолго.

Он снова зашагал, улыбаясь и высматривая место для сна. Его время скоро наступит, и пока этого было достаточно.

Глава 24

Ллойда Хенрида, которого газеты Финикса окрестили «нераскаявшимся убийцей с лицом младенца», вели по коридору крыла муниципальной тюрьмы, отведенного для особо опасных преступников, двое охранников. У одного текло из носа, и оба выглядели кисло. Другие обитатели крыла горячо приветствовали Ллойда, разве что не закидывали конфетти. Он был местной знаменитостью.

- Приве-е-ет, Хенрид!
- Давай, парень!
- Скажи прокурору, я не дам тебя в обиду, если он выпустит меня!
- Держись, Хенрид!
- Молодец, братан! *Мо-ло-дец, мо-ло-дец, мо-ло-дец!*
- Болтливые ублюдки, – пробормотал охранник с насморком и чихнул.

Ллойд счастливо усмехнулся. Новая слава поражала его. Здесь ему нравилось гораздо больше, чем в Браунсвилле. Даже кормили вкуснее. Когда ты большой человек в своем деле, к тебе поневоле проявляют уважение. Он подумал, что Том Круз, вероятно, испытывает те же чувства на мировой премьере.

На выходе из крыла строгого режима их ждала решетчатая дверь, замок которой открывался дистанционно. Ллойда снова обыскали. Простуженный охранник тяжело дышал, словно только что бегом поднялся по паре лестничных маршей. Потом Ллойда заставили пройти через рамку металлоискателя, вероятно, чтобы убедиться, что он ничего не засунул себе в зад, как тот парень по прозвищу Мотылек⁵⁸ в фильме.

– Все в порядке, – доложил сопливый охранник, и его коллега, сидевший в будке из пуленепробиваемого стекла, разрешающе махнул рукой. Они попали в другой коридор, стены которого были выкрашены в зеленый цвет. Здесь стояла тишина, нарушаемая только гулками шагами охранников (Ллойд шагал в мягких тапочках) и астматическим придыханием, доносившимся справа от Ллойда. В конце коридора еще один охранник поджидал их у закрытой двери. В ней было крохотное окошечко, чуть больше глазка, которое прикрывала решетка.

– Почему в тюрьмах всегда так воняет мочой? – спросил Ллойд просто для того, чтобы поддержать разговор. – Даже в тех местах, где нет камер, все равно воняет. Может, вы, ребята, ссыте по углам? – Он засмеялся от этой мысли, которую нашел очень забавной.

– Заткнись, убийца! – фыркнул сопливый охранник.

– Ты плоховато выглядишь, – посочувствовал ему Ллойд. – Тебе надо бы домой, в постель.

– Заткнись! – бросил второй.

Ллойд заткнулся. Так случалось всякий раз, когда он пытался заговорить с этими парнями. Личный опыт показывал, что тюремных охранников не обучали хорошим манерам.

– Привет, говнюк, – поздоровался с ним охранник у двери.

– Как поживаешь, урод? – Ллойд не привык лезть за словом в карман. Ничто так не бодрит, как небольшая перебранка. Всего два дня в тюрьме – и он уже начал ощущать, что впадает в прежнее состояние ступора.

– За это ты лишишься зуба, – сказал охранник у двери. – Ровно одного.

– Эй, послушай, ты не можешь...

– Могу. У нас есть парни, которые убьют свою дорогую мамочку за две пачки «Честерфилда», мешок с дерьмом. Хочешь недосчитаться двух зубов?

⁵⁸ Мотылек – прозвище французского преступника Анри Шаррьера (1906–1973), по автобиографическому роману которого в 1973 г. был снят фильм.

Ллойд ничего не ответил.

– Ну, тогда все в порядке, – кивнул охранник. – Ровно один зуб. Ведите его, парни.

Усмехаясь, сопливый охранник открыл дверь, а другой ввел Ллойда в комнату, где за металлическим столом сидел, просматривая бумаги, назначенный судом адвокат.

– Вот ваш клиент, адвокат.

Тот поднял голову. «Да у него молоко на губах не обсохло», – подумал Ллойд. Но что поделаешь? Нищим не до выбора. Они все равно держали его за яйца, и Ллойд полагал, что получит лет двадцать или около того: когда тебя прижали к стенке, остается только закрыть глаза и стиснуть зубы.

– Премного вам...

– Этот парень. – Ллойд указал на дверного охранника. – Он обозвал меня мешком с дерьмом. А когда я что-то ему ответил, сказал, что велит какому-то парню выбить мне зуб! Как насчет жестокого обращения с заключенными?

Адвокат провел рукой по лицу.

– Это правда? – спросил он у охранника.

Охранник у двери закатил глаза, словно говоря: *Боже мой, как вы могли в это поверить?*

– Этим ребятам, адвокат, надо писать сценарии для телика. Я сказал «привет», он сказал «привет», вот и все.

– Это гребаная ложь! – воскликнул Ллойд.

– У меня на этот счет свое мнение. – Охранник одарил Ллойда ледяным взглядом.

– Конечно же, – кивнул адвокат. – Но будьте уверены, перед уходом я пересчитаю зубы мистера Хенрида.

На лице охранника отразились недовольство и злость, он переглянулся с теми двумя, что привели Ллойда. Тот улыбнулся. Мальчишке-то, похоже, палец в рот не клади. Два прошлых раза суд назначал ему каких-то старикашек, так один явился с калоприемником, можете вы себе представить, с гребаным *калоприемником*! Старики плевать на него хотели. Никакой активной защиты – они исходили из этого принципа. Давайте побыстрее от него избавимся, чтобы вновь делиться с судьей всякими похабными историями. Но может, этот парень сумеет добиться для него только десяти лет, за вооруженное ограбление. Может, даже с учетом срока, проведенного за решеткой. В конце концов, он пришел только жену того парня в белом «Конни», а возможно, и ее удастся свалить на старину Тычка. Тычок возражать не будет. Тычок мертв, как мамонт. Улыбка Ллойда стала чуть шире. Всегда надо искать светлую сторону. В этом вся фишка. Жизнь слишком коротка для чего-то другого.

Ллойд вдруг обнаружил, что охранник покинул комнату, оставив его наедине с адвокатом – Энди Девинсом, вспомнил Ллойд, – который как-то странно смотрел на своего подзащитного. Так смотрят на гремучую змею с перебитым хребтом, чей укус по-прежнему смертелен.

– Ты в полном дерьме, Сильвестр! – неожиданно воскликнул Девинс.

Ллойд подскочил.

– Что? Что значит – в полном дерьме? Кстати, я подумал, классно ты осадил этого толстяка. Он так разозлился, что мог грызть гвозди и выплевывать...

– Слушай меня, Сильвестр, и слушай внимательно.

– Меня зовут не...

– Ты даже представить не можешь, в какую попал передрыгу, Сильвестр. – Девинс ни на мгновение не отрывал от Ллойда пристального взгляда. Говорил он мягко, но напористо. Светлые, коротко стриженные волосы напоминали пушок, сквозь который просвечивала розовая кожа. На безымянном пальце левой руки он носил простенькое обручальное кольцо, на безымянном пальце правой – затейливый перстень студенческого братства. Адвокат стукнул кольцом о перстень, и от этого странного звука Ллойд стиснул зубы. – Ты будешь осужден через

девять дней, Сильвестр, в соответствии с решением Верховного суда, принятым четырьмя годами ранее.

– Каким таким решением? – Ллойд чувствовал себя все более неуютно.

– По делу Маркэма против Южной Каролины, – ответил адвокат. – В нем определены условия, при которых отдельный штат может вершить быстрое правосудие в тех случаях, когда обвинение требует смертной казни.

– *Смертной казни!* – в ужасе завопил Ллойд. – Ты про лектрический стул? Эй, чел, я никогда никого не убивал! Богом клянусь!

– В глазах закона это значения не имеет, – ответил Девинс. – Раз ты там был, стало быть, ты это сделал.

– Как так не имеет значения? – Ллойд почти кричал. – Это имеет значение! Это *должно*, твою мать, иметь значение! Не я прикончил всех этих людей, а Тычок! Он был чокнутый! Он...

– Заткнешься, Сильвестр? – полюбопытствовал Девинс своим мягким напористым голосом, и Ллойд заткнулся. Он так испугался, что забыл и о приветствиях в крыле строгого режима, и даже о перспективе лишиться зуба. Внезапно представил себе, как птичка Твити⁵⁹ разбирается с котом Сильвестром. Только в его воображении птичка не охаживала это тупое создание колотушкой по голове и не подставляла ему под лапу мышеловку. Ллойд увидел, как стянутый ремнями Сильвестр сидит на «старой замыкалке», а кенарь устроился на табуретке рядом с большим рубильником. Он даже смог различить фуражку охранника на маленькой желтой головке Твити.

И ничего забавного в этом не было.

Возможно, эти мысли отразились на лице Ллойда, потому что Девинс теперь выглядел гораздо более довольным. Впервые с момента их встречи. Он сложил руки на стопке бумаг, которые достал из портфеля.

– Нет такого понятия, как соучастие, когда речь идет об убийстве первой степени при совершении уголовного преступления, – продолжил Девинс. – У штата есть три свидетеля, которые подтвердят, что ты и Эндрю Фриман были вместе. Этого вполне достаточно, чтобы твой костлявый зад хорошенько прожарился. Понимаешь?

– Я...

– Хорошо. Теперь вернемся к делу «Маркэм против Южной Каролины». В двух словах я объясню, как тот вердикт применим к твоему случаю. Но сначала я напому тебе о том, что ты, без сомнения, изучал в девятом классе: Конституция Соединенных Штатов запрещает жестокие и необычные способы наказания.

– Вроде этого гребаного лектрического стула, совершенно верно! – воскликнул Ллойд, охваченный праведным гневом.

Девинс качал головой.

– Тут закон не давал определенного толкования, – ответил он, – и вплоть до того дела четырехлетней давности суды так и сяк переворачивали эту статью. Являются ли лектрический стул и газовая камера «жестокими и необычными способами наказания»? Или жестоким и необычным является период *ожидания* между вынесением приговора и приведением его в исполнение? Апелляции, задержки, отсрочки – некоторым осужденным, в том числе Эдгару Смиту, Кейрилу Чесману и Теду Банди, приходилось проводить в камерах смертников месяцы и годы. В конце семидесятых Верховный суд разрешил приводить приговоры в исполнение, но тюремные корпуса, где находятся камеры смертников, оставались переполненными, а главный вопрос о жестокости и необычности наказания оставался без ответа. Итак, в деле «Маркэм против Южной Каролины» человека приговорили к казни на лектрическом стуле за изнасилование

⁵⁹ Твити – желтый кенарь, популярный персонаж американских мультсериалов.

и убийство трех студенток колледжа. Предумышленность преступления доказывал дневник Джона Маркэма. Суд присяжных признал его виновным и заслуживающим смерти.

– Хреновое дело, – прошептал Ллойд.

Девинс кивнул и одарил Ллойда кислой улыбкой.

– Дело прошло весь путь до Верховного суда, который подтвердил, что в ряде случаев смертная казнь не является жестоким или необычным способом наказания. Суд высказал мнение, что чем быстрее приговор приводится в исполнение, тем лучше... с точки зрения закона. Начинаешь усекать, Сильвестр? Начинаешь понимать, в чем дело?

Ллойд не понимал.

– Знаешь, почему тебя судят в Аризоне, а не в Нью-Мексико или Неваде?

Ллойд покачал головой.

– Потому что Аризона является одним из четырех штатов, где существует Выездной суд по особо тяжким преступлениям. Его созывают только в тех случаях, когда выдвинуто и утверждено требование смертной казни.

– Ничего не понимаю.

– Суд начнется через четыре дня, – продолжил Девинс. – Обвинение настолько уверено в успехе, что может позволить себе включить в число присяжных первых двенадцать мужчин и женщин по списку. Я буду тянуть время, сколько могу, но уже в первый день жюри присяжных будет сформировано и приведено к присяге. Во второй день прокурор огласит обвинение. Я постараюсь занять три дня, буду растягивать вступительное и заключительное слово, пока судья не остановит меня, но три дня – это максимум. И нам повезет, если мы этого добьемся. Присяжные удалятся на совещание и признают тебя виновным за три минуты, если не произойдет чуда. Через девять дней, начиная с сегодняшнего, тебе вынесут смертный приговор, а неделей позже ты будешь мертв, как кусок собачьего дерьма. Аризонцам это понравится, и Верховному суду тоже. Потому что чем быстрее, тем лучше для всех. Я смогу растянуть эту неделю... возможно... но на самую малость.

– Боже мой, но ведь это несправедливо! – вскричал Ллойд.

– Это жестокий мир, Ллойд, – вздохнул Девинс. – Особенно для «бешеных псов-убийц» – так называют тебя и твоего друга журналисты и телекомментаторы. В преступном мире ты большая шишка. Ну и натворил ты дел! Из-за тебя даже эпидемия гриппа передвинулась на вторую полосу.

– Я никого не мочил, – хмуро возразил Ллойд. – Тычок, это все он.

– Всем до лампочки, – покачал головой Девинс. – Вот что я пытаюсь вбить в твою тупую башку, Сильвестр. Судья тут же утвердит решение присяжных и огласит приговор. Я подам апелляцию, но по новым правилам Выездной суд должен разобраться с ней в течение семи дней, или дело будет закрыто. Если они решат не рассматривать апелляцию, у меня будет еще неделя, чтобы подать петицию в Верховный суд Соединенных Штатов. В твоем случае я буду тянуть с подачей документов насколько возможно. Но Выездной суд скорее всего согласится заслушать нашу апелляцию. Система еще новая, и они попытаются избежать малейшей критики. Наверное, они заслушали бы и апелляцию Джека Потрошителя.

– Сколько им понадобится времени? – пробормотал Ллойд.

– Они управятся в два счета, – ответил Девинс, и в его улыбке появилось что-то волчье. – Видишь ли, в состав Выездного суда входят пять отставных аризонских судей. Все их дела – рыбачить, играть в покер, пить выдержанный бурбон и дожидаться, пока какой-нибудь кусок дерьма вроде тебя не появится в зале заседаний, который представляет собой несколько компьютерных модемов, подключенных к законодательному собранию, офису губернатора и друг к другу. Телефоны, оборудованные модемами, установлены в их автомобилях, загородных коттеджах, даже на их яхтах, не говоря уже про дома. Их средний возраст – семьдесят два года...

Ллойд поморщился.

– ...а это означает, что некоторые из них настолько старые, что действительно побывали в самом захолустье, если не судьями, то адвокатами и студентами. И все они верят в кодекс Запада – быстрый суд и петлю на шею. Так здесь и судили примерно до тысяча девятьсот пятидесятого года. Когда дело доходило до виновных в нескольких убийствах, исход мог быть только *один*.

– Господь Всемогуший, тебе обязательно все это рассказывать?

– Ты должен знать, что нам противостоит, – ответил Девинс. – Они всего лишь захотят убедиться, что к тебе не будет применено необычное и жестокое наказание, Ллойд. Тебе бы надо сказать им спасибо.

– Им – *спасибо*? Да я бы скорее...

– Замолил их? – спокойно спросил Девинс.

– Нет, разумеется, – не очень уверенно ответил Ллойд.

– Наше ходатайство о новом рассмотрении будет отклонено, и все мои отводы быстро снимут. Если повезет, суд предложит мне пригласить свидетелей. Если нам дадут такую возможность, я вызову всех, кто давал показания на первоначальном суде, плюс всех, кого смогу придумать. Даже твоих школьных дружков, чтобы они рассказали нам о твоём характере, если смогу их отыскать.

– Я бросил школу в шестом классе, – промямлил Ллойд.

– После того как Выездной суд отклонит нашу апелляцию, я обращусь в Верховный суд. Полагаю, что они отклонят мое обращение в тот же день.

Девинс сделал паузу и закурил.

– А что потом? – спросил Ллойд.

– Потом? – На лице Девинса отразились удивление и раздражение, вызванные непробиваемой тупостью Ллойда. – Потом ты отправишься в камеру смертников в тюрьме штата и будешь наслаждаться прекрасной едой до тех пор, пока не настанет время прокатиться на молнии. Ожидание не затянется.

– Они не могут так поступить, – покачал головой Ллойд. – Ты просто пытаешься запугать меня.

– Ллойд, четыре штата, в которых существуют Выездные суды по особо тяжким преступлениям, поступают так всегда. К настоящему моменту сорок мужчин и женщин казнили в соответствии с прецедентом по делу Маркэма. Лишний суд обходится налогоплательщикам в некоторую сумму, но она не слишком велика, так как Выездной суд рассматривает лишь крохотный процент от общего числа процессов по убийствам первой степени. Кроме того, налогоплательщики ничего не имеют против того, чтобы раскошелиться на смертную казнь. Она им *нравится*.

Ллойд выглядел так, будто его сейчас вырвет.

– Кроме того, окружной прокурор использует прецедент Маркэма только в тех случаях, когда вина подсудимого не вызывает ни малейших сомнений. Пса с куриными перьями на морде так судить не будут. Для этого его должны поймать в курятнике, как тебя.

Четверть часа тому назад Ллойд купался в лучах славы, проходя по крылу строгого режима. Теперь же получалось, что по прошествии нескольких жалких недель его поглотит черная дыра.

– Испугался, Сильвестр? – чуть ли не дружелюбно спросил его Девинс.

Ллойд пришлось облизнуть губы, прежде чем он смог ответить:

– Господи, да, испугаешься тут. По-твоему выходит, что я уже мертвый.

– Мертвый ты мне не нужен, – усмехнулся Девинс, – только испуганный. Если ты войдешь в зал суда самодовольной походкой и с глупой ухмылкой на роже, тебя немедленно прикрутят ремнями к электрическому стулу и врубят ток. Станешь сорок первым. Но если будешь

слушать меня, то, может быть, мы прорвемся. Я ничего не гарантирую, однако слабая надежда есть.

– Продолжай.

– Нам надо рассчитывать на присяжных, – пояснил Девинс. – Двенадцать обычных болванов с улицы. Хорошо бы среди них оказалось побольше сорокадвухлетних дамочек, которые до сих пор могут пересказать «Винни-Пуха» от первой до последней строчки и хоронят домашних птишек во дворе своего дома. Очень бы хорошо. При отборе присяжных подробно информируют о последствиях вердикта по делу Маркэма. Им предстоит вынести смертный приговор, который будет приведен в исполнение не через шесть месяцев или шесть лет, когда они уже давно про него забудут: человек, которого они приговорят к смерти в июне, отправится к праотцам до Матча всех звезд⁶⁰.

– Умеешь ты нагнать страха.

– В некоторых случаях само знание об этом заставляло присяжных выносить вердикт о невиновности, – продолжал Девинс, пропустив слова Ллойда мимо ушей. – Это обратная сторона прецедента Маркэма. В некоторых случаях присяжные оправдывали явных убийц только потому, что не хотели пачкать руки *такой* свежей кровью. – Он взял один лист из стопки. – Хотя сорок человек и казнили в соответствии с вердиктом по делу Маркэма, но прокуратура требовала вынесения обвинительного приговора по семидесяти таким делам. Из тридцати избежавших смерти двадцать шесть были признаны невиновными присяжными, и лишь четыре раза приговор отменял Выездной суд по особо тяжким преступлениям – один раз в Южной Каролине, два во Флориде и еще один в Алабаме.

– А в Аризоне?

– Ни разу. Я же тебе говорил. Кодекс Запада. Эти пятеро старичков хотят усадить тебя на сковородку. Если нам не удастся отстоять тебя перед присяжными, тебе крышка. Ставлю девяносто против одного.

– Сколько человек, дела которых рассматривались в соответствии с этим законом, присяжные признали невиновными в Аризоне?

– Двоих из четырнадцати.

– Выходит, шансы довольно дерьмовые.

Девинс обнажил зубы в волчьей улыбке.

– Следует отметить, что одного из этих двоих защищал твой покорный слуга. Он был виновен, как смертный грех, Ллойд. Совсем как ты. Судья Пешер двадцать минут орал на этих десятерых женщин и двоих мужчин. Я думал, его хватит удар.

– Если меня признают невиновным, они ведь не смогут судить меня снова, так?

– Никаких шансов.

– Так что попытка одна – либо все, либо ничего.

– Да.

– Черт!.. – Ллойд вытер лоб.

– Раз ты понял ситуацию, – кивнул Девинс, – и понял, что мы можем им противопоставить, то перейдем к делу.

– Я понял. Но мне это не нравится.

– Если б понравилось, я бы счел тебя чокнутым. – Девинс положил руки на стол, наклонился к Ллойд. – Значит, так. Ты сказал мне и полиции, что ты... э-э-э... – Он взял из стопки бумаг несколько листков, сцепленных степлером, просмотрел их. – Ага, вот оно: «Я никого не убивал. Всех убил Тычок. Это была его идея, а не моя. Тычок был чокнутый, и, по-моему, миру сильно повезло, что он подох».

⁶⁰ Имеется в виду игра между лучшими игроками Национальной и Американской бейсбольных лиг, отобранными по результатам опросов болельщиков, игроков, тренеров и менеджеров команд. Проводится во второй вторник июля.

– Да, так оно и есть. Ну и что? – опасливо спросил Ллойд.

– А вот что, – проворковал Девинс. – Из этого следует, что ты *боялся Тычка Фримана*. Ты его боялся?

– Ну, не то чтобы...

– Если на то пошло, ты боялся, что он тебя убьет.

– Не думаю...

– Боялся до ужаса. Поверь в это, Сильвестр. Просто срал кирпичами.

Ллойд нахмурился. Он напоминал старательного ученика, который никак не может ухватить смысл услышанного.

– Не позволяй мне направлять тебя, Ллойд, – покачал головой Девинс. – Я не хочу этого. Тебе может показаться, что я пытаюсь представить дело так, будто Тычок все время был под действием наркотиков...

– Но он действительно торчал! Мы *оба* торчали!

– Нет. *Ты не торчал, только он*. А обкурившись, он становился безумным...

– Истинная правда. – В памяти Ллойда призрак Тычка весело завопил: «Хоп! Хоп!» – и выстрелил в женщину, стоявшую у стеллажа в магазине в Бурраке.

– И он несколько раз наставлял на тебя пистолет...

– Нет, он никогда...

– Наставлял. Грозил, что убьет тебя, если ты не будешь ему помогать.

– Ну, у меня был автомат...

– Я уверен, – Девинс пристально смотрел на Ллойда, – что ты вспомнишь, если хорошенько пороешься в памяти, как Тычок говорил тебе, что автомат заряжен холостыми. Вспоминаешь?

– Ну, когда ты об этом упомянул...

– И именно ты удивился больше всех на свете, когда он начал стрелять *настоящими* пулями, верно?

– Точно. – Ллойд энергично кивнул. – Меня чуть удар не хватил.

– И ты уже собирался направить автомат на Тычка Фримана, когда его пристрелили, избавив тебя от этой необходимости.

Ллойд посмотрел на адвоката с зарождающейся в глазах надеждой.

– Мистер Девинс, – голос Ллойда звучал очень искренне, – именно так все и было.

В то утро, только позже, Ллойд стоял во дворе для прогулок, наблюдал за игрой в софтбол и размышлял насчет того, что сказал Девинс, когда к нему подошел здоровяк заключенный по имени Мазерс и ухватил за воротник. Голову Мазерс брил наголо, как Телли Савалас, и она зловеще блестела в горячем воздухе пустыни.

– Подожди, подожди! – заверещал Ллойд. – Адвокат пересчитал все мои зубы. Их семнадцать. И если ты...

– Да, Шокли так и сказал, – кивнул Мазерс. – Поэтому он велел мне...

Колено Мазерса поднялось и врезалось в промежность Ллойда. Его пронзила ослепляющая боль, такая мучительная, что он не мог даже вскрикнуть. Ллойд рухнул на землю, держась за причинное место. Мир застлал красный туман агонии.

Через какое-то время – кто знал, сколько его утекло? – он смог посмотреть вверх. Мазерс по-прежнему не отрывал от него глаз, выбритая голова все так же блестела. Охранники таращились куда угодно, только не на них. Ллойд застонал и шевельнулся. По его щекам покатились слезы, нижнюю часть живота, казалось, залили расплавленным свинцом.

– Ничего личного, – совершенно искренне сказал Мазерс. – Только бизнес, ты понимаешь. Я надеюсь, ты вывернешься. Этот закон Маркэма – просто жуть.

Широкими шагами он отошел, и Ллойд увидел охранника, прежде стоявшего у двери, за которой сидел адвокат, а теперь – возле поручня разгрузочной платформы на противоположной стороне двора для прогулок. Засунув большие пальцы за кожаный ремень, он широко улыбался, глядя на лежащего на земле Ллойда. А когда заметил, что Ллойд смотрит на него, поднял обе руки с оттопыренными средними пальцами. Мазерс подошел к платформе, и охранник бросил ему пачку сигарет «Тейритон». Мазерс положил пачку в нагрудный карман, отсалютовал и ушел. Ллойд по-прежнему лежал на земле, подтянув колени к груди, а в голове вертелись слова Девинса: «Это жестокий мир, Ллойд, это жестокий мир».

Чистая правда.

Глава 25

Ник Эндрос отдернул занавеску и выглянул на улицу. Отсюда, со второго этажа дома, который раньше принадлежал Джону Бейкеру, слева был виден деловой центр Шойо, а справа – шоссе 63, выходящее из города. Главная улица пустовала. Окна всех деловых заведений закрывали жалюзи. Посреди дороги сидела собака. Бока ее раздувались, белая пена капала с морды на раскаленную мостовую. В ливневой канаве лежал труп еще одной собаки.

Женщина за его спиной низко и протяжно застонала, но Ник ее не услышал. Он задернул занавеску, потер глаза, повернулся, а потом подошел к проснувшейся женщине. Джейн Бейкер лежала, заваленная одеялами, потому что пару часов назад ее начал бить озноб. Теперь по лицу женщины струился пот, она скинула одеяла, и Ник в смущении заметил, что в некоторых местах ее тонкая ночная рубашка насквозь промокла и стала прозрачной. Но Джейн его не видела, и он сомневался, что в данной ситуации ее частичная нагота имела какое-то значение. Она умирала.

– Джонни, принеси тазик. Я думаю, меня сейчас вырвет! – закричала она.

Он вытащил тазик из-под кровати и поставил рядом с Джейн, но она дернулась, и посуда упала на пол с глухим грохотом, которого Ник не услышал. Просто подобрал тазик и держал в руках, наблюдая за женщиной.

– Джонни! – вскрикнула она. – Не могу найти коробку с иголками и нитками! Ее нет в шкафу!

Ник налил стакан воды из кувшина, который стоял на прикроватной тумбочке, и поднес к ее губам, но Джейн вновь дернулась и едва не выбила стакан из его руки. Он поставил стакан на тумбочку, чтобы взять, когда она чуть успокоится.

Никогда еще ему не приходилось так горько сожалеть о своей немоте, как в последние два дня. Ник пришел в дом Бейкеров двадцать третьего июня, и Брейсман, методистский священник, сидел у Джейн. Читал с ней Библию в гостиной, но чувствовалось, что он нервничает и ему не терпится уйти. Ник понимал почему. Жар придавал ее внешности какое-то розовое, девичье свечение, которое никак не вязалось с ее горем. Возможно, священник боялся, что она начнет к нему приставать. А скорее всего ему просто не терпелось забрать семью и уйти через поля. В маленьком городке новости распространялись быстро, и многие уже решили, что в Шойо им делать нечего.

После того как Брейсман ушел, примерно сорок восемь часов назад, все превратилось в какой-то кошмар наяву. Миссис Бейкер стало хуже, настолько хуже, что Ник испугался, как бы она не умерла еще до захода солнца.

К тому же он не мог быть с ней постоянно. Он сходил на стоянку для грузовиков и принес заключенным ленч, но Винс Хоган есть уже не мог. Только лежал в забытьи и бредил. Майк Чайлдресс и Билли Уорнер хотели, чтобы их выпустили, но Ник не мог заставить себя сделать это. Не потому, что боялся – едва ли они стали бы терять время, мстя за свои обиды. Они поспешили бы сбежать из Шойо вместе с остальными. Нет, ему мешало чувство ответственности. Он дал обещание человеку, который уже умер. Наверняка рано или поздно дорожная полиция штата взяла бы дело в свои руки и забрала их отсюда.

В нижнем ящике письменного стола Бейкера Ник нашел кобуру с револьвером сорок пятого калибра и после некоторого колебания надел ее на ремень. Глядя вниз, на рукоятку с деревянными боковинами, прижимающуюся к его костлявому бедру, он казался себе смешным, но тяжесть револьвера подбадривала.

Во второй половине дня двадцать третьего июня он вошел в камеру Винса и положил ему на лоб, грудь и шею по пакету со льдом. Винс открыл глаза и посмотрел на Ника с такой молчаливой и отчаянной просьбой о помощи, что Нику внезапно захотелось что-нибудь ска-

зять ему – то же желание не отпускало его и теперь, двумя днями позже, с миссис Бейкер – слова, которые могли принести хотя бы секундное облегчение. Наверное, хватило бы: «Все будет хорошо», – или: «Я думаю, температура начинает спадать».

Пока он заботился о Винсе, Билли и Майк кричали на него. Когда он наклонялся над Винсом, это не имело значения, но всякий раз, поднимая голову, он видел их испуганные лица, губы, с которых, казалось, готовы были сорваться слова: «Пожалуйста, выпусти нас». Ник старался держаться подальше от них. Он прожил на свете достаточно долго, чтобы знать, что паника делает людей опасными.

В этот день он мотался взад-вперед по практически пустым улицам Шойо, всякий раз ожидая найти труп Винса Хогана в одной конечной точке своего маршрута или Джейн Бейкер в другой. Высматривал машину доктора Соумса, но она так и не появилась. Несколько магазинов по-прежнему работали, и заправочная станция «Тексако» тоже, однако Ник все более убеждался в том, что город пустеет. Люди уходили по лесным тропам и лесовозным дорогам, возможно, даже по руслу реки Шойо, которая протекала через Смакоувер, поднимаясь к городу Маунт-Холли. Ник не сомневался, что с наступлением темноты поток беженцев только увеличится.

Сразу же после захода солнца он пришел к Бейкерам и увидел, что Джейн, неловко передвигаясь по кухне в банном халате, заваривает чай. Она с благодарностью посмотрела на него, и он заметил, что жар у нее спал.

– Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты ухаживал за мной, – сказала она ровным, спокойным голосом. – Я чувствую себя гораздо лучше. Хочешь чашечку чая? – И расплакалась.

Он подошел в ней, опасаясь, что она может потерять сознание и упасть на горячую плиту.

Она взяла его за руку, чтобы устоять на ногах, и положила голову ему на грудь. Темные волосы падали на светло-синий халат.

– Джонни, – позвала она в сумрак кухни. – Бедный мой Джонни.

«Если б я только мог говорить», – тоскливо подумал Ник. Но он мог только крепче обнять ее и подвести к столу.

Чай...

Он указал на себя и усадил ее на стул.

– Ладно, – кивнула она. – Мне действительно лучше. На удивление хорошо. Это просто... просто... – Она закрыла лицо руками.

Он налил горячего чая и поставил чашки на стол. Некоторое время они пили в молчании. Она держала чашку двумя руками, словно маленький ребенок. Наконец опустила ее на стол и спросила:

– Многие в городе больны, Ник?

Точно не знаю, написал он. Но дела чертовски плохи.

– Ты видел доктора?

Последний раз – утром.

– Эм выбьется из сил, если не будет осторожен, – покачала головой Джейн. – Но ведь он будет осторожен, правда, Ник? Не выбьется из сил?

Ник кивнул и попытался улыбнуться.

– А что с арестованными Джона? Дорожная полиция их забрала?

Нет, написал Ник. Хоган очень болен. Я делаю что могу. Другие хотят, чтобы я их отпустил до того, как Хоган их заразит.

– Не выпускай их! – воскликнула она. – Надеюсь, ты об этом не думаешь?

Нет, написал Ник, а мгновение спустя добавил: Вам надо снова лечь в постель. Вам нужен отдых.

Она улыбнулась ему. Ник заметил темные припухлости под ее нижней челюстью с обеих сторон подбородка и усомнился в том, что худшее для нее позади.

– Да. Просплю не меньше суток. Это, наверное, неправильно: я сплю, а Джон мертв... Мне просто не верится, знаешь ли. Постоянно приходится напоминать себе об этом. – Он сжал ее руку. Она чуть улыбнулась. – Со временем, может быть, появится что-то другое, ради чего стоит жить. Ты отнес арестованным ужин, Ник?

Ник покачал головой.

– Обязательно надо это сделать. Почему бы тебе не взять машину Джона?

Я не умею водить, написал Ник. *Спасибо. Я пройду до стоянки грузовиков. Это недалеко. Зайду к вам утром, если не возражаете.*

– Нет, – ответила она. – Прекрасно.

Он поднялся и строго указал на чашку с чаем.

– До последней капли, – пообещала она.

Он уже открывал сетчатую дверь, когда почувствовал осторожное прикосновение к рукаву.

– Джон... – Она замолчала. Потом заставила себя продолжить: – Я надеюсь... они отвезли его в морг Кертиса. Оттуда провожали в последний путь родителей Джона и моих. Думаешь, они его взяли?

Ник кивнул. По ее щекам покатились слезы, и она вновь зарыдала.

Из дома Бейкеров Ник напрямик отправился на стоянку грузовиков. Увидел в окне покосившуюся табличку «ЗАКРЫТО». Обошел кафе-закусочную. Позади стоял кемпер, запертый и темный. Никто не откликнулся на стук. Ник подумал, что в сложившихся обстоятельствах у него есть полное право взломать дверь в кафе – в копилке шерифа хватит денег, чтобы оплатить ущерб.

Он разбил стеклянную панель рядом с замком и отпер входную дверь. Помещение пугало даже с включенным светом: молчаливый и темный музыкальный автомат, бильярдный стол и игральные автоматы пустуют, за столами никого, гриль закрыт.

Ник прошел на кухню, поджарил на газовой плите несколько гамбургеров и положил их в мешок. К ним добавил бутылку молока и половину яблочного пирога, который стоял на прилавке под стеклянным колпаком. Потом пошел в тюрьму, оставив на прилавке записку, объясняющую, кто вломился в кафе и с какой целью.

Винс Хоган умер. Он лежал на полу камеры среди тающего льда и мокрых полотенец. Перед смертью Хоган расцарапал себе шею, словно сопротивляясь невидимому душителю. На кончиках его пальцев запеклась кровь. Над ним кружились мухи. Шея почернела и раздулась, как велосипедная камера, которую какой-то безголовый пацан накачал чуть ли не до предела.

– Ну а *теперь* ты нас выпустишь? – спросил Майк Чайлдресс. – Он умер. Ну что, гребанный выродок, ты доволен? Считаешь себя отомщенным? Он тоже заболел. – Майк указал на Билли Уорнера.

Билли перекосило от ужаса. На шее и на щеках горели яркие красные пятна. Рукав рубашки, которым он постоянно утирал нос, затвердел от соплей.

– Это ложь! – истерично закричал он. – Ложь, ложь, гнусная ложь! Это л... – Внезапно Уорнер начал чихать, согнувшись пополам, изо рта и носа полетели слюна и сопля.

– Видишь? – спросил Майк. – Ну что? Доволен, гребанный безмозглый выродок? Выпусти меня! Можешь оставить его, если тебе так хочется, но выпусти меня. Это же убийство, вот что это такое! Настоящее хладнокровное убийство!

Ник покачал головой, и Майк озверел. Начал биться о прутья, в кровь разбил лицо, ободрал костяшки пальцев на обеих руках. Смотрел на Ника выпученными глазами, колотясь лбом о решетку.

Ник подождал, пока тот не устанет, а потом с помощью швабры пропихнул подносы с едой в зазоры под решетчатыми дверями. Билли Уорнер некоторое время тупо смотрел на него, затем начал есть.

Майк разбил стакан молока о решетку. Осколки и брызги полетели в разные стороны. Оба своих гамбургера он швырнул в покрытую надписями и рисунками заднюю стену камеры. Один прилип к стене в окружении брызг горчицы, кетчупа и приправы, гротескно веселый, будто картина Джексона Поллока. Затем Майк принялся яростно топтать кусок яблочного пирога. Его ошметки заляпали пол. Белая пластиковая тарелка треснула.

– Голодовка протеста! – завопил он. – Я объявляю гребаную голодовку протеста! Скорее ты съешь мой член, чем я съем что-нибудь из твоих подачек, гребаный глухонемой придурковатый говнюк! Ты у меня...

Ник отвернулся, и немедленно воцарилась тишина. Он пошел в кабинет Бейкера, испуганный, не зная, что делать. Если бы он умел водить машину, то сам отвез бы их в Камден. Но он не умел. Плюс Винс. Нельзя же оставлять его на полу на поживу мухам.

В кабинете были еще две двери. За одной оказался встроенный шкаф для одежды, за другой – ведущая вниз лестница. Ник спустился по ней и очутился в подвальном помещении, которое использовалось под склад. Там царила прохлада. Ник решил, что подвал вполне может стать моргом, во всяком случае, на какое-то время.

Он поднялся наверх. Майк сидел на полу. Подбирал с пола кусочки яблока, очищал и отправлял в рот. На Ника он и не посмотрел.

Ник подхватил Винса под руки и попытался поднять. Исходивший от трупа тошнотворный запах чуть не вывернул его желудок наизнанку. Винс оказался слишком тяжелым. Несколько секунд он беспомощно смотрел на труп, отдавая себе отчет в том, что другие двое стоят у решетчатых дверей камер и, как зачарованные, не сводят с него глаз. Ник мог догадаться, о чем они думают. Винс был одним из них, плаксивым треплом, это да, но все равно одним из них. И умер, как крыса в западне, от какой-то ужасной болезни, которой они не понимали. Уже не в первый раз за этот день Ник задался вопросом, когда же и он начнет чихать, почувствует, что у него поднялась температура и начали распухать подчелюстные железы.

Он взялся за накачанные бицепсы Винса Хогана и потащил его из камеры. Голова покойника запрокинулась, и он вроде бы смотрел на Ника, просил быть с ним поаккуратнее, не тряссти так сильно.

Ему потребовалось десять минут, чтобы спустить тяжелое тело Винса по крутой лестнице. Тяжело дыша, Ник уложил его на бетонный пол и накрыл потрепанным армейским одеялом, которое взял с камерной койки.

Потом он попытался уснуть, но удалось ему это лишь после полуночи, когда двадцать третье июня уже сменилось двадцать четвертым, то есть вчерашним днем. Ему всегда снились очень яркие сны, и иногда он их боялся. Совсем уж кошмарные сны он видел редко, но в последнее время они все чаще и чаще становились зловещими, и у него возникало ощущение, что они несут в себе какой-то тайный, скрытый смысл. Нормальный мир потихоньку превращался в некое место, где грудных детей приносили в жертву за закрытыми дверями и огромные черные машины ревели и ревели в запертых подвалах.

И разумеется, Ника мучил жуткий вопрос: вдруг он сам проснется больным?

Спал он мало, а приснившийся ему сон уже видел, причем недавно: кукурузное поле, теплый запах растений, ощущение того, что совсем рядом – что-то (или кто-то) очень доброе и безопасное. Ощущение *близости дома*. Которое начало уступать место леденящему ужасу, когда он осознал: нечто затаилось на кукурузном поле и следит за ним. Он подумал: «Мама, ласка забралась в курятник!» – и проснулся в свете раннего утра, обливаясь потом.

Он поставил кофе и пошел проверить двух своих подопечных.

Лицо Майка Чайлддресса блестело от слез. За его спиной по-прежнему висел прилепившийся к стене гамбургер.

– Теперь-то ты доволен? Я тоже заразился. Разве не этого ты хотел? Разве это не месть? Послушай, я дышу, как гребанный товарняк на подъеме!

Но Ника в первую очередь интересовал Билли Уорнер, который лежал без сознания. Шея его распухла и почернела. Грудь судорожно вздымалась.

Он поспешил в кабинет, посмотрел на телефонный аппарат и в приступе ярости и вины скинул его со стола на пол, где он и остался лежать на конце своего шнура. Ник выключил плитку и побежал к Бейкерам. Жал на кнопку звонка, как ему показалось, целый час, прежде чем Джейн открыла дверь. Раскрасневшееся от температуры лицо блестело от пота. Она не бредила, но говорила медленно и нечетко. Ее губы покрывали волдыри.

– Ник. Входи. Что случилось?

Ник написал: *В. Хоган умер прошлым вечером. Кажется, Уорнер умирает. Он очень тяжело болен. Видели ли вы доктора Соумса?*

Она покачала головой, чихнула и пошатнулась. Ник обнял ее за плечи и подвел к стулу. Он снова написал: *Не могли бы вы позвонить ему от моего имени?*

– Да, конечно. Принеси мне телефон, Ник. Кажется... ночью болезнь вернулась.

Он принес телефон, и Джейн набрала номер Соумса. После того как она более тридцати секунд прижимала трубку к уху, не шевельнув губами, Ник понял, что ответа не будет.

После звонка Соумсу она позвонила его медсестре. Там тоже не отвечали.

– Попробую позвонить в дорожную полицию, – сказала Джейн, но ей пришлось положить трубку уже после первой цифры. – Похоже, междугородняя связь по-прежнему не работает. После единицы сразу идут гудки. – Она слабо улыбнулась ему, и слезы беспомощно потекли по ее щекам. – Бедный Ник. Бедная я. Бедные все. Помогите мне подняться наверх, пожалуйста. Я очень ослабела и задыхаюсь. Похоже, скоро мы с Джоном опять будем вместе. – Он смотрел на нее и вновь жалел о собственной немоте. – Думаю, я прилягу, если ты поможешь мне.

Он довел ее до спальни, а потом написал: *Я вернусь.*

– Спасибо, Ник. Ты хороший мальчик... – Она уже проваливалась в сон.

Ник вышел из дома и остановился на тротуаре, не зная, что же дальше. Если бы он умел водить машину, возможно, ему удалось бы что-нибудь сделать. Но...

На лужайке перед домом на противоположной стороне улицы он увидел детский велосипед. Подошел к нему, посмотрел на дом с зашторенными окнами (так выглядели дома и в его сумбурных снах), направился к двери, постучал. Ему не открыли, хотя стучал он несколько раз.

Ник вернулся к велосипеду. Маленькому, но не настолько, чтобы он не мог на нем ехать. Конечно, это будет выглядеть смешно, но Ник сомневался, что в Шойо к этому времени кто-нибудь остался... а если и остался, им сейчас определенно не до смеха.

Он сел на велосипед и неуклюже покатыл по главной улице, мимо тюрьмы, потом на восток по шоссе 63, к тому месту, где Джо Рекман видел солдат, одетых дорожными рабочими. Если они по-прежнему там и действительно солдаты, Ник считал себя вправе порекомендовать им охрану Билли Уорнера и Майка Чайлддресса. Разумеется, только в том случае, если Билли все еще жив. Раз уж эти люди ввели в Шойо карантин, то должны заботиться о местных больных.

Путь занял у него около часа. Велосипед мотало из стороны в сторону, Ник то и дело пересекал центральную разделительную линию, стучаясь коленями о руль. Но, добравшись до места проведения дорожных работ, он не обнаружил ни солдат, ни рабочих, кем бы они ни были. На дороге стояли несколько бочек, над одной даже вился дымок, и пара оранжевых барьеров, по форме напоминающих козлы для пилки дров. Дорогу перекопали, но Нику показалось, что по ней вполне можно проехать, если не слишком трепетно относиться к подвеске своего автомобиля.

Краем глаза Ник уловил движение чего-то черного, и в тот же миг легкое дуновение ветерка донесло до его ноздрей густой, тошнотворный запах разложения. Черное облачко мух непрерывно шевелилось, постоянно меняя форму. Ник подкатил велосипед к кювету на дальней стороне дороги. В нем, рядом с новенькой, сверкающей рифленой водопропускной трубой, лежали тела четырех человек. Их шеи и распухшие лица почернели. Ник не знал, солдаты это или нет, но ближе подходить не стал. Он говорил себе, что здесь нечего бояться, что они мертвы, а мертвые, как известно, не кусаются, но им овладела паника, и он бешено закрутил педали. На окраине города налетел на камень и разбил велосипед. Сам перелетел через руль, ушиб голову и содрал в кровь руки. Лишь мгновение помедлил, лежа посреди дороги. Его била дрожь.

Следующие полтора часа Ник стучал в двери и нажимал на кнопки звонков. Убеждал себя, что найдет кого-нибудь здорового. Сам он чувствовал себя прекрасно и, конечно же, не мог быть единственным, кто не заразился этой дрянью. Он не сомневался, что отыщет кого-нибудь – мужчину, женщину, даже подростка с ученическим водительским удостоверением – и услышит от него или от нее: *Да, конечно. Давай отвезем их в Камден. Для этого лучше всего подойдет универсал. Или что-нибудь в этом роде.*

Но на его стуки и звонки ответили меньше десятка раз. Дверь открывалась на длину цепочки, и в проеме возникало большое, но исполненное надежды лицо. Правда, при виде Ника надежда умирала. Лицо двигалось из стороны в сторону, отказывая Нику в его просьбе, и дверь закрывалась. Если бы Ник мог говорить, то попытался бы переубедить их, сказал бы, что им по силам вести машину, раз уж они могут ходить. А если они отвезут арестованных в Камден, то и сами смогут попасть в больницу, где их вылечат. Но говорить он не мог.

Некоторые спрашивали о докторе Соумсе. Один мужчина в горячечной ярости широко распахнул дверь своего маленького домика, вывалился на крыльцо в одних трусах и попытался схватить Ника. Крикнул, что собирается сделать с ним то, «что следовало сделать в Хьюстоне». Кажется, принял Ника за какого-то Дженнера. Он гонялся за Ником по крыльцу, как зомби из третьесортного фильма ужасов. Его пах ужасно распух. Казалось, кто-то засунул ему в трусы мускатную дыню. В конце концов мужчина грохнулся на крыльцо, и Ник наблюдал за ним с лужайки, с гулко бьющимся сердцем. Мужчина потряс кулаком, потом уполз в дом, не потрудившись закрыть дверь.

Но в большинстве домов вообще никто не откликался, и в итоге Ник уже не мог заставить себя подойти к еще хотя бы одному дому. Зловещие предчувствия из сна стали явью, и он не мог избавиться от мысли, что стучит в двери гробниц, стучит, чтобы разбудить мертвых, и рано или поздно трупы начнут откликаться. Он, конечно, пытался убедить себя, что большинство домов пустует, поскольку их обитатели уехали в Камден, Эльдorado или Техаркану, – но не получалось.

Он вернулся в дом Бейкеров. Джейн Бейкер крепко спала. Ник пощупал ее лоб – прохладный, – но на этот раз его это не особенно обнадежило.

Наступил полдень. Он снова пошел на стоянку грузовиков, чувствуя, что практически бессонная ночь дает о себе знать. Тело гудело от боли после падения с велосипеда. Бейкеровский револьвер сорок пятого калибра колотился о бедро. В кафе-закусочной он разогрел две банки супа и перелил в кружки-термосы. Молоко в холодильнике, похоже, еще не успело скиснуть, так что он прихватил бутылку.

Билли Уорнер уже умер, а Майк, увидев Ника, начал истерически смеяться, тыча в него пальцем:

– Двоим хана, а третий на подходе! Двоим хана, а третий на подходе! Месть свершается! Так? Так?

Рукояткой швабры Ник осторожно пропихнул под решетчатую дверь кружку-термос с супом, потом большой стакан молока. Мелкими глотками Майк стал пить суп прямо из кружки. Ник взял свою и сел на пол в коридоре. Решил, что сначала поест, а уж потом оттащит Билли вниз. Он проголодался. Пока ел суп, задумчиво смотрел на Майка.

– Интересуешься моим самочувствием? – спросил Майк.

Ник кивнул.

– Точно так же, как утром, когда ты ушел. Я выхаркал целый фунт мокроты. – Он с надеждой посмотрел на Ника. – Моя мама всегда говорила: если мокрота так отходит, ты идешь на поправку. Может, у меня легкий случай, а? Как думаешь, это возможно?

Ник пожал плечами. Все возможно.

– Здоровье у меня богатырское. Я думаю, это ерунда. Я думаю, что поправлюсь. Послушай, чел, выпусти меня. Пожалуйста. Я, твою мать, умоляю тебя.

Ник задумался.

– Черт, у тебя же есть пушка. Но ты мне все равно не нужен. Я просто хочу выбраться из этого города. Сначала узнаю, как там моя жена...

Ник указал на левую руку Майка, без кольца.

– Да, мы развелись, но она живет в городе, на Ридж-роуд. Я хочу к ней заскочить. Что скажешь, чел? – Майк плакал. – Дай мне шанс. Не оставляй меня в этой крысоловке.

Ник медленно поднялся, вернулся в кабинет и открыл ящик стола, в котором лежали ключи. Логику Майка он опровергнуть не мог: не имело смысла рассчитывать, что кто-нибудь наконец заявится сюда, чтобы забрать арестованного. Он взял ключи и пошел обратно. Поднял нужный ключ с белой биркой, который показывал ему Большой Джон Бейкер, и бросил всю связку сквозь решетку Майку Чайлдрессу.

– Спасибо, – забормотал Майк. – Спасибо. Прости, что избили тебя. Клянусь Богом, это все Рэй придумал. Мы с Винсом пытались его отговорить, но у него, когда напьется, крыша едет... – Ключ повернулся в замке. Ник отступил и положил руку на рукоять револьвера.

Дверь камеры распахнулась, и Майк вышел.

– Я не отказываюсь от своих слов. Все, что мне нужно, – это выбраться из города. – Он рванул к кабинету шерифа. Ник последовал за ним и успел заметить, как закрывается входная дверь.

Выйдя на улицу, он увидел, что Майк стоит на тротуаре, положив руку на парковочный счетчик, и смотрит на пустынную улицу.

– Боже мой, – прошептал он и обернулся к Нику. – Вот оно как? Вот оно как?

Ник кивнул, все еще держа руку на рукоятке револьвера.

Майк начал говорить что-то еще, но слова растворились в приступе кашля. Он прикрыл рот рукой, а потом вытер губы.

– Я отсюда сматываюсь, – наконец сказал он. – Если у тебя хватит ума, немой, ты последуешь моему примеру. Это ж чисто черная смерть или что-то в этом роде.

Ник пожал плечами, и Майк зашагал по тротуару. Все быстрее и быстрее, чуть ли не бегом. Ник смотрел ему вслед, пока тот не скрылся из виду, а потом вернулся в участок. Больше он Майка не видел. На сердце у него полегчало, внезапно появилась уверенность, что он поступил правильно. Ник лег на койку и почти сразу провалился в сон.

Спал он чуть ли не до вечера, на койке без одеяла, проснулся потный, но отдохнувший. Над холмами бушевала гроза – он не мог слышать гром, но видел бело-голубые вилы молний, втыкавшиеся в землю. До Шойо в тот вечер гроза так и не добралась.

В сумерках он прошелся по главной улице до магазина «Радиоприемники и телевизоры» и вновь взломал замок. Оставил на кассовом аппарате записку и унес в участок портативный телевизор «Сони». Включил его и принялся переключать каналы. На Си-би-эс увидел заставку:

«ПРОБЛЕМЫ С ТРАНСЛЯЦИЕЙ В МИКРОВОЛНОВОМ ДИАПАЗОНЕ. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ПЕРЕКЛЮЧАЙТЕСЬ». На Эй-би-си показывали «Я люблю Люси». На Эн-би-си оставили заявленный сериал – о нахальной девице, которая пыталась устроиться механиком в сеть автосалонов, – но серию показывали старую. Независимая телевизионная станция Техарканы, специализирующаяся на старых фильмах, телевикторинах и религиозных программах вроде Джека ван Импа, в эфир не вышла.

Ник выключил телевизор, направился в кафе-закусочную на стоянке грузовиков и приготовил суп и сэндвичи для двух человек. Он находил что-то жуткое в том, что уличные фонари зажглись, как и всегда, по обеим сторонам главной улицы, пятная ее кругами белого света. Ник положил еду в корзину с крышкой, и по пути к дому Бейкеров на него напала стая из трех или четырех собак, по-видимому, брошенных и некормленных, которых привлек запах пищи. Ник вытащил револьвер, но не мог заставить себя пустить оружие в ход, пока одна из собак чуть не укусила его. Тогда он нажал на спусковой крючок, и пуля отскочила от бетона в пяти футах от него, оставив серебристый свинцовый след. Звука он, естественно, не услышал, но почувствовал отдачу. Собаки разбежались в разные стороны.

Джейн спала. Ее лоб и щеки пылали, дышала она медленно и с трудом. Нику показалось, что она сильно осунулась. Он смочил полотенце холодной водой и вытер ее лицо. Оставил еду на прикроватном столике, спустился в гостиную и включил телевизор, цветной, с большим экраном.

На Си-би-эс так и не устранили проблемы с трансляцией, на Эн-би-си сетку вещания не меняли, а на Эй-би-си изображение то и дело пропадало, вдруг становилось четким – и тут же расплзалось из-за помех. И транслировали на Эй-би-си только старые программы, приобретенные у других компаний, словно доступ к своим им перекрыли. Значения это не имело. Ник ждал только одного – выпуска новостей.

Наконец пошли новости, ошарашившие Ника. «Эпидемия “супергриппа”», конечно же, стала центральным событием, но ведущие на обоих каналах утверждали, что ситуация взята под контроль. В Противоэпидемическом центре Атланты разработана вакцина, и уже в начале следующей недели каждый сможет прийти к своему доктору на прививку. Серьезные вспышки заболевания отмечены в Нью-Йорке, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе, но все они локализованы. В некоторых районах, сообщил ведущий, временно запрещены публичные собрания.

«В Шойо, – подумал Ник, – запретили целый город. Кто кого пытается обмануть?»

В заключение ведущий сообщил, что поездки в большинство крупных городов по-прежнему ограничены, но ограничения будут сняты, как только вакцину развезут по стране. Затем он перешел к авиационной катастрофе в Мичигане и о реакции некоторых конгрессменов на последнее постановление Верховного суда по правам гомосексуалистов.

Ник выключил телевизор и вышел на крыльцо дома Бейкеров. Сел на стоявший там диван-качалку. Движение взад-вперед успокаивало, а ржавого скрипа – Джон Бейкер все время забывал смазывать подвижные части – Ник не слышал. Он наблюдал за светлячками, неровными стежками прошивавшими темноту. Иной раз облака на горизонте изнутри подсвечивала молния, и тогда казалось, будто в них тоже поселились светляки, огромные, как динозавры. Липкая ночь навалилась на Ника.

Для него телевидение служило исключительно источником визуальной информации, и во время выпуска новостей он обратил внимание на подробности, которые вполне могли ускользнуть от других зрителей. Полностью отсутствовали репортажи с мест. Не сообщались результаты бейсбольных матчей, возможно, потому, что ни одного матча и не состоялось. Расплывчатая сводка погоды без карты с зонами повышенного и пониженного давления смотрелась так, будто Метеорологическая служба Соединенных Штатов закрывала лавочку. И исходя из личного опыта Ник полагал, что это соответствует действительности.

Оба ведущих выглядели нервными и расстроенными. Одного донимала простуда. Однажды он кашлянул в микрофон и извинился. Оба то и дело отводили взгляд от объектива камеры, смотрели то вправо, то влево... словно в студии находились какие-то люди, следившие, чтобы с экрана не прозвучало ничего лишнего.

Ту ночь, двадцать четвертого июня, Ник провел на переднем крыльце дома Бейкеров, и сны ему снились очень плохие. А теперь, во второй половине следующего дня, он присутствовал при последних минутах жизни Джейн Бейкер, этой прекрасной женщины... и не мог сказать ни слова утешения.

Она держала его за руку. Ник смотрел на ее бледное, осунувшееся лицо. Кожа стала сухой, весь пот испарился. Но его это не обнадеживало. Она уходила. Он уже научился различать это состояние.

– Ник. – Она улыбнулась. – Хочу снова поблагодарить тебя. Никому не хочется умереть в одиночку, так ведь?

Он яростно потряс головой, и она поняла, что он не соглашался с ней, а хотел, чтобы она жила и жила.

– Да, я умираю, – спокойно возразила Джейн. – Но это не важно. В том шкафу висит платье, Ник. Белое. Ты узнаешь его по... – Приступ кашля не дал ей договорить. Справившись с ним, она закончила предложение: – ...по кружевам. В этом платье я садилась в поезд, когда мы отправились в свадебное путешествие. Оно и сейчас мне подходит... или подходило. Наверное, теперь будет великовато – я немного похудела, – но это не имеет значения. Мне оно всегда нравилось. Мы с Джоном ездили на озеро Поншартрен. Там я провела две самые счастливые недели в моей жизни. С Джоном мне всегда было хорошо. Ты запомнишь про платье, Ник? Я хочу, чтобы меня похоронили в нем. Ты сможешь... переодеть меня? Тебя это не смутит?

Он шумно сглотнул и покачал головой, глядя на покрывало. Должно быть, она почувствовала его печаль и неловкость, потому что о платье больше не упоминала. Легко, почти кокетливо заговорила о другом. Как победила на конкурсе чтецов в старшей школе и поехала на финальный этап в Арканзас, и как нижняя юбка свалилась с нее и упала ей на туфли как раз в тот момент, когда она добралась до кульминационного момента в «Демоне-любовнике» Ширли Джексон. Как ее сестра поехала во Вьетнам в составе баптистской церковной миссии и вернулась не с одним или двумя, а с тремя приемными детьми. Как три года назад они отправились с Джоном в туристический поход, и лось, пребывавший в дурном настроении в отсутствие самки, загнал их на дерево и продержал там целый день.

– Мы сидели на ветвях и ворковали, как школьники на балконе, – сонно говорила она. – Господи, он так распалился к тому моменту, как мы спустились вниз. Он... мы... любили друг друга... очень любили... миром движет любовь, я всегда так думала... это единственное, что позволяет людям стоять в мире, где гравитация всегда стремится сбить их с ног... уложить на землю... заставить ползать... мы... очень любили друг друга...

Наконец она заснула и спала, пока сон не прервался новой вспышкой бреда – Ник разбудил ее, то ли отдернув занавеску, то ли наступив на скрипучую половицу.

– *Джон!* – придушенно закричала она – в горле клокотала мокрота. – *Ох, Джон, я не могу справиться с этим чертовым рычагом! Джон, ты должен мне помочь! Ты должен мне...*

Слова перешли в долгий приступ хриплого кашля. Ник не слышал ни звука, но все чувствовал. Из одной ноздри потекла тоненькая струйка темной крови. Джейн упала на подушку, и ее голова дернулась из стороны в сторону, раз, другой, третий, словно она принимала какое-то жизненно важное решение и с чем-то не соглашалась.

Потом она затихла.

Ник робко коснулся ее шеи, потом пощупал внутреннюю сторону запястья, затем положил руку между грудей. Сердце не билось. Джейн умерла. Часы важно тикали на прикроватном столике, но слышать их было уже некому. На минуту он прижался лбом к коленям, как

обычно, молча. Поплакал. *Все, что тебе позволено, – это тоненькая струйка*, однажды сказал ему Руди, *но в мире мыльных опер это бывает очень даже кстати*.

Ник знал, что ему предстоит, но не хотел этого делать. «Это несправедливо! – кричала какая-то его часть. – Это меня не касается!» Но раз уж здесь никого не было – возможно, в радиусе многих миль, – не оставалось ничего другого, как браться за дело. Браться – или оставить ее тут гнить, чего он допустить не мог. Джейн была добра к нему, а за свою жизнь он встретил очень много людей, как больных, так и здоровых, которые делиться добром вовсе не спешили. Ник понимал, что лучше сразу перейти к делу. Чем дольше он будет сидеть, тем труднее окажется первый шаг. Он знал, где находится похоронное бюро Кертиса – три квартала по Главной улице и еще один на запад.

Он заставил себя встать и подойти к шкафу, отчасти надеясь на то, что белое платье окажется всего лишь частью ее бреда. Но оно там висело. Немного пожелтевшее от времени, однако тем не менее узнаваемое. По кружевам. Ник вытащил его и положил на скамью у изножья кровати. Посмотрел на платье, посмотрел на женщину, подумал: *Немножко великовато – это слабо сказано. Чертова болезнь обошлась с ней жестоко... но, наверное, это не имеет значения*.

Ему не хотелось, но он обогнул кровать и стал снимать с Джейн ночную рубашку. А когда ему открылось ее обнаженное тело, ужас исчез и осталась только жалость – жалость, которая проникала в самые глубины сердца. Ник плакал, обмывая Джейн. Потом надел на нее платье, чтобы она выглядела точно так же, как в тот день, когда они с Джоном отправились на озеро Поншартрен. Наконец поднял ее на руки, одетую как в тот день и всю в кружевах, да, всю в кружевах, и понес к похоронному бюро, словно жених, на руках переносящий свою возлюбленную через порог вечности.

Глава 26

В ночь с двадцать пятого на двадцать шестое июня одна из студенческих группировок – то ли «Студенты за демократическое общество», то ли «Юные маоисты» – воспользовалась копиром, чтобы к утру обклеить весь кампус Университета штата Кентукки в Луисвилле плакатами:

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

ВАМ ЛГУТ!

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЖЕТ ВАМ!

**ПРЕССА, ПРИНУЖДЕННАЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
СВИНЬЯМИ В МУНДИРАХ, ЛЖЕТ ВАМ!**

**АДМИНИСТРАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА ЛЖЕТ ВАМ, КАК
ПО ЕЕ ПРИКАЗУ ЛГУТ И ВРАЧИ ПОЛИКЛИНИКИ!**

1. НИКАКОЙ ВАКЦИНЫ ПРОТИВ «СУПЕРГРИППА» НЕ СУЩЕСТВУЕТ.
2. «СУПЕРГРИПП» – НЕ СЕРЬЕЗНАЯ БОЛЕЗНЬ, ЭТО *СМЕРТЕЛЬНАЯ* БОЛЕЗНЬ.
3. ЗАБОЛЕТЬ И УМЕРЕТЬ МОГУТ ДО 75 % НАСЕЛЕНИЯ.
4. ВИРУС «СУПЕРГРИППА» СОЗДАН СВИНЬЯМИ В МУНДИРАХ, АМЕРИКАНСКОЙ АРМИЕЙ, И СЛУЧАЙНО ВЫРВАЛСЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ СЕКРЕТНОЙ ЛАБОРАТОРИИ.
5. СВИНЬИ В МУНДИРАХ ТЕПЕРЬ ХОТЯТ СКРЫТЬ СВОЙ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫЙ ПРОМАХ ДАЖЕ ЦЕНОЙ ГИБЕЛИ 75 % НАСЕЛЕНИЯ!

**ПРИВЕТ ВСЕМ РЕВОЛЮЦИОННО
НАСТРОЕННЫМ ЛЮДЯМ!**

ПРИШЛО ВРЕМЯ ПОДНИМАТЬСЯ НА БОРЬБУ!

ОБЪЕДИНЯТЬСЯ, БОРОТЬСЯ, ПОБЕЖДАТЬ!

МИТИНГ В СПОРТИВНОМ ЗАЛЕ В 19.00!

**ЗАБАСТОВКА! ЗАБАСТОВКА!
ЗАБАСТОВКА! ЗАБАСТОВКА!**

Случившееся на УБЗ-ТВ в Бостоне спланировали предыдущим вечером трое ведущих новостных выпусков и шестеро техников. Все они работали в шестой студии. Пятеро из них регулярно играли в покер, а шестеро уже заболели. Все понимали, что терять им нечего. Они собрали с десятков пистолетов и револьверов. Боб Палмер, ведущий утреннего выпуска новостей, пронес оружие на работу в дорожной сумке, в которой обычно приносил тексты, карандаши и несколько блокнотов.

Работу студии контролировали люди, представлявшие национальными гвардейцами, но, как Палмер сказал прошлым вечером Джорджу Дикерсону, никогда в жизни он не видел гвардейцев, которым за пятьдесят.

Мятеж вспыхнул в 9.01, сразу же после того как Палмер начал читать успокоительный текст, врученный ему армейским сержантом десятью минутами ранее. Вдевтером сотрудники захватили контроль над телевизионной станцией. Солдат, не ожидавших, что у них могут возникнуть какие-либо серьезные трудности с жалкой группкой штатских, привыкших сообщать о трагедиях, которые происходят где-то далеко-далеко, застали врасплох и разоружили. Другие работники станции присоединились к мятежникам, быстро очистили шестой этаж и заперли все двери. Лифты вызвали на шестой этаж до того, как солдаты в вестибюле сообразили, что происходит. Трое солдат попробовали подняться по восточной пожарной лестнице, но уборщик по имени Чарльз Йоркин, вооруженный армейским карабином, выстрелил поверх их голов. Этот выстрел оказался единственным.

Телезрители, смотревшие УБЗ-ТВ, увидели, как Боб Палмер прервал чтение на полуслове, после чего скомандовал: «Поехали!» За кадром послышался шум борьбы. Когда наступила тишина, тысячи пораженных зрителей увидели, что ведущий держит в руке короткоствольный пистолет.

Кто-то хрипло, ликуя, завопил:

– Мы их взяли, Боб! Мы взяли ублюдков! Они в наших руках!

– Отлично, чистая работа, – кивнул Палмер и вновь повернулся к камере: – Жители Бостона и все американцы, находящиеся в зоне вещания нашей телестанции. В этой студии только что произошло нечто очень серьезное и очень важное, и я счастлив, что впервые это событие случилось у нас, в Бостоне – колыбели американской независимости. Последние семь дней эта телестудия находилась под контролем людей, которые называют себя национальными

гвардейцами. Вооруженные люди в хаки стояли рядом с нашими операторами, в пультовых, около телетайпов. Корректировались ли новости? С сожалением вынужден дать положительный ответ на этот вопрос. Мне вручали текст и заставляли читать его перед камерой, буквально с пистолетом у виска. Тексты, которые я зачитывал, имели отношение к так называемой эпидемии супергриппа и содержали заведомо ложную информацию.

На пульте управления замигали огоньки. Не прошло и пятнадцати секунд, как включились все лампы.

– Кадры, которые снимали наши операторы, изымались или намеренно засвечивались. Материалы наших корреспондентов исчезали. И все-таки, дамы и господа, у нас есть что вам показать, и корреспонденты находятся сейчас в этой студии – уже не как профессиональные репортеры, но как живые свидетели, возможно, величайшего бедствия, с которым столкнулась наша страна... И такими словами я не разбрасываюсь. Сейчас мы покажем вам некоторые материалы. Все съемки велись тайно, поэтому качество некоторых сюжетов оставляет желать лучшего. Однако мы, люди, только что освободившие нашу телестанцию, думаем, что вы увидите достаточно. Возможно, даже больше, чем вам хотелось бы.

Он поднял глаза, достал из кармана платок и высморкался. Те, у кого дома стояли хорошие цветные телевизоры, заметили, что лицо у него горит, как при высокой температуре.

– Если все готово, Джордж, то давай.

Лицо Палмера сменилось кадрами, снятыми в Центральной больнице Бостона. Забитые под завязку палаты. Больные на полу. Переполненные коридоры. Медсестры, многие из которых сами выглядят явно больными, бродят по коридорам, некоторые истерически плачут. Другие, совершенно ошарашенные, находятся в ступоре.

Часовые на перекрестках с винтовками в руках. Здания со взломанными дверями.

Снова появился Боб Палмер.

– Если у вас есть дети, дамы и господа, – заговорил он ровным голосом, – мы советуем попросить их уйти из комнаты.

На экране большой, оливкового цвета армейский грузовик зад ним ходом ехал по пирсу, вдающемуся в Бостонскую гавань. У пирса на воде покачивалась баржа, укрытая брезентом. Двое солдат в противогазах, прямо-таки инопланетяне, выпрыгнули из кабины грузовика. Изображение дернулось, потом снова выровнялось. Солдаты откинули полог над задним бортом, залезли в кузов, и оттуда на баржу посыпались тела: женщины, старики, дети, полицейские, медсестры. В какой-то момент стало ясно, что солдаты поддевают тела вилами.

Палмер вел передачу около двух часов, постепенно садящимся голосом зачитывал свидетельства очевидцев и сводки новостей, сам брал интервью у других репортеров. Так продолжалось до тех пор, пока кто-то на первом этаже не сообразил, что для прекращения трансляции вовсе не обязательно отвоевывать шестой этаж. В 11.16 передатчик УБЗ, взорванный двадцатью фунтами пластида, замолк навсегда.

Палмера и всех, кто находился на шестом этаже, тут же расстреляли по обвинению в измене государству – Соединенным Штатам Америки.

«Трубный глас Дербина», еженедельная газета, которую издавал в маленьком городке в Западной Виргинии Джеймс Д. Хоглисс, отошедший от дел адвокат, всегда расходилась хорошим тиражом, потому что Хоглисс в конце сороковых и в пятидесятых яростно отстаивал право шахтеров на создание профсоюза, а его передовицы сулили адские муки бюрократам всех уровней, от городского до федерального.

Разносчиков газет у Хоглисса хватало, но в это ясное летнее утро он развозил газеты сам, на своем «кадиллаке» модели тысяча девятьсот сорок восьмого года. Большие колеса с белыми боковинами катили по улицам Дербина... и в глаза сразу бросалось отсутствие людей и автомобилей. Обычно «Трубный глас» выходил в другой день недели, но этот номер

газеты состоял лишь из одной страницы: текст, набранный большим кеглем, окаймляла черная рамка. Поверху тянулась надпись: «ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК», – и это был первый экстренный выпуск Хоглисса после тысячи девятьсот восьмидесятого года, когда произошел взрыв на шахте «Божья коровка», похоронивший под землей сорок шахтеров.

Заголовок гласил:

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИЛЫ ПЫТАЮТСЯ СКРЫТЬ ВСПЫШКУ ЧУМЫ.

И ниже: *Джеймс Д. Хоглисс, специально для «Трубного гласа».*

Далее шел текст:

Как стало известно Вашему корреспонденту из надежного источника, эпидемия гриппа (здесь, в Западной Виргинии, эту болезнь иногда называют «удушкой» или «черной шеей») в действительности вызвана смертоносной мутацией обычного вируса гриппа, созданной нынешним федеральным правительством для военных целей, что напрямую противоречит пересмотренным Женевским конвенциям по бактериологическому и химическому оружию, которые представители Соединенных Штатов подписали семь лет назад. Источник, армейский представитель, в настоящее время находящийся в Уилинге, также сообщил, что обещанная в самом ближайшем будущем вакцина – «откровенная ложь». Никакой вакцины, согласно этому источнику, еще не разработано.

Граждане, это не просто беда или трагедия, это конец нашей веры в государство. Если мы действительно выбрали себе такую власть, тогда...

Хоглисс тоже заболел и очень ослаб. Последние остатки сил он, похоже, потратил на написание передовицы. Силы обратились в слова и ничем не восполнились. Бронхи забила мокрота, каждый вздох давался с трудом, словно Хоглисс бежал вверх по склону холма. И однако, он методично объезжал дом за домом, оставляя у каждого свою гневную статью, не зная, есть ли кто-то внутри, а если и есть, хватит ли ему сил, чтобы выйти из дома и взять оставленное.

Наконец он добрался до западной окраины города – Бедняцкого ряда с его лачугами, трейлерами и вонючими выгребными ямами. Газеты остались только в багажнике, крышку которого Хоглисс не закрывал, и она покачивалась вверх-вниз на каждой рытвине. Он пытался не сдаться дикой головной боли, и перед глазами у него все двоилось.

После того как он доставил газету в последний дом, разваливающуюся лачугу у самой границы с Рэкс-Кроссингом, в багажнике осталась только одна пачка, примерно двадцать пять экземпляров. Старым перочинным ножом Хоглисс разрезал шпагат и позволил ветру унести газеты, куда тому вздумается, размышляя о своем источнике информации, майоре с черными затравленными глазами, которого каких-то три месяца тому назад перевели сюда со сверхсекретного объекта в Калифорнии, построенного под проект «Синева». Майор руководил там наружной охраной и, рассказывая Хоглиссу все, что ему было известно, то и дело поглаживал рукоятку пистолета. Хоглисс подумал, что вряд ли пройдет много времени, прежде чем майор пустит оружие в ход. Если уже не пустил.

Он вновь вернулся за руль «кадиллака», единственного автомобиля, которым владел с тех давних пор, когда ему только исполнилось двадцать семь лет, и вдруг понял, что слишком устал, чтобы возвращаться в город. Сонно откинулся на заднее сиденье, прислушиваясь к клочкотанию, доносившемуся из груди, наблюдая, как ветер лениво тащит экземпляры экстрен-

ного выпуска к Рэкс-Кроссингу. Некоторые зацепились за деревья и повисли на ветвях, как экзотические фрукты. До него доносилось журчание протекающей неподалеку реки Дербин, в которой он мальчишкой ловил рыбу. Теперь, разумеется, рыба в ней не водилась – угольные компании об этом позаботились, – но звук успокаивал. Хоглисс закрыл глаза, заснул, а через полтора часа умер.

Они успели отпечатать двадцать шесть тысяч экземпляров экстренного одностраничного выпуска «Лос-Анджелес таймс», прежде чем дежурные офицеры обнаружили, что печатают отнюдь не заявленный рекламный проспект. Последовало возмездие, быстрое и кровавое. Согласно официальной версии ФБР, «радикальные революционеры» – это древнее пугало – подложили динамит в типографию «Таймс», что привело к смерти двадцати восьми работников. ФБР не пришлось объяснять, каким образом в результате взрыва в каждой из двадцати восьми голов оказалось по пуле, так как трупы смешали с тысячами тел жертв эпидемии и похоронили в море.

Тем не менее десять тысяч экземпляров успели разойтись, и этого вполне хватило. Заголовков, набранный тридцать шестым кеглем, кричал:

ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ В КОГТЯХ ЭПИДЕМИИ

Тысячи людей бегут от смертельного «супергриппа»

Правительство пытается скрыть свою вину

ЛОС-АНДЖЕЛЕС. Некоторые солдаты, называющие себя национальными гвардейцами, призванными помочь в связи с создавшейся критической ситуацией, на самом деле являются профессиональными военными. На рукавах у них по четыре звездочки, каждая из которых дается за десять лет службы. Одна из их целей – уверить напуганных жителей Лос-Анджелеса, что вирус «супергриппа», который молодежь во многих районах называет «Капитаном Торчем», «лишь в незначительной степени более опасен», чем лондонский или гонконгский штаммы... но эти уверения звучат сквозь мембраны респираторов. Сегодня, в восемнадцать часов по СТВ⁶¹, планируется выступление президента, и пресс-секретарь Хуберт Росс назвал сообщения о том, что президент будет выступать в помещении, выглядящем как Овальный зал, но в действительности находящемся глубоко под землей в бункере Белого дома, «истеричными, злобными и совершенно безосновательными». Согласно попавшему нам в руки предварительному тексту речи президента, он собирается «отшлепать» американский народ за излишне острую реакцию и сравнивает теперешнее состояние людей с паникой, вызванной радиоспектаклем Орсона Уэллса «Война миров» в тридцатых годах.

У «Таймс» есть пять вопросов, на которые мы хотели бы услышать ответ в выступлении президента:

⁶¹ СТВ – стандартное тихоокеанское время (минус 8 часов от Гринвича).

1. Почему головорезы в военной форме запрещают «Таймс» публиковать новости, тем самым напрямую нарушая конституционные права?

2. Почему федеральные шоссе 5, 10 и 15 заблокированы бронев автомобилями и бронетранспортерами?

3. Если это действительно только «небольшая вспышка гриппа», почему в Лос-Анджелесе и на прилегающих территориях объявлено военное положение?

4. Если это действительно только «небольшая вспышка гриппа», почему в Тихий океан буксируются караваны барж и затопляются там? Что находится на этих баржах? Не вывозятся ли на них – как мы опасаемся и как нам сообщают информированные источники – трупы жертв эпидемии?

5. И наконец, если врачам и территориальным больницам в начале следующей недели действительно будет выдана вакцина, то почему до сих пор *ни один* из сорока шести врачей, с которыми связывались репортеры этой газеты, ничего не знает о конкретных планах поставки? Почему не развернут *ни один* пункт проведения прививок против «супергриппа»? Почему *ни один* из десяти фармацевтических складов, которые мы обзвонили, не получил счетов или извещений о скорых поставках вакцины?

Мы призываем президента ответить в своей речи на все эти вопросы, но прежде всего мы призываем его отказаться от репрессивных методов управления и этой безумной попытки скрыть правду...»

В Дулуте мужчина в шортах цвета хаки и сандалиях разгуливал по Пьемонт-авеню с полосой сажи на лбу и двойным рекламным щитом, закрепленным на тощих плечах.

Надпись от руки, сделанная спереди, гласила:

ВРЕМЯ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ПРИШЛО

ГОСПОДЬ НАШ ХРИСТОС СКОРО ВЕРНЕТСЯ

ГОТОВЬТЕСЬ К ВСТРЕЧЕ С БОГОМ!

Сзади красовалось:

ЗРИ! СЕРДЦА ГРЕШНИКОВ РАЗБИТЫ!

ВЕЛИКИЕ БУДУТ УНИЖЕНЫ, А УНИЖЕННЫЕ – ВОЗВЕЛИЧЕНЫ

ЧЕРНЫЕ ДНИ НАСТУПАЮТ

ГОРЕ ТЕБЕ, О СИОН!

Четверо молодых людей в мотоциклетных куртках, все кашляющие и в соплях, набросились на мужчину в шортах и избили до беспамятства его же двойным рекламным щитом. Потом убежали, а один из них истерично крикнул через плечо:

– Будешь знать, как пугать людей! Будешь знать, как пугать людей, полоумный выродок!

Из утренних радиопрограмм Спрингфилда, штат Миссури, самый высокий рейтинг был у телефонного шоу радиостанции КЛФТ «Говорите, вы в прямом эфире» с ведущим Рэем Флауэрсом. К его студийной кабине подсоединялись шесть телефонных линий, и утром двадцать шестого июня из всех сотрудников КЛФТ на работу пришел он один. Флауэрс отдавал себе отчет, что происходит в окружающем мире, и очень боялся. Ему казалось, что за последнюю неделю или около того заболели все, кого он знал. В Спрингфилд войска не ввели, но части Национальной гвардии появились в Канзас-Сити и Сент-Луисе, чтобы «остановить распространение паники» и «предотвратить грабежи». Рэй Флауэрс чувствовал себя прекрасно. Он задумчиво посмотрел на свое оборудование – телефонные аппараты, устройство выдержки времени, позволяющее редактировать речь тех звонящих, что могли вернуть в разговор непристойное словечко, стойки с рекламными роликами (*Если засорился туалет! Если сил терпеть уж больше нет! Человек со шлангом вам поможет! Чистильщик засоры уничтожит!*) и, разумеется, микрофон.

Рэй закурил, подошел к двери студии и запер ее. Вернулся в свою кабину и запер ее тоже. Выключил музыку, записанную на магнитофонной ленте, включил позывные своей программы и уст роился перед микрофоном.

– Всем привет, – начал он. – Это Рэй Флауэрс, ведущий передачи «Говорите, вы в прямом эфире», и сегодня, как мне кажется, есть только одна тема для разговора. Как бы вы ни называли эту болезнь, «супергриппом» или «Капитаном Торчем», речь идет именно о ней. Я слышал разные жуткие истории о том, как армия все подмяла под себя, и если вы хотите поделиться информацией, милости прошу. У нас ведь свободная страна, верно? А раз уж в это утро я в студии один, мы построим передачу чуть иначе. Я отключил устройство задержки по времени, и, думаю, сегодня мы обойдемся без рекламных пауз. Если вы находитесь в том самом Спрингфилде, который я вижу из окон КЛФТ, вряд ли кто-то расположен к шопингу.

Итак, если вы – настоящий спортсмен и готовы поддержать команду, как, бывало, говорила моя мама, давайте начнем. Номера наших контактных телефонов: пять-пять-пять-восемь-шесть-ноль-ноль и пять-пять-пять-восемь-шесть-ноль-один. Звонок бесплатный. Если будет занято, потерпите немного. Сегодня я в студии один.

В Карфагене, в пятидесяти милях от Спрингфилда, находилась армейская часть, и отряд из двадцати человек получил приказ разобраться с Рэем Флауэрсом. Два человека отказались подчиниться. Их расстреляли на месте.

За тот час, что военные добирались до Спрингфилда, Рэй Флауэрс принял звонки: от доктора, сообщившего, что люди мрут как мухи и, по его мнению, правительство лжет насчет вакцины; от медсестры, подтвердившей, что тела увозят из больниц Канзас-Сити на грузовиках; от бредящей женщины, заявившей, что во всем виноваты летающие тарелки из космоса; от фермера, рассказавшего, что армейский взвод, оснащенный двумя экскаваторами, выкопал на поле рядом с шоссе 71 к югу от Канзас-Сити чертовски длинный ров; и от еще нескольких человек, поделившихся своими историями.

Во входную дверь студии застучали.

– Откройте! – послышался чей-то приглушенный голос. – Откройте именем Соединенных Штатов!

Рэй посмотрел на часы. Без четверти двенадцать.

– Что ж, похоже, ко мне в гости заявили морпехи. Но мы просто будем продолжать наш разговор, хор...

Раздался треск автоматной очереди. Дверная ручка вывалилась на ковер. Из зазубренной дыры вырвалось облачко сизого дыма. Дверь распахнулась под напором мощного плеча, и с полдесятка солдат, в респираторах и при полном вооружении, ворвались в помещение.

– Только что несколько солдат вломились в студию, – прокомментировал Рэй. – Они вооружены... и выглядят так, словно готовы начать военную операцию по зачистке территории, как во Франции пятьдесят лет тому назад. Если не считать респираторов...

– Прекращай! – завопил здоровяк с сержантскими нашивками на рукаве. Он стоял перед прозрачной стенкой кабины и угрожающе жестикулировал винтовкой.

– Я этого не сделаю! – отозвался Рэй. Внутри у него все похолодело, и, взяв недокуренную сигарету из пепельницы, он увидел, что его пальцы дрожат. – У станции есть лицензия Федеральной комиссии по связи, и я...

– Я *отменяю* твою хренову лицензию! А теперь *прекращай* передачу!

– Я этого не сделаю, – повторил Рэй и снова повернулся к микрофону. – Дамы и господа, мне только что приказали отключить передатчик КЛФТ, и я отказался выполнить этот приказ. Думаю, я поступил совершенно правильно. Эти люди ведут себя как нацисты, а не американские солдаты. Я не собираюсь...

– Даю тебе последний шанс! – Сержант вскинул винтовку.

– Сержант, – подал голос один из солдат, оставшихся у двери. – Не думаю, что у вас есть право...

– Если этот парень еще что-нибудь вякнет, пристрелите его, – приказал сержант.

– Похоже, они собираются убить меня, – продолжил Рэй Флауэрс, и в следующую секунду стекло кабины разлетелось вдребезги, а сам он упал на пульт. Тут же послышался жуткий вой, который становился все громче и громче. Сержант разрядил в пульт всю обойму, и вой прекратился. Все лампочки на пульте погасли.

– Вот и все. – Сержант обернулся. – Я хочу вернуться в Карфаген к часу дня и не...

Трое из его подчиненных одновременно открыли огонь, один из безоткатной винтовки, скорострельность которой составляла семьдесят пуль с полыми наконечниками в секунду. Сержант исполнил судорожный танец смерти и рухнул спиной на остатки стеклянной стены кабины. Одна нога дернулась и вышибла из рамы несколько осколков стекла.

Рядовой, на побелевшем лице которого выделялась россыпь прыщей, зарыдал. Остальные замерли, ошарашенные. В воздухе плыл сильный, удушающий запах кордита.

– Мы его завалили! – истерично воскликнул рядовой. – Святой Боже, мы завалили сержанта Питерса!

Никто не ответил. На бледных лицах застыло недоумение, хотя позже многие пожалели о том, что не сделали этого раньше. Шла какая-то смертельная игра, но они не считали, что должны в ней участвовать.

Телефон, который Рэй Флауэрс, перед тем как умереть, переключил на громкую связь, затрещал.

– Рэй? Вы слышите, Рэй? – говорил усталый гнусавый голос. – Я слушаю вашу передачу постоянно, и я, и мой муж, и мы просто хотели сказать, чтобы вы и дальше продолжали в том же духе и не позволили им помыкать вами. Хорошо, Рэй? Рэй?.. Рэй?..

СООБЩЕНИЕ 234 ЗОНА 2 СЕКРЕТНАЯ ШИФРОВКА
ОТ: ЛЭНДОНА ЗОНА 2 НЬЮ-ЙОРК
КОМУ: КОМАНДУЮЩЕМУ КРАЙТОНУ
ТЕМА: ОПЕРАЦИЯ «КАРНАВАЛ»

КОРДОНЫ ВОКРУГ НЬЮ-ЙОРКА ПО-ПРЕЖНЕМУ
ФУНКЦИОНИРУЮТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ УБОРКА ТЕЛ В ГОРОДЕ
ОТНОСИТЕЛЬНО СПОКОЙНО X ВЕРСИЯ ПРИКРЫТИЯ ЛОПАЕТСЯ
БЫСТРЕЕ ЧЕМ ОЖИДАЛОСЬ НО ПОКА ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
НЕ СОЗДАЕТ НАМ ПРОБЛЕМ С КОТОРЫМИ МЫ НЕ МОГЛИ БЫ
СПРАВИТЬСЯ

СУПЕРГРИПП ДЕРЖИТ ИХ ПО ДОМАМ XX СУПЕРГРИППОМ
БОЛЬНЫ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО 50 % ВОЕННЫХ НА КОРДОНАХ
В ПУНКТАХ ВЪЕЗДА/ВЫЕЗДА [МОСТ ДЖОРДЖА ВАШИНГТОНА
МОСТ ТРИБОРО БРУКЛИНСКИЙ МОСТ ТОННЕЛИ ЛИНКОЛЬНА И
ГОЛЛАНДСКИЙ ПЛЮС ОСНОВНЫЕ АВТОТРАССЫ В ДРУГИЕ ОКРУГА
НЬЮ-ЙОРКА] НО В БОЛЬШИНСТВЕ СВОЕМ ВОЙСКА ЕЩЕ СПОСОБНЫ
К АКТИВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ И СПРАВЛЯЮТСЯ С ПОРУЧЕННЫМИ
ЗАДАЧАМИ XXX В ГОРОДЕ ТРИ НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ ПОЖАРА
ГОРЯТ ГАРЛЕМ СЕДЬМАЯ АВЕНЮ СТАДИОН ШИ XXXX
ДЕЗЕРТИРСТВО СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ СЕРЬЕЗНОЙ ПРОБЛЕМОЙ
ТЕПЕРЬ ДЕЗЕРТИРОВ РАССТРЕЛИВАЮТ НА МЕСТЕ XXXXX
ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ СИТУАЦИЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПОД КОНТРОЛЕМ НО
МЕДЛЕННО УХУДШАЕТСЯ XXXXXX КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ
ЛЭНДОН ЗОНА 2 НЬЮ-ЙОРК

В Боулдере, штат Колорадо, начал распространяться слух, что Метеорологический центр контроля воздуха США на самом деле является секретной лабораторией по производству бактериологического оружия. Слух этот повторил в эфире находящийся в полузабытьи диджей радиостанции «Денвер эф-эм». К одиннадцати вечера двадцать шестого июня из Боулдера начался массовый исход. Из Денвера направили роту солдат, чтобы остановить беженцев, но много ли может сделать человек с метлой против авгиевых конюшен? Более одиннадцати тысяч гражданских – больных, испуганных, одержимых одной только мыслью: уйти как можно дальше от Центра контроля воздуха – просто растоптали бы солдат, не отойди они в сторону. Тысячи других жителей Боулдера покидали город всеми возможными путями.

В четверть двенадцатого ночь подсветил громкий взрыв на территории Центра контроля воздуха, расположенного на Бродвее. Молодой радикал – Десмонд Реймедж – заложил в вестибюле центра шестнадцать фунтов пластида, первоначально предназначавшегося для взрыва зданий судов и законодательных собраний Среднего Запада. Взрывчатка не подвела, а с таймером вышла промашка. Реймедж испарился вместе с различным абсолютно безвредным для

человека метеорологическим оборудованием и приборами, измеряющими загрязненность воздуха.

А тем временем исход из Боулдера продолжался.

СООБЩЕНИЕ 771 ЗОНА 6 СЕКРЕТНАЯ ШИФРОВКА
ОТ: ГАРЕТА ЗОНА 6 ЛИТЛ-РОК
КОМУ: КОМАНДУЮЩЕМУ КРАЙТОНУ
ТЕМА: ОПЕРАЦИЯ «КАРНАВАЛ»

БРОДСКИ НЕЙТРАЛИЗОВАН ПОВТОРЯЮ БРОДСКИ
НЕЙТРАЛИЗОВАН ОН РАБОТАЛ ЗДЕСЬ В КЛИНИКЕ ЕГО СУДИЛИ
И РАССТРЕЛЯЛИ НА МЕСТЕ ЗА ИЗМЕНУ СОЕДИНЕННЫМ
ШТАТАМ АМЕРИКИ НЕКОТОРЫЕ ЕГО ПАЦИЕНТЫ ПОПЫТАЛИСЬ
ВМЕШАТЬСЯ 14 ГРАЖДАНСКИХ ПОЛУЧИЛИ ПУЛЕВЫЕ РАНЕНИЯ 6
УБИТО 3 МОИХ ЛЮДЕЙ РАНЕНО ВСЕ ЛЕГКО Х ВООРУЖЕННЫЕ
СИЛЫ ЗОНЫ 6 СОХРАНЯЮТ 40 % РАСЧЕТНОЙ БОЕГОТОВНОСТИ
ОКОЛО 25 % ВСЕ ЕЩЕ НАХОДЯЩИХСЯ В СТРОЮ БОЛЬНЫ
СУПЕРГРИППОМ 15 % ДЕЗЕРТИРОВАЛО ХХ САМЫЙ СЕРЬЕЗНЫЙ
ИНЦИДЕНТ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЛАНА Ф ХХХ СЕРЖАНТ Т.Л.
ПИТЕРС ПРОХОДИВШИЙ СЛУЖБУ В КАРФАГЕНЕ УБИТ ПРИ
ИСПОЛНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗАДАНИЯ В СПРИНГФИЛДЕ СУДЯ
ПО ВСЕМУ СВОИМИ ЖЕ СОЛДАТАМИ ХХХХ ПОСТУПИЛИ
НЕПОДТВЕРЖДЕННЫЕ ПОКА СООБЩЕНИЯ ОБ АНАЛОГИЧНЫХ
СЛУЧАЯХ СИТУАЦИЯ БЫСТРО УХУДШАЕТСЯ ХХХХХ КОНЕЦ
СООБЩЕНИЯ
ГАРЕТ ЗОНА 6 ЛИТЛ-РОК

Когда вечер растекся по небу, как пациент под наркозом – по операционному столу, две тысячи студентов Кентского университета, штат Огайо, вышли на тропу войны – и по-крупному. В число двух тысяч бунтовщиков входили студенты первого летнего мини-семестра, члены симпозиума, посвященного будущему студенческой журналистики, сто двадцать человек, посещавших курсы актерского мастерства, и двести членов огайского отделения национальной общественной организации «Будущие фермеры Америки», региональный конгресс которой совпал по времени со стремительным распространением «супергриппа». Всех их держали в кампусе уже четыре дня, с двадцать второго июня. Далее приведена распечатка переговоров патрульных, охватывающая временной промежуток с 19.16 до 19.22.

– Шестнадцатый, Шестнадцатый, как слышите? Прием.

– Слышу, Двадцатый, прием.

– У нас группа студентов, идут по бульвару, Шестнадцатый. Примерно семьдесят, и все навеселе, я бы сказал, и... проверьте это, Шестнадцатый, у нас еще одна группа, идущая с другой стороны... Господи, человек двести, не меньше. Прием.

– Двадцатый, это база. Слышите меня? Прием.

– Слышу вас ясно и четко, база. Прием.

– Я направляю Чамма и Холлидея. Блокируйте дорогу своим автомобилем. Больше не предпринимайте никаких действий. Если они насядут на вас, раздвиньте ноги и наслаждайтесь. Никакого сопротивления, слышите меня? Прием.

– Я слышу, никакого сопротивления, база. А что делают те солдаты на восточной стороне бульвара, база? Прием.

– Какие солдаты? Прием.

– Об этом я вас и спрашиваю, база. Они...

– База, это Дадли Чамм. Ох, черт, это Двенадцатый. Извините, база. Группа студентов идет по Барроус-драйв. Примерно сто пятьдесят человек. Направляются к бульвару. Что-то поют или скандируют. Но, капитан, Господи Иисусе, мы тоже видим солдат. Думаю, они все в противогазах. И выглядят так, будто готовятся к бою. Именно так. Прием.

– База – Двенадцатому. Присоединяйтесь к Двадцатому в начале бульвара. Те же инструкции. Никакого сопротивления. Прием.

– Понял, база. Уже еду. Прием.

– База, это Семнадцатый. Это Холлидей, база. Слышите меня? Прием.

– Слышу, Семнадцатый. Прием.

– Я следую за Чаммом. Еще двести студентов идут с запада на восток к бульвару. Они несут плакаты, как в шестидесятых. На одном написано: «СОЛДАТЫ БРОСАЙТЕ ОРУЖИЕ». Я вижу еще один: «ПРАВДУ ВСЮ ПРАВДУ И НИЧЕГО КРОМЕ ПРАВДЫ». Они...

– Мне насрать, *что* написано на плакатах, Семнадцатый. Поезжай к Чамму и Питерсу и блокируй их. Похоже, они лезут в торнадо. Прием.

– Понял. Конец связи.

– Начальник службы безопасности кампуса Ричард Берли обращается к командиру войсковой части, окопавшейся к югу от кампуса. Повторяю, это начальник службы безопасности Берли. Я знаю, что вы прослушиваете наши переговоры, поэтому не вертите хвостом и ответьте. Прием.

– Полковник армии Соединенных Штатов Алберт Филипс. Мы слушаем, начальник Берли. Прием.

– База, это Шестнадцатый. Студенты собираются у военного мемориала. Похоже, поворачивают к солдатам. Конец связи.

– Это Берли, полковник Филипс. Пожалуйста, сообщите о ваших намерениях. Прием.

– У меня приказ: ограничить перемещение тех, кто находится в кампусе, кампусом. И намерение у меня одно: выполнять его. Если эти люди просто проводят демонстрацию – что ж, имеют право. Если же они планируются вырваться из карантинной зоны – увы. Прием.

– Вы ведь не собираетесь...

– По-моему, я выразился достаточно ясно, начальник Берли. Конец связи.

– Филипс! Филипс! Ответьте мне, черт бы вас побрал! Это же не партизаны-коммунисты! Они дети! Американские дети! Они не вооружены! Они...

– Тринадцатый вызывает базу. Эти студенты идут на солдат, капитан. Размахивают своими плакатами. Поют эту песню. Ту самую, которую пела эта сучка Баэз⁶². Ох, черт! Я думаю, некоторые из них бросают камни. Они... Господи! Господи Иисусе! Они не могут этого делать!

– База – Тринадцатому! Что там у тебя? Что происходит?

– Это Чамм, Дик. Я скажу тебе, что тут происходит. Это бойня. Я жалею, что не слепой. Ох, сучьи дети! Они... ох, они просто косят студентов. Похоже, из автоматов. Насколько я могу сказать, даже без предупреждения. Те студенты, кто еще на ногах... ох, они бегут... бегут во все стороны. Ох, Господи! Я только что увидел, как девушку очередь буквально разорвало надвое! Кровь. На траве лежат семьдесят, восемьдесят человек. Они...

– Чамм! Возвращайся! Возвращайся, Двенадцатый!

– База, это Семнадцатый! Вы меня слышите? Прием.

– Я тебя слышу. Черт побери, но где гребаный Чамм? Гребаный *прием!*

– Чамм и... думаю, Холлидей... они вылезли из автомобилей, чтобы лучше видеть. Мы возвращаемся, Дик. Теперь солдаты, похоже, стреляют друг в друга. Не знаю, кто побеждает, да мне и без разницы. Кто бы ни победил, потом они примутся за нас. Когда те, кто сможет,

⁶² Джоан Чандос Баэз (р. 1941) – певица, автор песен, активистка различных общественных движений. Скорее всего речь идет о песне «Мы победим».

вернутся, я предлагаю всем спуститься в подвал и ждать, пока они расстреляют все патроны. Прием.

– Черт побери...

– Бойня продолжается, Дик. Я не шучу. Прием. Конец связи.

Приведенные выше переговоры по рации сопровождались звуковым фоном – хлопками, похожими на те, что раздаются, если бросить в костер каштаны. Помимо хлопков, слышались и крики... в последние секунд сорок к ним добавились тяжелые, гулкие разрывы мин.

Ниже приведена распечатка разговора, который велся по специальному высокочастотному радиоканалу в южной Калифорнии. Распечатка охватывает временной промежуток с 19.17 до 19.22 по СТВ.

– Мессинджил, десятая зона. Слышите нас, база «Синева»? Это сообщение закодировано как Энни Оукли, срочно-плюс-десять. Отвечайте, если вы на связи. Прием.

– Это Лен, Дэвид. Думаю, можно обойтись без этого птичьего языка. Подслушивать нас некому.

– Все вышло из-под контроля, Лен. Буквально все. Лос-Анджелес в огне. Весь гребаный город и окрестности. Все мои люди либо больны, либо взбунтовались, либо дезертировали, либо мародерствуют вместе с местным населением. Я нахожусь в главном здании «Бэнк оф Америка», в зале со стеклянным куполом. Около шестисот человек пытаются вломиться сюда и добраться до меня. Большинство из них – военные.

– Все рушится. Основа расшаталась.

– Повтори еще раз, я не понял.

– Не важно. Ты можешь выбраться?

– Черт, нет. Но первым мерзавцам из этой банды я дам повод для размышления. У меня безоткатная винтовка. Мерзавцы. Гребаные мерзавцы!

– Удачи тебе, Дэвид.

– Тебе тоже. Держи все в кулаке, сколько сможешь.

– Постараюсь.

– Я не уверен...

На этом разговор прервался. Послышался треск, грохот, скрежет рвущегося под напором грубой силы металла, звон разбитого стекла. Крики множества людей. Пистолетные и револьверные выстрелы. Потом в непосредственной близости от радиопередатчика слышались другие выстрелы, куда более мощные, оглушающие, словно кто-то стрелял из безоткатной винтовки. Крики приблизились. Взвизгнула пуля, от ricochetив от металла, кто-то закричал рядом с радиопередатчиком, слышался глухой удар, и наступила тишина.

Ниже приведена распечатка обращения по армейской волне из Сан-Франциско. Распечатка охватывает временной промежуток с 19.28 до 19.30 по СТВ.

– Солдаты и братья! Мы захватили радиостанцию и штаб! Ваши угнетатели мертвы! Я, брат Зено, еще несколько минут назад бывший сержантом первого класса Роландом Гиббсом, провозглашаю себя первым президентом республики Северная Калифорния! Ситуация находится под нашим контролем! Под нашим контролем! Если ваши офицеры попытаются отменить мои приказы, пристрелите их, как уличных собак! Как собак! Как сук, на задах которых еще не обсохло дерьмо! Записывайте имена, звания и личные номера дезертиров! Составляйте списки тех, кто ведет подрывную агитацию и призывает к измене республике Северная Калифорния! Начинается новый день! Время угнетателей закончилось! Мы...

Треск автоматных очередей. Крики. Глухие удары. Пистолетные выстрелы, снова крики, длинная автоматная очередь. Протяжный, умирающий стон. Три секунды мертвой тишины.

– Говорит майор Альфред Нанн, армия Соединенных Штатов. Я беру войска Соединенных Штатов, находящиеся в районе Сан-Франциско, под свое временное командование. Кучка предателей, захвативших штаб, уничтожена. Я принимаю командование на себя, повторяю, принимаю командование на себя. Дезертиры и предатели будут расстреливаться на месте. Сейчас я...

Снова автоматные очереди. Чей-то крик.

Отдаленный вопль:

– ...*всех! Держи их всех! Смерть свиньям в мундирах...*

Громкий треск автоматных очередей. Потом тишина.

В 21.16 по ВПВ⁶³ жители Портленда, штат Мэн, которые еще достаточно хорошо себя чувствовали, чтобы смотреть телевизор, и включили канал УКСХ-ТВ, онемев от ужаса, наблюдали, как огромный негр, обнаженный, если не считать набедренной повязки из розовой кожи и фуражки офицера морской пехоты, несомненно, большой, собственноручно расстрелял шестьдесят двух человек.

Его коллеги, вооруженные автоматическим и полуавтоматическим оружием, тоже чернокожие, не отличались от него одеждой: те же набедренные повязки и какие-то знаки отличия, показывающие, что раньше они служили в армии. Там, где раньше сидели приглашенные в студию зрители, наблюдая политические дебаты или игру «Доллары за звонок», теперь находились сотни две одетых в хаки солдат. Другие члены черной «хунты» держали их на прицеле винтовок и пистолетов.

Огромный негр, который постоянно ухмылялся, обнажая удивительно ровные и белые зубы, сжимал в руке автоматический пистолет сорок пятого калибра и стоял рядом с большим стеклянным барабаном, из которого когда-то – казалось, давным-давно – доставали вырезанные из телефонного справочника номера и набирали их в прямом эфире по ходу передачи «Доллары за звонок».

Негр крутанул барабан, вытащил из него водительское удостоверение и провозгласил:

– Рядовой Франклин Стерн, ко мне, пжалста!

Вооруженные люди, окружавшие аудиторию со всех сторон, принялись разглядывать нашивки с именами, в то время как оператор, несомненно, лишь недавно приобщившийся к этой профессии, резкими рывками переводил камеру.

Наконец на ноги подняли молодого человека со светлыми волосами, не старше девятнадцати, кричащего и протестующего, и вывели его на сцену. Двое негров заставили жертву опуститься на колени.

Негр-здоровяк ухмыльнулся, чихнул, выплюнул комок слизи и приставил пистолет к виску рядового Стерна.

– Нет! – истерически воскликнул Стерн. – Я пойду с вами, клянусь Богом, я пойду! Я...

– Воимяотцаисынаисвятогодуха, – нараспев произнес негр и нажал на спусковой крючок. Позади того места, где рядовой Стерн стоял на коленях, на полу красовалась большая лужа крови и мозгов. Теперь и он внес в нее свою лепту.

Плюх.

Негр снова чихнул и чуть не упал. Другой негр, тот, что находился в пультавой, нажал кнопку «АПЛОДИСМЕНТЫ». Перед студийной аудиторией вспыхнул соответствующий транспарант. Негры, охранявшие зрителей-пленников, угрожающе вскинули оружие, и белые солдаты, с блестящими от пота и перекошенными от ужаса лицами, неистово зааплодировали.

⁶³ ВПВ – восточное поясное время (минус 5 часов от Гринвича).

– Следующий! – прохрипел негр-здоровяк в набедренной повязке и вновь запустил руку в барабан. Посмотрел на удостоверение и объявил: – Мастер-сержант Роджер Петерсен, ко мне, пжалста!

Один из пленников взвыл и рванулся к задним дверям. Через несколько мгновений он уже стоял на сцене. Под шумок один из солдат в третьем ряду попытался оторвать от гимнастерки нашивку с именем. Прозвучал выстрел, и он обмяк на своем стуле, а глаза его затуманились, словно столь безвкусное шоу нагоняло подобную смерти дремоту.

Спектакль продолжался, пока где-то без четверти одиннадцать в студию не ворвались четыре взвода военных в респираторах и с автоматами в руках. Две группы умирающих солдат без промедления схватились между собой.

Негр-здоровяк в набедренной повязке упал почти сразу же, сыплющий проклятиями, потный, продырявленный пулями, и выпустил в пол патроны, оставшиеся в обойме его автоматического пистолета. Изменник, стоявший за камерой номер два, получил пулю в живот и наклонился вперед, пытаясь поймать вываливающиеся внутренности. Камера, медленно вращаясь, выдавала на экраны телевизоров панораму ада. Полуголые охранники открыли ответный огонь, и солдаты в респираторах принялись поливать свинцом зрительскую зону. Безоружные солдаты-пленники обнаружили, что спастись скорее всего не удастся и расстреляют их, похоже, всех сразу, а не по одному.

Молодой рыжеволосый парень, охваченный паникой, поднялся на шесть рядов, шагая по спинкам сидений, совсем как цирковой артист, прежде чем выпущенные очередью пули сорок пятого калибра раздробили ему ноги. Другие ползли по проходам между рядами, вжимаясь носом в пол, как их учили ползать под автоматным огнем на занятиях по боевой подготовке. Седой сержант в возрасте поднялся, раскинув руки, словно ведущий телепередачи, и закричал во всю мощь легких: «СТО-О-О-О-ОП!» Добился он только того, что привлек к себе огонь обеих сторон, и задержался под пулями, как кукла-марионетка. Грохот оружия и крики раненых и умирающих достигли такой громкости, что в пультовой стрелки приборов, измеряющих уровень шума в студии, подпрыгнули к пятидесяти децибелам.

Оператор упал на ручку управления камерой, и до конца продолжающейся перестрелки телезрителям милосердно транслировался потолок студии. За какие-то пять минут автоматные очереди перешли в отдельные выстрелы, потом смолкли и они. Остались только крики.

В пять минут двенадцатого вместо потолка на экранах появился мультяшный человечек, хмуро таращащийся на мультяшный телевизор. На светлом экране мультяшного телевизора темнела надпись: «ИЗВИНИТЕ, У НАС ПРОБЛЕМЫ!»

А кто в этот поздний час, когда время неумолимо близилось к полуночи, мог похвастаться обратным?

В Де-Мойне, в 23.30 по ЦПВ⁶⁴, старый «бьюик», весь покрытый религиозными наклейками – «ПОГУДИ, ЕСЛИ ЛЮБИШЬ ИИСУСА» среди прочих, – без усталости кружил по пустынным центральным улицам. Днем в Де-Мойне случился пожар, в котором выгорела большая часть южной стороны Халл-авеню и Грэндвью-Джуниор-колледж; потом начались беспорядки, охватившие чуть ли не всю центральную часть города.

После захода солнца эти улицы заполнили толпы людей, в большинстве своем моложе двадцати пяти, многие из которых были на мотоциклах. Они разбивали витрины, крали телевизоры, заполняли баки бензином, высматривая тех, у кого могло быть оружие. Однако теперь улицы опустели. Некоторые – главным образом байкеры – отправились стравливать давление на шоссе 80. Но большинство просто вернулись в свои дома и заперли двери, уже страдая от «супергриппа» или пока только от ужаса, боясь, что свет навсегда покинул эту зеленую рав-

⁶⁴ ЦПВ – центральное поясное время (минус 6 часов от Гринвича).

нину. Теперь Де-Мойн выглядел, как после окончания чудовищной новогодней попойки, когда последние, самые стойкие ее участники провалились в пьяный сон. Шины «бьюика» шуршали по асфальту и хрумкали осколками стекла. Автомобиль повернул с Четырнадцатой улицы на Евклид-авеню, проехал мимо двух машин, столкнувшихся лоб в лоб и теперь лежавших на боку. Их бамперы сплелись, будто любовники после успешного двойного самоубийства. На крыше «бьюика» стоял рупор громкоговорителя, из которого, усиленное динамиком, сначала послышалось бибиканье, потом скрипы, как в самом начале старой пластинки, и, наконец, призрачные, пустынные улицы Де-Мойна заполнил нежно-тягучий голос Мэйбел Картер, поющей «На солнечной стороне»:

Держись солнечной стороны,
Всегда солнечной стороны,
Живи на солнечной стороне,
Пусть много у тебя проблем —
О них забудешь ты совсем
На солнечной стороне...

Старый «бьюик» кружил и кружил по улицам, выписывая восьмерки и петли, иногда три или четыре раза объезжая один и тот же квартал. Когда колесо попадало в рытвину (или переезжало через тело), музыка на мгновение прерывалась.

За двадцать минут до полуночи «бьюик» свернул к тротуару и остановился. Мотор работал на холостых оборотах. Потом автомобиль покатился вновь. Из рупора громкоговорителя зазвучал псалом «Этот старый потертый крест» в исполнении Элвиса Пресли. Ночной ветер шелестел кронами деревьев и уносил последние клубы дыма с развалин сгоревшего колледжа.

Из речи президента, произнесенной в 21.00 по ВПВ, которую не увидели во многих регионах страны:

— ...что и должна показать такая великая нация, как наша. Мы не можем позволить себе пугаться теней, как маленькие дети в темной комнате, но не можем и легкомысленно относиться к столь серьезной вспышке гриппа. Сограждане американцы, я призываю вас оставаться дома. Если вам нездоровится, ложитесь в постель, примите аспирин и пейте побольше жидкости. Будьте уверены, что скоро — *самое позднее* через неделю — вам станет лучше. Позвольте мне повторить то, что я сказал в начале нашего с вами разговора этим вечером: нет ни крупницы правды — ни единой — в слухах о том, что этот штамм гриппа смертелен. В абсолютном большинстве случаев больной может рассчитывать на полное выздоровление в течение недели. Далее...

[приступ кашля]

— Далее, радикальные антиправительственные группировки распространяют злобный слух о том, что этот вирус был создан правительством для возможного использования в военных целях. Сограждане американцы, это откровенная ложь, и я хочу покончить с ней раз и навсегда. Наша страна подписала пересмотренные Женевские соглашения по отравляющему газу, нерв но-паралитическому газу и бактериологическому оружию с чистой совестью и открытым сердцем. Ни сейчас, ни когда-либо ранее...

[чихание]

— ...мы не занимались тайным производством веществ, запрещенных Женевской конвенцией. Это просто серьезная вспышка гриппа, ни больше ни меньше. Этим вечером мы получили сообщения об аналогичных вспышках в ряде других стран, включая Россию и Красный Китай. Поэтому мы...

[кашель и чихание]

— ...мы призываем вас сохранять спокойствие и особо не тревожиться, точно зная, что в конце этой недели или в начале следующей те, кто еще не успел выздороветь, получают вакцину против гриппа. В отдельные регионы мы направили национальных гвардейцев, призванных защитить население от хулиганов, вандалов и паникеров, но слухи о том, будто некоторые города «оккупированы» войсками, а новости фабрикуются, не выдерживают никакой критики. Сograждане американцы, это откровенная ложь, и я хочу покончить с ней раз и...

На фасаде Первой баптистской церкви Атланты было написано красной краской:

ДОРОГОЙ ИИСУС. СКОРО ВСТРЕТИМСЯ.
ТВОЯ ПОДРУЖКА АМЕРИКА.

P.S. НАДЕЮСЬ, К КОНЦУ НЕДЕЛИ У ТЕБЯ ЕЩЕ ОСТАНУТСЯ
СВОБОДНЫЕ МЕСТА.

Глава 27

Утром двадцать седьмого июня, сидя на скамейке в Центральном парке, Ларри Андервуд смотрел на зверинец. Позади находилась Пятая авеню, забитая автомобилями, теперь тихими и недвижимыми, потому что их владельцы умерли или убежали. Чуть дальше по Пятой дымились разграбленные роскошные магазины.

Со скамейки Ларри мог видеть льва, антилопу, зебру и какую-то обезьяну. Все, кроме обезьяны, сдохли. Ларри предположил, что умерли они не от гриппа: бог знает сколько дней животные не получали ни еды, ни питья – это их и убило. Всех, кроме обезьяны, но за три часа, которые Ларри просидел на скамейке, обезьяна шевельнулась только несколько раз. Обезьяне хватило ума избежать смерти от голода или жажды – пока, – но она точно заразилась гриппом. И страдала именно от гриппа. Потому что жила в жестоком мире.

Справа от него часы со всеми этими животными отбили одиннадцать. Фигурки на часах, которые недавно так радовали детей, теперь давали представление при пустом зале. Медведь дул в рог, обезьяна, которая не могла заболеть (только сломаться), играла на тамбурине, слон хоботом бил в барабан. Тяжеловесные звуки, детка, тяжеловесные, мать их. Финал сюиты ««Конец света», аранжировка для заводных фигурок».

После того как часы смолкли, он вновь услышал хриплые крики, слава Богу, не такие громкие, потому что доносились они издалека. Вызыватель монстров в это прекрасное утро находился по левую руку от Ларри, возможно, на Игровой площадке Хекшера. Оставалось надеяться, что он упадет в детский бассейн и утонет.

– Монстры идут! – доносился издали грубый голос.

Облака в это утро разошлись, день выдался яркий и жаркий.

Пчела пролетела у самого носа Ларри, покружила над одной из соседних клумб, спикировала на пион. Из зверинца доносилось монотонное, успокаивающее гудение мух, приземлявшихся на трупы животных.

– Монстры уже идут!

Вызыватель монстров – высокий мужчина – выглядел лет на шестьдесят пять. Впервые Ларри услышал его прошлой ночью, которую провел в «Шерри-Незерленд»⁶⁵. В ночи, накрывшей неестественно тихий город, далекий завывающий голос казался зычным и мрачным, голосом безумного Иеремии, плывущим по улицам Манхэттена, эхом отдающимся от стен, искажающимся. У Ларри, лежавшего без сна в огромной двуспальной кровати при всех включенных лампах, возникла абсурдная мысль, что вызыватель монстров идет за ним, выискивает его, точно так же, как иногда это делали чудовища в часто сновившихся ему кошмарных снах. Долгое время ему казалось, что голос приближается (*Монстры идут! Монстры в пути! Они уже на окраинах!*), и внутренне Ларри уже готовился к тому, что дверь люкса, которую он запер на три замка, сейчас распахнется и войдет этот вызыватель монстров... не человек, а гигантский тролль с головой собаки, глазами как у мухи, только величиной с блюдо, и торчащими из пасти зубами.

Однако этим утром, чуть раньше, Ларри увидел вызывателя в парке и теперь знал, что это – старик в вельветовых брюках, плетеных сандалиях и очках в роговой оправе, с одной дужкой, обмотанной изоляционной лентой. Ларри попытался заговорить с ним, но вызыватель в ужасе убежал, оборачиваясь на ходу, крича, что монстры в любой момент появятся на улицах. Он споткнулся о невысокую, по лодыжку, провололочную оградку и упал на велосипедную дорожку с громким, комичным «бух». Очки отлетели в сторону, однако не разбились. Ларри направился к нему, но не успел подойти: вызыватель монстров подхватил очки и убе-

⁶⁵ «Шерри-Незерленд» – престижный отель в Нью-Йорке на Пятой авеню.

жал в сторону бульвара, выкрикивая и выкрикивая свои предупреждения. Так что за последние двенадцать часов отношение Ларри к нему разительно изменилось: если раньше он до смерти боялся выкликателя, то теперь тот вызывал лишь полнейшую скуку и даже легкое раздражение.

В парке ему встретились и другие люди; с некоторыми он разговаривал. Все они очень походили друг на друга, и Ларри полагал, что сам не сильно отличается от них. Ошеломленные, бессвязно лопочущие, они так и тянулись руками к твоему рукаву, чтобы подержаться за него. Им было что рассказать. Но их истории не отличались друг от друга. Друзья и родственники умерли или умирали. На улицах стреляли, Пятая авеню превратилась в ад, правда ли, что «Тиффани» больше нет? Может ли такое быть? Кто будет подметать тротуары? Кто будет вывозить мусор? Следует ли им выбираться из Нью-Йорка? Они слышали, что армия блокировала все места, где это можно сделать. Одна женщина боялась, что крысы вылезут из тоннелей подземки и заселят землю. Ее слова напомнили Ларри собственные мысли в день возвращения в Нью-Йорк. Молодой человек, жующий кукурузные чипсы «Фритос» из огромного пакета, непринужденно поведал Ларри, что собирается воплотить в реальность мечту всей своей жизни. Он шел на стадион «Янки», чтобы голым обежать бейсбольное поле, а потом поонанировать в «доме». «Такой шанс дается раз в жизни, чел», – сказал он Ларри, моргнув обоими глазами и ушел, жуя «Фритос».

Многие из встреченных им в парке людей болели «супергриппом» но мало кто здесь умирал. Возможно, их тревожила перспектива стать обедом для животных, и они уползали под крышу, когда чувствовали, что конец близок. В это утро Ларри увидел только одного мертвеца, но ему хватило с лихвой. Он тогда прошел по Первому проезду к расположенному рядом с дорожкой общественному туалету. Открыл дверь кабинки, а там сидел ухмыляющийся мертвец, по лицу которого деловито ползали черви. Руки покойник положил на голые бедра, а его запавшие глаза пристально смотрели на Ларри. Того окатило волной тошнотворно сладкого запаха, словно кабинку занимал не труп, а прогорклый леденец, лакомство, которое из-за всей этой суматохи оставили мухам. Ларри тут же захлопнул дверцу, но все равно опоздал: с кукурузными хлопьями, съеденными на завтрак, пришлось расстаться, а сухая рвота продолжалась так долго, что он испугался, как бы ему не лишиться части жизненно важных органов. «Господи, если Ты есть, – молился он, плетясь к зверинцу, – если Ты сегодня принимаешь просьбы, Отче наш, моя просьба очень проста: сделай так, чтобы сегодня я больше ничего подобного не видел. Психи – это плохо, но *такое* выше моих сил. Премного Тебе благодарен».

Теперь, сидя на скамейке (выкликатель монстров удалился за пределы слышимости, во всяком случае, временно), Ларри думал о Мировых сериях⁶⁶ пятилетней давности. Воспоминания эти были приятными: Ларри казалось, что именно тогда он в последний раз был совершенно счастлив, в отличном физическом состоянии, и его разум пребывал в благодушном настроении, а не работал против него.

Происходило все это после разрыва с Руди. Чертовски неприятная вышла история, и если бы он когда-нибудь снова встретил его («Не бывать этому», – со вздохом заверил его внутренний голос), то обязательно извинился бы. Упал бы на колени и поцеловал туфли Руди, если б тот шел, что Ларри только так может искупить свою вину.

Они отправились через всю страну на хрипящем старом «меркури» модели тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, у которого в Омахе полетела коробка передач. После этого они задерживались где-нибудь на пару недель подработать, потом какое-то время на попутках ехали дальше на запад, затем снова работали пару недель – и снова голосовали на обочине, ожидая, пока их подвезут. Как-то они нанялись на ферму в западной Небраске, и однажды вечером Ларри проиграл в покер шестьдесят долларов. На следующий день ему пришлось попросить у Руди займы, чтобы отдать долги. Через месяц они оказались в Лос-Анджелесе, и

⁶⁶ Мировые серии – заключительный аккорд бейсбольного сезона. Победитель становится чемпионом страны.

Ларри первым нашел работу – если только можно назвать работой мытье тарелок за минимальную ставку, определенную профсоюзом. Однажды вечером, недели через три, Руди напомнил о долге. Он сказал, что встретил парня, который порекомендовал ему действительно хорошее агентство по найму, гарантирующее работу, но вознаграждение агентства составляло двадцать пять долларов. Именно столько Руди одолжил Ларри после его покерного проигрыша.

– В обычной ситуации, – признал Руди, – я не стал бы напоминать, но...

Ларри запротестовал, заявив, что уже вернул долг. Они квиты. Если Руди нужны двадцать пять долларов – нет проблем, но ему не хотелось бы дважды уплачивать один и тот же долг.

Руди ответил, что ему не нужны *подарки*, он всего лишь хочет получить одолженные *деньги*, и фантазии Ларри Андервуда его совершенно не интересуют. «Господи Иисусе! – воскликнул Ларри, пытаясь добродушно рассмеяться. – Никогда не думал, что мне следовало взять у тебя расписку, Руди. Выходит, что я ошибался».

Дело чуть не дошло до драки. В конце концов лицо Руди налилось кровью. «В этом ты весь, Ларри! – закричал он. – Вся твоя сущность! Такой ты на самом деле. Я уж думал, что жизнь ничему меня не научит, так нет же, получил хороший урок! Пошел ты на хрен, Ларри!»

Руди выскочил за дверь, и Ларри последовал за ним на лестницу дешевого пансиона, доставая бумажник из заднего кармана. В секретном отделении за фотографиями лежали три аккуратно сложенные десятки. Он швырнул их вслед Руди. *Давай, лживый сукин сын! Бери! Бери эти чертовы деньги!*

Руди хлопнул дверью и ушел в ночь, ни разу не оглянувшись, навстречу какой-нибудь паршивой судьбе, которая ждала всех Руди этого мира. Тяжело дыша, Ларри стоял на лестнице. Минуту спустя он огляделся в поисках своих десятков, подобрал их и засунул в бумажник.

В последующие годы, изредка вспоминая об этом случае, Ларри все больше и больше склонялся к мысли, что Руди был прав. Собственно, он в этом уже и не сомневался. Даже если бы он действительно вернул долг Руди, они дружили с начальной школы, и, насколько мог помнить Ларри, ему всегда не хватало десяти центов на дневной субботний фильм, потому что по пути к Руди он покупал лакричные конфеты или шоколадные батончики. Да и в школе Ларри часто занимал у Руди пять центов на завтрак или семь на проезд. За все годы в сумме набралось долларов пятьдесят, если не сто. Когда Руди напомнил ему о тех двадцати пяти баксах, внутри у Ларри – он это помнил – все сжалось. Его рассудок вычел двадцать пять из тридцати и озвучил итог: *Останется только пять долларов. Стало быть, ты уже заплатил ему. Не помню, когда именно, но заплатил. И больше обсуждать тут нечего.* Вот так.

Но после этого Ларри остался в городе один. У него не было друзей, и он даже не пытался познакомиться с теми, кто работал вместе с ним в кафе в Энсино. Потому что считал их всех недоумками, начиная от вспыльчивого шеф-повара и заканчивая виляющими задом и жующими жвачку официантками. Да, он действительно полагал, что те, кто работал в кафе «У Тони», не могли сравниться с ним, Ларри Андервудом, необыкновенно талантливым человеком, которого вскоре ждал успех (и вам лучше в это поверить). Страдая от одиночества в мире недоумков, он чувствовал себя как побитая собака и маялся от тоски по дому, как человек, выброшенный после кораблекрушения на необитаемый остров. Уже начал подумывать о том, чтобы купить билет на «Грейхаунд» и вернуться в Нью-Йорк.

Через месяц, может, даже через две недели он бы так и поступил... если бы не Ивонн.

Он познакомился с Ивонн Уэттерлен в кинотеатре, расположенном в двух кварталах от клуба, в котором она танцевала топлес. Когда закончился второй фильм, она плакала и ползала по проходу в поисках своей сумочки. В ней лежали водительское удостоверение, чековая книжка, профсоюзный билет, единственная кредитная карточка, копия свидетельства о рождении и карточка социального страхования. Хотя Ларри не сомневался, что сумочку украли, говорить он ей этого не стал и помог в поисках. А потом произошло событие, заставляющее поверить в чудеса: он нашел сумочку тремя рядами ниже места Ивонн, в тот момент, когда

они уже собрались закончить поиски. Ларри предположил, что сумочка упала на пол и съехала вниз из-за вибрации, вызванной шарканьем ног зрителей: фильм действительно навевал скуку. Ивонн обнимала его и плакала, когда благодарила. Ларри, чувствуя себя Капитаном Америкой⁶⁷, сказал, что с удовольствием угостил бы ее бургером или чем-нибудь еще, чтобы отпраздновать находку, но у него действительно туго с наличными. Ивонн ответила, что угощает она. Ларри, великий принц, предполагал, что так оно и будет.

Они стали встречаться. Менее чем через две недели завязались отношения. Ларри нашел себе работу получше, продавцом в книжном магазине, потом начал выступать с группой «Рейнджеры быстрого ритма – непревзойденный буги-бэнд». Если они чем-то и выделялись в лучшую сторону, так это названием, но ритм-гитаристом у них был Джонни Маккол, который со временем организовал «Тэттерд ремнантс», действительно хорошую рок-группу.

Ларри и Ивонн стали жить вместе, и для Ларри все изменилось. Отчасти из-за того, что у него наконец-то появился свой дом, настоящий дом, за который он вносил половину квартирной платы. Ивонн повесила занавески, они купили кое-какую дешевую мебель и обставили квартиру, а другие члены рок-группы и подруги Ивонн начали заглядывать к ним на огонек. Днем в окна светило яркое солнце, а по ночам в квартиру проникал восхитительный калифорнийский ветерок, благоухающий апельсинами, хотя благоухать он вроде бы мог только гарью. Иногда никто не приходил, и они с Ивонн просто смотрели телевизор. Она приносила ему банку пива, садилась на подлокотник кресла и массировала шею. Это был его собственный дом, *дом*, черт побери, и, случалось, он лежал ночью в постели рядом со спящей Ивонн и дивился, ну до чего же ему сейчас хорошо. А потом плавно соскальзывал в сон, крепкий сон праведника, и совсем не думал о Руди Шварце. Во всяком случае, нечасто.

Они прожили вместе четырнадцать месяцев. Можно сказать, душа в душу, за исключением последних шести недель или около того, когда Ивонн повела себя как сука. И завершение этого периода жизни ассоциировалось у Ларри с Мировыми сериями. В те дни после работы в книжном магазине он отправлялся домой к Джонни Макколу, и они вдвоем – вся группа собиралась только по уик-эндам, потому что двое других парней работали по ночам, – сочиняли свою музыку и экспериментировали со старыми песнями, которые Джонни считал крутыми, типа «Никто, кроме меня» или «Двойная порция любви моей крошки».

Потом он шел домой, *к себе* домой, и Ивонн ставила на стол обед. Не какой-то там «телеобед», не какую-то дрянь, а настоящую домашнюю еду. Готовить она умела. Поев, они отправлялись в гостиную, включали телевизор и смотрели Серии. После чего занимались любовью. С тех пор ему никогда не было так хорошо. Никогда.

Ларри понял, что плачет, и на мгновение ощутил отвращение к самому себе: сидит на скамейке в Центральном парке и плачет, глядя на солнце, как глубокий старик, живущий на одну пенсию. Потом подумал, что имеет право оплакивать утерянное, имеет право пребывать в шоке, если, конечно, это так называется.

Его мать умерла три дня тому назад. Умерла на койке в коридоре больницы «Милосердие», забитой тысячами других умирающих. Ларри стоял на коленях рядом с матерью, пока она уходила, думал, что сойдет с ума, наблюдая, как она умирает, а вокруг воняло мочой и говном, кричали и бормотали бредившие люди, раздавались хрипы и вопли, полные боли и страданий. Перед смертью мать не узнала его. Не было никакого предсмертного просветления. Просто ее грудь, поднимаясь, остановилась на полувдохе – и очень медленно опустилась, словно автомобиль на проколотой шине. Он еще минут десять простоял на коленях рядом с кроватью, в голове мелькали отрывочные мысли, что надо дожидаться, пока выпишут свидетельство о смерти или пока кто-нибудь спросит его, что произошло. Но произошедшее не требовало никаких вопросов – смерть была повсюду. Больница превратилась в дурдом. К нему не собирался

⁶⁷ Капитан Америка – супергерой одноименных комиксов, впервые появившихся в 1941 г.

подходить какой-нибудь серьезный молодой доктор, чтобы выразить сочувствие и запустить механизм оформления смерти. Рано или поздно мать вынесли бы отсюда, как мешок с овсом, но Ларри не хотел при этом присутствовать. Сумочка матери лежала под койкой. Ларри взял ее, достал оттуда ручку, заколку для волос и чековую книжку. Оторвал от одного из последних листов расписку о взносе депозита, написал ее имя, адрес и, после кратких вычислений в уме, возраст. Заколкой для волос пришил листок к карману ее блузки и заплакал. Поцеловал мать в щеку и убежал, плача. Чувствуя себя дезертиром. На улице ему стало немного легче, хотя в тот момент его окружали обезумевшие люди, больные и армейские патрули. А теперь он сидел на скамейке в Центральном парке и грустил: о том, что его мать так и не успела выйти на пенсию, о крахе своей карьеры, о тех днях в Лос-Анджелесе, когда они с Ивонн смотрели Мировые серии, зная, что за этим последует любовь, и о разрыве с Руди. Больше всего он грустил о разрыве с Руди, жалея, что тогда не отдал Руди, чуть улыбнувшись и пожав плечами, те двадцать пять долларов и что потерянные шесть лет уже не вернуть.

Обезьяна умерла без четверти двенадцать.

Сидела на своем шестке, просто тупо сидела, сунув лапки под подбородок, потом веки ее трепыхнулись, и она упала вниз, ударившись о бетон с жутким «чмок».

Ларри больше не хотелось оставаться на этой скамейке. Он поднялся и бесцельно двинулся к аллее с большой эстрадой. Пятнадцать минут тому назад до него вновь донесся голос выкликателя монстров, издавека, но теперь в парке остались только стук его каблучков по бетону дорожки да чирикание птиц. Птицы, похоже, гриппом не болели. Оставалось только порадоваться за них.

Приблизившись к открытой эстраде, он увидел, что на одной из скамеек перед ней сидит женщина. Лет, наверное, пятидесяти, но она приложила немало усилий для того, чтобы выглядеть моложе. Дорогие серо-зеленые слаксы, шелковая блуза в крестьянском стиле, сползающая с плеча... «Только, – подумал Ларри, – крестьяне вряд ли могли позволить себе шелк». Женщина обернулась на звук его шагов. В одной руке она держала капсулу и теперь небрежно бросила ее в рот, как зернышко жареного арахиса.

– Привет, – поздоровался Ларри. Всмотрелся в спокойное лицо, синие глаза, светящиеся острым умом.

Она носила очки в тонкой золотой оправе, а мех на ее сумочке напоминал настоящую норку. Руки украшали четыре кольца – обручальное, два с бриллиантами и еще одно с изумрудом.

– Эй, я не опасен! – вырвалось у него. Фраза получилась глупая, но на пальцах женщины красовались как минимум тысяч двадцать долларов. Конечно, драгоценные камни могли быть подделкой, однако она не походила на девиц, жалующих макароны и цирконы.

– Да, – кивнула она. – Опасным вы не выглядите. Как, впрочем, и больным. – Произнося последнее слово, она слегка выделила его, превращая свою фразу в вежливый полувопрос. Теперь он заметил, что не такая уж она и спокойная, как ему поначалу показалось: слева на шее женщины пульсировала жилка, а за живым умом синих глаз скрывался тот же самый шок, который Ларри увидел сегодня утром в зеркале, когда брился.

– Нет, я, похоже, здоров. А вы?

– Я тоже. Вы знаете, что к вашему ботинку прилипла обертка от мороженого?

Он посмотрел вниз и убедился, что так оно и есть. Это заставило его покраснеть, так как он подозревал, что тем же тоном она сообщила бы ему о расстегнутой ширинке. Стоя на одной ноге, он попытался избавиться от обертки.

– Вы похожи на аиста, – отметила она. – Присядьте и попытайтесь еще раз. Меня зовут Рита Блейкмур.

– Приятно познакомиться. Я Ларри Андервуд.

Он сел. Она протянула руку, и он легонько пожал ее, почувствовав пальцами прикосновение колец. Осторожно отлепил обертку от мороженого и аккуратно бросил в стоящую у скамейки урну с надписью: «ЭТО ВАШ ПАРК. СОБЛЮДАЙТЕ ЧИСТОТУ!» Только что проделанная операция показалась Ларри забавной. Он откинул голову назад и расхохотался от всей души, впервые с того дня, как пришел домой и обнаружил мать на полу. И испытал безмерное облегчение, осознав, что смех, как и прежде, вызывал приятные ощущения, поднимаясь откуда-то из живота и исчезая между зубами, отправляясь в веселенькое путешествие к чертовой матери.

Рита Блейкмур улыбалась ему и вместе с ним, и его вновь поразила ее небрежно-элегантная красота. Она словно сошла со страниц романа Ирвина Шоу. Может, «Ночного портъе» или другого⁶⁸, по нему еще сняли телесериал, который Ларри смотрел подростком.

– Услышав ваши шаги, я чуть не спряталась, – призналась она. – Подумала, что идет тот мужчина в разбитых очках и со странными идеями.

– Выкликатель монстров?

– Это ваше прозвище или его собственное?

– Мое.

– Очень метко. – Она открыла отороченную мехом норки (возможно) сумочку и достала пачку ментоловых сигарет. – Мне он напоминает безумного Диогена.

– Да, ищущего настоящего монстра. – И Ларри снова засмеялся.

Она закурила, выдохнула облачко дыма.

– Он тоже не болен, – заметил Ларри. – В отличие от большинства других.

– Швейцар в моем доме выглядит очень хорошо, – поделилась своими наблюдениями Рита. – Он по-прежнему на посту. Выходя этим утром из дома, я дала ему на чай пять долларов. Сама не знаю за что. То ли за то, что он очень хорошо выглядит, то ли за то, что стоит на посту. Как вы считаете?

– Я слишком мало вас знаю, чтобы ответить.

– Конечно, вы меня не знаете. – Она убрала сигареты в сумочку. Он заметил лежащий в ней револьвер. Рита, перехватив его взгляд, продолжила: – Это револьвер моего мужа. Он работал управляющим крупного нью-йоркского банка. Так он всегда отвечал, если его спрашивали, чем он занимается. «Я-управляющий-крупного-нью-йоркского-банка». Он уже два года как умер. Отправился на ленч с одним из этих арабов, которые будто мажут все открытые участки кожи «Брилкримом». Обширный инсульт. Даже галстук не успел снять. Как вы думаете, для нашего поколения это эквивалентно давней поговорке о смерти в сапогах⁶⁹? Гарри Блейкмур умер в галстуке. Мне это нравится, Ларри.

Перед ними на дорожку приземлился зяблик и принялся клевать землю.

– Он безумно боялся воров, отсюда и этот револьвер. Ларри, правда ли, что при выстреле бывает сильная отдача и громкий звук?

– Не думаю, что у такого револьвера будет сильная отдача, – ответил Ларри, никогда в своей жизни не стрелявший. – Это тридцать восьмой калибр?

– По-моему, тридцать второй. – Она вытащила револьвер из сумки, и Ларри заметил, что в ней также много пузырьков с капсулами. На этот раз Рита не следила за его взглядом, она смотрела на невысокую персидскую сирень, росшую шагах в пятнадцати от скамейки. – Пожалуй, я его испытаю. Как думаете, я попаду в то дерево?

– Не знаю, – опасливо ответил он. – Мне кажется, что...

Она нажала на спусковой крючок. Грохнуло достаточно сильно. В стволе сирени появилась маленькая дырка.

⁶⁸ Имеется в виду роман Ирвина Шоу «Богач, бедняк».

⁶⁹ Речь идет об идиоме to die with your boots on – умереть в сапогах, умереть на работе (англ.).

– В яблочко, – удовлетворенно сказала Рита. Она сдула дым со ствола, как заправский стрелок.

– Действительно, здорово, – признал Ларри. Когда она убрала револьвер в сумочку, его сердце постепенно замедлило бег.

– В человека я бы не смогла выстрелить. Нисколько в этом не сомневаюсь. Да и скоро не в кого будет стрелять, верно?

– Ох, об этом я ничего не знаю.

– Вы смотрели на мои кольца. Хотите одно?

– Что? Нет! – Он снова покраснел.

– Как банкир, мой муж верил в бриллианты. Он верил в них так же, как баптисты верят в Откровение Иоанна Богослова. У меня очень много бриллиантов, и все они застрахованы. Мы не просто владели какой-то толикой бриллиантов, мой Гарри и я, иногда мне казалось, что мы имеем право на все, что только есть в мире. Но если бы кто-нибудь попросил у меня мои бриллианты, я бы их тут же отдала. В конце концов, это ведь просто камни...

– Мне кажется, вы правы.

– Разумеется, – кивнула Рита, и на левой стороне ее шеи вновь запульсировала жилка. – Если бы они понадобились грабителю, я бы отдала ему не только свои бриллианты, но и адрес «Картье». У них выбор получше, чем у меня.

– Что вы собираетесь теперь делать? – спросил Ларри.

– А что бы вы предложили?

– Ума не приложу, – вздохнул Ларри.

– Вот и я о том же.

– Знаете что? Этим утром я встретил парня, который сказал, что идет на стадион «Янки», чтобы подр... чтобы поонанировать в «доме». – Он вновь почувствовал, как краснеет.

– Идти-то как далеко. Почему вы не предложили ему что-нибудь поближе? – Рита вздохнула, и вздох перешел в дрожь. Она открыла сумочку, достала пузырек и бросила себе в рот желатиновую капсулу.

– Что это? – спросил Ларри.

– Витамин Е, – ответила она с яркой, фальшивой улыбкой. Жилка на ее шее запульсировала и тут же перестала. К женщине вернулось спокойствие.

– В барах никого нет, – неожиданно произнес Ларри. – Я заглянул в «Пэтс» на Сорок третьей и увидел, что там ни души. У них роскошная барная стойка из красного дерева. Я зашел за нее, взял стакан для воды и наполнил виски. «Джонни Уокер». Потом понял, что не могу там оставаться. Оставил стакан на стойке и ушел.

Они вздохнули в унисон.

– С вами очень приятно общаться, – первой заговорила она. – Вы мне очень нравитесь. И так прекрасно, что вы не сумасшедший.

– Спасибо, миссис Блейкмур. – Ее слова удивили и порадовали его.

– Рита. Я Рита.

– Хорошо.

– Ты голоден, Ларри?

– Если на то пошло, да.

– Может, пригласишь даму на ленч?

– С удовольствием.

Она поднялась и предложила ему руку, с легкой просительной улыбкой. Беря Риту под руку, он уловил аромат ее сухих духов. Этот запах одновременно и успокаивал, и смущал из-за вызванных им ассоциаций. Когда они ходили с матерью в кино, она всегда пользовалась сухими духами.

Но он забыл обо всем этом, когда они вышли из парка на Пятую авеню, с каждым шагом удаляясь от умершей обезьяны, выкликателя монстров и темного, сладкого леденца, навечно усевшегося в туалетной кабинке рядом с Первым проездом. Рита болтала без умолку, и потом он ничего не смог вспомнить из ее болтовни (впрочем, нет, одно все-таки вспомнил: «Я всегда мечтала прогуляться по Пятой авеню под руку с молодым человеком, который годился бы мне в сыновья, но не был моим родственником»), однако саму прогулку вспоминал часто, особенно после того, как Рита начала рассыпаться, будто небрежно сделанная игрушка. Вспоминал ее прекрасную улыбку, блеск глаз, циничную, непринужденную болтовню, шуршание слаксов.

Они зашли в стейк-хаус. Ларри готовил, поначалу неуклюже, а она аплодировала каждому блюду: стейку, картофелю фри, растворимому кофе, пирогу с клубникой и ревенем.

Глава 28

В холодильнике стоял клубничный пирог, завернутый в полиэтиленовую пленку. Фрэнни долго смотрела на него, тупо, словно не понимая, что видит, потом достала, поставила на стол, отрезала кусок. Когда переносила кусок на маленькую тарелку, клубничина упала на столешницу с сочным «плюх». Фрэнни подняла ягоду и съела. Потом тряпкой вытерла пятнышко сока. Остаток пирога вновь завернула в пленку и убрала в холодильник.

Когда она поворачивалась к тарелке с куском пирога, ее взгляд упал на стойку с ножами рядом с буфетом. Стойку сделал отец. С двумя намагниченными горизонтальными дорожками. Ножи крепились к ним лезвиями вниз. Фрэнни долго смотрела на ножи все тем же тупым, равнодушным взглядом, без усталости комкая руками складки фартука.

Наконец, минут через пятнадцать, она вспомнила, что чем-то занималась. Чем? Внезапно, вроде бы без всякой на то причины, ей в голову пришла строка из Библии, вернее, ее переложение: *В чужом глазу пылинку видишь, в своем бревно не замечаешь*⁷⁰. Она задумалась. Пылинка? Бревно? Какое бревно? Потолочная балка? Или вообще лунный луч? А есть еще лучи фонарика, и лучащиеся лица, и в Нью-Йорке в свое время был мэр с похожей фамилией, не говоря уже о песне, которую она выучила в летней библейской школе: «Я буду Ему солнечным лучом».

В чужом глазу пылинку видишь...

Но речь не о глазе, а о пироге. Фрэнни повернулась к пирогу и увидела ползущую по нему муху. Махнула рукой. *Мистер Муха, улетай, пирогу скажи «прощай»*.

Она долго смотрела на кусок пирога. Ее мать и отец умерли, это она знала точно. Мать – в Сэнфордской больнице, а отец, стараниями которого маленькая девочка когда-то чувствовала себя как дома в таинственной мастерской, лежал неживой над ее головой. Почему вдруг все стало рифмоваться? Да еще так мерзко, низкопробно, эдакая идиотская мнемотехника, как при высокой температуре! *У моей собаки блохи, и дела собаки плохи...*

Внезапно Фрэнни пришла в себя, ее охватил ужас. На кухне пахло горелым. Она что-то сожгла.

Фрэнни закрутила головой и увидела небольшую кастрюлю с длинной ручкой, которую она поставила на плиту и забыла. В кастрюле лежал нарезанный ломтиками картофель, залитый маслом. Теперь оттуда валил густой дым. Капли масла, сердито выплескиваясь из кастрюли, падали на горелку, вспыхивали и исчезали, будто невидимая рука щелкала и щелкала невидимой газовой зажигалкой.

Фрэнни коснулась ручки кастрюли и, ахнув, отдернула пальцы. Слишком горячая. Схватила посудное полотенце, обернула вокруг ручки и быстро перенесла кастрюльку, шипящую, как дракон, через дверь черного хода на заднее крыльцо. Поставила на верхнюю ступеньку. Запах жимолости и жужжание пчел одуряли, но она едва их замечала. Толстое, отупляющее одеяло, которое последние четыре дня укутывало эмоции Фрэнни, вдруг сдернули, и она почувствовала острый укол страха. Страх? Нет – ужаса, граничащего с паникой.

Она помнила, как чистила и резала картофель, как наливала масло. Теперь помнила. Но на какое-то время она просто... это ж надо! Она просто забыла!

Стоя на заднем крыльце, по-прежнему сжимая в руке посудное полотенце, Фрэнни пыталась воссоздать цепочку своих мыслей после того, как поставила кастрюлю с залитым маслом картофелем на плиту. Почему-то ей казалось, что это важно.

⁷⁰ Евангелие от Матфея, 7:5: «...вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего».

Итак, сначала она подумала, что трапеза, состоящая исключительно из картофеля фри, не очень-то сытная. Потом подумала, что ей нет необходимости самой готовить картофель фри, если работает «Макдоналдс» на шоссе 1, и она еще может прикупить бургер. Всего-то делов сесть в машину и подъехать к автоокну. Она может взять «Роял чизбургер» и большую порцию картошки, какие выдают в ярко-красных картонных контейнерах. С маленькими пятнышками жира внутри. Несомненно, вредная пища, но, бесспорно, и ободряющая. И потом, у беременных женщин возникают такие странные желания.

Эта мысль перебросила мостик к следующему звену. Мысль о странных желаниях привела к мысли о клубничном пироге, упрятанном в холодильник. Внезапно она решила, что клубничного пирога ей хочется больше, чем чего бы то ни было. Она достала пирог, а потом ее взгляд упал на стойку с ножами, которую отец сделал для матери (миссис Эдмонтон, жена доктора, с такой завистью смотрела на эту стойку, что Питер два года тому назад подарил ей такую же на Рождество), и тут ее мозг... закоротило. Пылинки... бревна... мухи...

– Господи, – обратилась она к пустынному двору и отцовскому огороду, который больше никто не пропалывал. Села, закрыла лицо фартуком и заплакала.

Когда слезы высохли, ей вроде бы чуть полегчало... но испуг остался. «Я схожу с ума? – спросила себя Фрэнни. – Так это происходит, такие возникают ощущения, если у тебя нервный срыв или как там это называется?»

С тех пор как вчера вечером, в половине девятого, ее отец умер в своей постели, мыслительный процесс утратил связность, разорвался на отдельные части. Фрэнни забывала, что делала, разум вдруг уходил в какие-то грезы, а она просто сидела, не думая ни о чем и восприятием действительности не отличаясь от кочана капусты.

После того как умер отец, она долго сидела у его кровати. Наконец спустилась вниз и включила телевизор. Безо всякой особой на то причины; как говорится, просто решила, что это хорошая идея. Работала только одна станция, портлендская УКСХ-ТВ, показывали какое-то совершенно безумное судебное шоу. Негр, выходец из кошмарных снов кукуклуксклановца, делал вид, что расстреливает из пистолета белых людей, тогда как другие белые люди восторженно аплодировали. Разумеется, он просто делал вид – если такие вещи происходят на самом деле, их не показывают по телевизору, – но выглядело все вполне реально. Фрэнни происходящее напонило «Алису в Стране чудес», только на этот раз «Голову с плеч!» кричала не Королева Червей, а... что? Кто? Черный Принц, предположила она. Хотя этот здоровяк в набедренной повязке не выглядел принцем.

Позже по ходу передачи (насколько позже, она сказать не могла) какие-то другие люди ворвались в студию, и завязалась перестрелка, поставленная даже еще более реалистично, чем казни. Она видела, как пули большого калибра чуть не отрывали людям головы. Их отбрасывало назад, и из разорванных шей струями выплескивалась артериальная кровь. Фрэнни помнила, что еще подумала (пусть и бессвязно, но как получилось), что авторам шоу надо бы время от времени выводить на экран табличку с рекомендацией родителям уложить детей спать или переключиться на другой канал. Она также помнила, что подумала, что у УКСХ-ТВ все равно могли отобрать лицензию на вещание – слишком уж кровавую они показывали передачу.

Когда камера уставилась в потолок, демонстрируя только висящие там прожекторы, Фрэнни выключила телевизор и легла на диван, уставившись в свой собственный потолок. Там она и уснула, а утром практически убедила себя, что вся передача ей просто приснилась. Похоже, в этом и было все дело: происходящее вокруг превращалось в кошмарный сон, заполненный беспричинными тревогами. Сначала умерла мать, затем отец. Как в «Алисе», жизнь становилась все страньше и страньше.

Отец пошел на экстренное городское собрание, хотя уже заболел. Фрэнни, будто под наркозом, утратив связь с реальностью, отправилась вместе с ним.

Зал собраний заполнился под завязку, людей пришло гораздо больше, чем на ежегодные городские собрания, которые проводились в конце февраля или в начале марта. Большинство чихало, кашляло и сморкалось. На лицах читались испуг и готовность взорваться по малейшему поводу. Говорили все громко и хрипло. Вскикивали. Грозно трясли пальцами. Вещали. Многие – не только женщины – плакали.

Подавляющим большинством приняли решение закрыть город. Чтобы никто не мог в него попасть. Если кто-то хотел уехать – счастливого пути, разумеется, только пусть отдает себе отчет, что обратно ему уже не вернуться. Дороги, ведущие в город, в особенности федеральное шоссе номер 1, решили перегородить легковыми автомобилями (после жарких дебатов, длившихся полчаса, изменили свое решение в пользу принадлежащих городу грузовиков департамента общественных работ) и выставить у этих блокпостов вооруженных добровольцев. Тех, кто попытался бы воспользоваться шоссе номер 1 для проезда на север или на юг, охранники направляли бы в Уэллс на севере и в Йорк на юге, где путешественники могли повернуть на автостраду 95 и обогнуть Оганквит. В любого, кто попытался бы прорваться через блокпост, решили стрелять на поражение. «Убивать?» – переспросил кто-то. «Именно так», – ответили ему несколько голосов.

Небольшая группа, человек из двадцати, предложила незамедлительно выдворить всех больных за пределы города. Это предложение отвергли подавляющим большинством голосов, так как к вечеру двадцать четвертого почти у каждого горожанина, даже если он сам оставался здоровым, заболели близкие родственники или друзья. Многие из них верили передаваемым в выпусках новостей сообщениям о скором поступлении вакцины. «Как мы потом посмотрим в глаза друг другу, – восклицали они, – если, поддавшись панике, поступим со своими земляками, как с бездомными собаками?»

Тогда поступило предложение выдворить из города всех больных дачников.

Дачники, а их на собрании тоже хватало, сурово заявили, что за счет налогов, которые они многие годы платят за свои коттеджи, обеспечивается поддержка городских школ, дорог, бедняков, пляжей. И частный бизнес, который с середины сентября по середину июня не может свести концы с концами, остается на плаву только за счет летних денег. Поэтому, если их так беспардонно выдворят, жители Оганквита могут быть уверены, что больше сюда они не вернутся. И тогда местным придется вновь зарабатывать на жизнь промыслом лобстеров, съедобных моллюсков и морских ежей. Предложение о выдворении больных дачников отклонили с солидным перевесом.

К полуночи дорогу перегородили, а к следующему утру, двадцать пятого июня, нескольких человек подстрелили у блокпостов. По большей части ранили, но троих или четверых убили. Почти все они ехали на север из Бостона, охваченные страхом, потерявшие голову от паники. Некоторые после уговоров возвращались к Йорку, чтобы там повернуть на автостраду, но встречались и такие, кто уже не понимал слов. Эти пытались или переть напролом, или объехать преграду по обочинам. По ним и приходилось стрелять.

Однако к вечеру большинство людей, охраняющих блокпосты, заболели сами, раскраснелись от жара и постоянно опускали ружья, чтобы высморкаться. Некоторые, в том числе Фредди Диленси и Кертис Бьюкамп, потеряли сознание, и потом их отвезли в лазарет, который наспех организовали в муниципалитете, где они и умерли.

К вчерашнему утру слег отец Фрэнни, возражавший против самой идеи блокпостов, и она осталась при нем сиделкой. Он не разрешил ей отвезти его в лазарет. Если ему суждено умереть, сказал он дочери, то он хочет умереть у себя дома, достойно, без посторонних.

После полудня автомобильное движение совсем прекратилось. Гас Динсмор, сторож платной автостоянки на пляже, рассказал Фрэнни, что на дороге скопилось столько обездвиженных машин, что даже те водители, которые могли продолжить путь, не имели возможности проехать. И оно было к лучшему, потому что к полудню двадцать пятого в городе осталось

менее трех десятков человек, еще способных нести вахту на блокпостах. У Гаса, до вчерашнего дня чувствовавшего себя превосходно, начался насморк. Собственно говоря, единственным здоровым человеком в городе, кроме Фрэнни, оставался Гарольд, шестнадцатилетний брат Эми Лаудер. Сама Эми умерла как раз перед первым городским собранием, и ее так и не надевшее свадебное платье осталось висеть в шкафу.

Сегодня Фрэн из дома не выходила и никого не видела с тех пор, как вчера, во второй половине дня, к ней заглянул Гас. Несколько раз за это утро она слышала шум мотора, однажды где-то поблизости раздался два выстрела из ружья, но ничего больше. Воцарившаяся в городе устойчивая, ничем не нарушаемая тишина усиливала охватившее ее чувство нереальности.

И теперь предстояло все это обдумать. Мухи... глаза... пироги. Фрэнни вдруг поняла, что вслушивается в звуки, издаваемые холодильником, оснащенным автоматическим устройством для приготовления льда, и каждые двадцать секунд или около того где-то внутри слышался холодный удар – в накопитель падал еще один ледяной кубик.

Фрэнни сидела на кухне над тарелкой с куском клубничного пирога уже почти целый час. На ее лице застыло унылое, полувопросительное выражение. Мало-помалу еще одна мысль начала подниматься на поверхность из глубин сознания – точнее, две мысли, одновременно связанные и не имеющие друг к другу никакого отношения. Две сцепившиеся части одной большой мысли. Прислушиваясь к звуку падающих кубиков в устройстве для приготовления льда, Фрэнни принялась их анализировать. Первая мысль заключалась в том, что отец мертв; он умер в собственном доме, и это, наверное, было хорошо.

Вторая мысль имела отношение к сегодняшнему дню. Прекрасному, идеальному летнему дню, без единого недостатка: ради таких туристы и приезжают на побережье Мэна. Не для того чтобы поплавать, потому что вода все равно оставалась холодной, а чтобы насладиться летним днем.

Ярко светило солнце, и Фрэнни видела, что термометр за кухонным окном показывает почти восемьдесят градусов⁷¹. Отличный денек, и ее отец мертв. Существует ли между двумя этими мыслями какая-то связь, кроме очевидной, от которой на глаза наворачиваются слезы?

Она задумалась. Глаза словно застлал туман. Ее разум кружился вокруг проблемы, соскальзывал куда-то в сторону, затем вновь возвращался к ней.

Отличный *теплый* денек, и ее отец мертв.

Внезапно до нее дошло, и она зажмурилась, как от удара.

В тот же самый момент ее руки импульсивно дернули скатерть, и тарелка полетела на пол. Разбилась на сотни осколков, словно бомба, и Фрэнни закричала, впившись ногтями в щеки. Блуждающая, апатичная неопределенность исчезла из ее глаз, взгляд вдруг стал резким и осмысленным. Словно ей закатали сильную пощечину или поднесли к носу пузырек с нашатырем.

Нельзя оставлять труп в доме. В разгар лета – никак нельзя.

К ней вновь стала подкрадываться апатия, затуманивая мысли. Пережитый ужас притуплялся. Она снова принялась прислушиваться к звукам падающих ледяных кубиков...

Фрэнни попыталась встряхнуться. Встала, подошла к раковине, открыла на полную мощь кран с холодной водой и начала набирать полные пригоршни и плескать себе в лицо, шокируя горячую кожу.

Хочешь уйти от реальности – пожалуйста, только прежде реши эту проблему. Реши обязательно. Фрэнни не могла оставить отца лежать в кровати наверху, пока июнь будет плавно перетекать в июль. Получится слишком похоже на рассказ Фолкнера, который включался в антологии всех колледжей. «Роза для Эмили». Отцы города не знали, откуда исходит этот ужасный запах, но спустя некоторое время он исчез. Он... Он...

⁷¹ По Фаренгейту; примерно 26,7°C.

– Нет! – громко вскрикнула Фрэнни в залитой солнцем кухне. Закружила по ней, обдумывая проблему.

Первой пришла мысль о местном похоронном бюро, но кто... кто...

– Не пытайся от этого уйти! – яростно крикнула она пустой кухне. – Кто будет его *хоронить*?

Вместе со звуком ее голоса пришел и ответ. Абсолютно ясный. Она, конечно. Кто же еще? Только она.

В половине третьего Фрэнни услышала, как на подъездную дорожку свернул автомобиль. Мощный двигатель самодовольно урчал на низких оборотах. Она положила лопату на край ямы, которую копала в огороде, между помидорами и салатом-латуком, и обернулась чуть испуганно.

На подъездной дорожке стоял новенький «кадиллак-куп-девил» бутылочно-зеленого цвета, и из него вылезал толстый шестнадцатилетний Гарольд Лаудер. Фрэнни ощутила внезапный приступ неприязни. Гарольд ей не нравился, и она не знала никого, кто бы относился к нему иначе, включая его покойную сестру Эми. Вот тут Фрэн и поразила печальная ирония судьбы: во всем Оганквите в живых, помимо нее, остался один из тех немногих жителей города, которых она не жаловала.

Гарольд был редактором литературного журнала Оганквитской старшей школы и писал странные рассказы в настоящем времени или от второго лица, а иногда совмещал и то и другое. *Ты идешь бредовым коридором, плечом открываешь расщепленную дверь и смотришь на мчащиеся звезды* – таков был стиль Гарольда.

«Он дрожит в штаны, – однажды шепнула Фрэн Эми. – Как тебе эта мерзость? Дрожит в штаны и носит одну пару трусов, пока они не начинают стоять сами по себе».

Черные волосы Гарольда сально блестели. Довольно высокий, шесть футов и один дюйм, весил он почти двести сорок фунтов. Предпочитал ковбойские остроносые сапоги, широкие кожаные ремни, которые ему приходилось постоянно подтягивать, так как его живот толщиной значительно превосходил зад, и широкие цветастые рубашки, которые раздувались на нем, как паруса. Фрэнни не волновало, как часто и куда он дрожит, какой у него вес и кому он подражает на этой неделе – Райту Моррису⁷² или Хьюберту Селби-младшему⁷³. Но, глядя на него, она всегда испытывала неловкость и легкое отвращение, словно обладала зачатками телепатии и чувствовала, что каждая мысль Гарольда покрыта слизью. Она не думала, даже в сложившейся ситуации, что Гарольд опасен, но он вызывал у нее те же неприятные чувства, что и всегда, а может, и более сильные.

Он ее не заметил, так как смотрел на дом.

– Есть кто-нибудь дома? – крикнул он, а потом просунул руку в окно «кадиллака» и нажал на клаксон. Резкий автомобильный гудок хлестнул Фрэнни по нервам. Она бы не отозвалась, да только Гарольд, повернувшись, чтобы сесть в машину, обязательно увидел бы яму и ее саму на краю этой ямы. На мгновение ей захотелось отойти поглубже в огород, лечь на землю и затаиться среди гороха и бобов, пока ему не надоест здесь торчать и он не уедет.

«Прекрати, – приказала она себе, – немедленно прекрати. Он, между прочим, еще один живой человек».

– Я здесь, Гарольд, – позвала она.

Гарольд подпрыгнул, его крупные ягодицы колыхнулись в обтягивающих штанах. Очевидно, он просто объезжал дома, не ожидая найти кого-то живого. Он повернулся, и Фрэнни

⁷² Райт Марион Моррис (1910–1998) – американский прозаик, фотограф, эссеист.

⁷³ Хьюберт Селби (1928–2004) – американский писатель. Два его романа, «Последний поворот на Бруклин» и «Реквием по мечте», экранизированы.

направилась к нему, отряхивая грязь с ног, смирившись с тем, что он таращится на ее белые шорты и топ. И действительно, Гарольд буквально пожирал ее взглядом.

– Привет, Фрэн! – радостно воскликнул он.

– Привет, Гарольд.

– Я слышал, у тебя успехи в сопротивлении этой смертельной болезни, поэтому первым делом заехал к тебе. Я объезжаю город. – Он улыбнулся, показав зубы, которые в лучшем случае могли похвастаться лишь шапочным знакомством с зубной щеткой.

– Мне очень жаль, что так вышло с Эми, Гарольд. Твои отец и мать?..

– Боюсь, что да, – ответил Гарольд. Он на мгновение склонил голову, потом вскинул ее, отчего слипшиеся волосы подпрыгнули. – Но жизнь продолжается, правда?

– Наверное, – вымученно выдавила Фрэнни. Его взгляд снова остановился на ее грудях, буквально прилип к ним, и она пожалела, что не в свитере.

– Как тебе моя машина?

– Она ведь принадлежит мистеру Брэннигану, так?

Рой Брэнниган был местным риелтором.

– Принадлежала, – бесстрастно поправил ее Гарольд. – Я раньше считал, что в наши дни всеобщего дефицита любого, кто ездит на таком прожорливом монстре, надо вешать на ближайшем указателе «Суноко»⁷⁴, но теперь все изменилось. Меньше людей – больше бензина. Больше всего, – закончил Гарольд. Его глаза блеснули, спустившись к пупку Фрэнни, потом поднялись к лицу, упали к шортам, вновь вернулись к лицу. На лице Гарольда играла веселая и одновременно смущенная улыбка.

– Гарольд, если ты меня извинишь...

– Но чем ты так занята, дитя мое?

Ощущение нереальности происходящего вновь попыталось вползти в нее, и она задалась вопросом, сколько способен вынести человеческий мозг перед тем, как лопнуть, словно растянутая резинка. «Мои родители умерли, но я могу смириться с этим. Какая-то жуткая болезнь охватила всю страну, может быть, весь мир, скашивая праведных и неправедных, – и я могу смириться с этим. Я копаю яму в огороде, который мой отец пропалывал еще на прошлой неделе, и когда яма будет достаточно глубокой, я похороню его в ней – думаю, я смогу смириться с этим. Но Гарольд Лаудер в «кадиллаке» Роя Брэннигана, лапающий меня глазами и называющий «дитя мое»? Я не знаю, Господи. Просто не знаю».

– Гарольд, – в ее голосе слышалось христианское терпение, – я тебе не дитя. Я на пять лет старше тебя. Я физически не могу быть твоим дитем.

– Это всего лишь образное выражение. – Он моргнул, почувствовав ее сдерживаемую ярость. – В любом случае – что это там такое? Вон та яма?

– Могила. Для моего отца.

– Ох, – выдохнул Гарольд.

– Я хочу попить воды, прежде чем закончу. Честно говоря, Гарольд, я жду, пока ты уедешь. Я расстроена.

– Понимаю, – сдавленно ответил он. – Но, Фрэн... в огороде?

Она уже направилась к дому, но, услышав его слова, яростно обернулась.

– А что ты предлагаешь? Чтобы я положила его в гроб и поволокла на кладбище? Но, ради Бога, зачем? Он *любил* свой огород! И что тебе до этого? Твое-то какое дело?

Она расплакалась. Повернувшись, побежала на кухню, чуть не стукнувшись о передний бампер «кадиллака». Она знала, что Гарольд будет смотреть на ее покачивающиеся ягодицы, накапливая материал для того порнофильма, который постоянно прокручивался у него в голове, и это только прибавляло злости, грусти и слез.

⁷⁴ «Суноко» – американская нефтяная и нефтехимическая компания.

Она захлопнула сетчатую дверь за своей спиной, подошла к раковине и выпила три стакана холодной воды слишком быстро, в результате чего серебряная иголка боли глубоко вонзилась ей в лоб. Изумленный желудок дернулся, и Фрэнни зависла над фаянсовой раковиной, сощурившись, размышляя, вырвет ее или нет. Через мгновение желудок сообщил ей, что примет холодную воду, во всяком случае, попытается.

– Фрэн? – донесся до нее неуверенный, тихий голос.

Она обернулась и увидела Гарольда, стоящего за сетчатой дверью, его руки болтались по бокам. Он выглядел озабоченным и несчастным, и Фрэн внезапно почувствовала к нему жалость. Гарольд Лаудер, разъезжающий по этому печальному, опустевшему городу в «кадиллаке» Роя Брэннигана, Гарольд Лаудер, который, возможно, за всю жизнь не был ни на одном свидании, Гарольд Лаудер, одержимый чувством, которое он сам, наверное, определял как вселенское презрение. К свиданиям, девушкам, друзьям – ко всему, в том числе, и это уж почти наверняка, к самому себе.

– Извини, Гарольд.

– Нет, не следовало мне ничего говорить. Послушай, если ты не против, я могу помочь.

– Спасибо, но лучше я все сделаю сама. Это...

– Это личное. Конечно, я понимаю.

Она могла достать свитер из шкафа на кухне, но, разумеется, он понял бы, зачем она это сделала, а ей не хотелось снова смущать его. Гарольд изо всех сил пытался вести себя хорошо, что отчасти напоминало попытки говорить на иностранном языке. Фрэнни вышла из дома, и мгновение они стояли рядом и смотрели на огород и на яму в обрамлении вырытой земли. А вокруг убаюкивающе «жужжал» день, словно ничего и не изменилось.

– Что ты собираешься делать? – спросила она Гарольда.

– Понятия не имею, – ответил он. – Знаешь... – Он запнулся.

– Что?

– Ну, мне трудно об этом говорить. Я не вхожу в число тех, кто пользуется всеобщей любовью в этом уголке Новой Англии. Сомневаюсь, что в этом городе мне поставят памятник, даже если я когда-нибудь стану знаменитым писателем, как в свое время мечтал. Между нами говоря, я верю, что стану стариком с бородой до пупа, прежде чем появится еще один знаменитый писатель.

Она ничего не ответила, только продолжала смотреть на него.

– Вот! – воскликнул Гарольд, дернувшись, будто это слово вылетело из него, как пробка. – Вот мне и приходится удивляться такой несправедливости! Она кажется – мне, во всяком случае, – такой чудовищной, что легче поверить, будто оболтусам, которые посещают местную цитадель знаний, удалось наконец свести меня с ума.

Он поправил очки на носу, и Фрэнни посочувствовала ему, заметив, какая у него россыпь прыщей. Говорил ли кто-нибудь Гарольду, спросила она себя, что мыло и теплая вода могут немного помочь? Или все слишком увлеклись симпатичной, миниатюрной Эми, наблюдая, как она – имея в школе средний балл 3,8 – на крыльях неслась сквозь Мэнский университет, закончив его двадцать третьей на курсе, где обучалось более тысячи человек? Милашка Эми, такая умненькая и жизнерадостная, а чего примечательного в Гарольде? Разве что грубость.

– Свести с ума, – тихо повторил Гарольд. – Я разъезжаю по городу на «кадиллаке», имея при себе лишь ученическое удостоверение. И посмотри на эти сапоги. – Он приподнял штанины джинсов, приоткрывая сверкающие, сложно расшитые голенища. – Восемьдесят шесть долларов. Я просто вошел в «Шу боут» и взял свой размер. Чувствуя себя грабителем. Актером в пьесе. Сегодня я не раз и не два думал, что рехнулся.

– Ты не рехнулся, – заверила его Фрэнни. Пахло от него так, будто он не мылся три или четыре дня, но теперь она не испытывала к нему отвращения. – Откуда это? «Я буду в твоём сне, если ты будешь в моем»? Мы не психи, Гарольд.

– Может, было бы лучше, если б мы ими были.

– Кто-нибудь придет. – Фрэнни в этом не сомневалась. – Через какое-то время. После того как эпидемия этой болезни, чем бы она ни была, закончится.

– Кто?

– Кто-то, обладающий властью... – ответила она уже не так уверенно. – Тот, кто сможет... ну... навести порядок.

Он горько засмеялся:

– Мое дорогое дитя... извини, Фрэн. Все это *сделали* люди, облеченные властью. Они здорово умеют наводить порядок. Одним махом они разрешили все проблемы – экономическую депрессию, загрязнение окружающей среды, нехватку топлива, холодную войну. Да, они навели полный порядок. Они разрешили проблемы тем самым способом, каким Александр распутал гордиев узел – просто разрубив его пополам.

– Но ведь это просто необычный вирус *grippe*, Гарольд. Я слышала по радио...

– Мать-Природа не использует такие методы, Фрэн. Кто-то из твоих властных людей собрал команду бактериологов, вирусологов и эпидемиологов и засадил в какое-нибудь правительственное учреждение, чтобы посмотреть, сколько они смогут создать необычных организмов. Бактерий. Вирусов. Микробов. Как ни назови. И неизбежно наступил момент, когда какая-нибудь хорошо оплачиваемая жаба сказала: «Смотрите, что я сделал. Убивает практически *всех*. Разве это не здорово?» Ей дали медаль, увеличили жалованье, подарили таймшер. А потом кто-то разбил пробирку... Что собираешься делать, Фрэн?

– Хоронить отца, – ответила она мягко.

– Ой... ну конечно. – Он кинул на нее быстрый взгляд и добавил: – Послушай, я собираюсь уехать отсюда. Из Оганквита. Если я останусь здесь еще на какое-то время, то действительно сойду с ума. Фрэн, почему бы тебе не поехать со мной?

– Куда?

– Не знаю. Пока.

– Ладно, когда будешь знать, приди и спроси меня еще раз.

Гарольд просиял.

– Хорошо! Обязательно! Дело... Видишь ли, дело в том... – Он запнулся и сошел с крыльца, словно в каком-то полусне. Его новые ковбойские сапоги сверкали на солнце. Фрэн наблюдала за ним с грустным недоумением.

Он помахал ей перед тем, как сесть за руль «кадиллака». Фрэн подняла руку в ответ. Автомобиль дернулся, когда Гарольд неумело тронул его задним ходом, а потом рывками покатился по подъездной дорожке. В какой-то момент Гарольд слишком взял влево и раздавил часть цветов Карлы. Наконец он вырулил на дорогу, едва не угодив в ливневую канаву. Потом просигналил два раза и уехал, быстро набирая скорость. Фрэн смотрела ему вслед, пока «кадиллак» не скрылся из виду, после чего вернулась в огород отца.

Где-то в начале пятого, пересиливая себя, волоча ноги, Фрэн поднялась вверх. В виски и в лоб стучала тупая головная боль, вызванная жарой, и усталостью, и напряжением. Она уже собралась отложить похороны на один день, но поняла, что будет только хуже. В руках она несла лучшую дамастную скатерть матери, предназначенную исключительно для гостей.

Оказалось, что все не так хорошо, как она надеялась, но и не так плохо, как боялась. У него на лице сидели мухи, потирали мохнатые лапки, потом взлетали, и его кожа почернела, но благодаря сильному загару от работы в саду в глаза это не бросалось... особенно если дать себе установку не замечать лишнего. И никакого запаха, а его-то она и страшилась сильнее всего.

Он умер на двуспальной кровати, которую годами делил с Карлой. Фрэнни расстелила скатерть на половине матери – край ткани касался руки, бедра и ноги отца – и, сглотнув слюну (голова разболелась еще сильнее), изготовилась перекатить покойного на его саван.

Питер Голдсмит был в полосатой пижаме, и Фрэнни поразила неподобающая фривольность этого одеяния, но она понимала, что придется оставить все как есть. Она не могла даже подумать о том, чтобы сначала раздеть его, а потом снова одеть.

Напрягшись, она ухватила отца за левую руку, ставшую твердой и негнушейся, как деревянный брусок, и потянула на скатерть. Отвратительное, протяжное рыгание вырвалось у него изо рта, и этот звук никак не обрывался, хрипел в горле, словно туда забралась цикада и теперь ожила в длинном, темном канале, затянула свою нескончаемую песню.

Фрэнни взвизгнула, отшатнулась, наткнулась на прикроватный столик. Расчески отца, щетки, будильник, небольшая кучка мелочи, булавки для галстука и запонки со звяканьем полетели на пол. Теперь появился *запах*, омерзительный запах разложения: тонкий, еще оставшийся слой окутывавшей Фрэнни защитной дымки рассеялся, и ей открылась истина. Она упала на колени, обхватила руками голову и зарыдала. Она хоронила не какую-нибудь куклу размером с человека, она хоронила своего *отца*, и последним свидетельством его принадлежности к роду человеческому – самым последним – был этот ядреный, насыщенный запах, повисший в воздухе. А скоро исчезнет и он.

Мир окутался серым, и звуки ее горя, истошные и непрерывные, как-то отдалились, словно издавала их, скажем, одна из маленьких темнокожих женщин, каких постоянно показывают в выпусках новостей. Это продолжалось какое-то время, сколько именно, Фрэнни понятия не имела, но мало-помалу она пришла в себя. Вернулось и осознание: она еще не сделала того, что должна. Того, что раньше не могла заставить себя сделать.

Она подошла к отцу и вновь перевернула его. Он еще раз рыгнул, но уже слабо и угасающе. Она поцеловала его в лоб.

– Я люблю тебя, папочка. Я люблю тебя. Фрэнни тебя любит. – Ее слезы капали на его лицо и блестели на нем. Она сняла с него пижаму и одела его в лучший костюм, не замечая, как пульсировала от боли спина, как тупо ныли шея и руки, когда она поднимала какую-то часть его тела, одевала, опускала обратно на кровать и переходила к следующей. Она подложила ему под голову два тома «Энциклопедии», чтобы повязать галстук. В нижнем ящике, под носками, нашла его военные награды, медаль «Пурпурное сердце», знаки отличия за доблестное несение службы, за участие в боевых кампаниях... «Бронзовую звезду», которую он получил в Корее. Приколола их к пиджаку. Из ванной комнаты принесла детскую присыпку и напудрила его лицо, и шею, и руки. Сладкий, ностальгический запах пудры вновь заставил ее заплакать. Тело Фрэнни покрывал пот. Под глазами темнели мешки усталости.

Она с двух сторон накрыла отца скатертью, принесла швейный набор матери и прошила ткань. Потом для прочности сделала второй шов. Рыдая, хрипя от натуги, сумела стащить тело отца с кровати на пол, не уронив его. Потом отдохнула, находясь в полуобморочном состоянии. Когда почувствовала, что может продолжить, приподняла верхнюю часть трупа, дотащила до лестничной площадки как могла, осторожно спустила на первый этаж. Снова остановилась передохнуть, воздух выходил из легких с резкими, жалобными всхлипами. Боль в голове усилилась, пронзая ее острыми иглами.

Она протащила тело по коридору, через кухню, на заднее крыльцо. Вниз по ступенькам. Тут ей опять пришлось отдыхать. Землю уже освещал золотистый свет раннего вечера. Она сдалась горю, села рядом с телом отца, положив голову на колени, раскачиваясь из стороны в сторону, плача. Щебетали птицы. Наконец она смогла вытащить его в огород.

И довела дело до конца. Когда последний кусок дерна занял положенное ему место (она укладывала их, стоя на коленях, словно собирая пазл), часы показывали без четверти девять. Фрэнни вся перепачкалась. Белой осталась только кожа под глазами – это место постоянно очищали слезы. Она изнемогала от усталости. Волосы повисли спутанными патлами.

– Покойся с миром, папочка, – пробормотала она. – Пожалуйста...

Она оттащила лопату в мастерскую отца и небрежно бросила на пол. Ей пришлось дважды остановиться, чтобы отдохнуть, пока она поднималась по шести ступенькам на крыльцо. Не включая свет, Фрэнни пересекла кухню, сбросив свои теннисные туфли, прежде чем войти в гостиную. Рухнула на диван и мгновенно уснула.

Во сне она опять поднималась по лестнице на второй этаж, направляясь к отцу, чтобы исполнить свой долг и похоронить его надлежащим образом. Но когда вошла в спальню, скатерть уже накрывала тело, и ощущение горя и утраты уступило место какому-то другому чувству... очень похожему на страх. Она пересекла погруженную во мрак комнату, не желая этого делать, с одной лишь мыслью о том, что надо бежать отсюда, и не в силах остановиться. Скатерть призрачно светилась в тени, и внезапно ее осенило: под скатертью – не ее отец. И оно вовсе не мертво.

Под скатертью находилось что-то... кто-то, наполненный темной жизнью и омерзительным весельем, и лучше ей самой умереть, чем сдернуть покров, но она... не могла... остановиться.

Рука Фрэнни вытянулась, замерла на скатерти и резко дернула ее.

Он усмехался, но она не могла разглядеть его лица. Эта ужасная усмешка обдала ее волной ледяного холода. Да, она не могла разглядеть его лица, но увидела, какой подарок припас этот кошмарный призрак ее неродившемуся ребенку: перекрученную вешалку-плечики.

Она убежала, убежала из комнаты, из сна, приходя в себя, на короткое время выныривая на поверхность...

В три часа ночи она ненадолго очнулась от сна – ее тело еще плавало в пене ужаса, а кошмар уже распадался и терял связность, оставляя после себя лишь чувство обреченности, напоминавшее прогорклый привкус во рту, как бывает, если съешь что-то тухлое. И в этот момент, когда она уже не спала, но еще и не бодрствовала, Фрэнни подумала: *Он, это он, Странник, человек без лица.*

Потом она снова заснула, на этот раз без сновидений, а когда проснулась на следующее утро, ночной кошмар уже бесследно исчез из ее памяти. Но стоило Фрэнни подумать о ребенке, растущем в животе, ее немедленно захлестнуло яростное желание встать на его защиту. Глубина и сила этого чувства удивляли и немного пугали.

Глава 29

Тем же вечером, когда Ларри Андервуд спал с Ритой Блейкмур, а Фрэнни Голдсмит спала одна и видела этот загадочный, зловещий сон, Стюарт Редман ожидал Элдера. Он ждал его уже три дня, и на этот раз Элдер его не разочаровал.

Двадцать четвертого, после полудня, Элдер пришел с двумя медбратьями и забрал телевизор. Точнее, медбратья забирали телевизор, а Элдер просто стоял, направив револьвер (упрятанный в пластиковый мешок) на Стю. Но к тому времени телевизор Стю уже не требовался: все равно по нему передавали всякую чушь, которая только запутывала. Получить всю необходимую информацию он мог, стоя у зарешеченного окна и глядя вниз на город у реки. Как неспроста пел тот человек: «Не надо быть метеорологом, чтобы знать, куда дует ветер».

Над трубами текстильной фабрики больше не поднимался дым. Цветастые пятна и разводы на реке исчезли, и вода очистилась. Большинство машин, выглядевших с такого расстояния как яркие игрушки, покинуло фабричную стоянку и не вернулось. За вчерашний день, двадцать шестое июня, по шоссе проехало лишь несколько автомобилей, да и тем пришлось лавировать между брошенной техникой, словно горнолыжникам на слаломной трассе. Ни один эвакуатор так и не приступил к расчистке дороги.

Центр города расстился внизу, будто рельефная карта, и выглядел абсолютно пустым. Городские часы, отбивавшие каждый час его заточения, молчали с девяти утра, и музыкальная нота, предшествовавшая последнему часовому бою, прозвучала затянато и странно, словно из утонувшей музыкальной шкатулки. В придорожном кафе или магазине на выезде из города случился пожар: здание весело полыхало всю вторую половину дня, черный дым поднимался в синее небо, но ни одна пожарная машина не приехала, чтобы потушить огонь. Стю полагал, что выгорела бы половина города, если б здание не стояло посреди асфальтированной автостоянки. Вечером руины еще дымились, несмотря на прошедший небольшой дождик.

Стю предполагал, что у Элдера есть приказ убить его – почему нет? Всего лишь одним трупом больше, к тому же Стю знал их маленький секрет. Они не сумели найти лекарство и не смогли понять, чем мистер Редман отличается от всех тех, кто умер от этой болезни. А мысль о том, что вряд ли останется много народу, с кем он сможет поделиться этим секретом, вероятно, даже не приходила им в голову. Стю ощущал себя последним живым свидетелем в лапах загнанных в угол ублюдков.

Он не сомневался, что герой телесериала или романа обязательно нашел бы способ убежать отсюда – черт, такие люди встречаются и в реальной жизни, – вот только Стю Редман к ним не относился. В конце концов он с паническим смирением решил, что ему остается только одно: ждать Элдера и постараться быть готовым ко всему.

Элдер являл собой неопровержимое доказательство того, что и в этом заведении болезнь, которую сотрудники иногда называли «Синевой», а иногда – «супергриппом», вырвалась из-под контроля. Медсестры обращались к Элдери «доктор», но врачом он не был. Лет пятидесяти пяти, с тяжелым взглядом, напрочь лишенный чувства юмора. До Элдера ни один из врачей не нуждался в том, чтобы держать Стю под прицелом. Стю боялся Элдера, так как понимал, что ни логические доводы, ни мольбы для того равным счетом ничего не значат. Элдер ждал приказов. Как только они поступали, он их выполнял. Этакий копыеносец, армейский аналог наемного убийцы мафии, ему бы в голову не пришло усомниться в целесообразности этих приказов, с учетом имеющих место событий.

Три года назад Стю купил книгу, которая называлась «Обитатели холмов⁷⁵», чтобы отослать племяннику, жившему в Вако. Он достал коробку, в которую хотел положить книгу, а

⁷⁵ «Обитатели холмов» – эпический роман английского писателя Ричарда Адамса (р. 1920).

потом, поскольку заворачивать подарки не любил даже больше, чем читать, открыл первую страницу, полагая, что надо посмотреть, о чем речь. Прочитал ее, потом вторую страницу... и увлекся. Не спал всю ночь, пил кофе, курил и упорно продвигался вперед, как человек, не привыкший получать удовольствие от чтения. Как выяснилось, речь в книге – подумать только – шла о кроликах. Самых глупых, самых трусливых существах на Земле... да только парень, который написал книгу, вывел их совсем другими. Судьба кроликов брала за живое. Это была чертовски хорошая история, и Стью, обычно читавший со скоростью улитки, закончил книгу двумя днями позже.

Больше всего ему запомнилось выражение «впасть в ступор», или просто «ступор». Стью сразу понял, о чем речь. Потому что видел многих впавших в ступор животных, да и сшибал некоторых на трассе. Животное, впад в ступор, приседает посреди дороги, прижав уши к голове, и смотрит, как на него летит автомобиль, не в силах сдвинуться с места, чтобы избежать смертельного удара. Оленя можно вогнать в ступор, посветив ему в глаза фонарем. Точно так же действует на енота громкая музыка, а на попугая – монотонное постукивание по клетке.

Вот и Элдер вгонял Стью в ступор. Хватало одного взгляда в ничего не выражающие синие глаза Элдера, чтобы душа ушла в пятки. Элдеру, вероятно, и не требовался пистолет, чтобы избавиться от него. Элдер наверняка владел приемами карате, французского бокса и еще много чего. И что он, Стью, мог противопоставить такому человеку? От одной только мысли об Элдере душа сворачивалась в клубок. Ступор. Хорошее название для этого явления.

Красная лампочка вспыхнула над дверью в самом начале одиннадцатого, и Стью почувствовал, как на ладонях и на лице выступает пот. Так случалось каждый раз, когда зажигался красный свет, потому что рано или поздно Элдер мог прийти один. Один, чтобы обойтись без свидетелей. Где-нибудь здесь наверняка была печь, в которой сжигали жертв эпидемии. Элдер сам бы запихнул его туда. Плевое дело. И никаких следов.

Элдер вошел в палату. Один.

Стью сидел на больничной койке, положив руку на спинку стула. При виде Элдера он почувствовал, как привычно занял желудок. Ощутил знакомое желание разразиться потоком бессвязных, молящих слов, хотя знал, что ничего не добьется. Лицо за прозрачным щитком белого защитного костюма не ведало жалости.

Все вокруг стало очень отчетливым, предельно ярким, неторопливым. Стью почти слышал, как глазные яблоки перекачиваются по хорошо смазанным глазницам, следуя за перемещениями Элдера. Белый защитный костюм едва не лопался на этом крупном, мощном здоровяке. Дыра на срезе ствола револьвера, который Элдер держал в руке, казалась огромным туннелем.

– Как самочувствие? – спросил гость, и даже искажающий голос динамик не скрыл от Стью гнусавость Элдера. Он заболел.

– Без изменений. – Стью удивило собственное спокойствие. – Скажите, когда я смогу выйти отсюда?

– Теперь уже очень скоро, – ответил Элдер. Револьвер смотрел в направлении Стью, не точно на него, но и не в сторону. Элдер приглушенно чихнул. – Вы не слишком-то разговорчивы, так?

Стью пожал плечами.

– В людях мне это нравится, – продолжил Элдер. – Кто любит поговорить, так это нытики, плаксы и слабаки. Минут двадцать назад поступил приказ насчет вас, мистер Редман. Не слишком радостный, но, думаю, вы справитесь.

– Какой приказ?

– Ну, мне приказали...

Взгляд Стью сместился за спину Элдера, к высокому порогу герметически закрывающейся двери.

– Боже мой! – воскликнул он. – Там гребаная крыса! Ну и дыра у вас, если тут бегают крысы!

Элдер обернулся, и на мгновение Стью настолько удивился неожиданному успеху своей хитрости, что едва не впал в оцепенение. Но все же успел соскользнуть с кровати и ухватить стул за спинку, когда Элдер вновь стал оборачиваться к нему. Глаза Элдера внезапно широко раскрылись. Стью вскинул стул над головой и сделал шаг вперед, а потом опустил стул вниз, вложив в замах всю силу своих ста восьмидесяти фунтов.

– Назад! – закричал Элдер. – Не...

Удар пришелся на правую руку Элдера. Грохнул выстрел, пуля разорвала полиэтилен и отколошетила от пола. Револьвер упал на ковер и выстрелил еще раз.

Стью подумал, что прежде чем Элдер оправится, ему вряд ли удастся нанести больше одного удара. И постарался вложить в этот удар всю свою силу. Стул пошел по размашистой дуге, имитируя путь биты Генри Аарона⁷⁶. Элдер попытался поднять сломанную правую руку, но не смог. Ножки стула обрушились на шлем белого скафандра. Пластиковый щиток разлетелся вдребезги, и осколки брызнули Элдеру в лицо. Он закричал и повалился на спину.

Потом перевернулся на живот, поднялся на четвереньки и попытался дотянуться до револьвера на ковре. Стью в последний раз взмахнул стулом и врезал Элдеру по затылку. Тот рухнул. Тяжело дыша, Стью наклонился и поднял револьвер. Отступил, держа на мушке распростертое тело Элдера, но тот не двигался.

На мгновение мелькнула кошмарная мысль: «А вдруг Элдеру дали приказ не убить, а освободить меня?» Но это было бы нелогично, верно? Если б речь шла об освобождении, чего поминать нытиков и слабаков? И называть приказ «не слишком радостным».

Нет: Элдера послали сюда, чтобы убить его.

Стью смотрел на распростертое тело, дрожа с головы до ног. «Если Элдер сейчас встанет, – подумал он, – то я промахнусь всеми оставшимися пятью пулями. Стреляя в упор». Однако он сомневался, что Элдер сможет подняться. Вообще.

Внезапно его охватило такое сильное желание выбраться из этой палаты-бокса, что он чуть не рванул через дверь воздушного шлюза навстречу неизвестности. Он провел здесь больше недели, и ему хотелось глотнуть свежего воздуха, а потом убраться подальше от этого жуткого места.

Но действовать следовало осмотрительно.

Стью направился к воздушному шлюзу, зашел в него и нажал кнопку с надписью «ЦИРКУЛЯЦИЯ». Включился насос, поработал некоторое время. Открылась внешняя дверь. Она вела в небольшую комнатку с одним письменным столом. На нем лежала тонкая стопка медицинских карт... и его одежда. Та самая, в которой он прилетел из Брейнтри в Атланту. Стью вновь ощутил прикосновение ледяного пальца ужаса. Все это, безусловно, предназначалось для кремации вместе с ним, сомнений нет. Его медицинские карты, одежда. Прощай, Стюарт Редман. Да и не было здесь никакого Стюарта Редмана. В сущности...

Позади послышался негромкий шум, и Стью резко обернулся. Элдер ковылял по направлению к нему, согнувшись, с болтающимися, как плети, руками. Из вытекающего глаза торчал зазубренный осколок пластмассы. Элдер улыбался.

– Не двигаться, – приказал Стью. Он поднял пистолет и сжал его двумя руками, но ствол все ходил из стороны в сторону.

Словно не слыша, Элдер продолжал идти.

Скривившись, Стью нажал на спусковой крючок. Револьвер дернулся у него в руках, и Элдер остановился. Улыбка превратилась в гримасу, словно ему внезапно скрутило живот. В белом костюме появилась небольшая дырка. Мгновение Элдер стоял, покачиваясь, а потом

⁷⁶ Генри Луис Аарон по прозвищу Молоток (р. 1934) – один из самых знаменитых бейсболистов.

рухнул лицом вниз. Некоторое время Стью не двигался, пристально глядя на него, потом двинулся в комнатку, где на столе лежали его личные вещи.

Попытался открыть дверь в дальнем конце комнатки, и у него получилось. За дверью тянулся коридор, освещенный тусклыми флуоресцентными лампами. На полпути к нише, где находились лифты, рядом с чем-то, напоминающим сестринский пост, стояла пустая каталка. Стью услышал слабый стон. Тут же кто-то закашлялся, хрипло, надрывно, и никак не мог остановиться.

Стью вернулся к столу и забрал свою одежду. Зажал под мышкой, вышел из комнатки, закрыл за собой дверь и зашагал по коридору. Влажная от пота рука сжимала револьвер Элдера. Поравнявшись с каталкой, он оглянулся: тишина и отсутствие людей нервировали. Кашель смолк. Стью ожидал увидеть Элдера, плетущегося или ползущего следом, с намерением выполнить последний полученный приказ. Ему уже хотелось вернуться в отгороженную от всего мира и такую знакомую палату.

Стон повторился уже громче. За лифтами оказался еще один коридор, перпендикулярный тому, по которому шел Стью. В этом коридоре, привалившись к стене, сидел мужчина, один из медбратьев. Лицо его распухло и почернело, грудь резко вздымалась и тут же опадала. Пока Стью смотрел на него, он снова застонал. За ним, свернувшись калачиком, лежал труп. Дальше по коридору Стью увидел еще три тела, одно из них – женское. Медбрат – Стью вспомнил, что его зовут Вик, – снова начал кашлять.

– Господи! – выдохнул Вик. – Господи, как ты смог выйти? Ты же не мог выйти.

– Элдер пришел разобраться со мной, а вместо этого я разобрался с ним, – ответил Стью. – Мне повезло, что он заболел.

– Святая кровь Христова, тебе действительно повезло. – Вик снова зашелся в припадке кашля. – Это больно, если бы ты знал, как это больно! Нам всем так хреново! Боже ты мой...

– Слушай, могу я чем-нибудь помочь? – спросил Стью.

– Если серьезно, то можешь приставить эту пушку мне к уху и нажать на спусковой крючок. Внутри у меня все разрывается. – Он снова закашлялся, а потом беспомощно застонал.

Но Стью не мог выполнить эту просьбу. Вик продолжал глухо стонать, и нервы у него не выдержали. Он побежал к лифтам, подальше от этого почерневшего лица, напоминающего луну при частичном затмении, подсознательно ожидая, что Вик позовет его, окликнет беспомощно-праведным голосом, каким больные обращаются к здоровым, если им что-нибудь нужно. Однако Вик только продолжал стонать, и это пугало еще сильнее.

Двери лифта закрылись, а кабина пошла вниз, когда Стью вдруг подумал, что лифт может оказаться ловушкой. Вполне в их духе. Может, в кабину впрыснут отравляющий газ или сработает реле, отсоединив тросы и отправив его в недолгий полет на дно шахты. Он нервно огляделся, пытаясь найти скрытые вентиляционные каналы или амбразуры. Клаустрофобия погладила его шершавой рукой, и неожиданно кабина сжалась до размера телефонной будки, а потом и гроба. Преждевременные похороны, ага.

Он протянул палец к кнопке «СТОП», но подумал: а что хорошего в остановке между этажами? Прежде чем успел ответить на этот вопрос, кабина замедлила ход и плавно остановилась.

А если там вооруженная охрана?

Но единственным часовым, который поджидал его в коридоре, оказалась мертвая женщина в униформе медсестры. Она свернулась калачиком у двери женского туалета.

Стью смотрел на нее так долго, что двери лифта начали закрываться. Он вытянул руку, и двери послушно разошлись. Стью вышел из кабины. Коридор вел к Т-образному перекрестку, и Стью зашагал к нему, обойдя мертвую медсестру по широкой дуге.

Позади него раздался шум, и он резко повернулся, вскинув револьвер, но это всего лишь второй раз захлопнулись двери лифта. Он посмотрел на них, шумно сглотнул и пошел

далее. Шершавая рука вернулась, наигрывая мелодии на его позвоночнике и убеждая послать к черту это хождение, пуститься бегом, прежде чем кто-нибудь... *что-нибудь*... сумеет до него добраться. Эхо шагов в полутемном коридоре административного крыла не добавляло спокойствия. *Пришел поиграть, Стюарт? Очень хорошо.* Двери с панелями из матового стекла маршировали мимо, и каждая могла рассказать свою историю. «ДОКТОР СЛОУН». «ЗАПИСИ И РАСПЕЧАТКИ». «МИСТЕР БОЛЛИНДЖЕР». «МИКРОФИЛЬМЫ». «КОПИРОВАНИЕ». «МИССИС УИГГС». «С огородика⁷⁷», – подумал Стю.

На Т-образном перекрестке стоял фонтанчик с питьевой водой, теплой, с привкусом хлорки, от которой его желудок чуть не вывернулся наизнанку. Слева выхода не было. На кафельной стене Стю увидел надпись: «БИБЛИОТЕЧНОЕ КРЫЛО» – и оранжевую стрелку под ней. Коридор в том направлении тянулся, казалось, на многие мили. В пятидесяти ярдах на полу лежало тело человека в белом защитном костюме. Он напоминал какое-то странное животное, выброшенное на стерильный берег.

Стю начал терять самообладание. Здание оказалось огромным, куда больше, чем он предполагал вначале. Впрочем, предполагать что-либо он мог исходя лишь из того, что видел, когда его сюда привезли: два коридора, один лифт, одна палата-бокс. Он мог бродить здесь часами, оглашая коридоры звуками и эхом своих шагов, переходя от трупа к трупу. Они лежали повсюду, словно призы в какой-нибудь жуткой игре «Охота за сокровищами». Стю вспомнил, как возил Норму, свою жену, в большую больницу в Хьюстоне после того, как у нее диагностировали рак. Там на стенах везде висели схемы со стрелкой, указывающей на точку. На стрелках красовались слова: «ВЫ ЗДЕСЬ». Схемы предназначались для того, чтобы люди не заблудились, как сейчас заблудился он. *Заблудился.* Ох, малыш, это плохо. Это очень плохо.

– Не впадай в ступор, мы почти на свободе, – вслух произнес Стю, и слова эхом вернулись к нему, монотонные и странные. Он не собирался их озвучивать, так получилось только хуже.

Он двинулся направо, повернувшись спиной к библиотечному крылу, прошел мимо каких-то кабинетов, свернул в другой коридор и зашагал по нему. Начал часто оглядываться, убеждая себя, что никто – например, Элдер – его не преследует, но не в силах в это поверить. Коридор закончился запертой дверью с надписью: «РАДИОЛОГИЯ». На ручке висела написанная от руки табличка: «ЗАКРЫТО ДО ДАЛЬНЕЙШИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ. РЭНДАЛЛ».

Стю вернулся к развилке, выглянул из-за угла, осторожно посмотрев в ту сторону, откуда пришел. Тело в белом скафандре лежало далеко-далеко, уменьшившись до размеров точки, и все вокруг казалось неизменным и вечным, что только усилило желание Стю вырваться из этого здания как можно быстрее.

Он повернул направо. Через двадцать ярдов добрался до еще одного Т-образного перекрестка. Снова повернул направо. На этот раз коридор закончился лабораторией микробиологии. В одном из лабораторных отсеков на письменном столе лежал молодой мужчина в одних трусах. Он был без сознания, и изо рта и из носа у него шла кровь. Хриплое дыхание напоминало осенний ветер, шуршащий высохшими обертками кукурузных початков.

И тут Стю все-таки побежал, из коридора в коридор, все более и более убеждаясь в том, что выхода нет, во всяком случае, на этом этаже. Эхо его шагов следовало за ним по пятам, словно Вик или Элдер успели-таки направить в погоню взвод призрачной военной полиции. Потом Стю овладело другое наваждение, каким-то образом связанное с теми странными снами, которые он видел в последние несколько ночей. Он так перепугался, что не мог заставить себя обернуться: боялся, что увидит идущую следом за ним фигуру в белом защитном костюме, фигуру без лица, с черной пустотой за плексигласовым щитком. Какого-то ужасного призрака, наемного убийцу, прибывшего из-за пределов здравого времени и пространства.

⁷⁷ «Миссис Уиггс с капустной грядки» – роман американской писательницы Элис Хеган Райс (1870–1942).

Тяжело дыша, Стью завернул за угол, пробежал десять футов, прежде чем осознал, что коридор этот – тупик, и налетел на дверь с табличкой. Прочитал надпись на табличке: «ВЫХОД».

Он взялся за ручку, не сомневаясь, что та не повернется, но она повернулась, а дверь легко открылась. По четырем ступеням он спустился к следующей двери. Слева от лестничной площадки ступени вели вниз, в густую темноту. Верхнюю часть второй двери занимала стеклянная панель, а перед ней была натянута защитная сетка. За стеклом ждала восхитительная теплая летняя ночь и вся свобода, о которой мог только мечтать человек.

Стью все еще зачарованно смотрел сквозь стекло, когда из темноты уходящего вниз крутого лестничного пролета высунулась рука и ухватила его за лодыжку. Сдавленный вскрик разорвал горло Стью, как шип. Он обернулся, чувствуя, что живот превратился в глыбу льда, и увидел окровавленное, ухмыляющееся лицо, обращенное к нему из темноты.

– Спускайся ко мне и поешь со мной курочки, красавчик, – прошептала тварь надтреснутым, умирающим голосом. – Здесь *та-а-ак* темно...

Стью закричал и попытался освободить ногу. Ухмыляющаяся тварь не отпускала его. Из уголков ее рта стекала то ли кровь, то ли желчь. Стью ударил другой ногой по держащей его руке, а потом наступил на нее. Лицо скрылось в темноте. Послышалась серия глухих ударов... затем раздались крики боли или гнева – Стью точно не знал. Да его это и не волновало. Он толкнул наружную дверь плечом, и она с треском распахнулась. Он вывалился наружу, безуспешно взмахнул руками, пытаясь удержаться на ногах, и упал на бетонную дорожку.

Стью медленно, осторожно сел. Крики за спиной прекратились. Прохладный вечерний ветерок коснулся его лица, осушил пот на лбу. Он с удивлением заметил, что его окружает трава и цветочные клумбы. Никогда еще ночь не пахла так сладко и нежно. По небу плыл месяц. Стью с благодарностью вскинул к нему лицо и пошел через лужайку к дороге, ведущей вниз, в Стовингтон. Траву покрывала роса. Он слышал, как ветер шепчется с соснами.

– Я жив, – выдохнул Стью Редман, обращаясь к ночи. И заплакал. – Я жив, слава Богу, я жив, слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи, слава Тебе...

Слегка пошатываясь, он зашагал по дороге.

Глава 30

Ветер гнал пыль по техасской лесостепи, и в сумерках она напоминала полупрозрачный занавес, за которым Арнетт превратился в коричневатый город-призрак. Вывеску запра-вочной станции «Тексако», принадлежавшей Биллу Хэпскомбу, сорвало порывом ветра, и теперь она лежала посреди дороги. Кто-то оставил включенным газ в доме Норма Брюэтта, и днем раньше искра из кондиционера привела к мощному взрыву. Бревна, шифер и игрушки «Фишер-прайс» разлетелись по всей Лавровой улице. На Главной улице в ливневых канавах валялись мертвые собаки и солдаты. В продовольственном магазине Рэнди мужчина, одетый в пижаму, лежал на мясном прилавке, и его руки свисали вниз. Одна из собак, последним пристанищем которой стала ливневая канава, отведала лицо этого мужчины, прежде чем потеряла аппетит. Кошки гриппом не заразились и десятками сновали по сумеречной неподвижности, будто дымчатые тени. Из нескольких домов доносились звуки работающих телевизоров. Где-то хлопала ставня. Красный возок, старый, выцветший и ржавый, с едва читаемыми надписями «СКОРОСТНОЙ ЭКСПРЕСС» на бортах, стоял посреди Дерджин-стрит напротив бара «Голова индейца». В возке лежало несколько бутылок из-под пива и содовой. На Логанлейн, в лучшем районе Арнетта, на крыльце Тони Леоминстера позвякивали китайские колокольчики. «Скаут» Тони стоял на подъездной дорожке с опущенными стеклами. На заднем сиденье уже устроилось беличье семейство. Солнце покинуло Арнетт. Город погрузился в темноту под крылом ночи. И, за исключением писка и шебуршания маленьких животных и позвякивания китайских колокольчиков Тони Леоминстера, затих. И затих. И затих.

Глава 31

Кристофер Брейдентон вырывался из бреда, как человек вырывается из засасывающего его зыбучего песка. Все тело болело. Лицо стало чужим, словно кто-то сделал ему десяток инъекций силикона, и оно раздулось, как дирижабль. Горло превратилось в сплошную рану, а дыхательные пути, казалось, сузились до диаметра шарика-пульки для детского пневматического пистолета. Воздух со свистом входил и выходил через этот невероятно узкий канал, необходимый для поддержания связи с окружающим миром. Однако этим его беды не ограничивались. Ощущение, будто он тонет, приносило больше страданий, чем постоянная пульсирующая боль в груди. А больше всего его донимал жар. Он не мог вспомнить другого такого случая, ему не было так хреново даже два года тому назад, когда он вез из Техаса в Лос-Анджелес двух политических заключенных, выпущенных под залог, но нарушивших правила условно-досрочного освобождения. Их древний «пontiак-темпест» приказал долго жить на шоссе 190 в Долине Смерти, и тогда им пришлось погреться, но на этот раз все обстояло хуже. Теперь его донимал внутренний жар, словно он проглотил солнце.

Он застонал и попытался сбросить с себя покрывало, но у него не хватило сил. Он сам лег в постель? Вряд ли. Кто-то или что-то находилось в доме вместе с ним. Кто-то или что-то... ему бы вспомнить, а он не мог. Помнил только одно: он боялся еще до того, как заболел, потому что знал – кто-то (или что-то) едет к нему, и он должен... что?

Он снова застонал и помотал лежащей на подушке головой из стороны в сторону. В памяти возникали только бредовые образы. Жаркие призраки с липучими глазами. В спальню с бревенчатыми стенами вошла его мать, умершая в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году, и говорила ему: «Кит, ох, Кит, я предупреждала тебя, не связывайся с этими людьми, я предупреждала тебя. Мне нет дела до политики, но эти люди, с которыми ты ошиваешься, я предупреждала, они свихнувшиеся, как бешеные собаки, а девушки – просто шлюхи. Я ведь предупреждала тебя, Кит...» А потом лицо ее распалось, и из желтых пергаментных трещин полезла орда могильных жучков, и он кричал, пока темнота не начала колыхаться, а потом послышались сбивчивые крики, топот бегущих людей... появились огни, мигающие огни, запах газа, и он вернулся в Чикаго, в год тысяча девятьсот шестьдесят восьмой, когда там скандировали: *Весь мир смотрит! Весь мир смотрит! Весь мир смотрит!*.. Там в ливневой канаве у входа в парк лежала девушка в джинсовом комбинезоне, босая, в ее длинных волосах сверкали осколки стекла, а лицо превратилось в поблескивающую кровавую маску – маску раздавленного насекомого, потому что в безжалостном белом свете уличных фонарей кровь стала черной. Он помог ей подняться, и она закричала и прижалась к нему, потому что из облака газа выходил космический монстр в сверкающих черных сапогах, бронекуртке и противогазе. В одной руке он держал дубинку, в другой – баллончик с «Мейсом», а когда монстр поднял противогаз, обнажив ухмыляющееся, пылающее лицо, они оба вскрикнули, потому что перед ними стоял кто-то или что-то, кого он ждал, человек, которого Кит Брейдентон всегда боялся. Странник. Крики Брейдентона развалили этот сон, словно высокочастотные колебания – кристалл, и он очутился в Боулдере, штат Колорадо, в квартире на бульваре Каньон: лето и жара, такая жара, что по телу течет пот, хотя из одежды на тебе только трусы, а перед тобой стоит самый красивый парень в мире, высокий, и загорелый, и гетеросексуальный, в узких лимонно-желтых плавках, которые любовно облегают каждую выпуклость и впадинку его несравненных ягодиц, и ты знаешь: если он повернется, лицо у него будет как у рафаэлевского ангела, а член – как у жеребца Одинокого Рейнджера. «Хай-йо, Сильвер, вперед!»⁷⁸ Где ты его подцепил?

⁷⁸ «Хай-йо, Сильвер, вперед!» – знаменитая фраза Одинокого Рейнджера, также известного как капитан Кид, сражающегося со злом на Диком Западе.

На сходке в кампусе Университета Колорадо, посвященной обсуждению проблемы расизма? Или в кафетерии? Или подвез, когда тот голосовал на дороге? А есть ли разница? Ой, как же жарко, но ведь есть вода, вода в кувшине, вода в вазе со странными барельефными фигурами, и еще таблетка, нет... ТАБЛЕТКА! Та самая, которая отправит тебя в некое место, которое этот загорелый ангел в желтых плавках называет Хакслилендом, где цветы растут на мертвых дубах, ох, парень, какая эрекция разрывает твои трусы! Случалось ли, чтобы Кит Брейдентон был так возбужден, настолько готов к любви? «Пойдем в постель, – говоришь ты этой гладкой загорелой спине, – пойдем в постель, и ты трахнешь меня, а потом я трахну тебя. Так, как ты захочешь». «Сначала прими таблетку, – отвечает он, не оборачиваясь, – а потом посмотрим». Ты принимаешь таблетку, и вода холодит горло, и постепенно что-то странное происходит с твоим зрением, и странность эта заключается в том, что все вокруг начинает принимать причудливые очертания, и каждый прямой угол, который ты видишь, становится либо чуть больше, либо чуть меньше девяноста градусов. Какое-то время ты смотришь на вентилятор, стоящий на дешевом комоде, а потом уже на свое отражение в неровном зеркале над ним. Лицо твое выглядит почерневшим и распухшим, но тебе нечего беспокоиться, потому что это всего лишь таблетка, всего лишь!!! ТАБЛЕТКА!!! «Торч, – бормочешь ты, – ох, Капитан Торч, и я та-а-ак возбуждился...» Он бежит, и ты смотришь на эти гладкие бедра, которые почти не закрывает ткань плавков, а потом твой взгляд скользит по плоскому загорелому животу, по прекрасной безволосой груди и, наконец, со стройной шеи переходит на лицо... и это лицо – со впалыми щеками, счастливое и яростно ухмыляющееся – не ангела Рафаэля, а дьявола Гойи, и из каждой пустой глазницы на тебя смотрит мерзкая змеиная морда; он направляется к тебе, и когда ты начинаешь кричать, шепчет: *Торч, детка. Капитан Торч...*

Потом снова была темнота, голоса и лица, которых он не помнил, и наконец он вынырнул из небытия здесь и сейчас, в небольшом домике, который построил своими руками на окраине Маунтин-Сити. Да, здесь и сейчас, а волна великого бунта, поглотившая страну, давно схлынула, юные бунтари превратились в стариков с сединой в бороде и выжженными кокаином дырами на месте носовых перегородок, и это беда, детка. Юноша в желтых плавках остался в далеком прошлом, да и боулдерский Кит Брейдентон только-только вышел из юношеского возраста.

Господи, неужели я умираю?

В ужасе он отверг эту мысль, жар ревел и завывал у него в голове, как песчаная буря. Внезапно у него перехватило дыхание, и без того отрывистое: за закрытой дверью спальни возник и стал нарастать непонятный звук.

Сначала Брейдентон подумал, что это сирена пожарной машины или патрульного автомобиля. Звук приближался, становился громче и ниже, в нем все отчетливее различались тяжелые шаги в коридоре первого этажа, затем в гостиной, затем на лестнице. Шаги варвара.

Его затылок вдавился в подушку, глаза округлились, распухшее и почерневшее лицо превратилось в маску ужаса, но звук все приближался. Не сирена, а крик, пронзительный и подвывающий крик, который не могла издавать человеческая глотка, конечно же, крик баньши или какого-то чернокожего Харона, пришедшего, чтобы перевезти его через реку, отделяющую царство живых от царства мертвых.

Теперь эти бегущие шаги направлялись прямо к нему по коридору второго этажа, половицы протестующе стонали и скрипели под весом безжалостных стоптанных каблучков, и внезапно Кит Брейдентон понял, кто идет, и пронзительно вскрикнул. Дверь стремительно распахнулась, и в спальню вбежал человек в потертой джинсовой куртке, с убийственной ухмылкой, сияющей на его лице, как белый вращающийся круг ножей, с лицом радостным, как у безумного Санта-Клауса, и с большим оцинкованным железным ведром на правом плече.

– Х-И-И-И-Й-Й-Й-Й-Й-О-О-О-О-О-О-О-О-О!

– Нет! – вскрикнул Брейдентон, с трудом поднимая руки, чтобы прикрыть лицо. – Нет! Не-е-ет!..

Ведро наклонилось, и из него хлынула вода. На мгновение она словно застыла в желтом электрическом свете, как самый большой в мире необработанный алмаз, и сквозь нее он увидел лицо темного человека, отраженное и преломленное, превратившееся в морду широко ухмыляющегося тролля, который только что проделал долгий путь вверх из самых черных, забитых дерьмом адских кишок, чтобы буйствовать на земле. Потом вода обрушилась вниз, такая холодная, что распухшее горло Брейдентона на мгновение расширилось, большими каплями выдавливая кровь из стенок, заталкивая воздух в легкие, заставляя одним резким движением отбросить покрывало и простынь к изножью кровати, чтобы телу ничто не мешало изготавиться для прыжка, и тут же судороги от этих произвольных движений вызвали резкую боль, словно укусы собак.

Он закричал. Закричал снова. Затрясся, мокрый от макушки до пяток, с гудящей от боли головой и выпученными глазами. Горло вновь сжалось, и ему приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы протолкнуть воздух в легкие. Его била мелкая дрожь.

– Я *знал*, что это тебя охладит! – весело закричал человек, известный ему под именем Ричарда Фрая, и со звоном поставил ведро на пол. – Говорю тебе, говорю тебе, я знал, что это поможет, Золотая Рыбка. Жду благодарности, мой друг, благодарности от тебя. Ты скажешь мне спасибо? Не можешь говорить? Понятно. Но я знаю, что в сердце ты мне благодарен.

– *Й-Е-Е-Е-Е!*

Он подпрыгнул в воздух, широко разведя колени, как Брюс Ли в фильмах, прославляющих кун-фу, и на мгновение завис над Брейдентоном в том же самом месте, что и вода. Его тень пятном легла на мокрую пиажму Брейдентона, и тот слабо вскрикнул. Затем колени опустились по обе стороны грудной клетки Брейдентона, и обтянутая синими джинсами промежность Фрая образовала арку в нескольких дюймах над грудью больного. Лицо нависало над ним, словно факел из готического романа.

– Пришлось взбодрить тебя, чел, – пояснил Фрай. – Не хочу, чтобы ты отдал концы, не успев со мной поговорить.

– ...слезь... слезь... слезь с меня...

– Я не *на* тебе, чел, не выдумывай. Я просто завис над тобой. Как великий невидимый мир.

Брейдентон, охваченный страхом, мог только тяжело дышать, дрожать и отводить глаза от этого веселого, пламенеющего лица.

– Мы должны поговорить о кораблях, и тюленях, и замазках, и о том, есть ли у пчелы жало. А также о документах, которые ты приготовил для меня, и об автомобиле, и о ключах от этого автомобиля. В твоём га-а-араже я вижу только пикап «шеви», и я знаю, что он твой, Китти-Китти. Так что скажешь?

– Они... документы... не могу... не могу говорить. – Брейдентон жадно хватал ртом воздух, его зубы стрекотали, как маленькие птички на дереве.

– *Лучше* бы тебе смочь. – Фрай оттопырил большие пальцы. Все его пальцы имели по три фаланги, и он сгибал и поворачивал их под невероятными углами, противореча законам физиологии и физики. – Потому что в противном случае мне придется вырвать твои синие глазки и сделать из них брелок, а ты будешь бродить по аду с собакой-поводырем. – Он нажал большими пальцами на глаза Брейдентона, и тот беспомощно завертел головой. – Скажи мне все, – продолжал Фрай, – и я оставлю тебе нужные таблетки. Даже приподниму тебя и поддержу, чтобы ты смог их проглотить. Тебе полегчает, чел. Таблетки решают все проблемы.

Брейдентон, трясущийся от холода и от страха, выдавил несколько слов сквозь стучащие зубы:

– Документы... на имя Рэндалла Флэгга. Валлийский комод внизу. Под самоклеящейся пленкой.

– Машина?

В отчаянии Брейдентон попытался сосредоточиться. Достал ли он этому человеку машину? С тех пор произошел пожар забвения, и забвение как-то повлияло на процесс мышления, спалило целые банки памяти. Большущие отрезки прошлого превратились в обугленные шкафы с расплавившимися проводами и почерневшими реле. Вместо машины, которая интересовала этого человека, в голове возник образ первого принадлежавшего ему автомобиля, «студебекера» модели тысяча девятьсот пятьдесят третьего года, с пулеобразным переделом, который он выкрасил в розовый цвет.

Одной рукой Фрай мягко накрыл рот Брейдентона, а другой зажал ноздри. Брейдентон забился. Из-под руки Фрая раздались приглушенные стоны. Фрай убрал руки.

– Помогает вспомнить?

Как ни странно, действительно помогло.

– Машина... – начал он, затем стал судорожно хватать ртом воздух. Отдышался, продолжил: – Машина стоит... за заправкой «Коноко»... сразу за городом. Пятьдесят первое шоссе.

– К северу или к югу от города?

– Ю... ю...

– Да, ю! Понял. Продолжай.

– Накрыта брезентом... Б... б... «бьюик». Регистрационный талон на руле. На имя... Рэндалла Флэгга. – Он вновь принялся хватать ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова и глядя на Фрая с немой надеждой.

– Ключи?

– Коврик. Под...

Зад Фрая пресек фразу, опустившись на грудь Брейдентона. Он устроился, точно на удобном пуфике в доме приятеля, и внезапно Брейдентон утратил способность дышать. Остатки воздуха покинули его легкие с единственным словом:

– ...пожалуйста...

– И спасибо, – ответил ему Ричард Фрай/Рэндалл Флэгг с сухой усмешкой. – Скажи «спокойной ночи», Кит.

Говорить Кит Брейдентон не мог, лишь вращать глазами под опухшими веками.

– Не думай обо мне плохо, – мягко продолжил темный человек, глядя на Брейдентона. – Просто нам надо спешить. Карнавал открывается рано. Все игровые аттракционы. И «Бросай до победного», и «Колесо фортуны». А я чувствую, Кит, это моя счастливая ночь. Я не могу ошибиться. Так что надо спешить.

Заправка «Коноко» находилась примерно в полутора милях, и он добрался туда к четверти четвертого утра. Ветер набрал силу, выл, пролетая по улице. По пути Флэггу повстречались четыре трупа – трех собак и одного мужчины, одетого в какую-то форму. Над головой светили чистые и яркие звезды, пронзая черную кожу вселенной.

Брезент, укрывавший «бьюик», был растянут и закреплен вбитыми в землю колышками. Когда Флэгг выдернул их, брезент улетел в ночь, на восток, словно большущий коричневый призрак. Вопрос состоял в том, в каком направлении двигаться ему, Флэггу?

Он постоял рядом с «бьюиком», хорошо сохранившейся моделью тысяча девятьсот семьдесят пятого года (автомобили здесь процветали – минимум влаги, и ничего не ржавеет), вдыхая летний ночной воздух, словно койот. Пахло ароматом пустыни, ощутить который можно только ночью. «Бьюик» стоял целехонький посреди кладбища автомобильных частей, напоминающих каменных истуканов с острова Пасхи, в тишине, нарушаемой только ветром. Двига-

тель. Ось, похожая на штангу какого-то культуриста. Груда покрышек, из которых ветер извлекал ухающие звуки. Треснувшее лобовое стекло. И многое другое.

В таких местах ему думалось лучше всего. В таких местах любой человек мог почувствовать себя Яго.

Он прошел мимо «бьюика», провел рукой по смятому капоту, возможно, от «мустанга». Мелодично пропел: «Эй, маленькая «кобра», ты ведь сделаешь их всех...»⁷⁹. Пнул радиатор запыленным сапогом, перевернул – и ему открылись драгоценные камни, тускло поблескивавшие в звездном свете. Рубины, изумруды, жемчужины с гусиное яйцо, бриллианты, соперничающие со звездами. Флэгг наставил на них палец. Они исчезли. Так куда же *ему* идти?

⁷⁹ Строка из единственного хита «Эй, маленькая «кобра» (1964) группы «The Rip Chords».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.